

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА СЕВЕРНОЙ И СРЕДИННОЙ АЗИИ:

материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося
ученого-археолога, доктора исторических наук,
Заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова,
Заслуженного деятеля науки Республики Хакасия и Тувинской АССР,
лауреата Государственной премии СССР и премии им. М. В. Ломоносова I степени
Леонида Романовича Кызласова
(Абакан, 15–17 октября 2024 г.)

Министерство образования и науки Республики Хакасия
Министерство культуры Республики Хакасия
Государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение Республики Хакасия
«Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»
Государственное автономное учреждение культуры Республики Хакасия
«Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова»

МАТЕРИАЛЫ
Международной научной конференции
«ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА СЕВЕРНОЙ И СРЕДИННОЙ АЗИИ»,
посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-археолога, доктора исторических наук, Заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, Заслуженного деятеля науки Республики Хакасия и Тувинской АССР, лауреата Государственной премии СССР и премии им. М. В. Ломоносова I степени Леонида Романовича Кызласова
Абакан, 15–17 октября 2024 г.

Саблыг ученай-археолог, тархын наукаларнын докторы, М. В. Ломоносовтың адынаң МГУ-нын Саблыг профессоры, хакас паза Тыва Республиканың Саблыг наука тоғынчызы, СССР-нын Хазна премиязының паза М. В. Ломоносовтың адынаң I степеньнің премиязының лауреады Леонид Романович Кызласовтың 100 чазына чарыдылчатхан

«АЛТЫНЗАРХЫ ПАЗА ОРТЫН АЗИЯНЫҢ КУЛЬТУРАЗЫ
ПҮТКЕНІН ІСТЕСЧЕҢ СУРЫҒЛАР»

Чоннар аразындағы наука конференциязының
МАТЕРИАЛЛАРЫ
Чарыс айы, 15–17, 2024 ч.

PROCEEDINGS
of the International Scientific Conference
“ISSUES OF CULTURAL GENESIS OF NORTHERN AND CENTRAL ASIA”
dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding scientist-archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Republic of Khakassia and the Tuvan Autonomous Soviet Socialist Republic, laureate of the USSR State Prize and the Lomonosov 1st Degree Award
Leonid Romanovich Kyzlasov
Abakan, October 15–17, 2024

УДК 902/904 (571.1/5) + 94 (47) + 811.512 + 82

ББК 63.4(2) + 63.3(2Рос) + 80 + 63.5

П78

Ответственные редакторы:

А. И. Готлиб, канд. ист. наук;

Н. С. Майнагашева, канд. филол. наук

Редакционная коллегия:

П. Е. Белоглазов, канд. филол. наук; *Р. Г. Киргиников*;

А. С. Кызласов, канд. филол. наук; *Д. И. Мечтанова*, ред.-перев.;

Э. В. Семашкевич; *В. В. Субракова*, канд. филол. наук; *В. В. Тараканов*;

И. В. Чанкова, канд. филос. наук

Ответственный секретарь:

И. В. Чанкова, канд. филос. наук

Проблемы культурогенеза Северной и Срединной Азии: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-археолога, доктора исторических наук, Заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, Заслуженного деятеля науки Республики Хакасия и Тувинской АССР, лауреата Государственной премии СССР и премии им. М. В. Ломоносова I степени Леонида Романовича Кызласова (Абакан, 15–17 октября 2024 г.) / отв. ред. А. И. Готлиб, Н. С. Майнагашева. – Абакан : Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2024. – 146 с.

В сборнике конференции представлены статьи и тезисы участников Международной научной конференции «Проблемы культурогенеза Северной и Срединной Азии», посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-археолога, доктора исторических наук, Заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, Заслуженного деятеля науки Республики Хакасия и Тувинской АССР, лауреата Государственной премии СССР и премии им. М. В. Ломоносова I степени Леонида Романовича Кызласова. Содержание материалов конференции отражает результаты научных изысканий по археологии, этнографии, источниковедению, истории Саяно-Алтая, этнокультурным процессам, происходящим в обществе, актуальным проблемам языкознания, фольклористики.

За содержание статей ответственность несут авторы.

ISBN 978-5-6051079-3-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Канторович А. Р.</i> Основные вехи научной и преподавательской деятельности Леонида Романовича Кызласова (по материалам архива кафедры археологии МГУ)	5
<i>Кызласов И. Л.</i> Сибирь: от прошлого к будущему. Жизненное кредо профессора Кызласова	20
<i>Тугужекова В. Н.</i> Вклад Л. Р. Кызласова в изучение истории и культуры Южной Сибири	26

ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ КЫЗЛАСОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ: ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

<i>Агапьева И. А.</i> Археологическая практика	29
<i>Демин М. А.</i> «Все очень свежо, смело и убедительно»: к переписке Л. Р. Кызласова и А. П. Уманского	31
<i>Король Г. Г.</i> Леонид Романович Кызласов как педагог и научный руководитель	34
<i>Кызласова И. Л.</i> Заметки к биографии Л. Р. Кызласова: испытание жизнью	43
<i>Овчинникова Б. Б.</i> Доброй памяти научному руководителю – Леониду Романовичу Кызласову	48
<i>Плетнева Л. М.</i> О памятных встречах с Леонидом Романовичем Кызласовым	51
<i>Худякова И. Н., Танбаева Н. В.</i> Меморизация памяти о семье Кызласовых в Хакасском национальном краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова	52

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ И СРЕДИННОЙ АЗИИ

<i>Богайчук Е. А., Идимешев А. А.</i> Сопла из комплексов самусьской культуры Томского приобья	56
<i>Дроздов Н. И.</i> Ученый археолог Яков Иванович Сунчугашев	60
<i>Семашкевич В. Э.</i> Каменоломни тагарской культуры как источник изучения строительных технологий раннего железного века на территории Хакасско-Минусинской котловины	62
<i>Советова О. С.</i> Средневековые материалы Тепсейского археологического микрорайона	66
<i>Тараканов В. В.</i> Археологические отчеты Л. Р. Кызласова в архиве ХакНИИЯЛИ	69
<i>Чертыков В. А.</i> Могильник Абакан-33 в окрестностях ТЭЦ города Абакана	73
<i>Шалахов Е. Г.</i> Нижнее Приветлужье как самый западный регион распространения енисейского рунического письма.....	76
<i>Шишкина О. О.</i> Петроглифы средневековья и нового времени на камнях тагарских курганов Тепсейского археологического микрорайона	79

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СИБИРИ И С ОПРЕДЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Илимбетова А. Ф.</i> Сопричастность башкирского родоплеменного этнонима «йылан» к культу змеи	83
<i>Каксин А. Д.</i> Из истории освоения тюрками Южного Приуралья: лексика коневодства в хантыйском языке	87
<i>Кызласов А. С.</i> Архаизмы в исторической поэме Л. Р. Кызласова «Сампир»	90
<i>Торокова Е. С.</i> Князь Очен-пиг (О́чен-пиг) в исторических преданиях хакасов	94
<i>Чертыкова М. Д.</i> Хакасско-монгольские лексические соответствия в ментальной сфере	97
<i>Чертыкова М. Д.</i> Устойчивые обороты в тексте хакасского героического сказания «Албынчы»	101
<i>Шулбаева А. В.</i> Хакасско-монгольские лексические соответствия: структурно-семантический аспект	104

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

<i>Асочаков А. С.</i> Основные направления развития туризма в Республике Хакасия	108
<i>Боргояков С. А.</i> Традиционные ценности как основа формирования общероссийской гражданской идентичности в многонациональной России	110
<i>Бравина Р. И.</i> Типология семейных тамг якутов	115
<i>Бурнаков А. А.</i> Экспедиция ХакНИИЯЛИ 2024 года в долину реки Тёя	120
<i>Сунь Х.</i> Поход киданей на запад, связи между киданьской Империей Ляо и Кыргызским каганатом	124
<i>Турсун Ж.</i> Предварительное исследование специальных разделов о «цзянькун», «цзегу, «сяцзясы» в документах династий Тан и Сун с учетом источников «Тундянь», «Тан хуэйяо», «Тайпин» хуаньюйцзи», «Цэфу юаньгуй» и «Синь таншу»	138
<i>Чертыков В. К.</i> Публикация источников по истории Хакасско-Минусинского края в первой половине XIX в.	142

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 902/904+929

А. Р. Канторович

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ НАУЧНОЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕОНИДА РОМАНОВИЧА КЫЗЛАСОВА

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ МГУ)

Статья, подготовленная с использованием материалов архива кафедры археологии исторического факультета МГУ, представляет собой обзор научно-педагогической деятельности Заслуженного профессора Московского университета Леонида Романовича Кызласова – выдающегося археолога и историка, одного из крупнейших востоковедов, создателя авторитетной научной школы в сибиреведении. Статья, приуроченная к 100-летию Л. Р. Кызласова, освещает основные вехи его становления как ученого и университетского педагога, его важнейшие достижения в сфере науки и преподавания.

Ключевые слова: Л. Р. Кызласов, Московский университет, кафедра археологии исторического факультета МГУ, сибиреведение, востоковедение, архивные материалы

A. R. Kantorovich

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THE MAIN MILESTONES OF LEONID ROMANOVICH KYZLASOV'S SCIENTIFIC AND TEACHING ACTIVITIES

(BASED ON THE MATERIALS FROM THE ARCHIVE OF THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY)

The article, prepared using materials from the archive of the Department of Archaeology of the Faculty of History of Moscow State University, is an overview of scientific and pedagogical activities of Honored Professor of Moscow State University Leonid Romanovich Kyzlasov – an outstanding archaeologist and historian, one of the largest orientalists, the creator of an authoritative scientific school of Siberian studies. The article, dedicated to the 100th anniversary of L. R. Kyzlasov, covers the main milestones of his becoming as a scientist and university teacher, his most important achievements in the field of science and teaching.

Keywords: L. R. Kyzlasov, Moscow State University, Department of Archaeology, Faculty of History of Moscow State University, Siberian studies, Oriental studies, archival materials.

24 марта 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Леонида Романовича Кызласова (1924–2007) – профессора кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, её выпускника, одного из крупнейших советских и российских востоковедов и сибиреведов, Заслуженного профессора Московского университета¹.

Диапазон научных интересов Л. Р. Кызласова был чрезвычайно широким и охватывал проблемы истории и археологии Сибири, Центральной и Средней Азии от палеолита до современности, что отразилось в его многочисленных трудах – научных, научно-популярных, публицистических и поэтических (поэма «Сампир» и др.)². Неизменными при этом оставались такие качества Леонида Романовича – ученого и педагога, как интернационализм и гуманизм, уважение к культуре каждого народа, являющегося или когда-либо являвшегося частью человечества.

Всякому, кто знакомится с биографией Л. Р. Кызласова, полной превратностей судьбы и тяжелых испытаний, очевидно, что основы его гуманистического мировоззрения, многосторонних научных интересов и энциклопедических знаний были заложены еще в его детские и отроческие годы родителями Леонида Романовича, относившимися к первому поколению интеллигенции Хакасии, – молодыми народными просветителями Романом Афанасьевичем и Христиной Витольдовной Кызласовыми.

Как известно, Роман Афанасьевич Кызласов был одним из инициаторов и первых руководителей кооперативного и просветительского движения Хакасии [Просветитель 2021], одним из создателей хакасской письменности на основе русского алфавита [Мартиролог]. Л. Р. Кызласов в своих воспоминаниях об отце отмечал: «После краха Российской империи в феврале 1917 г. и освобождения хакасского народа от 200-лет-

¹ Подробный очерк научной-педагогической деятельности Л. Р. Кызласова см. в: [Кызласов И.Л. 2015: 9–51].

² Наиболее полную на сегодняшний день сводку опубликованных и неопубликованных работ Л. Р. Кызласова см. в: [Леонид Романович Кызласов... 2015: 61–115]. Предшествующий список печатных работ Л. Р. Кызласова и аннотированный перечень проведенных им полевых исследований по годам содержится в книгах: [Архипов 1999; Список 2000: 148–163].

него колониального ига, а именно так это событие было воспринято «ясачными инородцами» Южной Сибири, Роман Афанасьевич проявил себя одним из активнейших деятелей культурной революции и просветителей родного народа. Сам на ходу просвещаясь и обогащаясь знаниями, опытом борьбы с невежеством и рутинной прошлого, он обладал прекрасной памятью и большим трудолюбием» [Кызласов 2007: 4].

Как отмечает сын Л. Р. Кызласова доктор исторических наук Игорь Леонидович Кызласов, «родители Леонида Романовича активно участвовали в культурной революции 20-х гг., стремились к знаниям и вскоре получили направление в Ленинград для получения высшего образования» [Кызласов 2015: 11], где Роман Афанасьевич учился в Ленинградском торгово-товароведческом институте Центросоюза (позже – Институт советской торговли им. Ф. Энгельса) [Мартиролог]. Там Леонид Романович пошел в школу, там вместе с родителями и младшей сестрой Кларой Романовной посещал музеи, парки и другие культурные достопримечательности Северной Пальмиры; с тех пор он навсегда полюбил Ленинград и передал эту любовь своим детям [Кызласова 2015: 6–7]. Дочь Л. Р. Кызласова доктор искусствоведения Ирина Леонидовна Кызласова вспоминает: «Он не раз говорил, что стал историком,

во многом именно потому, что провел часть своего детства «Там» (пишу с большой буквы). При этом мечтательная улыбка всегда освещала его лицо. Да и позднее поездка в город на Неве была всегда праздником – возил ли он туда на музейную практику своих студентов или выступал с докладами на конференциях» [Кызласова 2015: 7].

В 1934 г. Роман Афанасьевич Кызласов окончил институт и получил специальность плановика-экономиста-синтетика, «став первым хакасом, получившим высшее специальное экономическое образование и широкую историко-культурную подготовку» [Мартиролог].

В Абакане, куда семья Кызласовых вернулась в 1934 г., Леонид Романович продолжил свое образование в школе № 1, где его память ныне глубоко чтут и где на одной из стен здания помещен большой мурал, копирующий известное фронтовое фото Л. Р. Кызласова в танкистском шлеме.

Помимо интенсивных занятий в школе, юный Леонид вместе с ближайшими товарищами занимался самообразованием, изучал историю искусства, мировую литературу, самостоятельно учил французский язык [Кызласов 2009: 465; Кызласов 2015: 12–14].

По возвращении в Хакасию, Роман Афанасьевич Кызласов работал заместителем председате-

Направление РСФСР

Томский гос. университет им. В.В. Кюльшера
(ранее Томский университет имени Кюльшера)

Зачетная книжка № 1532/41

Ф., имя, отч. Кызласов Леонид Романович

Факкультет историко-филиологический

Посещушие на I курсе.

Зам. директора по учеб. частям (Росинск... В. Степанов)

Зам. декана факультета (Росинск... З. Болгарникова)

Дат. выдачи 21. XI. 41.

1-й семестр 1941-42 учебного года

Курс I

Кызласов Л. Р.

№ п/п	Теоретический курс			Экзам. баллы	Дата экзамена	Подпись экзаменатора
	История	Колл. работы	Болгарникова			
1.	Археология		К. Тригубов	отлично	22. I. 42	К. Тригубов
2.	Первоб. о-во и др. восток		К. Тригубов	отл.	26. I. 42	К. Тригубов
3.	Греция		К. Тригубов	отл.	31. I. 42	К. Тригубов
Практические занятия						
1.	Трактор	24	Росинск	зачет	17. I. 42	Росинск
2.	Трактор по древней истории		Болгарникова	отлично	22. I. 42	К. Тригубов
3.	Восток-оригинальные памятники	18	Болгарникова	зачет	22. I. 42	К. Болгарникова
4.	Лич. эр.		Болгарникова	зачет	2. II. 42	В. Болгарникова
5.	О. М. Л.		Степанов	зачет	2. II. 42	Степанова
6.	Личные эр.		Молчанов	зачет	2. II. 42	Росинск

Зам. декана факультета З. Болгарникова

Рис. 1. Копия зачетки Л. Р. Кызласова за первый курс обучения в Томском ГУ (1941–1942 гг. уч. год).
Архив семьи Кызласовых.

ля, а затем председателем правления Хакасского облпотребсоюза. «Энергичный и волевой работник, он стремится отдать все свои силы, знания и приобретенный опыт делу культурного и экономического развития всего разноплеменного населения родной Хакасии. Он постоянно преподаёт на различных курсах, стремясь подготовить молодые кадры для подъема потребительской кооперации на более высокую ступень ее деятельности, выступает в печати» [Кызласов 2007: 8].

В это же время мама Леонида Романовича Христина Витольдовна Кызласова, выпускница Ленинградского педагогического института им. Герцена, преподаватель-специалист по дошкольному образованию и воспитанию детей и подростков, занималась педагогической деятельностью в Хакасском педагогическом училище, где в 1935 г. стала инициатором создания специального дошкольного отделения. Как отмечал впоследствии Леонид Романович, «с 1935 года и до ее безвременной кончины 2 февраля 1942 года Х. В. Кызласова активно работала в должности

заведующей дошкольным отделением педучилища и успела подготовить несколько десятков специалистов детских садов и ясель для Абакана и всех районов Хакасской автономной области <...>. Будучи избранной членом городского совета, Христина Витольдовна была к тому же назначена старшим инспектором учреждений дошкольного образования и воспитания всей Хакасской автономной области. Кроме заведования дошкольным отделением, она с 1935 года, и особенно перед войной, читала лекции на очном отделении педучилища для студентов-хакасов. Они учились у нее методике преподавания русского языка и литературы в национальных школах» [Кызласов 2004: 4].

Плодотворная просветительская и педагогическая деятельность супругов Кызласовых, в которой к тому времени родился еще один ребенок – сын Евгений, – была прервана арестом Романа Афанасьевича в 1937 г. и его расстрелом в 1938 г., увольнением с работы Христины Витольдовны и ее выселением с тремя детьми³.

³ Как указывает Л. Р. Кызласов, «11 ноября 1937 г. Роман Афанасьевич был арестован, обвинен по 58-ой статье за «контрреволюционную деятельность», вывезен в Красноярск, осужден там «тройкой» 21 июня и расстрелян 21 сентября 1938 г. Он не прожил и 42 лет. Такая же участь постигла почти всю хакасскую интеллигенцию и всех руководителей Хакасии того времени, независимо от возраста и национальной принадлежности. Оставшийся народ был оглушен, подавлен страхом и деморализован. Палачи прятали свои преступления. Жена от горя умерла в возрасте 39 лет, так и не узнав правду о муже. Дети Р. А. Кызласова лишь 52 года спустя, в 1990 г. получили

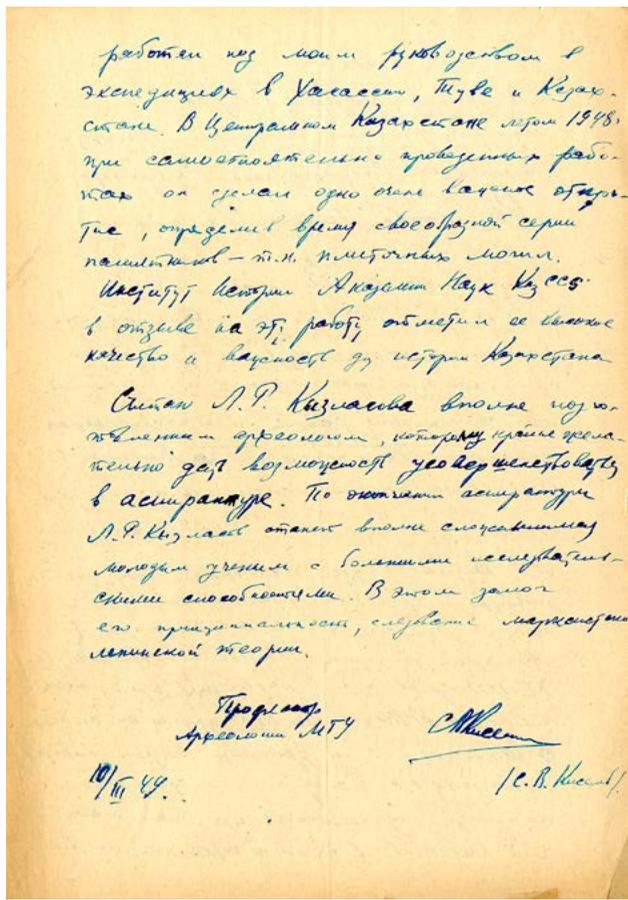
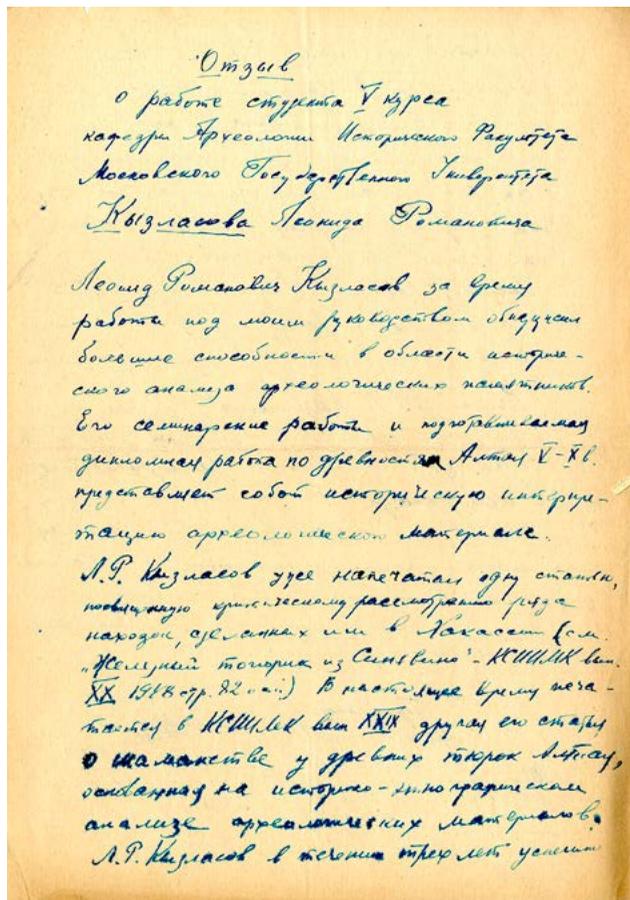

Рис. 2. Отзыв С. В. Киселева о научной работе студента Л. Р. Кызласова (рекомендация в аспирантуру) [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 2, 2об.].

Леонид Романович впоследствии вспоминал об этих трагических событиях Большого террора: «И вдруг, подобно грому среди ясного неба, грянули в своей необъяснимой неожиданности и страшные в какой-то нечеловеческой свирепости и разрушительности годы неслыханного и неоправданного террора 1937 и 1938-ой! В маленьком, 45-тысячном тогда городке Абакане аресты охватили каждый второй дом... Среди хакасов особенно пострадала молодая, еще не вполне подросшая интеллигенция. Репрессиям чуть ли не в первую очередь были подвергнуты, как их называли тогда, выдвиженцы советской власти, т. е. выходцы из беднейшего слоя вчерашних бесправных инородцев» [Кызласов 2007: 9].

В этот тяжелейший период большую помощь семье Кызласовых оказали родители Христины Витольдовны – Евдокия Николаевна Гурницкая (урожденная Тинникова) и Витольд Доменикович Гурницкий, сын польского ссыльнопоселенца, известный в Хакасии литератор и журналист, сменивший в дореволюционное и послереволюционное время множество профессий (среди них, в частности, были: старатель, шахтер и каменотес, организатор и председатель артели «Каменотес», инспектор наркомата заготовок по Хакасской автономной области).

Ирина Леонидовна Кызласова отмечает: «Гурницкие создали большую и на редкость дружную семью, в которой высшее образование

для детей и внуков считалось крайне желательным. Витольд Доменикович и Евдокия Николаевна всячески пестовали и развивали всех своих внуков, а троих из них – Лёню, Клару и Женю, детей старшей дочери Христины, – просто спасли, когда был арестован их отец, а мать выгнали с работы и выселили в комнатку домика на окраине Абакана, где пытались выжить несколько семей с той же судьбой. «Старики» сделали все, чтобы сироты, оставшиеся и без старшего, ушедшего на фронт брата, пережили войну и голодные послевоенные годы и, конечно же, получили достойное образование <...>. Для Леонида Романовича они навсегда стали образцом духовной чистоты, несгибаемости и высокой самоотверженности» [Кызласова 2015: 7–8].

Очевидно, общение с дедом стало важной вехой в профессиональном формировании юного Леонида. Леонид Романович впоследствии напишет: «Его дом в городе Абакане (Черногорская улица, № 38) всегда был полон проезжими людьми: охотниками и писателями, колхозниками и фольклористами, агрономами и бывшими партизанами, горными инженерами и пастухами, поэтами и кооператорами. В каждом человеке он умел разглядеть что-то необычное, ценное, присутствующее только ему» [Кызласов 1970: 202]. «Заходят местные газетные работники и начинающие любители литературы. У «дедушки Гурницкого» авторы читают новые прозаические и поэтиче-

свидетельство о смерти отца, в котором значилось: «причина смерти – расстрел». Но еще в начале 1958 г. приговор Военной коллегии от 21 июля 1938 г. был отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Кызласов Р.А. реабилитирован посмертно» [Кызласов Л. Р. 2007: 9].

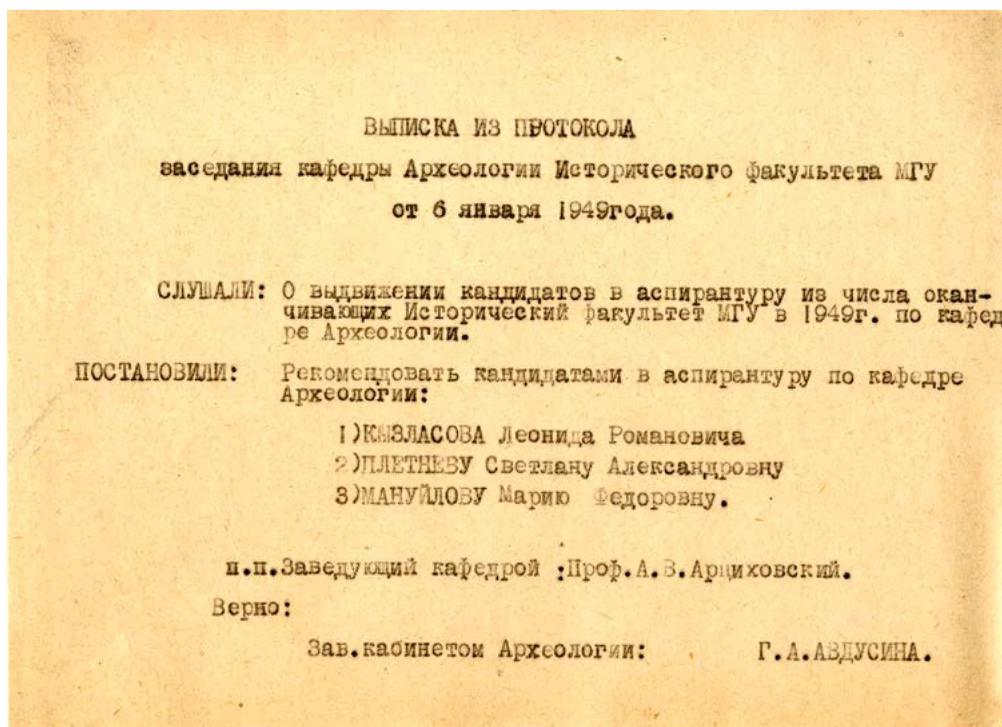

Рис. 3. Выписка из протокола: рекомендация в аспирантуру выпускника кафедры археологии Л. Р. Кызласова [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 1].

ские произведения, обсуждают их, спорят, играют в шахматы, ведут доверительные беседы» [Кызласов 1970: 204].

Поиск своего призвания был продолжен Леонидом Романовичем летом 1938 г. на раскопках, проходивших в Абакане под руководством Варвары Павловны Левашёвой⁴, выпускницей Археологического отделения МГУ, ученицей выдающегося археолога В. А. Городцова. Очевидно, что общение с В.П. Левашёвой – замечательным ученым и мужественным человеком (она работала в тот период в Минусинском музее) не могло не сказаться на формировании личности и намерений юного Леонида [Кызласова 2010: 766; Кызласов 2015: 15]⁵.

И, конечно, этапным событием в жизни юного Леонида Кызласова стала его встреча летом 1940 г. с выдающимся советским археологом-сибиреведом, профессором кафедры археологии МГУ Сергеем Владимировичем Киселевым, публичную лекцию которого (на тему «История хакасского народа»), читаемую в Зеленом театре городского сада Абакана, Леонид Романович посетил, увидев афишу, в которой сообщалось о выступлении ученого. Впоследствии Л. Р. Кызласов вспоминал:

«Профессор поразил меня своим необычным выразительным лицом, большой внутренней силой и энергией, прорывающейся в его манере говорить и жестикулировать. Отчетливо понимаю – это необыкновенный человек. Не знал я тогда, что встретил своего Большого учителя. Не подумал даже, что именно он выведет меня на широкую дорогу жизни, сделает ученым. Но до этого еще далеко. Учиться к нему я приду после тяжелых лет войны, после долгих фронтовых дорог, каждый метр которых приходилось брать с бою. Таким был путь юношей моего поколения в университетскую науку. Но летом 1940 года до начала войны оставался еще целый год. Я еще школьник. Интересуюсь историей родного края и родного народа <...>. Профессор, единственный в то время глубокий знаток истории Хакасии, говорил увлеченно и быстро. Его роко-чущий сильный бас разносился далеко за пределы Зеленого театра. Я сидел взволнованный и оробевший. Надо признаться – многое из того, что он говорил, было мне тогда непонятно. Осознал только, что надо еще многому учиться, что нау-

ка сложна и загадочна. Помню, что после лекции уходил с чувством большой гордости от приобщения к настоящей науке» [Кызласов 1975: 94].

В 1941 г., когда Леонид Романович окончил школу, его надежды, мечты и профессиональные планы, как и у сотен тысяч других выпускников советских школ, были в одночасье нарушены нападением фашистской Германии на Советский Союз и начавшейся Великой Отечественной войной. Семнадцатилетнему Леониду было отказано в добровольной отправке на фронт из-за его молодости. Впоследствии он напишет: «Я и Володя Цегель оказались самыми младшими в классе. В 1941 г., ко времени окончания школы и к началу Отечественной войны, нам едва исполнилось по 17 лет. Нас не взяли добровольцами в армию. В военкомате, куда мы пришли вместе со всеми ребятами, сказали, чтобы мы продолжали учиться. Так мы с Цегелем в августе 1941 г. оказались в Томске. Он стал студентом Политехнического института, а я – Томского университета» [Кызласов 2009: 467].

На историко-филологическом факультете славного Томского университета – старейшего университета Сибири – Леонид Романович получил основы своих знаний как профессиональный археолог и историк. Впоследствии он отмечал в своём письме конца мая 2003 г., адресованном археологу и этнографу Ольге Борисовне Беликовой: «Учил нас, оставшихся студентов 1-го и 2-го курсов, отличнейший состав профессоров, которого ни до нас, ни позже никогда не собирали стены ИФФ ТГУ» [Беликова 2010: 157]. В личном архиве семьи Кызласовых хранится копия зачетки Л. Р. Кызласова (рис. 1)⁶ за первый курс обучения в Томском ГУ (1941–1942 гг. уч. год) с зачетами и экзаменационными оценками (все – «отлично»), причем преподавателем и экзаменатором по ряду важнейших дисциплин («Археология», «Первобытное общество и Древний Восток», «Греция и Рим», «Практикум по древней истории») был Константин Эдуардович Гриневич – видный советский антиковед, волею судеб оказавшийся в эти годы в Сибири⁷.

Поскольку шла война, студенты Томского университета не только учились, но и, как вспоминал Леонид Романович, работали в колхозе на уборке хлеба и в литейном цехе по отливке

⁴ Иногда фамилию Варвары Павловны пишут иначе: «Левашова».

⁵ В. П. Левашевой посвящен ряд биографических исследований, из которых как наиболее полные следует выделить работы Л. Ю. Китовой и И. Л. Кызласовой [Китова 1996, 2001, 2007; Кызласова 2010: 751–769].

⁶ Сердечно благодарю Игоря Леонидовича Кызласова за предоставленную возможность опубликовать данный архивный материал.

⁷ К. Э. Гриневич – директор Керченского археологического музея (1920–1923), первый директор Херсонесского археологического музея (1924–1927), впоследствии заведующий отделом скульптуры Музея изобразительных наук в Москве. Будучи в 1932 г. репрессированным, был сослан в Новосибирск, где в 1935 г. вновь был арестован и сослан в Карагандинскую обл. Затем, в 1939 г. был освобожден и стал профессором и заведующим кафедрой древней истории Томского госуниверситета (1939–1944). Позднее заведовал кафедрой древней истории и археологии Харьковского госуниверситета.

чугунных деталей минометов [Беликова 2010: 157].

В 1942 г., после окончания первого курса Томского ГУ, Л. Р. Кызласов был мобилизован в армию и, после годового обучения в Омске, в конце 1943 г. был направлен на фронт как механик-водитель танка Т-34 пятого отдельного Гвардейского Зимовниковского мотомехкорпуса. Как вспоминал Леонид Романович, он был «выучен в Омске на бойца-танкиста и отправился на фронт, воевал до 23 марта 1945 г., когда был тяжело ранен (горел в танке), не дойдя 50 км до г. Берлина» [Беликова 2010: 158].

В целом ряде биографических публикаций рассказано о ратном пути Леонида Романовича Кызласова, о том, как он с тяжелыми боями прошел запад СССР, Польшу, Чехословакию и Германию, трижды горел в танке, был дважды ранен, семья дважды получала на него похоронные извещения [Кызласов 2015: 19–22]. За проявленное мужество Л. Р. Кызласов был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне» и 10 медалями Красной (с 1946 г. – Советской) армии.

«Чудом уцелевший на войне» [Кызласов 2009: 464], лишившийся (вследствие последнего ранения) левой кисти, Леонид Романович остался верен своей мечте стать археологом. После окончания войны, лечения и восстановления в госпиталях, последним из которых был госпиталь в Ессентуках, еще не будучи официально

демобилизованным, Леонид Романович поехал в Москву, где 26 июля подал заявление на исторический факультет Московского университета. Он был зачислен студентом и навсегда связал свою судьбу с кафедрой археологии исторического факультета МГУ. Здесь ему посчастливилось вновь встретиться с профессором С. В. Киселевым, ставшим его учителем, научным руководителем в студенчестве и в аспирантуре. В последствии Сергей Владимирович сделал Леонида Романовича своим преемником в изучении и преподавании археологии Сибири на кафедре археологии МГУ.

В 1945–1949 гг. Леонид Романович был студентом кафедры археологии исторического факультета МГУ. В ходе своего обучения на кафедре специализировался по археологии Сибири и еще в студенческие годы опубликовал две статьи по археологии и одну – по этнографии Сибири (см. [Кызласов 2015: 70–71]).

В архиве кафедры археологии МГУ хранится датированный 10 марта 1949 г. отзыв С. В. Киселева о научной работе студента Л. Р. Кызласова, содержащий в том числе рекомендацию в аспирантуру (рис. 2). Сергей Владимирович, в частности, отмечает:

«Леонид Романович Кызласов за время работы под моим руководством обнаружил большие способности в области исторического анализа археологических памятников. Его семинарские работы и подготавливаемая дипломная работа по древностям Алтая V–X вв. представляет собой

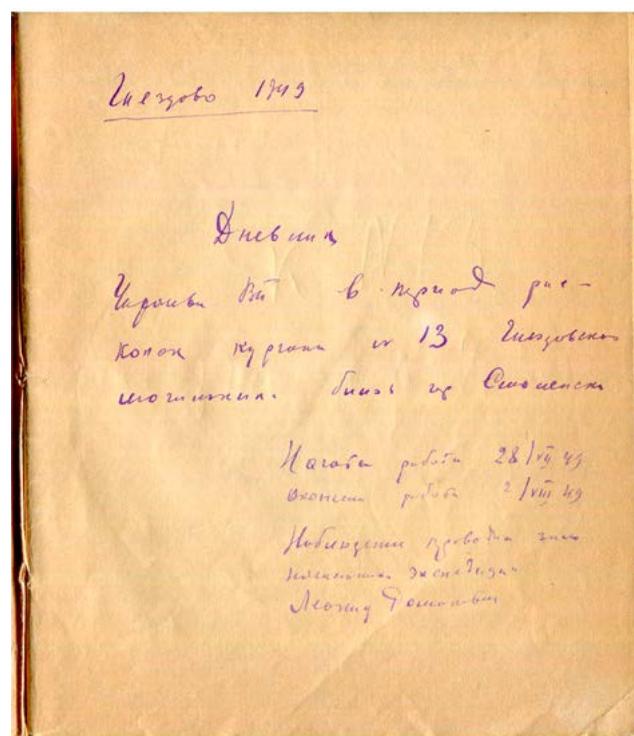
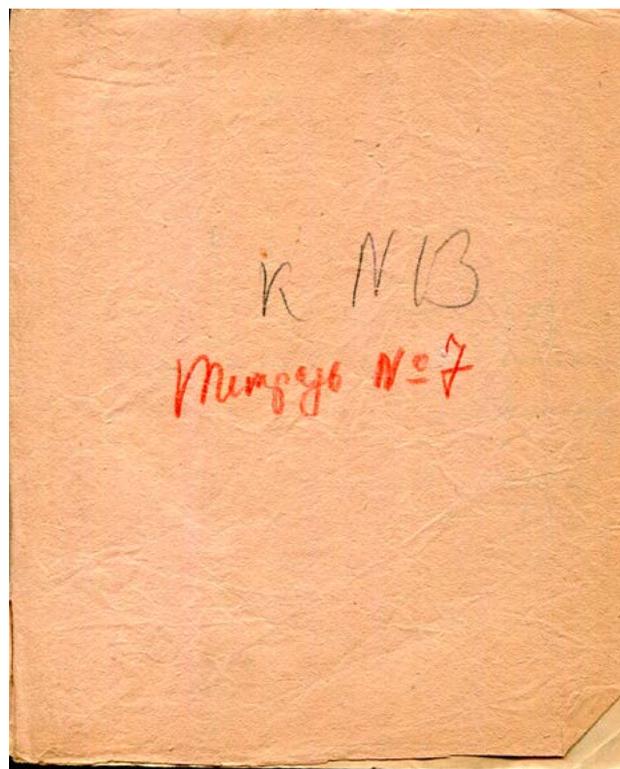

Рис. 4. Полевой дневник аспиранта Л. Р. Кызласова (1949 г.) [Архив... Архив Смоленской экспедиции МГУ. Тетрадь № 7. С. 1–2].

историческую интерпретацию археологического материала <...>. Считаю Л. Р. Кызласова вполне подготовленным археологом, которому крайне желательно дать возможность усовершенствоваться в аспирантуре. По окончании аспирантуры Л. Р. Кызласов станет вполне сложившимся молодым ученым с большими исследовательскими способностями» [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 2, 2 об].

С самого начала обучения Леонид Романович активно работал в поле. В вышеприведенном отзыве С. В. Киселева также говорится: «Л. Р. Кызласов в течение трех лет работал под моим руководством в экспедициях в Хакасии, Туве и Казахстане. В Центральном Казахстане летом 1948 г. при самостоятельно проведенных работах он сделал одно очень важное открытие, определив время своеобразной серии памятников – т.н. плиточных могил» [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 2 об].

Особо отметим, что в первом же экспедиционном сезоне после поступления в МГУ – в 1946 г. – Л. Р. Кызласов в качестве студента-практиканта принял участие в раскопках в родной Хакасии. Это был последний год исследования замечательного памятника, уникального для данного региона – дворца предполагаемого гуннского

наместника на р. Ташебе – притоке Енисея. Дворец под Абаканом был открыт еще в 1940 г. Варварой Павловной Левашевой, – как уже говорилось, это был первый ученый, привлеченный юного Леонида к археологическим раскопкам (в 1938 году в Абакане). В. П. Левашева продолжила исследования дворца на р. Ташебе в 1941 г. и в 1945–1946 гг. совместно с Л. А. Евтюховой (начальник экспедиции) и С. В. Киселевым)⁸. Пройдет еще 40 лет, и в 1987 г. Л. Р. Кызласов, уже профессор, будет руководить раскопками окружавшего усадьбу городка и его крепостных стен [Кызласов 2001, с. 7, 118–121, рис. 57–59]. И совершенно логично, что этому дворцу, к характеристике и атрибуции которого в течение многих лет обращался ряд ученых (как его непосредственных исследователей⁹, так и не принимавших участия в его раскопках¹⁰), Леонид Романович, как участник раскопок и глубокий знаток данной проблемы, посвятил в конце XX–начале XXI века серию работ – несколько статей и обобщающую монографию, в которой подводятся итоги многолетним дискуссиям о датировке и происхождении данного дворца и предлагается оригинальная концепция полигенетических (среднеазиатских, хуннских и китайских) архи-

⁸ «В составе экспедиции 1945–1946 гг. работали: Л. А. Евтюхова (нач. экспедиции), проф. С. В. Киселев, археолог Минусинского музея В. П. Левашева, директор Абаканского обл. музея А. Н. Липский, студенты МГУ – В. Н. Корчагина, Л. Р. Кызласов и О. Н. Евтюхова» [Евтюхова 1947: 79, прим. 2].

⁹ [Евтюхова, Левашева 1946; Евтюхова 1947; Киселев 1949: 268 – 272; Киселев 1951: 479 – 484].

¹⁰ [Бернштам 1951: 72–74; Вайнштейн, Крюков 1976; Вадецкая 1992].

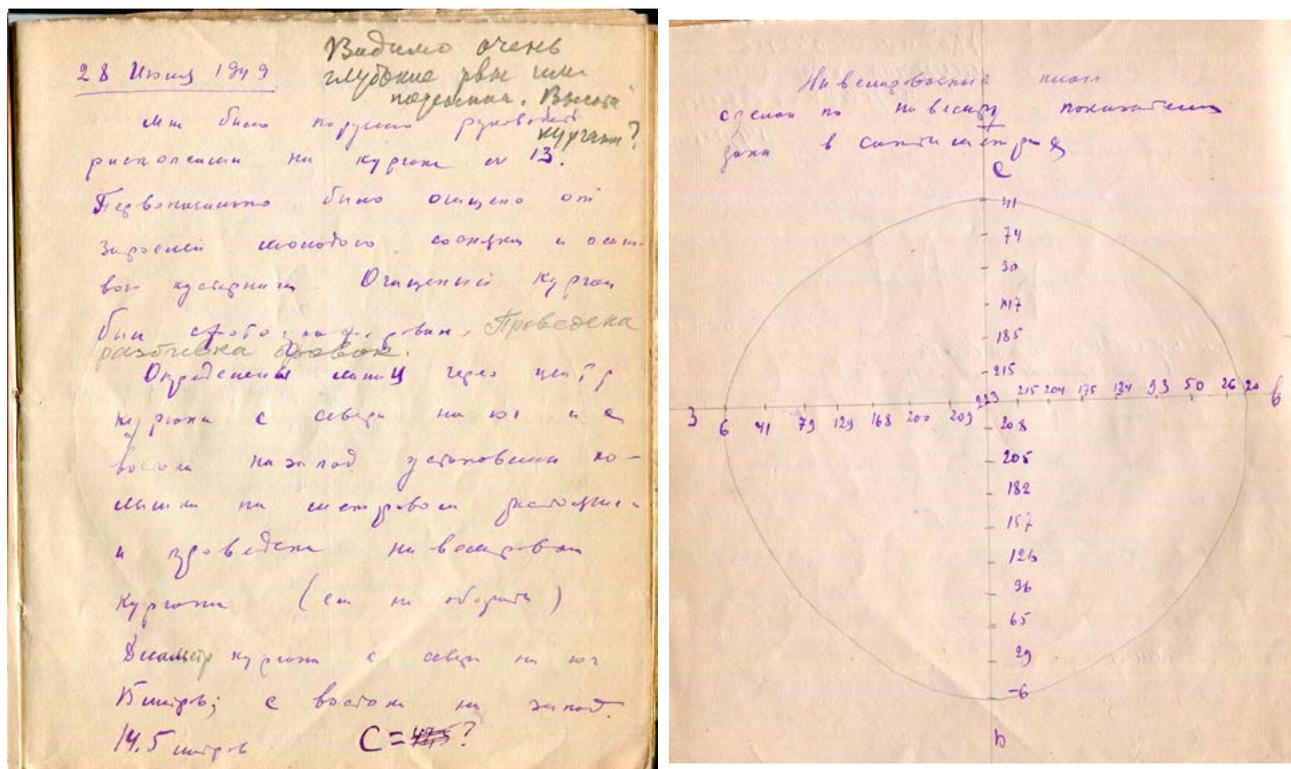

Рис. 5. Полевой дневник аспиранта Л. Р. Кызласова (1949 г.) [Архив... Архив Смоленской экспедиции МГУ. Тетрадь № 7. С. 3–4].

тектурных истоков этого интереснейшего сооружения [Кызласов 2001: 147–148].

Окончив с отличием МГУ, Л. Р. Кызласов в 1949 г. поступил в аспирантуру кафедры, где его научным руководителем, как и в студенческие годы, был С. В. Киселев (рис. 3). В архиве кафедры археологии МГУ хранится характеристика (от 6 мая 1952 г.), данная Сергеем Владимировичем своему аспиранту (рис. 7). Там констатируется, что сбор материала в сибирских, московских и ленинградских музеях аспирант завершил и «есть основания полагать, что т. Кызласов закончит диссертацию в срок» [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 7, 7об].

Следует заметить, что экспедиционный опыт Л. Р. Кызласова не ограничивался Сибирью и Средней Азией. В частности, в сезоне 1949 г., предшествующем началу обучения в аспирантуре, Л. Р. Кызласов по заданию кафедры был направлен в Смоленскую археологическую экспедицию в Гнёздово в качестве помощника Д. А. Авдусина – создателя и руководителя экспедиции. Это был первый год раскопок данной экспедиции, работающей по настоящее время, и именно в 1949 году Смоленская экспедиция сделала свое важнейшее открытие: в кургане

№ 13 Гнёздовского могильника была найдена корчага с древнейшей из ныне известных древнерусских кириллических надписей (вторая четверть – середина X века) – с надписью «Горушна». Так сложилось, что Леониду Романовичу было поручено вести полевой дневник именно кургана № 13, и мы видим как тщательно он фиксировал процесс и результаты раскопок (рис. 4 – 5)¹¹.

В 1953 г. Л. Р. Кызласов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Таштыкская эпоха (I в. до н.э. – V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины». Но еще до защиты, в 1952 г., Леонид Романович был назначен старшим преподавателем кафедры археологии МГУ. Затем Л. Р. Кызласов был назначен доцентом (1955) и старшим научным сотрудником (1962) кафедры археологии МГУ. В 1966 г. Л. Р. Кызласов защитил докторскую диссертацию на тему «История Тувы в средние века», после чего, в 1968 г., стал профессором кафедры археологии МГУ.

О своем становлении как ученого и преподавателя Леонид Романович впоследствии напишет:

«Московская археологическая школа, к которой я принадлежу как в сфере университетского образования, так и в исследовательском плане,

¹¹ Дневник Л. Р. Кызласова был недавно обнаружен в архиве Смоленской экспедиции старшим научным сотрудником кафедры археологии МГУ М. О. Жуковским, которого я сердечно благодарю за предоставленные сведения.

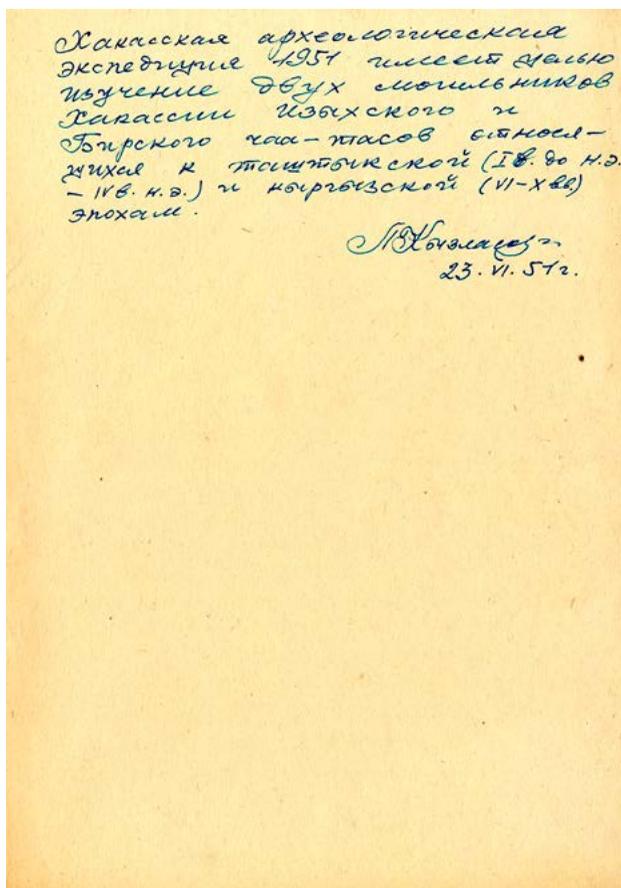
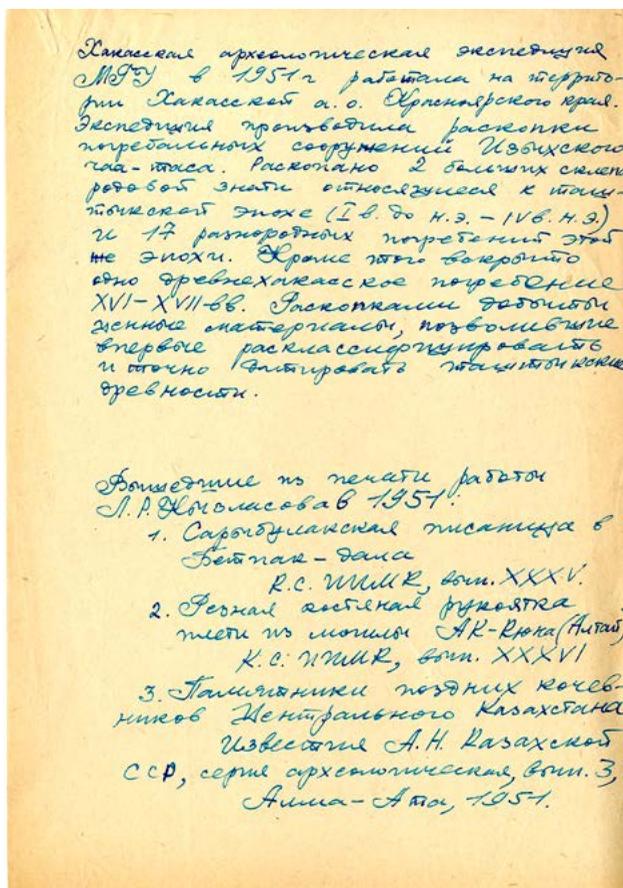

Рис. 6. Отчет аспиранта Л. Р. Кызласова о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 8, 9].

быть может, яснее прочего проявляется в изучении Азии. Крупнейшим представителем этого направления – профессором Сергеем Владимировичем Киселевым, основным моим наставником в постижении основ нашей науки (и в аудиториях, и на страницах его изданий), любые виды древностей, а затем и исторические процессы глубоко исследовались от неолитической поры до конца средневековья на широчайших пространствах всего Старого Света. Тот же взгляд на прошлое был воспринят и мною, сменившим своего учителя на кафедре археологии МГУ с осеннего семестра 1952 г. Этого требовали от меня и традиционные учебные планы кафедры, поскольку широту подхода к источникам кафедры формировала не только у своих студентов, но и у преподавателей» [Кызласов 2006: 3].

В 1950 г. Леонид Романович создал Хакасско-Тувинскую археологическую экспедицию МГУ, которой руководил до 1991 г. включительно и в рамках которой прошли свою полевую практику множество студентов 1-го курса исторического факультета МГУ, а также целый ряд студентов старших курсов истфака, специализировавшихся по кафедре археологии. В архиве кафедры археологии МГУ хранится отчет аспиранта Л. Р. Кызласова о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в сезоне 1951 г. (рис. 6). Здесь в частности, говорится о том, что экспедиция «работала на территории Хакасской а. о. Красноярского края. Экспедиция производила раскопки погребальных сооружений Изыхского чаа-гаса. Раскопано 2 больших склепа родовой знати, относящихся к таштыкской эпохе (I в. до н.э. – IV в. н.э.) и 17 разнородных погребений этой же эпохи. Кроме того, вскрыто одно древнехакасское погребение XVI – XVIII вв. Раскопками добыты ценные материалы, позволившие впервые расклассифицировать и точно датировать таштыкские древности» [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 9].

Как правило, Леонид Романович вел не только раскопки, но и разведки, которые он ежегодно после окончания раскопок предпринимал, пере-

двигаясь на значительные расстояния по территории Хакасии и Тувы на экспедиционной машине со студентами и аспирантами, специализирующимися по кафедре археологии. Ирина Леонидовна Кызласова вспоминает: «Он стремительно перемещался, следуя по одному ему известному маршруту – в каждой экспедиции Леонид Романович не только проводил раскопки, но и отводил время на разведку. Именно тогда намечались объекты на следующий полевой сезон, уточнялась сохранность и некоторые особенности курганов, изваяний, наскальных рисунков и прочего» [Кызласова 2015: 4].

Об одной из таких поездок лета 1959 г. мы находим свидетельства в очерке «На сибирских дорогах», написанном замечательным поэтом Беллой Ахатовной Ахмадулиной, в те годы молодой журналисткой, оказавшейся в Хакасии и получившей от своей редакции задание встретиться с археологической экспедицией, руководимой Леонидом Романовичем. «Она оказалась в Хакасии и во время краткой поездки в поисках новых впечатлений о неведомой ей прежде своеобразной земле несколько дней колесила на машине, пытаясь догнать, как она писала, «однорукого профессора», знатока истории и археологии. Когда казалось, что цель уже близка, в очередном улусе ей сообщали, что, да, действительно, их земляк археолог еще вчера был совсем рядом на курганах, но успел умчаться» [Кызласова 2015: 4].

В этом очерке, впервые опубликованном через четыре года после описываемых событий [Ахмадулина 1963], рассказывается, в частности, о долгих и поначалу безуспешных попытках Беллы Ахмадулиной и ее спутников настичь экспедицию, отправившуюся в разведку, о неожиданной встрече с Леонидом Романовичем и его подопечными, о незабываемом вечере в лагере экспедиции, о высеченном на камне изображении лучника, которое вдохновило Беллу Ахатовну на стихотворение «Древние рисунки в Хакасии»¹².

К важнейшим научным достижениям Л. Р. Кызласова относятся: разработка методов этнического определения древностей (этниче-

¹² «Какие-то молодые люди обступили нас со всех сторон, тормозили, обнимали, расспрашивали и все кричали наперебой, как будто это они догнали нас, наконец, в огромном пространстве <...>. Вот они все тут, рядом, уже не отделенные от нас горизонтом: семь человек, девушка и вышедший из-за деревьев, ярко охваченный солнцем, смуглый, узкоглазый, однорукий [Л. Р. Кызласов – А. К.]»

– Это наш профессор, – шепнула Эльга [Э. Б. Вадецкая – А. К.], – он замечательный, очень ученый и умный, на вид строгий, а на самом деле предобрый.

Профессор крепко, больно пожал нам руки. Он, видно, был хакас и глядел зорко, словно прищурившись для хитрости <...>»

Целый день мы записывали их рассказы: о их работе, о Тагарской культуре, длившейся с седьмого по второй век до нашей эры <...>»

Вечером разожгли костер, и с разрешения профессора нам торжественно показали находку, которой все очень гордились. Это был осколок древней стелы, случайно обнаруженный ими вчера в Курганах. Эльга осторожно, боясь вздохнуть, поднесла к огню небольшой плоский камень, в котором первый взгляд не находил ничего примечательного. Но близко склонившись к нему, мы различили слабое, нежное, глубоко высеченное изображение лучника, грозно поднимающего к небу свое бедное оружие. Какая-то трогательная неправдоподобность была в его позе, словно это рисовал ребенок, томимый неосознанным и могучим предвкушением искусства. Две тысячи лет назад и больше кто-то кропотливо трудился над этим камнем. Милое, милое человечество!» [Ахмадулина 1963 // https://rozamira.nl/proza/ahmadulina_na_sibirskih.htm. Дата обращения: 11.11.2024].

ской археологии Сибири и Центральной Азии), открытие древней и средневековой городской цивилизации Южной Сибири, обнаружение древностей Уйгурского каганата, фактическое открытие Древнехакасского государства – одной из наиболее развитых средневековых держав Евразии, установление времени бытования енисейской рунической письменности, обнаружение манихейских храмов VIII–XII вв. и открытие северного манихейства на территории Сибири, Казахстана и Средней Азии, воссоздание древней и средневековой истории двух ещё недавно бесписьменных южносибирских народов: тувинского и хакасского. По этим и другим темам Л. Р. Кызласовым было опубликовано около 350 работ, в том числе 15 монографий и 14 книг, написанных в соавторстве. Его труды, помимо СССР и постсоветской России, были переведены и изданы в США, Германии, Франции, Италии, Польше, Турции, Индии и Японии.

Благодаря интереснейшей публикации И. Л. Кызласовой мы имеем редкую возможность наблюдать творческую «кухню» Леонида Романовича. Ирина Леонидовна вспоминает:

«Как Леонид Романович писал свои труды? Конечно же, ручкой, почерком ясным, наделенным большой выразительностью, хочется сказать своеобразной красотой. Строчки, правда, разме-

щались очень близко друг к другу – усвоенная в детстве привычка экономить бумагу осталась навсегда. Обладая прекрасной памятью (а это особый драгоценный инструмент для любого гуманитария), отец рано выработал у себя замечательное свойство писать текст почти набело. Обычно позднее вносилась лишь небольшая правка. Была ли то литературная одаренность? Думаю, что да. Но возможно, эта способность окрепла с чтением лекций (ведь он втянулся в этот особый труд еще в аспирантские годы) и вообще многообразным общением со студентами, аспирантами и молодыми коллегами, которым надо было ясно изложить сведения, отделить важное от второстепенного и в нужном месте сделать выводы. Отец постоянно самозабвенно рисовал и отдельные предметы, и таблицы, без которых тексты археологов подчас немыслимы. Если вы входили в кабинет, а его хозяина не было за письменным столом, то вы смело могли идти в общую для семьи большую комнату – там согнувшись над стеклянной поверхностью небольшого столика, сидел папа и рисовал тушью свои бесконечные «калечки». Если же и там его не было, то значит он в университете или в редакции. Работал он постоянно, каждый день и с утра до ночи. Мама крайне редко предпринимала попытки «приспособить» мужа к хозяйственным делам или отправить его

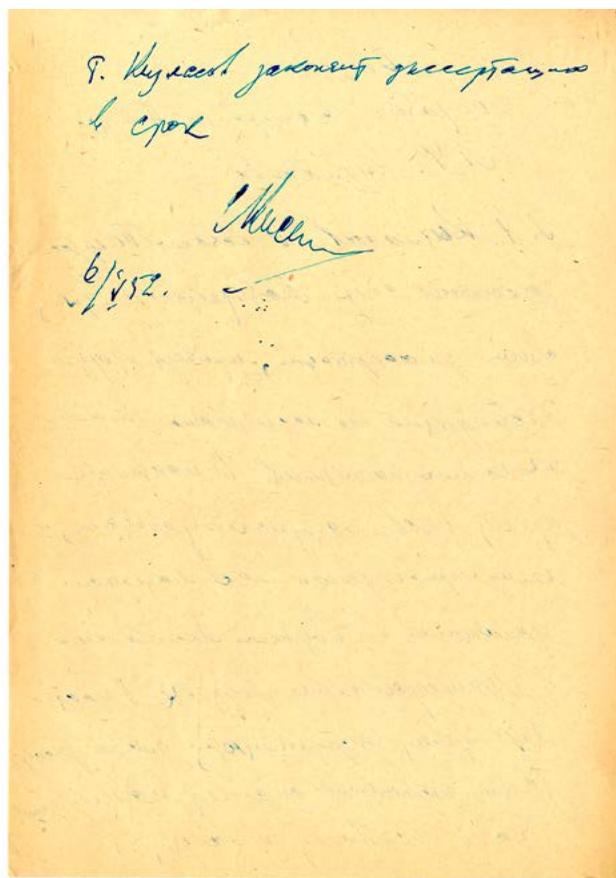
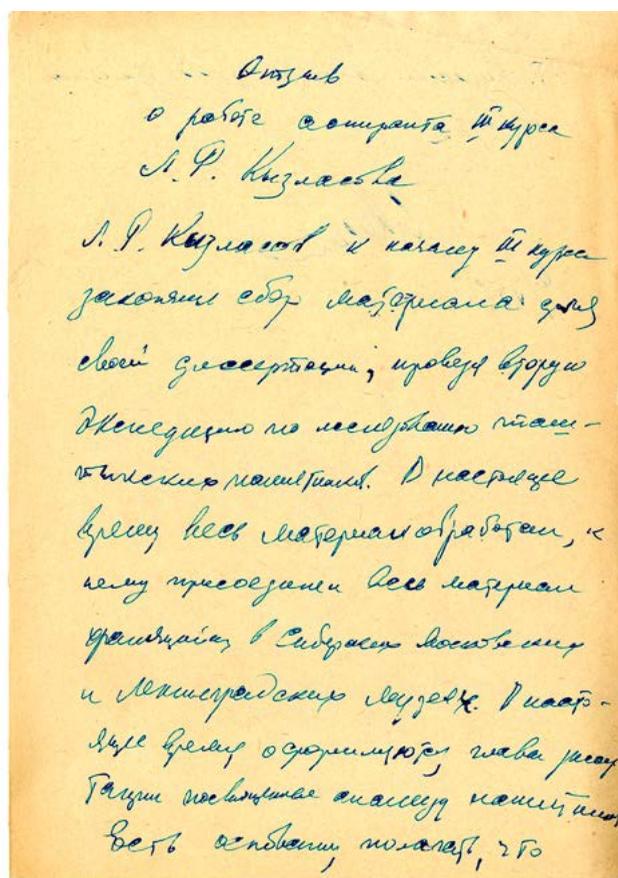

Рис. 7. Отзыв С. В. Киселева о научной работе аспиранта Л. Р. Кызласова [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 7, 7об.]

на прогулку. Но если последнее вдруг удавалось, то маршрут был почти всегда один – недалеко от дома (какая удача!) находился магазин “Академическая книга”» [Кызласова 2015: 12].

«Красной нитью» через всё обширное и многоплановое научное наследие Л. Р. Кызласова проходит тезис о высоком культурно-технологическом уровне древнего и средневекового населения Сибири – любимого края Леонида Романовича. Л. Р. Кызласов, в частности, указывал:

«Наши далекие предшественники и предки никак не могли знать, что их привольная, изобилующая природными богатствами и прежде всего драгоценной пушниной, повсеместно обитаемая, цветущая сибирская Родина прослывет впоследствии не только “глухим медвежьим углом”, но и краем губительной ссылки множества поколений бунтарей, отвергнутых обществом за свободомыслие или за уголовные преступления. Не знали они, что благословенная древним человеком Сибирь станет страной каторжных централов и концентрационных лагерей. Процесс исторического развития коренного населения Сибири издревле шел нормальным прогрессивным путем. Никакого отставания от уровня развития племен Европы и Азии в длительную эпоху первобытно-общинного строя здесь не наблюдается. Иначе как смогли бы первые группы древних этнических сибиряков около 20 тысяч лет тому назад перейти по существовавшему тогда берингоморскому перешейку на пустовавший континент Нового Света? А главное, как смогли бы они положить начало прогрессивному развитию истории человеческих культур, охвативших со временем не только просторы Северной, но и Южной Америки? Их далекие потомки, расселившись, создали в огромной области Мезоамерики и Южной Америки процветающие древние культуры и самобытные города. Доказано также, что древнейшие сибиряки породили не только коренное население Нового Света, но и первых поселенцев многих соседних с Сибирью островов Тихого океана, и в первую очередь обитателей Японских, Курильских и Алеутских островов» [Кызласов 2006: 102].

Леонид Романович Кызласов, помимо своих выдающихся научных достижений, был замечательным университетским педагогом и создал свою научную школу сибиреведения. Огромен пространственно-временной охват курсов, читаемых им в разное время на кафедре археологии и, шире, на историческом факультете МГУ: общие – «Основы археологии» и «Археология СССР», специальные – «Археология Казахстана и Киргизии (каменный век – раннее средневековье)», «Неолит и энеолит Сибири и Дальнего Востока»,

«Бронзовый век Сибири», «Ранний железный век Сибири», «Средневековая археология Сибири», «Письменные известия о древних городах Сибири». Кроме того, Леонид Романович руководил общеархеологическим семинаром «Археологическое источниковедение».

В течение 42 лет эти лекции подкреплялись проводимыми под руководством Л. Р. Кызласова учебными музейными практиками (обычно в Государственном Эрмитаже) и полевыми работами студентов и аспирантов под руководством Л. Р. Кызласова в Туве, Хакасии, Красноярском крае, Казахстане, Киргизии, Прибайкалье и Приморье, а также в Европейской России.

В архиве кафедры археологии МГУ хранятся черновые и беловые версии программ спецкурсов, разработанных Леонидом Романовичем. Наиболее ранняя из них – программа элективного семестрового спецкурса «Археология Сибири» – была утверждена кафедрой 23.05.1953 (рис. 8). Программа первоначально состояла из 12 разделов и охватывала временной интервал от неолита до средневековья домонгольского периода [Архив..., оп. 1, д. 154, лл. 1–3], затем к ней был добавлен 13 раздел, посвященный памятникам Сибири периода монгольского завоевания [Архив..., оп. 1, д. 174, лл. 3–4]. Через двенадцать лет, в 1965 г. Леонидом Романовичем на основе данного спецкурса были разработаны три новых: «Неолит и бронзовый век Сибири» (рис. 9) [Архив..., оп. 1, д. 344, л. 9–11], «Ранний железный век Сибири» (рис. 10) [Архив..., оп. 1, д. 345, л. 1] и «Поздний железный век Сибири» (рис. 11) [Архив..., оп. 1, д. 346, л. 1–2]. Анализ текстов этих программ показывает, как упорно совершенствовал свои курсы Леонид Романович, как, с учетом интенсивного прироста археологического материала, расширял их территориальный охват, углублял тематику, а в каких-то случаях – дробил курсы, выделяя новые на основе старых.

В личном архиве ученицы Л. Р. Кызласова Галины Георгиевны Король хранится отзыв на ее дипломную работу, и мы видим, как вдумчиво и внимательно относился Леонид Романович к трудам своих учеников. Под руководством Леонида Романовича 40 человек защитили кандидатские диссертации, он был консультантом 14 человек, защитивших докторские диссертации, причем 8 из этих докторов наук стали профессорами.

Леонид Романович Кызласов стал лауреатом Государственной премии СССР (1985), лауреатом Ломоносовской премии I степени (1982), лауреатом Государственной премии Республики Хакасия им. Н.Ф. Катанова (№ 1, 1993), Заслуженным

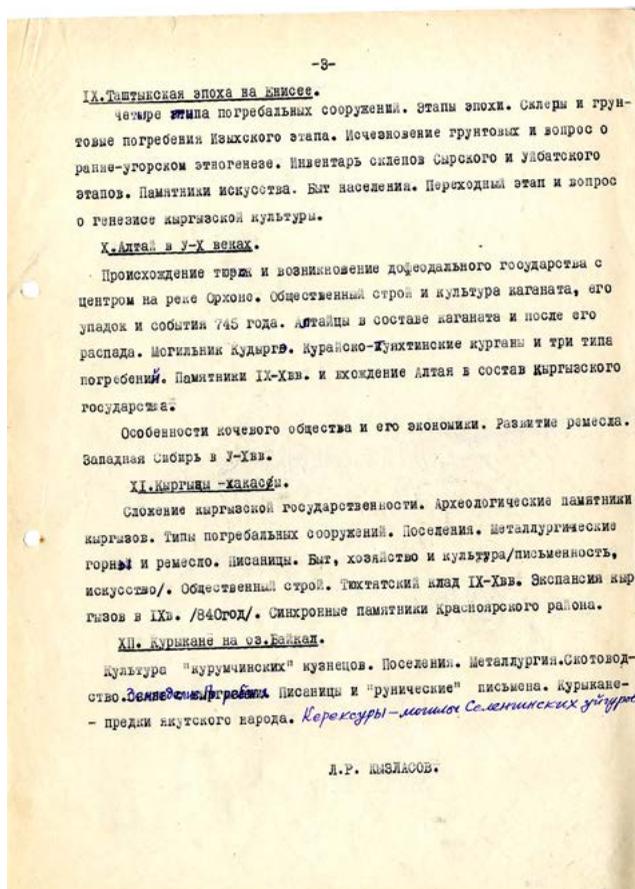
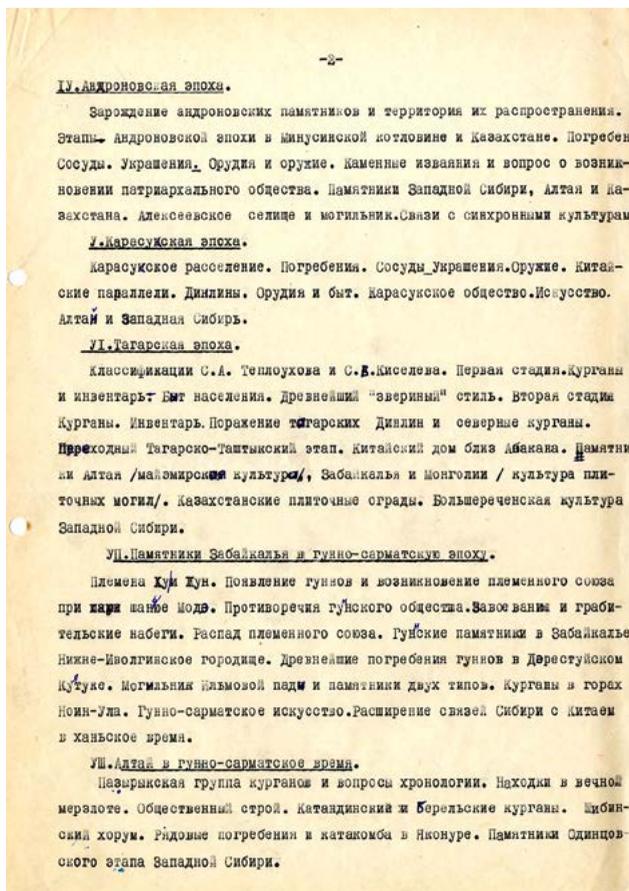
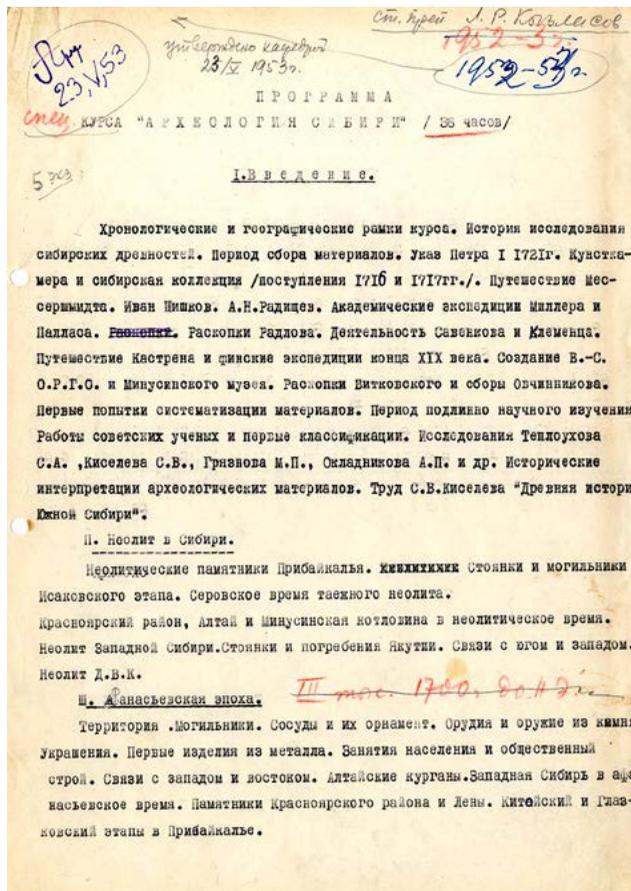

Рис. 8. Черновик программы учебного курса «Археология Сибири» (автор – старший преподаватель Л. Р. Кызласов) с автографами Л. Р. Кызласова. 1953 г. [Архив..., оп. 1, д. 154, л. 3].

Все верно, надо переписать
 Л. П. Кызласов
 20.10.1965

НЕОЛИТ СИБИРИ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК СИБИРИ (программа студента)

НЕОЛИТ СИБИРИ

Байкальская неолитическая культура. Хиньский этап. Могильники Исаковского этапа. Материальная культура и занятия населения. Саровское время тайжного неолита. Орудия из камня и кости. Сосуды. Охота и рыболовство. Луз, вешки, гарпуны, сачи. Камешки скульптуры рыб. Собираемость. Погребальный обряд. Укращения. Общественный строй. Население Байкала в неолите.

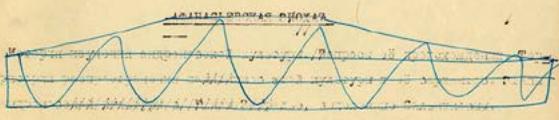
Неолит Якутии. Древнейшая стоянка на р. Турукта.

Жилище. Кремнёвые, косяные и нефритовые орудия. Стоянка М.Мунку, находки и занятия населения. Керамика. Поздний неолит Лены. Стоянки на р. Кудла и на о. Милкстад. Переход от охоты к рыболовству.

Неолит на севере Якутии. Погребения и стоянки на о. Тодов и у с. Илларов. Предтечи племени крайнего севера. Чокуралы и племя Обух. Магические изваянные пластины. Саян неолитического населения Якутии.

Неолит Красноярского района. Погребения у Заванки и верхний слой Усть-Собачинской стоянки. Антропологические записки.

Неолитические памятники Халхазо-Тунгусской культуры в Алтае. Камешки рыб. Саянские и погребения в с. Заванки. Стоянка Кум. Керамика и орудия. Саянские вазы. Погребения на "Удской горе". Кузнецкий неолитический могильник и его значение. Саянские поселения. Неолит Верхнего Приобья. Неолит Нижнего Приобья.

АНДРОНОВСКАЯ ЭПОХА

Территория Афанасьевской культуры. Рельефо-афанасьевские могильники у горы Афанасьево. Сосуды и их ориентации. Орудия и оружие из камня.

Урочища. Находки на металле. Поздно-афанасьевские могильники /Гресь и Чигирянов/, Октябрьский могильник. *Особенные изменения в неолите.*

Саянские поселения и общественный строй. Саянские вазы.

Афанасьевские вазы и верхний слой стоянки Кум. Керамика. Неолит на воде. *Западная Сибирь в афанасьевское время (Восточный Томский могильник).* Параллельный неолит Красноярского района. Стоянки у с. Заванки. Погребения в Красноярском и у *Трехмисского ключа.*

Кетовский этап в Прибайкалье. Могильники на р. Кетов и у с. Раскучин. Погребения. Неолит из кости и гравия. Полушаровидный *Камешки рыб.* Костяные бусы. Древнебелая скульптура. Глазовский этап *Поздний неолит* на металле. Нефритовые кольца. Орудия. Укращения. Памятники Якутии. Погребения на реке Бугачан.

АНДРОНОВСКАЯ ЭПОХА

История изучения андроновской культуры. Вопросы о ее происхождении. Территория распространения памятников этой культуры и ее вариантов.

Этапы Андроновской культуры в Азии: Зауралье, низовьями Селькингин, Бодорова, Алакульский *и Самаровский* этапы. Их особенности и датировка.

Алакульский комплекс в Северном Казахстане. Могильники. Зерновое поле. Поселение и жилище. Увеличенная длительность андроновских племей по материалам Алакульского комплекса. Скотоводство, охота, земледелие. Выпекание металла. Социальный строй. Варованка. Андроновский антропологический *и Самаровский* типы. Памятники Казахстана и их родоземле на Бодорова и Алакульский этапы. Самаровский этап в Северном Казахстане.

Переходные памятники *(Иль-Тобол и др.)* типичных орудий могильника Богат. Андроновская культура в Восточном Казахстане. Андроновская эпоха в Примитивной колонии. ~~Алакульский комплекс~~. Памятники Западной Сибири (Томский мог., Саян) и ~~Восточной Сибири~~.

КАРАСУКСКАЯ ЭПОХА

Распространение карасукских памятников. Могильники и погребения. Антропологические данные о населении. Инвентарь. Орудия и оружие. Керамика и вазы /Сейбинско-Журбинские/ параллели. Восточный ареал распространения карасукских форм оружия и орудий, отличный от андроновского ареала /Саяно-Алтай, Забайкалье, ИР и Северный Китай /, Укращения. Посуды. Состав этапы. ~~Алакульский комплекс~~. Происхождение карасукского населения и вопрос о дилеммах. Памятники Красноярского района. ~~Юго-Тоболская стоянка~~. Нижний горизонт верхнего слоя и погребение карасукского населения в Красноярском районе, ~~принадлежит к основному комплексу~~.

~~Алтайский вариант~~ карасукской культуры и материалы из Томского могильника, относился к концу карасукской эпохи.

Тунь, Прибайкалье и Якутия в Карасукское время.

Рис. 9. Черновик программы учебного курса «Неолит Сибири» (автор – доцент Л. Р. Кызласов) с автографами Л. Р. Кызласова. 1965 г. [Архив..., оп. 1, д. 344, лл. 9, 10, 11].

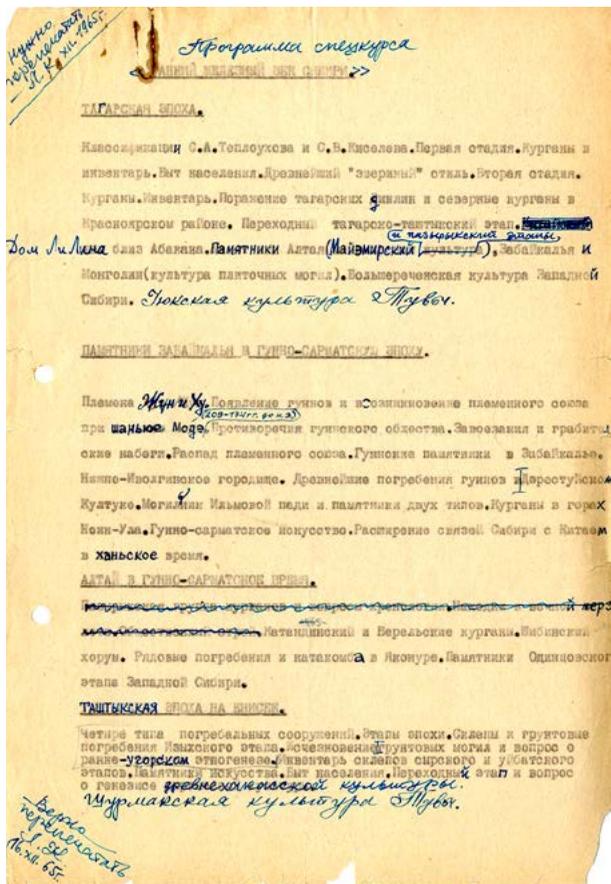

Рис. 10. Черновик программы учебного курса «Ранний железный век Сибири» (автор – доцент Л. П. Кызласов) с автографами Л. П. Кызласова. 1965 г. [Архив..., оп. 1, д. 345, л. 1].

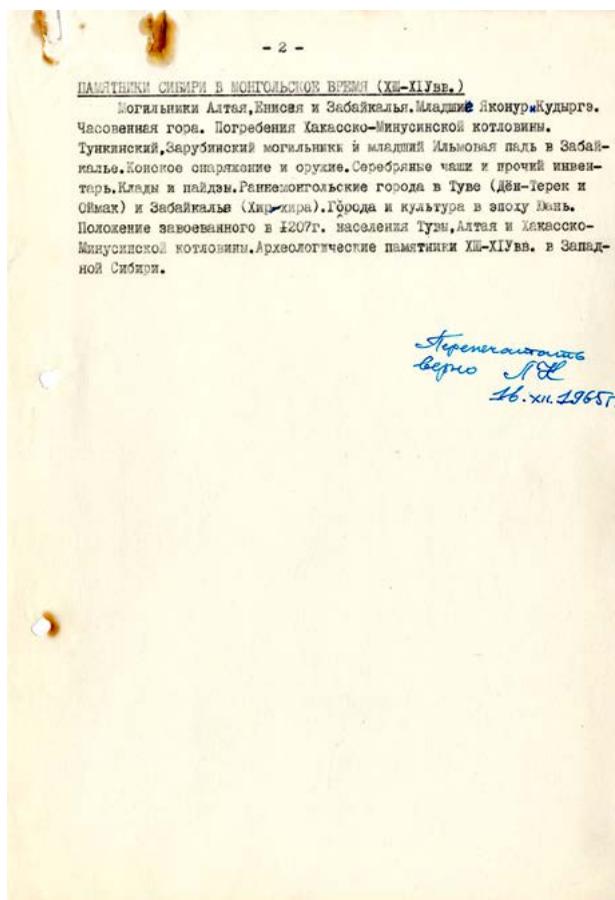
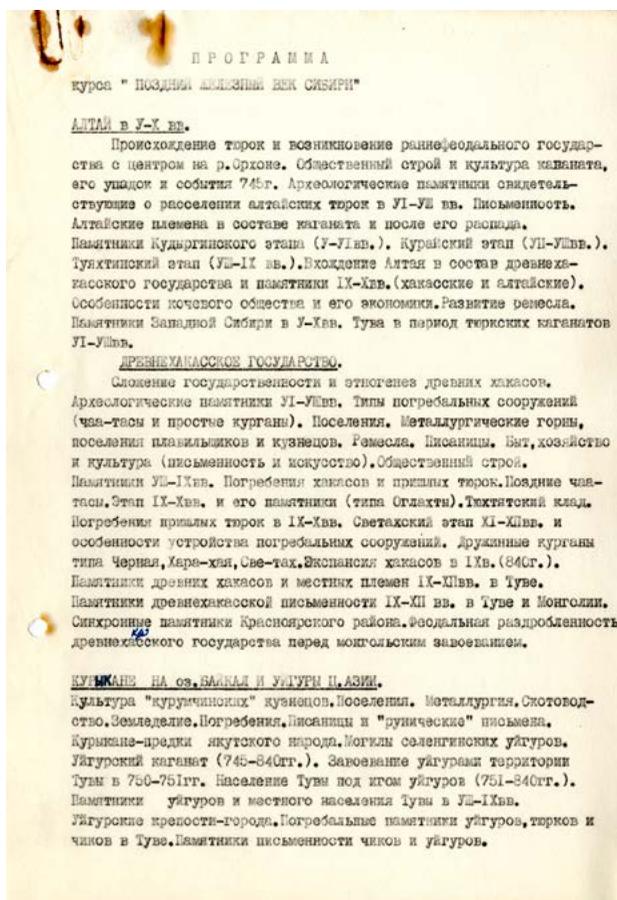

Рис. 11. Черновик программы учебного курса «Поздний железный век Сибири» (автор – доцент Л. П. Кызласов) с автографами Л. П. Кызласова. 1965 г. [Архив..., оп. 1, д. 346, лл. 1, 2].

деятелем науки Тувинской АССР (1991), Заслуженным деятелем науки Республики Хакасия (1994), Заслуженным профессором Московского государственного университета (2002), членом Финно-Угорского общества (Хельсинки, 1983), членом-корреспондентом Германского археологического института (Берлин, 1984), действительным членом Российской академии естественных наук.

Своего рода научным и человеческим завещанием потомкам можно считать следующие слова Леонида Романовича Кызласова:

Архивные материалы

Архив кафедры археологии МГУ // Кафедра археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Список литературы

Архипов Н. Д. Выдающийся сын земли Сибирской. К 75-летию профессора Л. Р. Кызласова. Москва: (б.и.), 1999. 84 с.

Ахмадулина Б. А. На сибирских дорогах (автобиографический рассказ) // https://rozamira.nl/proza/ahmadulina_na_sibirskih.htm. (Дата обращения: 11.11.2024). Впервые опубликовано: Юность. 1963. № 12. С. 30–42.

Беликова О. Б. Леонид Романович Кызласов. Воспоминания об учебе в Томском университете в 1941–1942 гг. (два письма об учебе в Томском госуниверситете в 1941/1942 учебном году) // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. 16. 2010. С. 159–169.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1951. 256 с.

Вадецкая Э. Б. Стратиграфия холма с развалинами китайского дворца под г. Абаканом // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 2. Красноярск: Красноярский гос. ун-т. 1992. С. 8–11.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. «Дворец Ли Лина» или конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3. С. 137–149.

Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «земле хагас» // КСИИМК. Вып. 21. 1947. С. 79–85.

Евтюхова Л. А., Левашева В. П. Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. Вып. 12. 1946. С. 72–84.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. № 9).

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. Москва: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Китова Л. Ю. В. П. Левашова как археолог Сибири // Археология Сибири: историография и источники. Омск: Омский гос. ун-т, 1996. С. 96–104.

Китова Л. Ю. Варвара Павловна Левашова: неизвестные страницы биографии (к 100-летию со дня рождения) // Кузбасский родовед: Историко-краеведческий альманах. Выпуск 1. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 70–86.

Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. 2007. 272 с.

Кызласов И. Л. Очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Леонид Романович Кызласов (1924–2007): биобиблиографический справочник (сост.: И. Л. Кызласов, А. А. Ищенко; под общ. ред. И. Л. Кызласова). 2-е изд., испр. и доп. Абакан: б.и., 2015. С. 9–51.

Кызласов Л. Р. В. Д. Гурницкий – писатель и человек (к 90-летию со дня рождения) // Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Вып. XIV, № 1. 1970. С. 201–205.

Кызласов Л. Р. Учитель (к 70-летию со дня рождения С. В. Киселева) // Вестник Московского университета. Серия 9. № 1. 1975. С. 93–96.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. Москва: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 176 с.

Кызласов Л. Р. Рассказ о моей матери // Хакасия. № 196. 2004. С. 4.

Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. Москва: Вост. лит. 2006. 360 с.

Кызласов Л. Р. К 110-летию со дня рождения Романа Афанасьевича Кызласова (31.12.1896 г. – 21.09.1938 г.) // Кызласов Роман Афанасьевич. К 110-летию со дня рождения. Дневник (сентябрь 1920 – январь 1924). Абакан: б.и. 2007. С. 4–9.

Кызласов Л. Р. Навечно юными остались // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. Москва: Изд-во «Весь Мир». 2009. С. 464–469.

Кызласов Л. Р. Античная традиция о благословенном городе в центре Азии // Вестник Московского университета. Сер. 8, история. 1992. № 3. С. 31–37.

Кызласова И. Л. Пульсировала бесконечность в груди, в запястье и в виске // Сборник материалов IV Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 15–17 октября 2014 года г. Абакан. Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2015. С. 4–19.

Кызласова И. Л. Об археологе В. П. Левашевой и ее отце протоиерее П. Н. Левашеве // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. редакторы И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. Москва: Гриф и К., 2010. С. 751–769.

«С глубокой древности культурные достижения и духовные ценности передавались не только через огромные расстояния от одних племен и народов другим, но и от предков к потомкам. Слабые ручейки знания, сливаясь, со временем образуют поток общечеловеческой культуры. Очевидно, что историческое развитие человеческого рода и его культуры едино и неделимо» [Кызласов 1992: 37].

Леонид Романович Кызласов (1924–2007): биобиблиографический справочник. 2-е издание, исправленное и дополненное // Сост.: И.Л. Кызласов, А.А. Ищенко; под общ. ред. И.Л. Кызласова. Абакан: б.и., 2015. 182 с.

Мартиролог. Кызласов Роман Афанасьевич // Сайт Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» // <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/kyzlasov-roman-afanasevich/> (Дата обращения: 16.11.2024).

Просветитель. [Enlightener]. // Электронная версия газеты «Хакасия», 20 мая 2021 // <https://gazeta19.ru/news/pechatnaya-versiya/prosvetitel/> (Дата обращения: 06.11.2024).

Список опубликованных работ профессора Л. Р. Кызласова (составитель И. Л. Кызласов) // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск XXI. Хакасия: история и современность. Новосибирск: Наука, 2000. С. 148–163.

Список сокращений

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Книжная серия ИИМК / ИА АН СССР. М., М.–Л., Л.: 1941–1972.
СЭ – Советская этнография

Список иллюстраций

Рис. 1. Копия зачетки Л. Р. Кызласова за первый курс обучения в Томском ГУ (1941–1942 гг. уч. год). Архив семьи Кызласовых.

Рис. 2. Отзыв С. В. Киселева о научной работе студента Л. Р. Кызласова (рекомендация в аспирантуру) [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 2, 2об.].

Рис. 3. Выписка из протокола: рекомендация в аспирантуру выпускника кафедры археологии Л. Р. Кызласова [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 1].

Рис. 4. Полевой дневник аспиранта Л. Р. Кызласова (1949 г.) [Архив... Архив Смоленской экспедиции МГУ. Тетрадь № 7. С. 1–2].

Рис. 5. Полевой дневник аспиранта Л. Р. Кызласова (1949 г.) [Архив... Архив Смоленской экспедиции МГУ. Тетрадь № 7. С. 3–4].

Рис. 6. Отчет аспиранта Л. Р. Кызласова о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 8, 9].

Рис. 7. Отзыв С. В. Киселева о научной работе аспиранта Л. Р. Кызласова [Архив..., оп. 1, д. 87, л. 7, 7об.].

Рис. 8. Черновик программы учебного курса «Археология Сибири» (автор – старший преподаватель Л. Р. Кызласов) с автографами Л. Р. Кызласова. 1953 г. [Архив..., оп. 1, д. 154, л. 3].

Рис. 9. Черновик программы учебного курса «Неолит Сибири» (автор – доцент Л. Р. Кызласов) с автографами Л. Р. Кызласова. 1965 г. [Архив..., оп. 1, д. 344, лл. 9, 10, 11].

Рис. 10. Черновик программы учебного курса «Ранний железный век Сибири» (автор – доцент Л. Р. Кызласов) с автографами Л. Р. Кызласова. 1965 г. [Архив..., оп. 1, д. 345, л. 1].

Рис. 11. Черновик программы учебного курса «Поздний железный век Сибири» (автор – доцент Л. Р. Кызласов) с автографами Л. Р. Кызласова. 1965 г. [Архив..., оп. 1, д. 346, лл. 1, 2].

УДК 92/93

И. Л. Кызласов

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

СИБИРЬ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ. ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО ПРОФЕССОРА КЫЗЛАСОВА

Важнейшими достижениями ученого являются: создание истории двух южносибирских народов – хакасов и тувинцев, методов этнического определения древностей, выделение древностей Уйгурского каганата, фактическое открытие Древнехакасского государства, установление роли его аристократического рода *кыргыз*, датировка енисейской рунической письменности, создание учения о тамгах. Л. Р. Кызласовым впервые собраны и обобщены разновременные письменные свидетельства о Южной Сибири и Центральной Азии: китайские, персидские, арабские, тюркские, греческие, западноевропейские, русские.

Ключевые слова: профессор Л. Р. Кызласов, археологическое и историческое сибиреведение

I. L. Kyzlasov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

SIBERIA: FROM THE PAST TO THE FUTURE. LIFE CREED OF PROFESSOR KYZLASOV

The most important achievements of the scientist are: creation of history of two South Siberian peoples: the Khakass and the Tuvans, methods of ethnic identification of the antiquities, the identification of the antiquities of the Uyghur Kaganate, the actual discovery of the Ancient Khakass State, the establishment of the role of its aristocratic *Kyrgyz family*, dating of the Yenisei runic writing system, creation of the doctrine of tamgas. Professor Kyzlasov was the first who

collected and summarized written evidence from different times about South Siberia and Central Asia: Chinese, Persian, Arabic, Turkic, Greek, Western European, Russian.

Keywords: Professor L. R. Kyzlasov, archaeological and historical Siberian studies

Начав научную деятельность в первом после войны 1946 году, профессор Леонид Романович Кызласов непрерывно и неослабно продолжал ее до конца жизни. Его имя как выдающегося востоковеда-археолога и историка, хорошо известно далеко за пределами нашего отечества. С 1950 г. и до последних его дней длилась и педагогическая деятельность.

Поражают целеустремленность и плодотворность столь долгих исследований и сопутствующий им преподавательский успех. Характерной для ученого особенностью было рассмотрение широчайшего пространственного и хронологического круга источников всех гуманитарных и ряда естественных дисциплин – благодаря этому его труды приводили к точному воплощению основного замысла. Всякий раз нелегкая полевая и напряженная кабинетная работа выполнялась энергично и напористо, придавая воодушевленность университетским лекциям и увлекательность семинарским занятиям. Л. Р. Кызласову была присуща теснейшая связь между исследовательской работой и образованием, педагогом он оставался и в длительных полевых экспедициях.

В отношении задач, которые ставил и решал Л. Р. Кызласов, часто приходится говорить *впервые*. Это возникает не только потому, что ему была в высшей мере присуща профессиональная интуиция, и совсем не потому, что будто бы мало было сделано его учёными предшественниками. Рядом с ним на протяжении всей жизни в науке трудилось немало подлинных специалистов. Чем же объяснить многочисленные открытия одного исследователя, часто неожиданные для других?

Его заметно отличал от коллег подход и к отысканию, и к осмыслению свидетельств, характеризующих прошлое, а способы научного действия определялись занимаемой ученым профессиональной позицией. Задумываясь над тем, что сделано ученым, стоит понять, почему это делалось. Не случайно во многих областях археологического и исторического знания Л. Р. Кызласов всю жизнь был не только первопроходцем, но нередко и поныне остается *единственным* их исследователем.

Пожалуй, можно сказать: он был археологом, потому что был историком.

Прошедший Великую Отечественную войну танкист сумел отыскать путь своей научной судьбы и выйти на него. Руководителем студента, а затем аспиранта Кызласова стал профессор С. В. Киселёв, которого он впервые услышал

еще школьником в городском парке довоенного Абакана. Л. Р. Кызласов был энциклопедически образованным ученым. В 1949 г. он с отличием окончил университет с дипломным сочинением «Алтай в V–X вв.», в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Таштыкская эпоха (I в. до н.э. – V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины». В 1966 г. – докторскую диссертацию «История Тувы в средние века».

Талант полевого исследователя и широта исторического взгляда на археологические материалы проявились у Л. Р. Кызласова рано. Его деятельность отличала университетская археологическая всеохватность: нет таких эпох и таких категорий древностей, которые бы им не изучались – от палеолитических сборов и неолитических стоянок до памятников XVIII–XIX вв.

Другое отличие ученого в пределах названной универсальности – это московская школа исторической археологии, выраженная А. В. Арциховским крылатой фразой: «Археология – это история, вооруженная лопатой». Отсюда и главный, особенный метод работы – комплексный подход к разрешению проблем: применение данных археологии, этнографии, письменных источников, филологических, антропологических и прочих разработок. Главный результат такого труда – воссоздание Л. Р. Кызласовым до того неведомой истории двух южносибирских народов: тувинцев и хакасов. Обнаружены и выделены древности и письменные источники, внесшие значительный вклад в историю северных и южных алтайцев, шорцев, чулымцев, тофов, хантов, манси, селькупов, киргизов, казахов, уйгуров, бурят, монголов, якутов и других обитателей Сибири и Центральной Азии. Существенно было продвинуто изучение древних народов Средней и Срединной Азии – прежде всего саков, гуннов, тюрков, древних уйгуров, тюркешей и карлуков.

За годы полевой работы Л. Р. Кызласов провел более 50 экспедиций. Открыты и изучены тысячи археологических, эпиграфических, этнографических памятников, бесспорен вклад в воссоздание важнейших этапов до того неведомой истории Сибири и Центральной Азии. Фактически создана фундаментальная база для нового этапа археологического изучения Сибири. Он сумел широко раздвинуть рамки своей научной работы, с одинаковой глубиной и точностью охватить как первобытную, так и государственную стадии развития. Его разработки ныне лежат

в основе всех исследований сибирского средневековья.

Одних лишь археологических работ Л. Р. Кызласова хватило, чтобы сломать старые представления о вечной культурной неразвитости коренных народов Сибири. Бесспорные факты высокого экономического, социального и духовного развития триумфально дополнены обнаружением и изучением древних и средневековых городов, крепостей и монументальных храмов.

В специальных публикациях 1993-1994 гг.¹³, «история Сибири – этой благодатной, развивающейся страны», никогда не имевшей отставания от уровня развития одновременных племен Европы и Азии, была показана на разительных культурных и социальных достижениях, отраженных в археологических и письменных источниках – от верхнего палеолита до XVIII в.

Назовем важнейшие достижения ученого.

I. В 1970-1971 гг. впервые проведены раскопки у древнейших каменных изваяний Евразии. Открыты связанные с ними святилища, отнесенные к концу неолита (нач. III тыс. до н.э.), названные тазминской культурой [1971; 1972; 1986]. За прошедшие полвека никто больше таких раскопок не проводил. Культурная принадлежность памятников ныне определяется иначе, но их датировка, добытая новыми методами, подтвердила полученную датировку Л. Р. Кызласовым. Им же доказано, что изваяния несут образы не шаманов в масках, а первобытных божеств, которые отображают мифы о возникновении и бытии Вселенной. В этом исследователи отныне будут последователями Л. Р. Кызласова. Издав книгу «Древнейшая Хакасия» [1986], археолог привлек большой интерес общества к изваяниям, в итоге повлияв на государственную эмблематику. Таким образом, на флаге и гербе Республики Хакасия утвердился во всем самобытный древний соляренный символ.

Новые по строению и обряду курганы IV–III вв. до н.э. (на р. Тёя, 1985–1986 гг.) обнаружили приход на Енисей огнепоклонников. Отрысканная Л. Р. Кызласовым гробница таштыкского Оглахтинского могильника (1969 г.) сохранила одеяния и утварь, гипсовые портретные маски людей, умерших почти 2000 лет назад. Прояснились непонятные ранее обряды. Так были прослежены археологические следы редчайшего культурного явления – слияния в погребальных ритуалах давних местных (погребения скелетных мумий) и новых пришлых особенностей (сожжения тела на стороне).

Такое их соединение надежнее многого указывает на мирное смешение коренного населения (динлинов) с переселенцами (кыргызами-гяньгу-нями), которое китайские летописи назвали причиной формирования нового народа – древних *хакасов* [1984: 7-30, 52-68].

Таштыкская эпоха называлась Л. Р. Кызласовым «нашей сибирской античностью». Познание преемственно развившейся на ее основе средневековой цивилизации Южной Сибири обогащено изучением культуры чаатас, открытием и исследованием ранее неведомых средневековых хакасских культур: тюхтятской (IX–X вв.) и аскизской (вт. пол. X – XVII вв.). Их носители, возглавляемые родом Кыргыз, сыграли чрезвычайно важную роль не только в истории дорусской Сибири, но и, особенно в предмонгольское время, в истории всей лесостепной Евразии – от Восточной Европы и Руси до Восточной Сибири [1975а; 1981а; 1981б.].

Так трудами Л. Р. Кызласова древности Хакасии были непрерывной цепью соединены с традиционной культурой современного хакасского народа.

С 1955 г. экспедиция Л. Р. Кызласова также вела широкие обследования Тувинской котловины, практически не исследованной археологами. Через 3 года целенаправленной интенсивной работы была впервые в науке создана шкала всех древних культур, через 5 лет – раннесредневековых, а через 9 – всех средневековых культур Тувы. В 1964 г. курганными захоронениями тувинцев XIX в. завершилась систематизация археологических источников. За 6 полевых сезонов закрыв зиявшее белое пятно на исторической карте Южной Сибири. Л. Р. Кызласов продемонстрировал уровень профессионального мастерства, присущий лучшим археологам предшествующего поколения: выделение культур Хакасии было проведено С. А. Теплоуховым за 9 лет (1920–1929 гг.).

Соединение данных археологии со сводом письменных свидетельств, созданным автором, привело к написанию Л. Р. Кызласовым «Истории Тувы в средние века» [1969]. Подобной книги поныне нет ни для одного другого региона Сибири.

II. Л. Р. Кызласов сформировал новое направление исследований – *этноархеологию*. В 1973, 1975 и 1992 гг. им изданы специальные работы, доказавшие возможность определения этнической принадлежности конкретного круга древностей и необходимость смыкания археологических материалов с этнографическими

¹³ По указанному в тексте годам публикации Л. Р. Кызласова легко отыскать на сайте https://nbdrx.ru/e_lib/el-bibl_7.aspx

материалами. Актуальность такой научной работы легко понять на примере ложного обозначения всех культур раннего железного века Южной Сибири *скифскими*. Этноархеология в археологической части явилась продолжением традиции В. А. Городцова, а при обязательном привлечении письменных источников – С. В. Киселева (воспринявшего историзм второго своего наставника С. В. Бахрушина).

С 1950-х гг. Л. Р. Кызласов отличался изучением не отдельных археологических культур, а тех исторических эпох, в которых они существовали. Впервые в сибирской археологии он провел этническое членение одновременных памятников (культур) одной территории: от раннего железного века до средневековья включительно. Методика отработана на древностях Тувы, созданная отвечающая ей форма типолого-хронологических таблиц. Эволюционизм (С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов и др.) сменился этноархеологическим подходом, признающим сосуществование разных культур. Ныне он общепринят. Но никем не создаются типолого-хронологические таблицы, как у Л. Р. Кызласова. Благодаря такому подходу ученым выявлены древности целых народов (чиков тюркского и уйгурского периодов, тюрк древнехакасского и средневековых хакасов монгольского этапа истории Южной Сибири и т.п.).

Одновременно этот подход впервые выявил и межэтнические государственные культуры, нивелирующие важные области внешнего быта разнородного населения. Так, из древнетюркских изваяний впервые были выделены памятники Первого и Второго Восточнотюркского и Уйгурского каганатов. Оба государства приобрели археологические отличия: первое – обряд трупоположения с конём, поминальные оградки и изваяния определенного канона, второе – города характерного облика, могилы с подбоями, изваяния иного типа и отсутствие поминальных оградок. Л. Р. Кызласов выяснил назначение древнетюркских изваяний, посвященных не побежденным врагам, как считалось, а самим умершим витязям, поминальных оградок, содержание термина «балбал» и других понятий. Тот же подход привел к выделению древнехакасских культур, о чем уже сказано. Материалы археологии впервые стали также показателем общения разных народов, этногенетических и политических процессов древности и средневековья.

Археолог Кызласов оказался едва ли не первым ученым, давшим обзор языковой принадлежности географических названий Хакасско-Минусинской котловины [1953; 1960: 168–171, 188]. По наименованию рек им уверенно выделены две

языковые группы дотюркского населения: угорская (со словом *ас, ес* – «река») и самодийская (*ба* и *бу*, восходящие к слову «вода, река»). Критически оценена им возможность кетского определения гидронимов степной части, в отличие от двух предыдущих [1960: 166–168, 171–177], не имеющая археологических подтверждений. Вызвав поныне продолжающуюся дискуссию, эти наблюдения заметно повысили активность топонимических исследований. Так получила развитие основная идея происхождения *хакасского народа*: изначально веками, непрерывно идущее слияние разноразных аборигенных этнических групп и наречий, при нарастающем господстве ранних и последующих форм хакасского языка.

Л. Р. Кызласовым детальнее и глубже прочих изучен и понят социальный механизм ассимилирующего воздействия древнехакасского этноса [1953; 1959; 1968 и др.]. Им оказался кыргызский аристократический слой общества. Ученым впервые показана политическая роль рода *кыргыз* – как в отношении поздней Древности и Средневековья, так и Нового времени. В последние века до н.э. поэтапно переселенные на захваченные гуннами земли в качестве правящего этноса, кыргызы-гяньгуни, смешавшись с аборигенами, перестали быть отдельной народностью, но властные функции остались за ними. Так сформировался правящий слой, и само имя кыргызов стало его обозначением, т.е. из этнонима переросло в политоним – в название государства по имени династийной группы.

Подобное известно в истории других районов Южной Сибири. При смешении пришельцев-*ашина* с населением Алтая, сложился новый народ, у которого этноним *ашина* сохранился (как и имя кыргызов-гяньгуней на Енисее) лишь за правящим родом. Объединяющее новый народ имя *тюрк* поначалу было неизвестно и непонятно китайцам. Видно, этноним перешел к новому народу от прежних жителей Алтая. Древний этноним *тюрк* получил расширенное значение с VI в. став объединяющим политонимом.

Аналогично объединяющее новый народ имя *хакас* оказалось ново и непонятно китайским книжникам, когда после векового перерыва послы Древнехакасского государства прибыли ко двору танского императора в IX в. Имя *кыргыз*, издревле известное в Китае, никогда не было на Енисее самоназванием разноплеменного народа, обозначая лишь малочисленное ядро объединяющей страну политической знати. В науке недооценивается особое значение правящего рода в истории тюркских народов.

Кроме этого, Л. Р. Кызласовым было показано: древний этноним *хакас* не является китайским искажением имени *кыргыз* (как это иногда воспринимается). Он имеет иную языковую, местную дотюркскую, возможно, самодийскую природу (ср. с местным появлением имени *тюрк*). Ясна и самобытность исторической судьбы этнонима *хакас*, сегодня живущего в самом народе в закономерной для современного языка стяженной форме *хаас*. Утративший в трагические века истории общее имя, но осознающий единство, хакасский народ неслучайно при первой же возможности вернул себе в начале XX в. древнее, уцелевшее в исторических анналах имя предков.

От сер. IX по кон. XII в. Древнехакасское государство главенствовало в Южной Сибири и Центральной Азии. В период длительного существования и вслед за гибелью этой многоплеменной державы при Чингизидах, имя кыргызов распространилось среди народов Восточной Сибири, Срединной и Средней Азии, став на востоке тюркоязычного мира символом степной аристократии.

III. Городская археология – другое новое направление, развитое Л. Р. Кызласовым вслед за С. В. Киселевым. Вопреки взглядам об извечной для Сибири неразвитости и кочевой стихии, в неплохо обследованных землях один-единственный археолог обнаружил и с разной полнотой изучил городские памятники тюргешей и карлуков (VII–IX вв.), 17 городов уйгуров (VIII – пер. пол. IX в.), 2 города и ряд каменных крепостей средневековых хакасов (сер. VIII – нач. XIII в.), 6 городов древних монголов (XIII–XIV вв.). Начат новый этап в истории южносибирской археологии, поныне в основном изучающей погребения.

Опыт городских раскопок (только древнехакасские храмы раскапывались 10 лет) привел к известным кольцевым городищам Хакасии II–I вв. до н.э., явившим древнейшее сырцовое кирпичное строительство на Енисее. Отныне история монументальной архитектуры, рационально использовавшей строительные и эстетические свойства кирпича, в Южной Сибири насчитывает не менее 20 веков.

Жилища Саяно-Алтая всегда были наземными и деревянными. Такое домостроительство подтверждено раскопками памятников переходного тагарско-таштыкского этапа, таштыкской, тюхтятской и аскизской культур, а другими экспедициями – даже для эпохи бронзы (афанасьевская, карасукская), а также тагарской и таштыкской. Поселки не имели укреплений, ныне лишены внешних признаков и должны быть отысканы целенаправленно.

Изучение городских центров привело Л. Р. Кызласова к крупнейшему открытию – к обнаружению в Хакасии храмов и святилищ VIII–XII вв. (1971–1981 гг.). Принадлежность огромных зданий к манихейской религии подтверждено тремя независимыми науками: историей, эпиграфикой и филологией. Лишь сабейской архитектурно-планировочной символике Ближнего Востока, описанной арабскими авторами X–XIV вв. (ал-Марвази, аш-Шахристани и ат-Демишки), отвечают все особенности раскопанных сооружений. Среди енисейских рун давно распознано слово *мар* «манихейский вероучитель». Ныне в них известны десятки строк с такой религиозной лексикой. Открыты нормы правописания, отличавшие манихейское письмо рунами. Государственный статус манихейства в Древнехакасской державе коренным образом меняет наши знания о духовном развитии общества, с VIII в. знакомого с пророческой книжной религией, связанной с зороастризмом, буддизмом и христианством. Это многое объясняет в культуре современных народов.

IV. Изучение городов и их храмов породило еще одно направление, впервые археологически разработанное Л. Р. Кызласовым – *историю мировоззрения и мировых религий в ранне-средневековой Сибири*. Распределив раскопанные археологом памятники по векам, получим список открытий: 1–2. Первый в Средней Азии и ранний буддийский храм, кон. VII в. (дата ныне подтверждена итальянкой, нашедшей в Японии китайские рукописи) и первая в Средней Азии несторианская церковь (Киргизия, Ак-Бешим); 3. Первые и единственные археологически изученные манихейские храмы (12 объектов, Хакасия, 60-е гг. VIII – рубеж XII–XIII вв.), манихейское кладбище в Семиречье (Ак-Бешим); 4. Буддийские храмы XIII–XIV вв. и скальная кумирня (Тува, Дён-Терек, Межегей, Чаа-Холь); 5. Мусульманские кладбища XIII–XIV вв. (Тува, Элегест, Саадак-Терек); 6. Ламаистская кумирня XVII в. (Хакасия, р. Уйбат) и ламаистские памятники тувинцев XVIII–XIX вв.; 7. Шаманистские рисунки хакасов на скалах, археологические следы почитания древних изваяний в XVIII – нач. XX вв. (включая Улуг Хуртуях Тас).

К изучению средневековых хакасов-буддистов Л. Р. Кызласовым впервые привлечены письменные источники (X в., Дуньхуан), выделена санскритская лексика рунических надписей. Встала задача отыскать в них доманихейскую религию Саяно-Алтая. Активно разрабатывалось исследователем и манихейское наследие

в живых языках и традиционных культурах южно-сибирских и центральноазиатских народов.

V. Важнейшим источником сибирской медиэвистики служат местные рунические надписи – область *эпиграфики*. Л. Р. Кызласов много сделал для превращения рунологии в науку: в 1955–1960 гг. им определена датировка и этническая принадлежность памятников енисейской письменности, в корни изменившая восприятие азиатских рун филологами; добывались новые источники (открыты, доставлены в музей Кызыла и Абакана и опубликованы письменные стелы и предметы); в изучение памятников на месте внесены процедуры описания и фиксации (копии Л. Р. Кызласова использовал уже С. Е. Малов в 1950-е гг.); заложены основы историзма в палеографии [1960, 1965]; выделены признаки этнокультурной принадлежности каждого енисейского памятника – основа изучения раннесредневековых тюркских языков; показано отражение в енисейских рунах диалектного членения писавших.

VI. Важнейшие достижения получены в южносибирской *истории*. Л. Р. Кызласовым впервые собраны и обобщены многочисленные летописные свидетельства о Сибири и Центральной Азии: китайские, персидские, арабские, тюркские, греческие, западноевропейские и русские. По полноте собрание таких сведений превосходит историографию иных сибирских территорий [1984]. Древняя и средневековая Сибирь впервые предстала центром исторической активности народов с богатейшей культурой, письменностью, городской цивилизацией, комплексным хозяйством, с бурным развитием металлургии, орошаемого земледелия, скотоводства [1993; 1994]. Открытые Кызласовым древнейшие связи региона (Великий нефритовый путь эпохи бронзы) показали, что скифо-сибирское единство, гуннское, тюркское, а затем и славянское расселение явились закономерными проявлениями общности евразийского масштаба. Оказалось, что родовой строй в Южной Сибири окончился в бронзовом веке, государственность сложилась в конце раннего железного века и уже тогда отличалась космополитизмом знати и разветвленной жреческой культурой. Комплексное хозяйство Тюркского и городская культура Уйгурского каганатов сменили продуманное устройство гуннского общества.

Л. Р. Кызласовым в кон. 1950-х – нач. 1960-х гг. были впервые выделены древности Уйгурского каганата VIII–IX вв. Археологические материалы этого этапа истории Центральной Азии и Южной Сибири наполнили новым содержанием

свидетельства письменных источников, вызвали большой резонанс у востоковедов и уйгурской общественности. Культура древних уйгуров остается наиболее изученной лишь в Тувинской котловине и служит эталоном для археологических поисков.

Достижением ученого явилось фактическое открытие Древнехакасского государства – одной из наиболее развитых средневековых стран лесостепной Евразии. Эта держава, возглавлявшаяся правящим родом *кыргызы* – закономерный результат развития саяно-алтайской цивилизации. Более 5 веков она политически, экономически и культурно объединяла многочисленные народы Южной Сибири, вела активную внешнюю политику со странами Дальнего Востока и Средней Азии. Обнаружены прямые связи Саяно-Алтайского нагорья с Волжской Булгарией и Русью, бывшие задолго до монгольского нашествия – в сер. XI – нач. XIII в.

Столетнее сопротивление монгольскому нашествию (1207–1293 гг.), имело для южносибирской страной губительные последствия, однако, накопленная ею экономическая мощь и отлаженная государственная система продолжали определять судьбу Сибири от Оби до Байкала вплоть до включения в Российское государство в нач. XVIII в. В подтверждение тому Л. Р. Кызласовым приведены конкретные факты.

Тщательная проработка до того неведомых свидетельств истории, как и постоянная просветительская лекционная работа (включая места полевых изысканий) были той общественной работой, которую Л. Р. Кызласов считал своим предназначением. Он знал, для кого работал. Неслучайно им изучались истоки национальной культуры, условия и механизмы исчезновения одних и сохранения других языков Евразии, включая возможности их будущего развития [1997; 1998; 2002].

К области просветительской деятельности относится, несомненно, и формирование музейных фондов местных и центральных музеев СССР, которым активно занимался Л. Р. Кызласов. Археологические коллекции стали поступать в Хакасский музей уже в первый год работ экспедиции и ныне составляют основу соответствующих фондов и экспозиций.

Можно поражаться тому, как много смог сделать один человек.

Он сам ставил конкретные исследовательские цели и задачи, для решения которых сам находил памятники. Такая полевая археология и есть фундаментальная наука. Хоздоговорные, т. н. охранные работы – лишь прикладная дисциплина,

подчиненная случайным внешним обстоятельствам.

Особенное место среди трудов Л. Р. Кызласова занимает первая в науке академическая «Исто-

рия Хакасии с древнейших времен до 1917 года» [1993], ответственным редактором и автором которой он был.

УДК 929

В. Н. Тугужекова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

ВКЛАД Л. Р. КЫЗЛАСОВА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье анализируется вклад Л. Р. Кызласова в изучении истории и культуры Тувы и Хакасии. Приставлен перечень научных направлений исследований, публикации, выделены экспедиции, которые возглавлял ученый. Акцентируется внимание на его вклад в разработку тем северного ответвления манихейского вероучения с выделением центра в Хакасии, городской культуры. Предлагается создание академической биографии Л. Р. Кызласова.

Ключевые слова: Тува, Хакасия, древняя и средневековая история, археологическая экспедиция.

V. N. Tuguzhekova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

L.R. KYZLASOV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF HISTORY AND CULTURE OF SOUTH SIBERIA

The article analyzes L. R. Kyzlasov's contribution to the study of the history and culture of Tuva and Khakassia. A list of scientific research areas, publications, and expeditions led by the scientist are attached. Attention is focused on his contribution to the development of the themes of the northern branch of the Manichean creed with the allocation of the center in Khakassia, urban culture. It is proposed to create an academic biography of L. R. Kyzlasov.

Keywords: Tuva, Khakassia, ancient and medieval history, archaeological expedition.

О вкладе Л. Р. Кызласова в историю и культуру народов Южной Сибири хотела бы начать словами его ученицы Валентины Ивановны Козенковой (1931–2021), известного российского археолога, доктора исторических наук: «Благодарность будут испытывать те народы, чью историю с нуля сумел восстановить Л. Р. Кызласов, от каменного века до открытия Древнехакасского государства. Поэтапное, последовательное изучение древностей Южной Сибири позволило выявить этногенетические основы современного населения Хакасии как длительный процесс смешения древних коренных жителей, динлинов, с пришлым тюркоязычным контингентом. Л. Р. Кызласовым создана периодизация и хронологическая классификация древней и средневековой истории Тувы и Хакасии в синхронном сопоставлении не только с памятниками Алтая и Монголии, но также с европейскими древностями. Положено начало работы по классификации рунических надписей с выделением особой формы енисейского письма. Доскональное исследование письменных источников в комплексе с археологическими артефактами позволило Л. Р. Кызласову твердо полагать, что изучаемый регион находился в общем евразийском поле развития цивилизации с глубокой древности, вплоть до первых, подготовленных ходом истории, про-

движении русских первопроходцев на восток» [Козенкова 2008: 190].

Это далеко не полный перечень научных направлений, которые интересовали Л. Р. Кызласова.

Леонид Романович Кызласов – ученый энциклопедических знаний. Его научный интерес широк и многогранен: археология, история, филология, культура, религия народов Сибири, Средней и Центральной Азии. За свою долготлетнюю научно-педагогическую деятельность Л. Р. Кызласов возглавлял несколько археологических экспедиций Московского университета: Хакасскую (1950–1991), Тувинскую (1955–1985), Киргизскую (1953–1956), Славянскую (1967), материалы которых легли в основу многочисленных работ, охватывающих период от каменного века до XVII–XIX вв. [Кызласов 2001: 147]. В 1993–2002 гг. Хакасская археологическая экспедиция, научным руководителем которой был профессор Кызласов [Кызласов 2014: 29].

Итогом экспедиций в Хакасию и Туву, стали его уникальные работы по древности и средневековью. В 1953 г. Кызласов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Таштыкская эпоха (I в до н. э. – V в н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины». Но не только любимая Хакасия привлекла его, более 30 лет он воз-

главлял полевые и лабораторно-архивные изыскания Тувинской археологической экспедиции МГУ. С 1955 г. экспедиция Л. Р. Кызласова вела широкое археологическое обследование Тувы. Благодаря этой работе уже через три года впервые в науке была создана шкала всех древних культур, через пять лет – раннесредневековых, а через 9 – всех средневековых культур Тувинской котловины. Систематизация и периодизация многообразных археологических источников была завершена в 1964 г. [Кызласов 2014: 33]. В октябре 1966 г. Л. Р. Кызласов блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «История Тувы в средние века». Монография вышла в 1989 г.

25 лет назад впервые обратилась к биографии Л. Р. Кызласова, в связи с его 75-летием. (Опубликована в Ученых записках ХакНИИЯЛИ в 2000 г.). Важно, что в этом номере Ученых записок опубликована работа Л. Р. Кызласова «Сибирское манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии» [Кызласов 2000: 12-37].

Леонид Романович отмечает, что проникновение манихейства в Сибирь, до сих пор не изучалось, поэтому не существовало ясного представления о северном ответвлении манихейства и его истории. Настоящая статья является первым ответом исследования этой важнейшей темы, без рассмотрения которой нельзя представить себе истинную духовную культуру народностей, обитавших в Сибири в средние века [Кызласов 2000: 13].

Л. Р. Кызласов отмечает, что в VIII–XIII вв. в Сибири существовал крупный очаг северного ответвления манихейского вероучения. Центром его стала Хакасско-Минусинская котловина, а затем степи и горы всего Саяно-Алтайского нагорья.

Раскопки археологов в Хакасии выявили два важнейших городских храмово-монастырских центра: один в степи, другой в горах Батенёвского кряжа. Степной город был столичным и располагался в дельте реки Уйбат, левого притока Абакана. На протяжении пяти веков в этом духовном центре действовали не менее одиннадцати манихейских храмов [Кызласов 2000: 17].

Раскопки этих двух священных объектов проводились в течение 1971–1981 гг. Хакасской археологической экспедицией под руководством Л. Р. Кызласова [Кызласов 2000: 35]. По итогам раскопок Л. Р. Кызласовым было опубликовано несколько статей о манихейском храме и сибирском манихействе [Кызласов 1999].

Южносибирское манихейство свободно развивалось до монгольского нашествия.

Важным направлением в археологических исследованиях Л. Р. Кызласова являлось изучение, поиск и раскопки древних городов.

К своему 80-летнему юбилею он решил выбрать городскую тематику: он пишет «встре-

тить городские руины довелось в студенческие годы при раскопках в 1946 г. дворца гуннского наместника Ли Лина под современным Абаканом, а также в поисковых маршрутах 1946–1947 гг., пройденных в Хакасии и Туве в составе отряда, возглавляемого С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой» [Кызласов 2006: 4].

Впоследствии свою книгу «Гуннский дворец на Енисее» [Кызласов 2001] Леонид Романович посвятил своим учителям Варваре Павловне Левашовой, Лидии Алексеевне Евтюховой и Сергею Владимировичу Киселёву.

Кызласовым на территории Тувы и Хакасии обнаружено и обследовано 17 городов VIII–IX вв., два города VIII–XIII в. и шесть городов XIII–XIV вв., а также два храма II–I вв. до н. э. и до 12 храмов и святилищ VIII–XII вв. на землях Хакасии [Кызласов 2006: 14, 35].

Леонида Романовича, как ученого, отличает комплексный подход к изучению проблем: применение данных археологии, этнографии, письменных источников, филологических (лингвистических, топонимических, фольклорных и др.), антропологических и прочих разработок. Именно Кызласовым впервые осуществлена наиболее полная подборка сведений письменных источников по истории Южной Сибири для всех регионов, владевших письменностью, и всех народов, интересовавшихся нашими землями. На сегодня, наверное, нет специалиста, глубже и шире воспринимающего особенности исторических процессов, происходящих в Южной Сибири.

Леонид Романович – автор свыше 350 научных трудов, в том числе 18 монографий и 12 книг. Среди них такие фундаментальные труды, как «Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины» (1960), «Древняя Тува» (1979), «История Южной Сибири в средние века» (1984), «Древнейшая Хакасия» (1986), «Очерки по истории Сибири и Центральной Азии» (1992), «Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования» (2006) и др. Он принимал участие в работе над коллективной монографией «Степи Евразии в эпоху средневековья» (1983). Под его редакцией в 1993 г. вышла «История Хакасии с древнейших времен до 1917 года». Работы Л. Р. Кызласова в переводах были изданы в ряде зарубежных стран: США, Германии, Италии, Польше, Турции, Индии, Японии. Его труды получили международное признание, в 1990 г. вышла на немецком языке в Германии монография «Древнейшая Хакасия».

В далеком 2004 г. состоялся Ученый Совет ХакНИИЯЛИ, посвященный 80-летию со дня рождения Л. Р. Кызласова, на котором было принято обращение к главе Республики Хакасии о переиздании работ Л. Р. Кызласова. Письмо на имя А. И. Лебедева было подписано

В. А. Кузьминым, С. П. Ултургашевым, В. Н. Тугужековой, Г. Г. Кужаковой и В. М. Торосовым.

А. И. Лебедь оказал финансовую поддержку в издании книги Л. Р. Кызласова «Городская цивилизация срединной и северной Азии», которая вышла в 2006 г.

Предложение: опубликовать статьи Л. Р. Кызласова в нескольких сборниках. Хотелось бы, чтобы кафедра археологии МГУ начала работу по созданию академической биографии Л. Р. Кызласова.

Список литературы

Козенкова В. И. Памяти Леонида Романовича Кызласова (24.03.1924-24.07.2007). // Российская археология. 2008. № 1. С. 188–192.

Кызласов И. Л. Очерк научный, педагогической и общественной деятельности // Леонид Романович Кызласов (1924–2007). Библиографический справочник. [Сост. И. Л. Кызласов, А. А. Ищенко; под общей ред. И. Л. Кызласова. Абакан. 2014. С. 9–51.]

Кызласов Л. Р. Сибирское манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. // Хакасия: История и современность. Ученые записки. Выпуск XXI. Новосибирск. 2000. С. 12–37.

Кызласов Л. Р. Выше указ. соч. С. 13.

Кызласов Л. Р. Выше указ. соч. С. 17; С. 35.

Кызласов Л. Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия). // Российская археология. 1992. № 2. С. 181–206; Сибирское манихейство. // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 26–311 и др.

Кызласов Л. Р. Городская цивилизация срединной и северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит. 2006. 360с.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее. М.: Вост. лит. 2001. 176 с.

Тугужекова В. Н. Леониду Романовичу Кызласову – 75. // Хакасия: История и современность. (Учен. Зап. Хак. научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Вып. XXI). Новосибирск: Наука, 2000. С. 145–148.

ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ КЫЗЛАСОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ: ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

УДК 902/904+929

И. А. Агапьева

Издательство «Русское слово» (Москва)

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

(сдать зачёт по археологии – одно, а поработать в экспедиции – совсем другое)

Лето 1973 года. Ура! Сессия позади и впереди археологическая практика и не где-нибудь в Рязани или в Смоленске, а в далекой загадочной Хакасии. Мы с моим сокурсником Сережей Реснянским перевелись с вечернего отделения на третий курс и были обязаны отработать такую практику и поэтому попали в эту экспедицию с ребятами с первого курса.

Честно говоря, о том кто будет нашим руководителем и что такое на самом деле археологическая практика мы никакого представления не имели. Однако, преисполненные самыми благостными предчувствиями, погрузились мы в поезд Москва–Абакан и начали свое движение к станции Ербинская, где, собственно, нам и предстояло копать. Рассказывать о том, как мы, молодые и беззаботные, провели в дороге четверо суток, смысла не имеет, поскольку это понятно каждому бывшему студенту.

Дорога позади и мы всей группой уже начали располагаться в здании школы. Естественно, никакого особого комфорта не было предусмотрено: спали на полу в спальных мешках, а кормились в отдельно стоявшей кухне. Готовили сами: наш руководитель – Леонид Романович – назначил поварихой одну из студенток, а в помощники ей добавил юношу-соученика (он должен был растапливать печку рано утром).

Руководитель практики провел с нами инструктаж: что и как мы должны делать на раскопе, кто конкретно и за что будет отвечать во время раскопок, как мы должны себя вести с местными ребятами и девочками. И утром мы впервые отправились на раскоп... В этой экспедиции вместе с нами трудилась и дочка руководителя Ирина, которая особыми льготами не могла похвастаться – и это также особая черта Леонида Романовича. Если не ошибаюсь, приехала еще племянница Таня из Красноярска с очаровательной беленькой болонкой Рики-Тики.

Леонид Романович, очертив круг наших обязанностей, сказал: «Ребята, начинайте, вперед!». Неожиданным было то, что руководитель практики разместился на раскладном стуле в самом центре раскопа под большим зонтом и сообщил нам следующее: «Я не собираюсь быть вашим надзирателем и, дабы скрасить ваш тяжелый труд, буду рассказывать вам об археологии; о том, что кон-

кретно я надеюсь обнаружить во время этой экспедиции; о Хакасии, её древних памятниках. А еще мне кажется уместным поделиться с вами воспоминаниями о моих студенческих годах». И уже стало интересно: мы не только начали заниматься раскопом, но и оказались в незапланированном уникальном, авторском (как сейчас бы назвали) лектории. Кто бы из нас мог подумать, что Леонид Романович учился вместе со Светланой Аллилуевой, ...Он нам рассказывал о том, насколько это была милая, скромная, хорошо воспитанная девушка. Очень способная (она параллельно училась на филфаке) и доброжелательная. На самом деле мы удивились, узнав о том, что всеильный папа разрешил дочери устроить скромную студенческую свадьбу в той небольшой квартире, которую и предоставил молодоженам на улице Грановского. На этой свадьбе гуляли соученики Светланы и в их числе наш Леонид Романович.

Рассказов о прошедшей войне практически не было: как и большинство бывших фронтовиков, Леонид Романович вспоминать о ней не любил. Поэтому лишь отрывочные сведения остались у меня в памяти: он окончил школу, когда началась война; один курс пробыл студентом, достигнув 18-ти лет, пошел в армию, стал танкистом и в 1945-м получил тяжелое ранение.

Наша экспедиция продолжила начатые в 1972 г. раскопки манихейского храма 8–10 вв., а он был на тот момент первым и самым древним на территории России. Работа на раскопе была достаточно сложной: стены сооружения были из сырцового кирпича, и любое резкое движение совком могло за несколько минут нанести непоправимый урон. Естественно, что руководитель экспедиции много времени уделял рассказам (не могу называть их лекциями, потому что информация подавалась в свободной, легкой форме) и о манихействе, и о принципах создания древних храмов, их функциях и убранстве.

Вернусь к первому дню на раскопе. Жарко, пыльно и мошкá – вот такие малорадостные впечатления. Но не все столь трагично: ровно в полдень появляется молодой человек с большущим бидоном, кружками и нарезанными кусками местного замечательного хлеба (это был действительно на редкость вкусный, дырчатый белый хлеб в форме кирпича). А в бидоне прохладное

вкуснейшее молоко, о котором можно только мечтать. Каким образом и с кем договаривался руководитель практики, нам было неизвестно, однако до самого последнего рабочего дня в любую погоду нам на раскоп привозили молоко. Наша смена закончилась, и мы бодрые и беспечные пошли в свою школу. Чуть-чуть передохнув, стали разбредаться по интересам: кто-то играть в волейбол, кто-то в шашки, а кто-то отправился изучать поселок, где нам предстояло провести почти месяц.

Перед входом в школу было большое крыльцо, на котором стояли два небольших стола и после ужина к нам вышел Леонид Романович. У него с собой была маленькая потрепанная книжечка в бумажном переплете, как оказалось «Сборник советских песен» и, соответственно, зашел разговор о том, а не спеть ли нам всем вместе? И большинство решило – спеть! Назвать наше не очень стройное пение безупречным не решусь, ОДНАКО мы пели вдохновенно, чем порадовали руководителя. Чуть позже каким-то фантастическим образом нам удалось добыть такой же сборник (одного нам явно не хватало, поскольку не все слова песен от начала и до конца мы твердо знали) и староста нашей группы по фамилии Нарышкин и по прозвищу Князь хорошо поставленным голосом объявлял: «Подмосковные вечера», страница 23».

Дабы завершить тему «Пение», добавлю: довольно часто во время работы на раскопе, видимо, для поднятия настроения, наш руководитель предлагал нам выбрать какую-то определенную тему песен, вспомнить их и, естественно, спеть. Прекрасно помню, что нас донимала жара и первой темой, которую мы коллективно выбрали, была «Дождь»! Если не ошибаюсь, то примерно за час мы 15–20 песен вспомнили и, естественно, пропели. Потом были разные другие темы, но эту я запомнила надолго.

Услышав наш нестройный, но старательный хор, по вечерам к крыльцу стали подходить самые смелые и решительные из местной молодежи. Леонид Романович поднимался со скамейки и предлагал ребятам присоединиться к нашему пению, но если им это неинтересно, то они могут просто познакомиться с нами и потом приходить к нам в гости. Так началось наше общение с местными, которое за все время пребывания в Ербинской ни разу не было ничем омрачено. А когда выяснилось, что один из соучеников – Коля Коваленко играет на баяне, кто-то из местных ребят принес нам баян и до завершения экспедиции мы все вместе пели под музыку. И, конечно же, это – заслуга руководителя, который умело выстраивал отношения не только с местной молодежью, но и с более серьезными персонами. Недаром мы не голодали; нам к школе привозили воду, чтобы мы могли после работы ополоснуться; всегда были сухие и качественные дрова, бензин, и поэтому иногда на экспедици-

онной машине наш водитель Володя возил нас на озеро купаться...

Дисциплина на раскопе была железная: никаких отлучек, прогулов, отлынивания от прямых обязанностей. Однако после работы, вечером, нам разрешалось проводить свое свободное время по собственному усмотрению при условии, что Леонид Романович или староста Борис Нарышкин-Князь будут в курсе того куда мы направились. А направлялись мы по разным направлениям!

Совершенно неожиданно в местном магазине мы обнаружили залежи варенья из мандаринов, сваренное в Сухуми, и стоило оно 40 копеек. Вкусотища была сказочная и примерно через неделю все запасы этого варенья закончились, чему несказанно радовалась приветливая продавщица. Никто из жителей поселка покупать такой товар и не собирался – а зачем? Рядом в лесу и в полях лесная клубника, земляника, малина и кислица (дикая красная смородина и совсем не кислая!) из которой принято варить домашнее варенье. Таким ароматным вареньем нас и потчевали ребята, когда мы приходили к ним домой в гости, а нас часто приглашали (возможно, только девочек...). Но и нашим молодым людям частенько перепадало еды из домашних запасов: сало и домашняя тушенка (ничего общего не имеющая с заводской).

Еще нам разрешалось кататься с мальчишками на мотоциклах, и они возили нас в сопки – это было страшновато, но безумно интересно – приключение! Какой же красоты панорама открывалась сверху! Живя и работая внизу, мы даже представить себе не могли, что окружает нас: город Сорск, озеро и молибденовый рудник вдали; поселок, наша школа и раскоп; море цветов рядом с нами на сопке: голубой цикорий и оранжево-желтые жарки, сочная изумрудная трава.

Перед одним из выходов Леонид Романович сказал: «Завтра мы едем в «Долину тагарских царей» и потом ненадолго заглянем в тундру!». Это было для нас настоящим подарком, поскольку о таком приключении мы даже мечтать не могли. Утром, погрузившись в экспедиционный грузовик, мы отправились в путь и прибыли в загадочную долину. Мы были совершенно ошеломлены, увидев плоские каменные плиты, расположенные неровными квадратами вокруг курганов, что придавало им загадочности. Как же интересно нам рассказывал наш руководитель об истории этих курганов, о тагарцах (создателей тагарской археологической культуры), их отличии от европейских скифов, о тагарских воинах и «царях»... «А теперь я вас всех удивлю», – сказал Леонид Романович и подвел нас к плите, на которой мы с изумлением увидели изображение верблюда!!! «Да, – продолжил он – здесь, в хакасских степях, до XVIII в. разводили верблюдов, служивших караванным транспортом, но жизнь

не стоит на месте». По дороге домой мы заехали на полчаса в горную тундру и хотя бы смогли составить представление о том, насколько она отличается от привычных для нас лесов: другие краски, другие кусты и цветы, другие запахи.

Прошел месяц, и наша экспедиция закончилась, нужно было ехать в Абакан и возвращаться в Москву. Вещи собраны, можно уезжать и нас всех собирает Леонид Романович, чтобы подвести итоги и неожиданно сообщает: «Вы хорошо поработали, мы многое успели сделать, и я принял решение: Володя (наш водитель) отвезет вас на Енисей в Шушенское – когда вы еще туда выберетесь сами... – а оттуда уже в Абакан». Вот такого щедрого подарка мы даже представить себе не могли. Мы долго тряслись по ухабам

и рытвинам таежных дорог, а поздно вечером прибыли в Шушенское, затем провели там целый день и даже умудрились прокатиться на «Ракете» по Енисею.

Как же нам всем повезло оказаться в археологической экспедиции с таким крупным специалистом, замечательным рассказчиком и лектором, строгим и доброжелательным руководителем, вместе с которым мы не только трудились, но и пели песни и смогли немного попутешествовать.

Автор заранее приносит извинения за допущенные фактологические и хронологические ошибки: все же прошло 50 лет!

Ударения в тексте проставлены в соответствии с местным произношением.

УДК 94 (571.1)

М. А. Демин

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

«ВСЕ ОЧЕНЬ СВЕЖО, СМЕЛО И УБЕДИТЕЛЬНО»: К ПЕРЕПИСКЕ Л. Р. КЫЗЛАСОВА И А. П. УМАНСКОГО

Выдающийся российский ученый, профессор Московского университета Леонид Романович Кызласов никогда не забывал о своем сибирском происхождении и по возможности старался поддерживать своих провинциальных коллег. В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимоотношений Л. Р. Кызласова и барнаульского историка и археолога А. П. Уманского. Переписка между двумя учеными завязалась после того, как эксперт ВАКа Л. Р. Кызласов отметил кандидатскую диссертацию Уманского как заметное научное явление и поздравил его с присуждением искомой степени. Их контактам способствовала схожесть биографии и гражданской позиции. Они родились с разницей в полгода, во время Великой Отечественной войны оба защищали Родину в танковых войсках, а в мирное время занимались проблемами истории и археологии Южной Сибири. Л. Р. Кызласов дал высокую оценку книги А. П. Уманского «Телеуты и русские в XVII-XVIII веках», оказал поддержку в утверждении его докторской диссертации. В свою очередь А. П. Уманский откровенно делился с московским коллегой своими критическими суждениями о российских реалиях 1990-х гг. Впоследствии Л. Р. Кызласов подготовил статьи для юбилейного, а затем и мемориального сборников в честь «товарища и единомышленника» А. П. Уманского.

Ключевые слова: Л. Р. Кызласов, А. П. Уманский, переписка, история, археология.

M. A. Demin

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

“EVERYTHING IS VERY FRESH, BOLD, AND CONVINCING”: ON THE CORRESPONDENCE OF L. R. KYZLASOV AND A. P. UMANSKY

Leonid Romanovich Kyzlasov, a well-known Russian scientist and professor at Moscow University, never forgot about his Siberian origin and tried to support his provincial colleagues whenever possible. The article discusses some aspects of the relationship between L. R. Kyzlasov and the Barnaul historian and archaeologist A. P. Umansky. The correspondence between the two scientists began after the Higher Attestation Commission expert L. R. Kyzlasov noted Umansky's thesis for the Candidate degree as a notable scientific phenomenon and congratulated him on awarding the desired degree. Their contacts were facilitated by the similarity of biography and citizenship. They were born less than six months apart; during the Great Patriotic War, they both defended their homeland in tank troops; and in peacetime, they dealt with the problems of history and archaeology of South Siberia. L. R. Kyzlasov praised A. P. Umansky's book "Teleutes and Russians in the 17th-18th centuries", supported the approval of his thesis for the Doctoral degree. In turn, A. P. Umansky openly shared with his Moscow colleague his critical judgments about the Russian realities of the 1990s. Subsequently, L. R. Kyzlasov prepared articles for the jubilee and then memorial collections in honor of "comrade and like-minded person" A. P. Umansky.

Keywords: L. R. Kyzlasov, A. P. Umansky, correspondence, history, archaeology.

Выдающийся российский ученый, профессор Московского университета Леонид Романович Кызласов никогда не забывал о своем сибирском

происхождении и по возможности старался поддерживать своих провинциальных коллег. В данной публикации остановимся на отдельных

моментах взаимоотношений Л. Р. Кызласова и барнаульского историка и археолога А. П. Уманского.

В статье, посвященной 100-летию юбилею со дня рождения А. П. Уманского, который отмечался в 2023 г., И. Л. Кызласов отмечал, что этих ученых сближали не только высокие требования к научным исследованиям, но и единство судеб. Они родились с разницей в полгода, окончили среднюю школу в 1941 г., танкистами защищали Родину в годы Великой Отечественной войны, а затем посвятили свою жизнь изучению родной для них Южной Сибири [Кызласов 2023: 20–27].

Переписка между учеными завязалась после защиты А. П. Уманским в Новосибирском государственном университете кандидатской диссертации «Телеуты и их тюркоязычные соседи в XVII веке (очерк внешнеполитической истории)», которая попала на рецензирование к эксперту ВАКа Л. Р. Кызласову. После прохождения процедуры утверждения диссертации в апреле 1971 г. Леонид Романович посчитал необходимым лично сообщить об этом соискателю и поздравить его с «весьма ценной работой». Московский ученый пишет: «Для меня чрезвычайно интересной оказалась и тема Вашей работы, и, в особенности, постановка и решение проблемы социально-экономического и политического строя телеутских племен XVII в. Все очень свежо, смело и убедительно»¹⁴. Далее Л. Р. Кызласов высказывает пожелание о публикации диссертации в качестве монографии и обращается с просьбой выслать отгиски статей А. П. Уманского, опубликованных в сибирских изданиях: «Судя по названиям, ...это интересные и важные работы для многих сибиреведов и в том числе для меня»¹⁵. В свою очередь Л. Р. Кызласов сообщает о готовности выслать барнаульскому исследователю свои работы. В конце письма он делает краткую приписку о том, что видел в Эрмитаже «найденные Вами на Чарыше роскошные аварские вещи, но когда они будут опубликованы?»¹⁶

В дальнейшем контакты двух ученых не прерывались. Они обменивались поздравлениями и литературой, А. П. Уманский рекомендовал Л. Р. Кызласову для поступления в аспирантуру МГУ своего студента С. В. Неверова, который успешно защитил под руководством профессора Кызласова кандидатскую диссертацию по археологии.

Следующее письмо Л. Р. Кызласова, которое есть в нашем распоряжении, связано с выходом в свет в 1980 г. монографии А. П. Уманского, которая впоследствии защищена им в качестве докторской диссертации [Уманский 1980: 296]. Публикация работы вызвала определенные затруднения, которые автор связывал с недоброжелательной позицией ленинградского историка и этнографа Л. П. Потапова. По случаю издания «прекрасной книги» Л. Р. Кызласов прислал А. П. Уманскому эмоциональное поздравление. Именитый столичный ученый писал, что «давно уже не приходилось видеть в сибирской истории исследователя, справедливо и истинно по-ленински оценивающего исторический процесс». Сопоставление с вождем большевиков на тот момент было наивысшей похвалой для советского человека. Далее московский ученый с не меньшим пафосом восклицал: «Лед «потаповщины» взломан безвозвратно и теперь на нашей исторической реке Вы, как белый парус, маящий в светлые дали!» По утверждению Л. Р. Кызласова, не следует опасаться дальнейших противодействий со стороны ленинградского оппонента, поскольку тот уже не имел административного влияния. В конце письма Леонид Романович желал своему барнаульскому коллеге здоровья, «новых книг, открытий и радостей»¹⁷.

Защита А. П. Уманским докторской диссертации состоялась в Новосибирске в июне 1983 г. Перед защитой соискатель обратился с просьбой об отзыве к своему авторитетному московскому коллеге. Однако Леонид Романович «по делам сердечным» был болен, и врачи запретили ему работать. Об этом он открыткой кратко сообщил А. П. Уманскому, сопроводив ее оптимистической припиской: «Верю в Вас – защитите прекрасно!»¹⁸.

Защита действительно прошла успешно: диссертационный совет единогласно рекомендовал присвоить соискателю искомую степень. Однако утверждение работы в ВАКе затягивалось. В связи с этим А. П. Уманский в апреле 1984 г. обращается к Л. Р. Кызласову со «слезной просьбой» узнать о судьбе защищенной диссертации: «...Боюсь, что не обошлось без «черного оппонента»...из лагеря Л. П. П.» [Л. П. Потапова. – М. Д.]¹⁹. В действительности произошло то, чего опасался А. П. Уманский. Через несколько дней после отправки письма Л. Р. Кызласову он получает из ВАКа сообщение, что на его работу

¹⁴ Государственный архив Алтайского края. – Ф. Р-1820. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 58-58 об.

¹⁵ Там же. Л. 58 об. Опубликовать диссертацию в виде книги в двух частях автору удалось только в 1995 г.

¹⁶ Там же. Л. 59 об. Речь идет об исследованном А. П. Уманским «княжеском» погребении «эпохи великого переселения народов» из Тугозвонovo на Чарыше. Опубликован памятник в 1978 г. в сборнике «Древние культуры Алтая и Западной Сибири».

¹⁷ ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 151. Л. 17.

¹⁸ ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 151. Л. 4.

¹⁹ Цит. по: М.А. Демин. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул: АлтГПУ, 2018. С. 205.

поступил отрицательный отзыв. В данной ситуации московский ученый оказал существенную, а может быть и определяющую поддержку своему сибирскому коллеге. Он пишет непосредственно в ВАК развернутый отзыв на книгу Уманского, защищенную в качестве докторской диссертации. Этот отзыв, который недавно опубликовал И. Л. Кызласов, содержит очень высокую оценку работы барнаульского исследователя. При этом, как человек изнутри знающий «кухню» принятия ВАКовских решений, Леонид Романович в отзыве останавливается не только на научных достоинствах книги, но особо подчеркивает ее «остро-политическое звучание», вклад автора «в борьбу с нашими идеологическими противниками», критику «буржуазных и маоистских фальсификаторов и шовинистов» [Кызласов 2023: 26]. В итоге экспертная комиссия ВАКа присудила А. П. Уманскому искомую степень.

После такого деятельного участия Л. Р. Кызласова в судьбе барнаульского автора взаимоотношения двух ученых стали еще более теплыми и доверительными. В письме от 16 мая 1993 г. А. П. Уманский благодарит московского профессора за присланную книгу «Письменные известия о древних городах Сибири», сетует на то, что ему до сих пор не удалось издать все материалы о телеутах и большую часть накопленных археологических источников, и откровенно высказывается о современной ситуации в России. По его словам, в жизни «все обрыдло, все противно, не видно никакого просвета». Смену социально-политического уклада в стране и обесценивание рубля он переживает болезненно: «Нас объедали и угайдали... вот где истинное «ограбление века». С особым возмущением и горечью он пишет о том, что в средствах массовой информации пытаются пересмотреть роль ветеранов Великой Отечественной войны: «Иной раз, кажется, что демовласти не прочь поскорее нас вытравить как тараканов, ведь мы – «краснокоричневые». Негативную оценку он дает и ряду новаций в исторической науке: идеализации дореволюционной России, возвеличиванию дворянства, казачества, эмиграции и пр. Критически высказывается он о том, что судьбы России решает «часть москвичей»: «Иногда мне кажется, что коррупция в Москве известна со времен Юрия Долгорукого и Кучковичей»²⁰. Откровенная характеристика А. П. Уманским российских реалий 1990-х гг. свидетельствует не только о доверительных отношениях двух ученых-ветеранов Великой Отечественной войны, но и, очевидно, о близости их мировоззрения и гражданской позиции, схожести восприятия болезненных изменений, происходивших в стране.

К 75-летию юбилею А. П. Уманского Л. Р. Кызласов на имя автора настоящей публи-

кации направляет письмо, в котором говорится: «...Мне очень хочется поздравить и ободрить глубокого и во всем заслуженного человека, моего, можно сказать, однополчанина-танкиста по Великой Отечественной войне, давнего коллегу и по гражданской профессии тоже, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Учителя учителей и земляка-южносибирца! Словом, – хорошего человека!» [Уманский 1998: 43].

Юбилейной дате был посвящен изданный лабораторией исторического краеведения Барнаульского пединститута сборник статей «Вопросы археологии и истории Южной Сибири». Л. Р. Кызласов для публикации в сборнике прислал статью «Древнейшие крепости Западной Сибири», в которой он формулирует идею о том, что на протяжении свыше 3600 лет в Сибири существовали два вида фортификационных сооружений: мысовские крепости с дополнительными сооружениями из валов, рвов и деревянных палисадов и деревянные городища («первогорода») с наземными «жилыми стенами» [Кызласов 1999: 11].

В 2005 г. А. П. Уманский ушел из жизни. К 85-летию со дня его рождения кафедрой отечественной истории Барнаульского педуниверситета был выпущен сборник «Вопросы археологии и истории Сибири». Л. Р. Кызласов, несмотря на преклонный возраст, не считал возможным остаться в стороне от участия в этом мемориальном издании и прислал для публикации статью «Городская цивилизация Сибири и Средней Азии: постановка тематики исторических и археологических исследований». К сожалению, работа вышла в свет уже после кончины московского ученого.

В начале статьи Леонид Романович обращается к памяти об Алексее Павловиче Уманском – «фронтовике и ученом-первопроходце, моем товарище, и единомышленнике». Автор как бы продолжает диалог со своим ушедшим соратником, утверждает несомненную значимость жизненного пути людей, прошедших через горнило войны, а затем активно участвовавших в созидательной деятельности: «Наше поколение покидает мир, который оно отстояло в кровавых битвах, подняло из руин и укрепляло материально и духовно ко славе всех народов страны...» [Кызласов 2008: 54].

Сама статья посвящена не частным фактологическим сюжетам, а поднимает принципиальную тему, ставшую, по словам Л. Р. Кызласова, «одной из главных в моей долгой исследовательской жизни, ...и значимую для всех сибирских ...историков и археологов». Эта тема касается существования в древней и средневековой Сибири городских поселений. Автор включает ее в контекст более общей методологической

²⁰ Письмо А.П. Уманского Л. Р. Кызласову от 16 мая 1993 г. // ГААК. – Ф. Р. 1820. Неописанные материалы.

проблемы изучения сибирских древностей не как «экзотических заповедников дикости», а в русле общечеловеческих цивилизационных процессов. Идеи, высказанные в статье, ученый рассматривает в качестве основы для последующих коллективных изысканий, подчеркнув, что это «не итог, а устремление многолетних исследований в будущее» [Кызласов 2023: 58]. На последнюю фразу хотелось бы обратить особое внимание. Завершая свою научную карьеру, Л. Р. Кызласов думает о том, чтобы его многолетние наработки и перспективные идеи не канули в лету, а получили развитие в трудах последующих поколе-

ний ученых. И эта забота о будущем науки также объединяет московского профессора с его барнаульским коллегой. А. П. Уманский до последних дней жизни трудился над обработкой и публикацией своих материалов. И даже в день кончины вычитывал рукопись монографии о раскопках археологического памятника эпохи поздней бронзы.

В заключение отметим, что длившаяся более 30 лет переписка между двумя учеными свидетельствует о близости их судьбы, гражданской позиции и понимания высокой ответственности ученого-историка за результаты своей деятельности.

Список литературы

- Государственный архив Алтайского края. – Ф. Р-1820. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 58-58 об.
Государственный архив Алтайского края. – Ф. Р-1820. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 4, 17.
Демин М. А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 404 с.
Кызласов Л. Р. Древнейшие крепости Западной Сибири // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: БГПУ, 1999. С. 11.
Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Сибири и Срединной Азии: постановка тематики исторических и археологических исследований // Вопросы археологии и истории Сибири. Барнаул: БГПУ, 2008. С 54-60.
Кызласов И. Л. А.П. Уманский и Л. Р. Кызласов: общность дела и судьбы (книжные пометки и дарственные надписи) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023 г. Вып. 18. С. 20-27.
Письмо А.П. Уманского Л. Р. Кызласову от 16 мая 1993 г. // ГААК. – Ф. Р. 1820. Неописанные материалы.
Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
Уманский А.П. Три четверти века. Сборник материалов к 75-летию со дня рождения. Барнаул: БГПУ, 1998. 110 с.

УДК 902/904

Г. Г. Король

Институт археологии РАН (Москва, Россия)

ЛЕОНИД РОМАНОВИЧ КЫЗЛАСОВ КАК ПЕДАГОГ И НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Воспоминания о Леониде Романовиче Кызласове охватывают в основном период 1970-х гг., когда автор проходила обучение под руководством своего Учителя. Отмечены общее отношение к процессу, а также некоторые педагогические приемы Л. Р. Кызласова обучения студентов и аспирантов на всех этапах – в стенах Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, в Хакасской археологической экспедиции и просто в жизни. Леонид Романович быть настоящим Педагогом, Учителем и научным руководителем, который в реальности был и Воспитателем своих учеников.

Ключевые слова: профессор Леонид Романович Кызласов, МГУ им. М.В. Ломоносова, Хакасская археологическая экспедиция, 1970-е гг.

G. G. Korol

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

LEONID ROMANOVICH KYZLASOV AS A TEACHER AND ACADEMIC SUPERVISOR

The author's memories of Leonid Romanovich Kyzlasov cover mainly the period of the 1970s, when she studied under the guidance of her Teacher. The paper notes general attitude and some pedagogical techniques of L. R. Kyzlasov in teaching undergraduate and postgraduate students at all stages – within the walls of Lomonosov Moscow State University, in the Khakass archaeological expedition, and in everyday life. Leonid Romanovich was a genuine Educator, Teacher, and academic supervisor, who, in fact, was also the Mentor for his students.

Keywords: Professor Leonid Romanovich Kyzlasov, Lomonosov Moscow State University, Khakass archaeological expedition, 1970s.

Учеба на кафедре археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1972–1980 гг.

(студенчество и аспирантура) под руководством профессора Леонида Романовича Кызласова, как и положено, сформировала всю мою научную

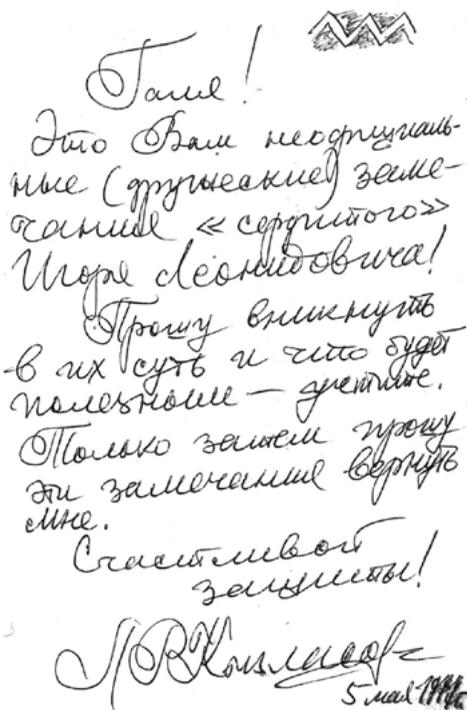
Обучение учеников-студентов

На этапе моего студенчества Леонид Романович уделял большое внимание, азам научной работы, объясняя, в какой форме следует писать текст, какую литературу читать, как ее правильно подбирать, на что обращать внимание в работах других и как их использовать. Мне запомнились наставления о цитировании чужих работ. Л. Р. Кызласов советовал всегда сводить такое цитирование к минимуму, лучше подытожить своими словами, прямую цитату вставлять в свой текст, в крайнем случае, когда сказано так удачно и точно, что лучше повторить. Мой нынешний редакторский опыт показывает, что коллеги иногда «грешат» пространственными цитированиями, превращая свою статью в чрезмерное повторение чужих мыслей. Леонид Романович всегда настаивал, что работа должна быть оригинальной, твоей.

При персональной работе со своим учеником Л. Р., давая оценку написанной студенческой работе, делал это деликатно, критика всегда была исключительно доброжелательной и конструктивной. И при этом студенту предоставлялась практически полная свобода в работе с материалом. Не было никаких жестких, навязываемых установок. Наоборот, Леонид Романович любил повторять: «Материал сам покажет, в каком направлении двигаться». На мои вопросы по специфическим тонкостям собственной темы, связанной с декоративным искусством, Л. Р. нередко отвечал: «Кто занимается орнаментом? Вы или я?». Направление помощи и поддержки в моей теме педагог тоже сразу определил, и это дало твердую «почву», на которой спокойно можно было разрабатывать особенности моего направления исследований. Отмечу, что научные темы Л. Р. предлагал каждому своему ученику с учетом его интересов и возможностей, помогая и в сборе материала, подсказывая, от каких отправных точек нужно оттолкнуться, с кем еще посоветоваться и обсудить проблематику. Для сбора материалов всегда предоставлялась возможность самостоятельных командировок в музеи, а для расширения кругозора и обмена опытом – участие в других экспедициях и помощь в организации таких поездок.

Иногда старшие коллеги (особенно при сборе мною материалов по научной теме) не верили в предоставленную педагогом свободу работы, кто-то однажды даже поставил мне условие, при котором будет предоставлен доступ к лекции: не следовать установкам руководителя. Но после рассказов о наставлениях Л. Р. такие люди «оттаивали» и делились любимыми материалами. Проблем с этим у меня никогда не было. Большинство коллег радушно встречали ученицу Л. Р. Кызласова, выказывая тем самым искреннее уважение к профессору.

Леонид Романович обучал студентов не только азам, а потом и тонкостям любимой науки – археологии. Своим отношением к делу, прояв-

Таня!
Это Ваши недоуменные (спущенные) замечания «сердитого» Игоря Леонидовича!
Странно выкинуть в их суть и это будет посылкой – значит.
Только зашифруйте эти замечания вернуть мне.
Спасибо за замечания!

Л. Р. Кызласов
5 мая 1977 г.

Записка с пожеланием счастливой защиты дипломнице – к замечаниям И. Л. Кызласова по диплому. 5 мая 1977 г.

(Небольшой листок, на котором нарисован мотив таиштыкского орнамента)

жизнь и в немалой степени подкрепила и утвердила жизненные позиции, заложенные в семье.

Леонида Романовича невозможно назвать просто преподавателем, это был ПЕДАГОГ, который мог проявить внимание не только к своим ученикам. Он мог дать важный совет в нужное время. Получившие когда-то такие советы до сих пор вспоминают об этом. Как-то мне поведали о такой истории на кафедре. Научная работа студента (НЕ ученика Л. Р.) получилась не цельной и логичной, как хотелось бы, в итоге после знакомства с ней руководитель остался недоволен, высказал свои пожелания. Но автору работы все же было непонятно, как это исправить. В итоге критическая ситуация – студент не может принять правильного решения. При случайной встрече в коридоре факультета с озабоченным и растерянным студентом кафедры Леонид Романович поинтересовался причиной такого состояния. Услышав о затруднениях, он нашел правильный, деликатный, но твердый тон и дал нужный совет. Человек последовал ему, что привело к позитивному результату, которым был доволен и руководитель. Благодарный студент (ныне давно уже сам преподаватель вуза) запомнил это на всю жизнь.

Обучение мы проходили повсюду – в университете на занятиях, в процессе работы над собственными темами, в экспедиции.

Отзыв
 о дипломной работе Король Г. Г.
 «Таштыкский орнамент, как исторический источник»

Судя по тому, что Г. Г. Король издала для дипломного сочинения довольно большую тему, несомненно, она разрабатывала в Сибирской археологии, но весьма важно для широты ее охвата, особенно археологических «каменоломней» — тем там много «новых» археологических находок. Изучение орнамента весьма перспективная для археологии тема, связанная в будущем проникновением не только в прошлый мир, но и в скрытую историю древних цивилизаций и культуры таежных племен. Это путь к изучению таежных племен такого рода в археологии. И методика, конечно, не менее и методические приемы и способы следования. Можно быть уверенным, что работа на употреблении сведений таблицы работы получила свое развитие. Она состоит из 6 глав и занимает 150 страниц машинописного текста.

Дипломантка использует огромный материал, в частности, цитирует почти все известное по орнаменту таштыкской эпохи (посуда, дерево, керамика, кости), вплоть до работы последних лет. Это проявилось в большой методической работе, посвященной классификации орнамента на керамику на основе их связи с орнаментом (глава 1), рассмотрено

первоисточников и хронологическая реконструкция орнамента на посуде (глава 2); выявлены конкретные типы узоров (глава 3) и рассмотрены детали орнамента (глава 4). Глава 5 посвящена исследованию орнамента, украшающего изделия из дерева, кости, глины и др.

В Главы 6 и 7 автором рассмотрены с выделением подгрупп и групп орнаментов изучение таштыкских орнаментов в различных широтах территории и хронологических срезах; выявлены сличения орнаментов с каменными, бронзовыми, железными, серебряными, золотыми, а также с орнаментами других эпох и культур. Имеет два раздела, посвященных проблеме происхождения орнамента в деле изучения археологии Таштыкской культуры.

Однако, автор не ограничилась и использованием орнамента этнографической керамики, в частности, представила первый опыт расчленения орнамента на таштыкский орнамент таштыкской культуры в этнографической сфере. Эти представления весьма важны в деле изучения орнамента таштыкской культуры и керамики, а также в деле изучения культуры таштыкской культуры.

Поскольку работа Г. Г. Король трудно переоценить. С нашей точки зрения, автор показала себя зрелым научным работником, способным решать сложные научные задачи и добиваться хороших результатов.

Профессор Л. Р. Кызласов
 21 мая 1977 г.

Отзыв о дипломной работе Король Г. Г. «Таштыкский орнамент как исторический источник». 21 мая 1977 г. (На обеих сторонах одной страницы)

ленном в научных трудах, семинарах и лекциях, он побуждал интерес студентов не только к предмету изучения, но и к региону, которым занимался и глубоко изучал его древнюю и средневековую историю.

Упомяну о спецкурсах — они всегда были не просто интересными, а увлекательными. Леонид Романович умел заинтересовать слушателей не только содержанием, но и подачей материала. И даже спустя годы после окончания учебы я не раз приходила на кафедру слушать какие-то новые курсы.

Обучение продолжалось и вне стен университета — в нашей любимой Хакасской археологической экспедиции, где мы проводили 3-4 месяца после летней сессии (чаще всего ее сдавали раньше, чтобы вместе с основной группой уехать «в поля»). В экспедиции помимо полевых работ и разведок (о чем ниже) всегда были обязательные выезды в Минусинский и Абаканский музеи. Нередко там проводились практические работы по фиксации музейных материалов, их описанию, фотографированию.

Запомнился такой сюжет. После 4-го курса, когда уже планировалась моя дипломная работа

та по таштыкскому орнаменту по материалам керамики, Леонид Романович предоставил мне (вместе с другими студентами) для обозрения реально огромную коллекцию орнаментированных средневековых украшений из цветного металла в хранилище Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова. Помню, все предметы были выложены археологом и хранителем археологической коллекции музея Н. В. Леонтьевым на большом длинном столе в помещении фондов. Все, кто приехал с нашей группой в музей, посмотрели мельком, и пошли дальше — изучать экспозицию.

Меня же Леонид Романович остановил и задал вопрос «между прочим» (все было очень деликатно, совершенно не нарочито, а именно между прочим) — ну как вам, понравилось? Мой ответ был искренним: «Впечатляет, но я очень сочувствую тому человеку, который будет изучать это море таких мелких и таких (как тогда казалось) исключительно разнообразных по форме и декору предметов». Только потом, через год, после защиты диплома по таштыкскому орнаменту²¹ и поступления в аспирантуру я узнала о предлагаемой мне для разработки в кандидатском

²¹ См. в приложении к настоящей статье сохранившиеся у меня автографы научного руководителя, профессора Л. Р. Кызласова по поводу диплома накануне его защиты.

исследовании теме, основанной на материалах, во всей красоте представленных нам тогда в музее. Похоже, этот показ был именно для меня – с дальним прицелом. И снова Педагог – в действии. Он заранее оценивал возможности ученика и продумывал его дальнейший научный путь. И знакомство с Н. В. Леонтьевым тоже было с перспективой на будущее. В последующие годы этот исключительно профессиональный и доброжелательный человек всегда искренне помогал мне во всем при работе в фондах музея.

Обучение в аспирантуре

Первые два года аспирант, как известно, занят в основном сбором материалов для написания диссертации. Предполагалось, что в диссертацию в каком-то виде войдет и часть дипломной работы. Основной упор в эти годы был сделан на сбор средневековой торевтики малых форм (ременных и других украшений из цветного металла, о которых упомянуто выше). А материал этот, происходящий из Минусинской котловины (шире – Саяно-Алтая и прилегающих территорий), разбросан по многим музеям нашей страны (тогда, напомним, СССР – от Санкт-Петербурга до Иркутска и Улан-Удэ, от Уфы до Усть-Каменогорска и Кызыла. И все музеи нужно было объездить, поработать с материалом, зафиксировать его и описать. Об организационной помощи со стороны научного руководителя в сборе данных уже сказано выше. На этом этапе поддержка была, как и в студенческие годы, но еще более основательной, ибо поездки связаны с многочисленными командировками и пр.

Помимо организационной поддержки Леонид Романович нередко подсказывал какие-то актуальные для моей работы аналогии среди моря опубликованного и не опубликованного материала. В качестве примера приведу две из них: находки из Поднепровья (одна – случайная находка со Среднего Днепра из дореволюционной публикации, другая – из материалов Гнездовской экспедиции, хранившихся на кафедре). Спустя годы, эти «подсказки» стали основой построения карты распространения одного специфического инокультурного орнаментального мотива «цветок смоквы» – от Среднего Днепра до Хингана в Китае, как и длинной цепочки аналогий практически идентичных композиций в виде расщепленной пальметты с гроздьями винограда (также инокультурной композиции) – от Гнездова до Амура [Король 2022: рис. 3, 5].

Леонид Романович всегда отслеживал, насколько эффективен аспирант в продвижении по сбору материала, а затем и в написании текста диссертационной работы, подготовки иллюстраций, которых, как известно, у археологов всегда

еще отдельный том помимо текста. Организация и контроль темпа работы аспиранта всегда актуальны для научного руководителя. Запомнилась такая ситуация. На третьем году аспирантуры, кажется, в конце зимы, когда я только приступила к написанию текста, Л. Р. вдруг вызвал меня и дал твердое указание сдать первые главы работы «через две недели» – он уезжает в дом отдыха (или санаторий) и возьмет с собой читать. Мне стоило значительного напряжения выполнить данное указание. Сдаю – в ответ слышу вопрос: «ЗАЧЕМ? Я же уезжаю». Оказывается, это было для стимуляции и проверки готовности аспиранта. Потом уже таких проверок не было. В экспедицию на весь сезон в тот год мне тоже велено было ехать (это в последние полгода аспирантуры). Но к тому времени текст уже был полностью готов, и Леонид Романович действительно читал его в экспедиции, в вечерние часы отдыха.

По итогам знакомства с текстом, на стадии фактически полной готовности работы – в последний момент, уже осенью, была поставлена задача полностью изменить Введение, для чего познакомиться со статьями об орнаменте как явлении в крупнейших энциклопедиях на основных европейских языках (английском, немецком, французском, итальянском). Их нужно было оценить, обобщить, дать обзор и сформулировать задачи своего исследования на этом фоне. Это, конечно, заставило привлечь не только свои познания в английском и худо-бедно – французском, но и навыки знакомых-родственников, которые помогли с немецким и итальянским языками. Задача была решена. Эти знания оказались очень полезными и в последующем. Позже по материалам диссертации по инициативе и при активном содействии Леонида Романовича была опубликована наша совместная работа [Кызласов, Король 1990].

Экспедиции

Как уже сказано выше, во время полевых сезонов тоже все время идет обучение. На раскопках – инструктаж и полное доверие, иногда даются чрезмерно (как тогда казалось) трудные задания. Например, в первый год работы на сложном средневековом архитектурном объекте мне было поручено делать чертеж поперечного профиля. Мы тогда «пробивали» траншею, чтобы понять характер сооружения. Все последующие годы работы на этом уникальном памятнике²² Леонид Романович не забывал похвалить сделанную когда-то мною работу, так как дальнейшие раскопки по всей площади большого памятника, сложного по стратиграфии, со строительными периодами, открывали на плане то, что было в первый год уже зафиксировано в профиле.

²² Известное место в 35 км от Абакана, тогда было обозначено в наших полевых документах, как Тутатчиков, здание II, ныне Уйбатский замок, манихейский храм в «Уйбатском городе» на подъезде к улусу Тутатчиков) [см., например: Кызласов 1998: 15–27].

1

2

Хакасская археологическая экспедиция МГУ им. М. В. Ломоносова. 1975 г. (ХАЭ-75). Выезды на памятники. 1 – Леонид Романович и Анна Владимировна Кызласовы за работой; 2 – Абаканский чаатас. На переднем плане – Л. Р. и И. Л. Кызласовы вместе с бессменным водителем экспедиции В. Пивкиным

A

1

2

*ХАЭ-75. Разведки. А: 1 – разработка маршрута, А. В. и Л. Р. Кызласовы, В. Пивкин;
2 – трапеза в полевом лагере Б*

Б

3

4

*ХАЭ-75. Разведки. Б: 3 – съемка Троицкого городища;
4 – у истоков р. Карасук, Л.Р. и И.Л. Кызласовы, В. Е. Войтов*

1

2

*Конференция в Минусинске. 2005 г.
1 – Салбык, Л. Р. Кызласов со своей ученицей И. В. Рукавишниковой; 2 – общее фото участников*

Когда в конце сезона приходилось сводить чертежи разных раскопов разных авторов в один, мне предоставлялись все возможности для спокойной работы, можно было взять машину и поехать на раскоп (не рядом) при необходимости что-то уточнить и т. п. Атмосфера всегда была спокойной, доброжелательной и конструктивной. Можно было все обсуждать, находить решения спорных вопросов.

В экспедиционной жизни запомнились вечерние и воскресные выезды на разные памятники, все их виды, с рассказами и объяснениями Педагога. Это были реальные полевые выездные лекции, иногда с практической работой по зарисовкам, копированием надписей и петроглифов (илл. 1). Иногда Л. Р. вывозил нас в выходные на поиски и сбор подъемного материала по берегу Енисея (тогда уже Красноярского водохранилища), особенно при низкой воде. Природные особенности создавали особые условия: после сильного ветра и песчаных бурь, дождей артефакты разных эпох можно было собирать прямо на песчаной поверхности. Это были настоящие семинары-практикумы, на которых можно было самому найти предмет любой эпохи и попробовать его идентифицировать и датировать под руководством профессора.

После стационарных раскопок на нашем уникальном объекте всегда организовывались разведывательные маршруты. В них происходил, как теперь можно было бы сказать, мониторинг известных памятников, их обмеры, фиксация, открытие новых. При этом не забывал Л. Р. и об отдыхе для маленького дружного коллектива (илл. 2). Объездили тогда всю Минусинскую котловину, были и в Туве, где тоже посетили все основные памятники, которые им же и исследовались. Так для нас проводился еще один этап обучения – на воздухе, вне стен университета, но с таким же тщательным подходом к научному предмету.

Обучение Жизни

Такое обучение происходило всегда, но особенно при подготовке к экспедиции – как собраться в дальний путь, как контролировать экспедиционный багаж (он мог состоять из множества упаковок) в поездке, как не отстать от поезда на остановках. Леонид Романович даже подавал нам пример физических разминок на остановках в наших долгих путешествиях в Хакасию. И потом уже в экспедиционных условиях – как общаться с самыми разными инстанциями, с корреспондентами, которых немало побывало на наших стационарных раскопках²³, упомянутых выше, с работавшими у нас местными школьниками и просто с участниками экспедиции. В таких экспедиционных условиях (не всегда

простых, со своими сложностями, что понятно и естественно) такое обучение разным аспектам обычной жизни происходило совершенно незаметно. Нам прививались навыки и элементарных умений, и важного в жизни умения общения с людьми.

Навсегда остались в памяти слова Леонида Романовича «НАРОДОМ НАДО РУКОВОДИТЬ!» при нашем доверительном разговоре совершенно на бытовую тему в условиях экспедиции. При иногда строгих разговорах давались очень серьезные поучения, а в глазах – смешинки. С первых лет совместной работы мне удалось уловить эту особенность, поэтому в дальнейшем не было серьезных обид или недовольства иногда кажущейся излишней внешней строгостью Педагога. Я относилась к своему наставнику и научному руководителю с большим уважением, он мне напоминал отца, тоже фронтовика-историка. При этом без излишнего пиетета могла прямо высказать свое мнение (так воспитали в семье), что, как мне кажется, Леонид Романович ценил.

Заключение

По прошествии лет только больше понимаешь, что именно таким и должен быть настоящий ПЕДАГОГ, УЧИТЕЛЬ И НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, который в реальности был и ВОСПИТАТЕЛЕМ, особенно для студентов, аспирантов, живших вдали от дома и собственных родителей-воспитателей. И в научной жизни для меня основы тщательного подхода к точной фиксации любого фактического материала, строгого критического подхода к нему, любовь к научной литературе и стремление не «лить воду» в письменных трудах и при этом писать понятно и доступно, чтобы было интересно не только узкому специалисту – все это заложено в первую очередь научным руководителем. Леонид Романович нередко говорил мне: «Как же вы скучно и академично пишете, заснуть можно. Нужно дать немного жизни, интриги даже в самую скучную проблему, чтобы это было интересно всем». Сам он так и писал и при этом обладал удивительным даром научного предвидения. Высказанные иногда на минимальных материалах гипотезы в дальнейшем оказывались абсолютно правомерными.

Последняя большая научная конференция, в которой Л. Р. принимал участие, была в Минусинске в 2005 г. (в ее оргкомитете была и я, общее фото участников см. на илл. 3: 2). Это была Международная конференция, посвященная 100-летию С.В. Киселева, учителя Леонида Романовича, о котором он довольно часто рассказывал своим ученикам. С мемориальным устным докладом «К столетию со дня рождения С.В. Киселева и Л. А. Евтюховой» в первый день

²³ Одна из них опубликовала книгу, где есть и глава о древней истории Хакасии, ее исследователе Л. Р. Кызласове и наших раскопках [Буркова 1980: 12–26].

заседаний 21 июня выступил и Леонид Романович. В рамках этих «Киселевских чтений» были и выезды на памятники, среди которых – знаменитый Салбык, Большой Салбыкский курган тагарского времени в регионе, исследовавшийся экспедицией под руководством С. В. Киселева в середине 1950-х гг. Теперь это «памятник под открытым небом». И даже здесь Леонид Романович не изменял себе – продолжал давать пояс-

нения и отвечать на вопросы заинтересованных слушателей (илл. 3: 1).

Минусинская котловина, древней истории которой Л. Р. Кызласов посвятил многие годы своей научной жизни, любовь к которой привил своим ученикам (думаю, всем без исключения) по-прежнему остается реальным музеем под открытым небом, с множеством археологических памятников.

Приложение

Автографы Л. Р. Кызласова.

1. Записка с пожеланием счастливой защиты дипломнице – к замечаниям И. Л. Кызласова по диплому. 5 мая 1977 г. (Небольшой листок, на котором нарисован мотив таштыкского орнамента).

2. Отзыв о дипломной работе Король Г. Г. «Таштыкский орнамент как исторический источник». 21 мая 1977 г. (На обеих сторонах одной страницы).

Список литературы

Буркова И. Е. Синеют кругом тасхылы. М.: Сов. Россия, 1980. 336 с.

Король Г. Г. «Бродячие» мотивы средневекового декора (по материалам торевтики малых форм Центральной Азии) // Российская археология. 2022. № 4. С. 98–111.

Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Сер. 8 История. 1998, № 3. С. 8–35.

Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Восточная литература. 216 с.

Подписи к иллюстрациям

Илл. 1. Хакасская археологическая экспедиция МГУ им. М. В. Ломоносова. 1975 г. (ХАЭ-75). Выезды на памятники. 1 – Леонид Романович и Анна Владимировна Кызласовы за работой; 2 – Абаканский чаатас. На переднем плане – Л. Р. и И. Л. Кызласовы вместе с бессменным водителем экспедиции В. Пивкиным.

Илл. 2. ХАЭ-75. Разведки. А: 1 – разработка маршрута, А. В. и Л. Р. Кызласовы, В. Пивкин; 2 – трапеца в полевом лагере; Б: 3 – съемка Троицкого городища; 4 – у истоков р. Карасук, Л.Р. и И.Л. Кызласовы, В. Е. Войтов.

Илл. 3. Конференция в Минусинске. 2005 г. 1 – Салбык. Л. Р. Кызласов со своей ученицей И. В. Рукавишниковой; 2 – общее фото участников.

УДК 902/904+929

И. Л. Кызласова

член Ассоциации искусствоведов России (Москва, Россия)

ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ Л. Р. КЫЗЛАСОВА: ИСПЫТАНИЕ ЖИЗНЬЮ

Мемуары дочери Л. Р. Кызласова основаны на рассказах родителей и ограниченном числе публикаций и документов; изложены малоизвестные важные факты из жизни ученого и его жены А. В. Кызласовой.

Ключевые слова: Кызласовы, Гурницкие, Авласенко, Мещеряковы, 1941, война, семья.

I. L. Kyzlasova

Member of the Association of Art Critics of Russia (Moscow, Russia)

NOTES ON L. R. KYZLASOV'S BIOGRAPHY: THE TEST OF LIFE

The memoirs of L. R. Kyzlasov's daughter are based on the stories of parents and a limited number of publications and documents; little-known important facts from the life of the scientist and his wife A. V. Kyzlasova are presented.

Keywords: Kyzlasovs, Gurnitskys, Avlasenkos, Meshcheryakovs, 1941, war, family.

Мемуары основаны на рассказах родителей и небольшом числе публикаций и документов, в частности, на дарственных надписях отца. Мы не перегружали текст датами, уже известными читателям [Кызласов 2014: 1–182]. Кроме того некоторые даты еще предстоит уточнить. Наша цель – краткое изложение малоизвестных, но

важных фактов жизни родителей, особое внимание впервые уделено личности мамы.

Все свои труды папа непременно дарил жене, своей музе, Анне Владимировне Кызласовой (ур. Мещеряковой, 5.06.1923 – 15.04.2015). На каждом из них можно прочесть благодарственные надписи. Они столь трогательны, что воспроизводить их, пожалуй, нельзя. Так, за несколько месяцев

до ухода из жизни автор начал свое посвящение со слова, которое, казалось бы, давно ушло из языка «Благословенная...» Дарственные те лишь малые, но яркие свидетельства глубины чувств родителей, нерушимости их союза, союза, который длился почти шесть десятков лет. Гигантский срок!

Встретились они в 1946 г. в Москве, городе, соединившем множество людей. Леонид Романович родился 24 марта 1924 г. в селе Синявино (Смешин-аалы), стоявшем на берегу речки Неня, притоке Абакана. Вокруг тайга. Центром села была церковь, надежно срубленная в XVII веке. А совсем рядом – священные для хакасов скалы. Отец всегда помнил это место. Крепчайшим узлом связало оно историю его семьи с «большой» историей – древним периодом и эпохой «покорения» Сибири.

Дом деда в Абакане, который в конце 20-х гг. тот построил своими руками, был, для его внука не менее значим. Там жила замечательная дружная семья Гурницких: Витольда Домениковича и Евдокии Николаевны, урожденной Тинниковой, происходившей из сагайского рода Иргит. В ранней юности, не имея ни копейки, потомок дворянского рода пешком (!) в одном этапе с преступниками прошел из Варшавы тысячи километров к ссыльному отцу. Навсегда полюбив Хакасию, Витольд Доменикович прожил в ней полвека. По изданным воспоминаниям всегда называл себя хакасом. Был он редким самородком-интеллектуалом – ни дня не учившийся в школе, сменивший немало рабочих профессий, в конце жизни стал первым признанным хакасским писателем. Писал по-русски, но понимал язык своей второй родины [Кызласов 1970: 201–205].

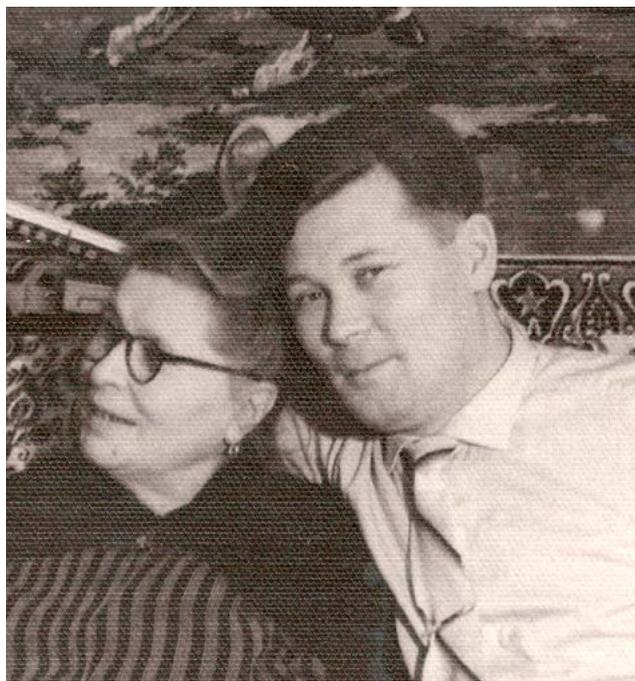
В доме Гурницких на Черногорской улице (не сохранился) родители и их семеро детей говорили и пели на хакасском, польском, украинском и, конечно, русском. Глава семьи первым сумел оценить одаренного хакаса из рода Харга Романа Афанасьевича Кызласова, который давно любил его старшую дочку Христину. Именно отец настоял на том, чтобы в двадцать лет она вышла за него замуж. Но ураган 1937 г., пролетевший над нашей родиной, навсегда унес обожаемого всеми близкими мудрого и доброго Романа Афанасьевича. Христина Витольдовна от горя, к которому добавилась болезнь, угахла в 1942 г. Папа, потерявший своего отца в тринадцать лет, считал дедушку своим воспитателем (о чем не раз говорил, а в 2004 г. написал на ксерокопии упоминавшейся статьи). Он и бабушка, святые старики, пережили войну, выдержали испытание и жизнью, и смертью. Они стали едва ли не единственной опорой нескольких своих детей и внуков, последние из которых подросток Клара и малыш Женя Кызласовы.

В горьком сиротстве началась для отца фронтовая жизнь. Чудом (воистину так!) вырвавшись

из пламени войны, прямо из госпиталя поехал бывший танкист не в Абакан (увы, не было времени на столь дальнюю поездку), а в Москву – надо было поступать в университет. Стал он инвалидом в двадцать один год: едва зажили тяжелейшие ожоги тела, едва сформировалась культя на обрубке левой руки. Остались постоянная боль и тот кошмар в душе, который позднее назвали «поствоенным синдромом». В университетском общежитии на Стромынке отвели целое крыло, в котором в больших комнатах по двадцать человек поселили недавних солдат. Трудно представить сейчас, как они уживались и умудрялись хотя бы урывками заниматься. Все молодые люди были носителями того же синдрома. Нервы их искрились как обнаженные провода. Папа вспоминал, что возникавшие споры нередко переходили в схватки. Дрались даже костылями и протезами. А вызванные милиционеры не всегда осмеливались переступить порог этого крыла.

Главным «убежищем», где после лекций протекали самостоятельные занятия, стала университетская библиотека. Возвели ее в свое время рядом со зданием старого университета – главные фасады их выходили на Манежную площадь, за которой возвышались стены и башни Кремля, Исторический музей, а дальше, дальше Красная площадь. Основной читальный зал библиотеки, перекрытый сводом, получил среди студентов многозначное и выразительное название «гробница». Там и просиживал за чтением книг долгими часами будущий археолог, покидая зал лишь с закрытием. Но был у него в огромном чужом городе и теплый родственный приют. (рис. 1) В маленькой комнатке коммунальной квартир-ки давно жила со своим сыном сестра бабушки Евдокии. Была она много младше ее и воспринималась Леонидом скорее как тетя. Речь идет о Татьяне Николаевне Авласенко, урожденной Тинниковой. Покинув родной Аскиз юной девушкой, обосновалась она в Красноярске, а позднее вместе с мужем-офицером переменила не одно место жительства, к началу 40-х гг. вырастила троих сыновей. Но двое из них, увы, не вернулись с войны, а муж еще раньше оказался в числе командиров Красной армии, уничтоженных во время Большого террора. У отзывчивой и заботливой Татьяны Николаевны счастливо светились глаза, когда приходил Леонид – это видно даже на фотографиях (хотя снятых несколько позже). Иногда он и жил недолго у милых родных. Двоюродная бабушка, никогда не забывавшая отчую семью и тоскуя о своих утратах, перенесла на юношу материнскую любовь, позднее и мы с братом стали для нее внуками. Прекрасные отношения сложились у отца и с его дядей Евгением Александровичем, который был на несколько лет моложе. И звали его, конечно, просто Женей.

Дом этот сыграл исключительную роль в жизни главных героев нашего рассказа. Имен-

*Т. Н. Авласенко и Л. Р. Кызласов.
Середина 1950-х гг. // Архив автора*

*А. В. Мещерякова (Кызласова). 1948 г. // Архив
автора*

но здесь встретились Леонид и Анна. Она зашла ненадолго по приглашению Жени, своего товарища по работе на заводе. Девушка произвела на всех сильное впечатление. Знакомство было продолжено. Судьба бросила в единственную руку Леонида спасательный круг: «держи, солдат!». Именно тогда начался по его словам настоящий возврат к мирной жизни. Пришла Любовь.

Но и она обернулась испытанием. Так долго и непросто развивалась отношения. Они потребовали недюжинного терпения и редкой настойчивости от обоих. Препятствий оказалось очень много. Анна, вовсе не роковая красавица, обладала редкостным обаянием, женственностью и особым даром – душевной заинтересованностью жизнью людей. Интуиция обычно не подводила ее, она как бы заглядывала в душу человека и получала в ответ благодарный отклик. (рис. 2) Несмотря на нехватку женихов в те годы, девушка была окружена вниманием молодых людей. У нее был выбор. Но в принятии едва ли не всех серьезных решений она зависела от мнения старшего брата Михаила. После ранней смерти их отца в середине 30-х гг. он стал главой семьи. Кроме Михаила и Ани она включала еще трех сестер, брата и их маму. Стоит ли говорить, что они (как и многие) выживала с колоссальным трудом, годами балансируя на грани полной нищеты и голода. Настоящего голода.

Род мамы происходил с верховий Дона. Рязанщина, центральные русские земли. В 1910 г. в трех километрах от их родного села, с едва ли не былинным названием Колычево, на станции Астапово, умер великий Л.Н. Толстой. Мещеря-

ковы жили в добротном доме в достатке, созданном трудами поколений. В начале коллективизации все-все было брошено. Семья спаслась (именно так!) в «странноприимной» Москве. Жили в полуподвале с низким окошком – были видны лишь ноги прохожих. Наверное, родители рассказывали о раздольной речной долине, лесах, но для младших детей то был исчезнувший мир. Даже надежд увидеть родные места не было. Завет отца перед смертью был таков: «никогда не говорите, нигде не пишете, что вы из крестьян». Страшна история XX века.

Спустя несколько лет Мещеряковым несказанно повезло – благодаря усилиям Михаила они переехали в коммунальную квартиру в скромный старый домишко на Болотной улице в Замоскворечье (близь Третьяковской галереи), совсем недалеко от Кремля. Трое детей, среди них Аня, в то время ходили в школу. Обязательное образование до конца 50-х гг. было семилетним. Ане приходилось думать о скорейшем обретении «надежной» профессии, чтобы помочь маме и двум младшим сестрам. И девушка поступила в машиностроительный техникум. Позднее рассказывала, что своим крупным учебным заведением студенты гордились. К тому же там полагались (и это ключевые слова), крохотная, но стипендия и, кажется, скромнейшее питание. К тому же политехническое образование в предвоенные годы являлось престижным. Тогда был заложен важный фундамент – моя будущая мама обрела немалые познания и – что особенно важно – привычку напряженно работать точно и тщательно. Особенно любила черчение и немецкий

язык. В зрелые годы она не раз жалела, что обстоятельства не позволили ей продолжить образование. Всю жизнь (как и многие) занималась самообразованием. Надежной опорой в этом стал для нее муж, ученый одержимый открытиями, созданием новых смыслов в истории и культуре. С огромной радостью, ходила мама на лекции, музеи, выставки, концерты и театры. Ценила все, чем интересовался муж, а затем дети. Увы, времени на то, что она хотела бы узнать и увидеть, не хватало – заботы о семье поглощали слишком много сил.

Но вернемся к основному повествованию.

За несколько дней до начала войны Ане исполнилось восемнадцать. Братья ушли на фронт, старшая сестра пропадала на рытье бесконечных окопов, разгрузке барж и службе в военной охране. Судьба героини нашего рассказа тоже была (как очень и очень многих) предельно тяжелой – на одном из авиационных заводов она клепала крылья самолетов. Скрежет металла, вибрация инструментов, смена – по 12 часов... Худенькая вечно голодная девушка в любую погоду – под дождем или в метель – бежала по городу (транспорт ходил редко) с одной мыслью «не опоздать!» За это просто сажали в тюрьму. На обратном пути после смены в 1941 г. другие страхи стучали в виски: «сохранился ли наш дом?». Он стоял в зоне особо пристального интереса вражеских бомбардировщиков недалеко от Кремля, как помнит читатель. Однажды в квартирке Мещеряковых ночью в страшный мороз от взрывной волны вылетели все стекла – спящую маму и девочек засыпало смертоносным крошевом. В крупное же здание, что стояло совсем рядом, попала многотонная бомба – среди руин лежали фрагменты тел... Зрелище оказалось незабываемым. Даже спустя немало лет с дрожью в голосе Анна Владимировна говорила также и о потрясении, пережитом в середине октября 1941 г., когда решалась судьба Москвы. Помнила и о пережитом всеми счастье при вести о пришедших эшелонах с сибирскими частями.

Наконец, ужасы войны остались в прошлом. Семье вновь несказанно повезло – оба брата вернулись с фронта. Когда в дом, на Болотной, стал приходить Леонид, мама Анны сразу же отнеслась к нему с большой симпатией. Но брат Михаил занял иную позицию. Доводы его были разумны: этот студент сирота и ждать помощи молодой семье будет не от кого, к тому же у него одна рука, и все-все придется делать жене. Но главное, самое главное – он сын врага народа! Начиная с 1947 г. в стране поднялась новая волна политических репрессий. Как здесь не вспомнить рассказы родителей о том, что через некоторое время любимая бабушка Леонида, Евдокия Николаевна, приехавшая в Москву лечиться, с болью произнесла «да какая девушка за тебя пойдет?» Страх за внука с таким «приданным», не покидал ее. Только очень

сильная, неординарная личность могла решиться на тот выбор, который сделала Анна.

Леонид напряженно учился. Привык надеяться только на себя. Начиная с 1946 г. каждый сезон молодой археолог принимал участие в экспедициях своего учителя выдающегося исследователя Сибири и Центральной Азии С. В. Киселева. Копали главным образом в Хакасии и Туве. На четвертом курсе отец получил лестное предложение возглавить археологический отряд Центрально-Казахстанской экспедиции, которой руководил известный ученый А. Х. Маргулан. Работы проводились с июля по октябрь 1948 г. Но уже давно старшему брату Анны удалось изменить судьбу сестры – ее включили в число сотрудников одного ответственного учреждения в Восточной зоне Берлина. Пригодилось знание основ немецкого языка. Командировка началась в апреле 1947 г. и продолжалась целых два года – ускорить отъезд оказалось не возможно, несмотря на все усилия девушки. Порядки были строги. То было испытание разлукой. Тяжесть ситуации состояла также в том, что переписка была затруднена не только из-за цензуры, но и из опасения, что эти письма, которые Анна отправляла младшей сестре Александре (сохранилось 24 письма), могли попасть в руки Михаила. Но все же удавалось передавать и получать кратчайшие сведения. Леонид иногда приходил в дом на Болотной улице, чтобы подробнее узнать о любимой, и даже сам писал ей. А она сообщала сестре: «работаю, страшно скучаю» (24.09.1947), «я скоро смогу вам помочь деньгами... хорошего здесь ничего нет, сплошные развалины...» (10.10.1947), «к этой проклятой стране я никогда не привыкну... все противно» (4.02.1948). «От Л. письма получаю, очень хорошие... Как я хочу домой!» (14.04.1948), послания Леонида «просто исключительные» (7.05.1948). В конце командировки Анна «очень устала от всех переживаний... <ей просто> хотелось плакать» (6.01.1949). И вновь читаем: «скучаю безумно» (14.03.1949).

1949 г. для молодого археолога оказался особенно напряженным: огромных усилий потребовала блестящая защита дипломного сочинения и поступление в аспирантуру. Тогда же началась его педагогическая деятельность, а в 1950 г. он был назначен руководителем Хакасской экспедиции. Талант начинающего ученого, его преданность профессии стали столь очевидны для профессоров кафедры археологии, что они сделали все, чтобы оставить его в своей среде. Для этого нужно было решить не только кадровый вопрос, но затем «пробить» жилье для молодой семьи. Да, именно тогда она и возникла. В августе 1951 г. у аспиранта Кызласова родилась двойня. Через год завершилась аспирантура. В 1953 г. состоялась защита кандидатской диссертации, где соискатель блестяще продемонстрировал свои энциклопедические знания. События тех

лет развивались с танковой стремительностью, ведь любовь удесятерит силы.

Мама взвалила на свои плечи не только заботы о семье, привыкшая к сверх нагрузкам, она продолжала работать! Ее зарплата в первое время оставалась важнейшим подспорьем. Родителей не смущала внешняя скудость их жизни. Они были счастливы. Взрослея, дети имели возможность наблюдать тысячи примеров полного доверия и преданности, буквально «спаявших» родителей, их не тускневшие с годами отношения. Понимая, что главным для отца всегда оставалась работа, мама следила за всеми тончайшими перипетиями его трудов. Интересовалась всем. Вникала во все. В семье ее усилиями был создан культ отца. Она, как могла, берегла его время, ограждала от невзгод, от всевозможных угроз. Это доставалось дорогой ценой – за счёт собственных сил. Мама не раз вспоминала, как ценили ее на работе и долго надеялись, что она вернется. Пришлось отказаться. Причины тому: частые болезни детей, а потом два ранних инфаркта мужа (в 1962 г. и в 1965 г.), ставшие результатами огромных перегрузок (лекции, экспедиции, подготовка докторской) и пережитых ранее чудовищных стрессов. Сказались, конечно, и военные травмы – сердце оказалось расширенным. Врач интересовался, «каким видом спорта, вы занимались?». Отец ответил, что три года выжимал рычаги танка Т-34.

Однажды в 1962 г. папа повел нас с братом в фотоателье. Он думал о том, что в случае трагической развязки у нас должна остаться на память хотя бы хорошая фотография (позднее она не раз воспроизводилась). У всех, кто близко общался с нашей семьей, не было ни малейших сомнений – их брата или друга спасла жена. С начала 60-х гг. и до конца жизни она совершала каждодневный Подвиг (пишу с большой буквы). Тщательно следила за приемом лекарств любимым мужем, его диетой, распорядком дня и т. д. и т. д. Семья привыкла жить в постоянной готовности помочь отцу. Каждый из детей имел свое «задание», которое было по плечу подростку, например, сопровождать папу на обязательной прогулке, наблюдать, чтобы он не ускорял шаг, не забывал медленно подниматься по ступеням. Мама, как умела, скрывала свои страхи. Она обладала удивительным терпением и обычно излучала энергию и веру в лучшее будущее. Считала, что ее Леонид из породы победителей. И оказалась права!

Докторская диссертация, написанная в основном до второго инфаркта, была защищена в 1966 г. Все были счастливы. Коллеги понимали, что не каждому удается достичь столь впечатляющих

Хакасия. 1970 г. Оглахты. А. В. и И. Л. Кызласовы // Архив автора.

научных результатов. Не каждый может справиться с последствиями такой тяжелой болезни. Когда же на следующий год отец рискнул отправиться в экспедицию (пока в Подмосковье), рядом с ним была мама – в ее сумочке были сердечные капли и шприц для экстренного укола. (рис. 3) С тех пор она сопровождала своего археолога всюду: в Хакасию, Туву, Дальний Восток, Среднюю Азию, Молдавию. Тряслась в грузовиках, жила в палатках, охотно носила телогрейку, не сетовала на недостаток «цивилизации», как правило, не жаловалась ни на что. Всем интересовалась, с восторгом слушала выступления мужа перед самыми разными людьми, легко вступала в общение с его коллегами, учениками, сибирскими родственниками и друзьями, знакомыми, шоферами и т. д. Некоторые из них так высоко ценили мудрость Анны Владимировны, что советовались с ней о своих проблемах. Благодарили за помощь и понимание.

Большим утешением для мамы было то, что Игорь стал продолжателем дела отца. Автор этих строк, изучая историю русского искусства и искусствоведения, тоже внес лепту в семейное «дело», посвятив свою первую книгу родителям, а следующую монографию памяти деда Р. А. Кызласова. Мама очень радовалась, что мечта её сбылась, имя мужа было присвоено грандиозному музею в Абакане [Кызласова 2015: 4-19; Кызласова 2024: Ч. 1, 2, 3].

Список литературы

Дарственная надпись Л. Р. Кызласова от 5.07.2004 г. на ксерокопии статьи [Кызласов 1970: 201] // Архив автора.

Кызласов Л. Р. В.Д. Гурницкий – писатель и человек (к 90-летию со дня рождения) // Ученые записки ХАК-НИЯЛИ. Сер. филол. № 1. 1970. Вып. XIV. С. 201-205.

Кызласова И. Л. [Воспоминания об отце Л. Р. Кызласове]. «Пульсировала бесконечность в груди, в запястье и в виске» // Сборник материалов IV Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. 15–17 октября 2014 года. «Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова». Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2015. С. 4–19; 2-е допол. изд.: «Хакасия» за 2024 г. от 7 (№ 26 (24841), с. 6–7; 21 марта (№ 31 (24846), с. 6–7; от 14 (№ 28 (24843), с. 26–27 (Ч. 1, 2, 3).

Леонид Романович Кызласов (1924–2007): биобиблиографический справочник / М-во культуры Респ. Хакасия, ГБУК РХ «НБ им. Н.Г. Доможакова»; [сост.: И. Л. Кызласов, А. А. Ищенко; под общ. ред. И. Л. Кызласова]. Абакан: Журналист, 2014. 182 с. Уточненный вариант кн., см.: URL: https://www.nbdrx.ru/ik/tl-bibl_7aspx (Дата обращения: 20.04.2024).

Письма А. В. Кызласовой сестре А. В. Мещеряковой. 1947–1949 гг. // Архив автора.

Подписи к иллюстрациям

1. Т. Н. Авласенко и Л. Р. Кызласов. Середина 1950-х гг. // Архив автора.
2. А. В. Мещерякова (Кызласова). 1948 г. // Архив автора.
3. Хакасия. 1970 г. Оглахты. А. В. и И. Л. Кызласовы // Архив автора.

УДК 902/904+929

Б. Б. Овчинникова

Институт гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия)

ДОБРОЙ ПАМЯТИ НАУЧНОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ – ЛЕОНИДУ РОМАНОВИЧУ КЫЗЛАСОВУ

Леонид Романович был яркой личностью и оставил значительный след в жизни и памяти многих поколений. Исследовательские и человеческие качества Л. Р. Кызласова обеспечили ему большой авторитет в отечественных и зарубежных научных кругах. Но, пожалуй, не менее ценное достижение Леонида Романовича составляют его ученики, чья творческая и педагогическая деятельность служит успешным продолжением его дела. К ним я посмею отнести и себя: он был моим научным руководителем во время пребывания в годичной аспирантуре Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ). Этому предшествовало несколько встреч, определивших именно его научное руководство при подготовке моей диссертации к защите.

Вспоминается первая встреча с Леонидом Романовичем в далекие студенческие годы: поездка уральских студентов – археологов на X Всесоюзную студенческую археологическую конференцию в апреле 1964 года, которая состоялась в МГУ. Секцию «Археология Сибири» возглавляет профессор Леонид Романович Кызласов. Мы, выступающие на этой секции, с волнением ждем своей очереди. И вдруг... Не помню, из какого города был студент, у которого на чертежах, иллюстрирующих доклад, не оказалось указателей по странам света и масштаба. Л. Р. Кызласов очень резко заметил, что «будущему археологу такое упущение непростительно!» Замечание было справедливым, и все же такая суровость несколько насторожила. Нас всех буквально захлестнуло беспокойство – не упустили ли и мы что-нибудь важное в оформлении наглядных чертежей и рисунков, что может вызвать подобное

негодование столичного профессора. Моё выступление о памятниках X–XIII вв., раскопанных Уральской археологической экспедицией и впервые вводимых в научный оборот, прошло успешно и даже привлекло внимание Л. Р. Кызласова. После заседания секции он еще раз обратился к материалу, представленному в выступлении, и выслушал мои рассуждения о влиянии южных кочевников на погребальный обряд носителей местной культуры более подробно. Без сомнения участие в конференции, и внимание Л. Р. Кызласова к моему сообщению, оставило неизгладимое впечатление.

Прошли годы... Я окончила Уральский государственный университет (УрГУ, г. Свердловск, ныне УрФУ, г. Екатеринбург), за моими плечами уже был опыт работы не только в Уральской археологической экспедиции (УАЭ), но и в Саяно-Тувинской археологической экспедиции (СТАЭ ЛОИА АН СССР).

1978 год. Тува. И снова судьба подарила мне встречу с Л. Р. Кызласовым. На этот раз в полевых условиях – на памятниках Аймырлыг-2 и Даг-Аразы (Аймырлыг-3). Раскопки на них проводились под моим руководством студенческим отрядом УрГУ, который работал в составе СТАЭ ЛОИА АН СССР. Визит Леонида Романовича был для нас приятной неожиданностью. Вместе с супругой – Анной Владимировной – они совершали осмотр памятников, на которых проводились археологические раскопки коллегами из других учреждений на территории столь знакомой им Тувы. Помнится, он даже заметил, что в послевоенный год (1946) он, как научный сотрудник экспедиции опубликовал пер-

Пленарное заседание на Международной конференции «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященной 100-летию со дня рождения доктора исторических наук М.П. Грязнова. Эрмитажный театр. 2002 г.

Л.Р. Кызласов на лекции. Кафедра археологии МГУ. 1982 г

вую заметку по археологии на тувинском языке. Посмотрев наши памятники, Л. Р. Кызласов отметил важность вскрытия данных могильников и приветствовал наши планы на возможность их монографического исследования. Именно тогда он предложил мне пройти стажировку на кафедре археологии МГУ. К этому времени определялась тема моей научной работы, которая «проходила апробацию» на ежегодных отчетных сессиях Полевого комитета ИА АН СССР и на других научных конференциях. Конечно, на этих сессиях, хотя и нечасто, я встречалась с Леонидом Романовичем.

Возможность пройти стажировку на кафедре археологии МГУ у меня появилась только в 1980 г., где моим куратором и стал Л. Р. Кызласов. Первое время меня не покидало чувство ученичества – я относилась к Леониду Романовичу как к наставнику, которого уважаешь, но немного боишься. Возможно, сыграли свою роль и сомнения в выборе темы, связанной с историей древних тюрков Южной Сибири, хотя я работала над ней уже более десяти лет. В те времена эта проблема была весьма дискуссионной среди таких авторитетных ученых как Л. Р. Кызласов, С. И. Вайнштейн, А. Д. Грач и др. Казалось бы, что нового я смогу внести в ее разработку? Со временем опасение и тревоги постепенно разрешились. И в этом, без сомнения, заслуга Л. Р. Кызласова. А тогда, на стажировке, наше

общение началось с критики моих статей как уже вышедших, так и подготовленных к печати, за что я очень признательна Леониду Романовичу. Разбирая и критикуя их он, как бы подчеркивал, что общается с коллегой, с которым есть взаимопонимание. Чрезвычайно ценными были его замечания и предложения. До сих пор храню его неофициальное заключение на рукопись статьи, написанной совместно с Г. В. Длужневской для сборника научных статей ТНИИЯЛИ²⁴. В нем указаны не только ошибки, но и в свойственном для Леонида Романовича стиле дана конструктивная оценка рукописи: далеко не хвалебная, а, наоборот, почти разгромная, но в завершении последовали очень нужные советы по ее усовершенствованию. Переписывали мы эту статью несколько раз... В процессе дальнейшего общения с Л. Р. Кызласовым уходило чувство моей неуверенности и настороженности, и все больше появлялось доверие, которое так необходимо в отношениях с научным руководителем.

1982–1983 годы стали «золотым временем» для меня – долгожданная аспирантура при кафедре археологии МГУ! Наконец-то наступило время, когда я смогла полностью включиться в исследовательский процесс по теме диссертации под руководством профессора Л. Р. Кызласова. Приходилось много работать, при этом не хотелось упустить возможность прослушать спецкурсы ведущих преподавателей кафедры

²⁴ Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье// Сб. науч. работ. Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ (Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории). 1980 С.77-94.

Л.Р. Кызласов и И.Л. Кызласов – участники Международной конференции «Степи Евразии...». На крыльце ИИМК РАН. Март 2002 г. Фото Г.В. Длужневской.

археологии МГУ и, конечно же, Леонида Романовича. К этому времени труды Л. Р. Кызласова были широко известны как в научных кругах нашей страны, так и за ее пределами. Он, уже тогда, по праву являлся признанным сибириведом – востоковедом, и как отмечал в 1984 г. директор института этнографии и археологии СО АН СССР А. П. Деревянко, «лидером сибирской археологии».

Лично для меня в процессе написания кандидатской диссертации ряд монографий Леонида Романовича служили своеобразной «настойной книгой». Мне казалось, что многие из его работ были изучены мною «от корочки до корочки». В рамках обучения в аспирантуре среди спецкурсов предлагался и необходимый мне спецкурс Л. Р. Кызласова «Средневековая археология Сибири». Вот здесь я хочу заметить, оказывается ни с чем нельзя сравнить живое общение с автором тех строк, которые, возможно, ты уже знал наизусть! На лекциях Л. Р. Кызласова, порой, ловила себя на том, что забывала записывать – заслушивалась. Вот он излагает, вроде бы, известные факты, которые им опубликованы и не раз высказанные, но рассматривает их, сначала знакомя нас с точкой зрения коллег, затем не навязчиво подводит к своим взглядам, а в завершении вступает в диалог с аудиторией, вызывая слушателей на дискуссию, предлагая вместе решить поднятую проблему.

В аспирантуре меня удивляло и то, как бы ни был занят Леонид Романович, он не жалел времени на консультации, щедро делился идеями, внимательным образом просматривал и редактировал черновики написанного, порой очень сурово

Вместе с научным руководителем. Л.Р. Кызласов и Б.Б. Овчинникова – участники Международной конференции «Степи Евразии...». На крыльце ИИМК РАН. Март 2002 г. Фото Г.В. Длужневской.

критиковал, но критикуя как-то умел поддержать и вдохновить. Он, действительно, был строгим, взыскательным, и одновременно, по-доброму наставнически поучительным, его критика всегда была конструктивна. Привлекали и вызывали уважение его глубокая порядочность, душевная отзывчивость, искренность и простота. А еще – преданность своему делу и абсолютная организованность.

Меня всегда поражал его широкий исследовательский диапазон – не только в области археологии, где он является общепризнанным специалистом мирового масштаба, но и в истории, этнографии, языкознании, антропологии, культуры и религии особенно народов Сибири и Центральной Азии. Леонид Романович интересный собеседник, знаток живописи, поэтического и музыкального искусства.

И еще одна грань яркой личности Л. Р. Кызласова, вызывающая глубокое уважение – он участник Великой Отечественной войны. В 1943–1945 гг. участвовал в боях на территории современной Украины, Польши, Германии. Он трижды горел в танке, дважды был ранен. Как рассказывал сам Леонид Романович – родные получили о

его гибели две «похоронки», копии которых ему вручили на память к 50-летию Победы. Воспоминания Л. Р. Кызласова о войне для меня особенно дороги и близки: мой отец погиб в 1944 г. и нам тоже пришлось две «похоронки» о его месте захоронения. Поиски продлились до 70-х годов.

В годы учебы в аспирантуре нам с дочкой посчастливилось побывать в гостеприимном доме профессора Л. Р. Кызласова: мы были приглашены в честь празднования Дня Победы. Собралась вся семья Кызласовых, и я открыла для себя новые черты личности моего научного руководителя. В домашней обстановке Леонид Романович оказался трогательно заботли-

вым, веселым, удивительно простым в общении с детьми и внуками. И, конечно же, покорила меня интеллигентная, удивительно обаятельная и доброжелательная Анна Владимировна – жена Леонида Романовича.

После окончания аспирантуры и моей защиты диссертации наше общение с Леонидом Романовичем и его семьей сохранялось еще долгие годы. Для меня Леонид Романович всегда оставался, прежде всего, наставником и опорой в моей дальнейшей научной работе. Настоящие строки – это дань искренней признательности, доброй памяти моему научному руководителю – Леониду Романовичу Кызласову.

УДК 902/904+929

Л. М. Плетнева

Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия)

О ПАМЯТНЫХ ВСТРЕЧАХ С ЛЕОНИДОМ РОМАНОВИЧЕМ КЫЗЛАСОВЫМ

Таких встреч было немного, я поведаю о трех. Первое событие произошло в 1973 г. В институте археологии АН СССР обсуждалась моя кандидатская диссертация «Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э.». На обсуждение также был приглашен Леонид Романович Кызласов. До заседания он познакомился с текстом диссертации, сделал мне несколько замечаний, за что я была ему благодарна. С диссертацией хорошо была знакома Н. Л. Членова (она как бы меня немножко курировала от сибирской группы археологов института). Ею после прочтения текста на полях были сделаны замечания, которые мною были исправлены как в машинописном варианте, так и в докладе. В ходе обсуждения и Натальей Львовной и Леонидом Романовичем были высказаны их соображения по хронологии тагарской культуры, особенно по переходному периоду от тагара к таштыку. Поскольку это касалось и моей диссертации, ведущий заседания спрашивает у меня: «Чьей точки зрения придерживаетесь Вы? Если Натальи Львовны, то мы сейчас назначим срок защиты, а если Леонида Романовича, то защищаться будете через год». Что я могла сказать, диссертант из далекой провинции светилам науки, меня сковал страх перед ними. Видимо, это была не совсем удачная «шутка» по отношению ко мне.

Следующим событием было обсуждение моей монографии в соавторстве с О. Б. Беликовой «Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э.» на кафедре археологии МГУ. До заседания Леонид Романович ознакомился с текстом и иллюстрациями. Для беседы он пригласил меня домой, и мы подробно все обсудили. На заседании Леонид Романович высказался за издание монографии, отметив, что она содержит совершенно новые материалы по раннему сред-

невековью Западной Сибири и авторами дана их правильная интерпретация. Со времени раскопок и публикации С. К. Кузнецовым материалов Архиерейской Заимки прошло уже почти 90 лет, и публикация новых материалов была необходима. В те годы с публикациями в ТГУ было сложно, и чтобы попасть в план изданий, нужна была поддержка. Но главное было не в этом: опыта изданий монографий у меня еще было крайне мало, такая подробная консультация со стороны Леонида Романовича и высказанное им мнение о публикации работы для меня были очень важны.

В 1941 г. Л. Р. Кызласов поступил на исторический факультет Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, в самый трудный год Великой Отечественной войны. Проучился только год и был призван на военную службу. В конце 1990-х гг. готовился сборник, посвященный памяти З. Я. Бояршиновой (д. и. н., профессор). Будучи в командировке в Москве, я обратилась к Леониду Романовичу с просьбой рассказать о жизни и учебе в ТГУ. Он вспоминал: «Было очень холодно и в корпусах университета, и особенно в общежитии. Постепенно юношей призывали в армию и освободившимися матрасами мы укрывались сверху. К концу зимы на каждого оставшегося в общежитии приходилось по три матраса. Жили мы в «пятихатке» (ул. Никитина, № 4. – Л. П.). Каждое утро в общежитие приходила Зоя Яковлевна Бояршинова, декан факультета (тогда еще старший преподаватель – Л. П.) и проверяла нас, не заболели ли, есть ли силы подняться. Запомнил ее в синем пальтишке и красной шапочке. Она была исключительно волевым и энергичным человеком. Это передавалось и нам. Кроме учебы ведь было много хозяйственных дел: заготовка дров, их доставка из-за города в университет, заготовка осенью

овощей, да и хозяйственные работы в самом университете и общежитии».

Леонида Романовича я знаю как доброго, отзывчивого человека, готового помочь тому, кто когда-либо обращался к нему. К томичам он отно-

сился с особой теплотой и доброжелательностью. Он очень хотел побывать в городе его «начала начал», мы его приглашали на все западно-сибирские конференции, но не пришлось.

УДК 069.02:929

И. Н. Худякова

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова (Абакан, Россия);

Н. В. Танбаева

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова (Абакан, Россия)

МЕМОРИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О СЕМЬЕ КЫЗЛАСОВЫХ В ХАКАССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ИМЕНИ Л. Р. КЫЗЛАСОВА

В статье рассматривается деятельность Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова, направленная на увековечивание памяти выдающегося археолога и историка, доктора исторических наук МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженного деятеля науки Республики Хакасия Леонида Романовича Кызласова.

Ключевые слова: меморизация, Л. Р. Кызласов, музеи, Хакасский национальный краеведческий музей, Республика Хакасия.

I. N. Khudyakova

L. R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local Lore (Abakan, Russia);

N. V. Tanbaeva

L. R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local Lore (Abakan, Russia)

PERPETUATING THE MEMORY OF THE KYZLASOV FAMILY IN L. R. KYZLASOV KHAKASS NATIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE

The article considers the activities of L. R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local Lore aimed at perpetuating the memory of the outstanding archaeologist and historian, Doctor of Historical Sciences, Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Republic of Khakassia Leonid Romanovich Kyzlasov.

Keywords: perpetuation, L. R. Kyzlasov, museums, Khakass National Museum of Local Lore, Republic of Khakassia.

В многовековой истории России представлено множество имён выдающихся государственных и исторических деятелей, заслуги которых увековечены на страницах учебников, в названиях городов, улиц, географических и астрономических объектов.

Меморизация или увековечивание памяти – деятельность, направленная на сохранение и передачу следующим поколениям памяти о событии или личности. На сегодняшний день предпосылок у этого направления достаточно: увеличение открытости архивных источников и литературы, выход истории из узко научной сферы в публичную, интерес к личной (семейной) истории и новым формам краеведения – на этом фоне востребовано изучение объектов и субъектов исторической памяти.

В Хакасии бережно хранят память о заслуженных людях, присваивая их имена организациям, предприятиям и учреждениям.

На сегодняшний день среди учреждений, подведомственных Министерству культуры Республики Хакасия, семь носят имена известных людей: Национальная библиотека имени Н. Г. Доможакова, Национальный центр народного творчества имени С. П. Кадышева, Русский

драматический театр имени М. Ю. Лермонтова, Хакасский национальный театр кукол «Сказка» имени Л. Г. Устинова, Хакасская республиканская филармония имени В. Г. Чаптыкова, Хакасский национальный драматический театр имени А. М. Топанова и Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова.

Традиция присвоения имён музеям в Хакасии берёт своё начало в 1992 г., когда Решением Малого Совета Ширинского районного совета народных депутатов Республики Хакасия от 29 октября 1992 г. № 192 Ширинскому районному краеведческому музею было присвоено имя его основателя Дмитрия Семёновича Лалетина. На сегодняшний день в музейной сети Хакасии из 28 музеев восемь носят имена известных писателей, художников, учёных, краеведов:

– Ширинский районный краеведческий музей имени Д. С. Лалетина (присвоено имя в 1992 г.),

– Аскизский краеведческий музей имени Н. Ф. Катанова (присвоено имя в 1993 г.),

– Сорский краеведческий музей имени В. В. Андрияшева (присвоено имя в 1999 г.),

– Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова (присвоено имя в 2007 г.),

– Абаканская картинная галерея имени Ф. Е. Пронских (присвоено имя в 2017 г.),
– Абазинский историко-краеведческий музей имени В. В. Андрияшева (присвоено имя в 2018 г.).

Кроме этого, в республике два музея созданы как мемориальные:

– Дом-музей имени С. П. Кадышева (2002 г.),
– Литературный музей имени М. Е. Кильчиачакова (2012 г.).

Мемориальные музеи не стоят перед дилеммой – что достойно их комплектования, а что нет. Для них эта связь является определяющим фактором во всех направлениях музейной деятельности: научно-фондовой, экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной.

Другое дело – исторические и краеведческие музеи, которым присваиваются почетные имена заслуженных людей, но по профилю они не являются исключительно мемориальными.

Так, в целях увековечения памяти Леонида Романовича Кызласова, крупнейшего российского востоковеда, специалиста по истории и археологии Сибири, Средней и Центральной Азии, внесшего значительный вклад в изучение истории и духовной жизни народов Южной Сибири, в связи с ходатайством Хакасской республиканской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов 26 октября 2007 г. было подписано Постановление Правительства Республики Хакасия № 342 «О присвоении имени Л. Р. Кызласова Хакасскому национальному краеведческому музею».

Хакасский национальный краеведческий музей (далее – музей), которому в 2024 г. исполнилось 93 года, уже 17 лет носит имя Леонида Романовича Кызласова. За эти годы благодаря различной деятельности музея, связанной с меморизацией памяти семьи Кызласовых, а также работе СМИ и Интернет-ресурсов, рассказывающих о музее и всё чаще сокращающих его полное название, у жителей Республики Хакасия сформировалась устойчивая ассоциация: Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова – Главный музей Хакасии – Музей Кызласова.

В год столетия со дня рождения Леонида Романовича память об ученом не теряет своей актуальности, сохраняя его образ в когорте востребованных научных и исторических символов, подчеркивая его заслуги мемориальными практиками. Кызласов является неотъемлемой составляющей социальной памяти нашей республики, вписавшись в систему особо значимых общекультурных ценностей, транслируемых посредством науки, искусства и культуры Хакасии.

Леонид Романович, являясь выходцем из Хакасии и не теряя с ней связи, горячо любил свою малую родину и гордился тем, что был хака-

сом. Во время своих приездов он нередко бывал в музее. Так, в 2005 г. в рамках юбилея Победы в музее был подготовлен выставочный проект «Опаленные войной», где впервые представили тематический комплекс участника Великой Отечественной войны Л. Р. Кызласова, который он посетил в свой последний визит в Хакасию в 2006 г. Тогда же Леонид Романович с супругой приняли участие в юбилейном мероприятии музея, посвященном 80-летию известного ученого-археолога Якова Ивановича Сунчугашева.

Кроме пополнения фондов музея, именитый ученый в доступной и доброжелательной форме делился своими знаниями и опытом, консультировал, давал ценные советы, рекомендации сотрудникам музея. Эти встречи до сих пор с теплотой и благодарностью вспоминают в коллективе.

В 2009 г. в музее к 85-летию со дня рождения Л. Р. Кызласова была открыта мемориальная выставка, где впервые были представлены его личные вещи.

С 2011 г. в музее проходят ежегодные Межрегиональные краеведческие чтения, посвященные Л. Р. Кызласову. Материалы чтений издаются отдельными сборниками. С 2015 г. по инициативе участников чтений было принято решение об изменении названия – «Кызласовские чтения».

15 октября 2014 г. в рамках IV Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Л. Р. Кызласова, состоялось памятное гашение почтовой карточки с изображением Леонида Романовича Кызласова. Она стала коллекционной ценностью для филателистов всего мира и дополнительным средством популяризации достижений в области культуры и искусства Республики Хакасия, способствуя распространению объективной информации о талантливом советском и российском ученом. В спецгашении приняли участие Клара Романовна Кызласова и Игорь Леонидович Кызласов.

В 2016 г. сотрудниками музея была создана передвижная выставка «Л. Р. Кызласов – выдающийся историк – исследователь России», которая знакомила гостей и жителей Хакасии с его биографией, научной деятельностью и вкладом в изучение истории нашей республики и Южной Сибири. Выставка побывала во всех муниципальных музеях РХ.

Леонид Романович и его младшая сестра Клара Романовна являлись не только родственниками, но и единомышленниками, на протяжении всей жизни они поддерживали друг друга и бережно относились к памяти родителей. В 2017 г. после переезда музея в новое здание, расположенное по адресу ул. Пушкина, 28а, одной из первых была открыта выставка «Хранительница рода», приуроченная к 90-летию Клары Романовны Кызласовой – большого друга музея, внесшей значительный вклад в развитие службы

родовспоможения, проработавшей долгие годы главным врачом абаканского роддома. Кроме этого, Клара Романовна, являясь активным участником движения «Мемориал» в Хакасии, вела работу по восстановлению честного имени многих репрессированных, в том числе своего отца Романа Афанасьевича Кызласова и деда Витольда Гурницкого. На выставке были представлены документы, фотографии, предметный ряд, рассказывающие об истории семьи Кызласовых.

24 июля 2018 г. Клара Романовна скончалась. 25 декабря 2018 г. согласно Решению Совета Депутатов города Абакана ей было присвоено звание «Почётный гражданин города Абакана».

В 2019 г. после завершения выставочного проекта «Хранительница рода» ее дочь Олёнышевой Натальей Николаевной в музей была передана коллекция документов, отражающих жизненный путь и профессиональную деятельность Клары Романовны.

В марте 2019 г. в Национальном музее имени Алдан-Маадыр Республики Тыва открылась выставка, посвященная 95-летию Леонида Романовича Кызласова. Хакасский музей предоставил для экспонирования на выставке электронные копии семейных фотографий и документов Л. Р. Кызласова. Выставку посетили более 20 тысяч человек.

25 октября в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 95-летию со дня рождения Л. Р. Кызласова, на базе выставки «Хранительница рода» открылась обновленная экспозиция «Мемориальный зал Леонида Романовича Кызласова». В зале были представлены научные достижения знаменитого ученого – историка, археолога, профессора Кызласова, его многочисленные труды, личные вещи и документы, а также результаты археологических экспедиций на территории Хакасии.

В рамках работы «IX Кызласовских чтений» в октябре 2019 г. по инициативе Министерства образования и науки Республики Хакасия в Краеведческой секции впервые была представлена школьная подсекция победителей ежегодной Межрегиональной научно-практической конференции школьников, посвященной Л. Р. Кызласову и проходящей с 2005 г. на базе МБОУ СОШ № 1 г. Абакана.

В 2024 г. в рамках мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения Леонида Романовича Кызласова, в музее были подготовлены два выставочных проекта:

– 18 марта состоялось открытие обновленной постоянной экспозиции, посвященной Л. Р. Кызласову, «История начинается здесь»: выставочный проект, где впервые была сделана попытка отразить 93-летнюю историю музея с включением мемориальных комплексов, посвященных семье Кызласовых.

– Была обновлена передвижная выставка «Л. Р. Кызласов – выдающийся сын Хакасии», которая с марта текущего года экспонировалась в музеях Республики Хакасия, а также в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н. М. Мартыанова.

Еще при жизни Леонида Романовича в фондах музея стала формироваться его мемориальная коллекция: документы и фотографии, личные вещи, одежда, канцелярские принадлежности, предметы мебели и техники. В юбилейный год семья Кызласовых также передала в дар музею предметы, в том числе рабочие письменный стол и стул, которые в будущей экспозиции станут частью мемориального кабинета ученого.

В Республике Хакасия высоко оценивают научный вклад Леонида Романовича и бережно чтят память о нем и о его научных заслугах. Об этом говорят его многочисленные ордена и награды, среди которых орден «За заслуги перед Хакасией» и орден «За благие дела» № 001 Президиума Совета старейшин родов Хакасии.

Помимо мероприятий, связанных с изучением и популяризацией наследия выдающегося ученого, особое значение имеет меморизация его памяти посредством монументальной пропаганды – установки скульптур, мемориальных досок, непосредственно связанных с Л. Р. Кызласовым.

В 2000 г. ко Дню Победы в Великой Отечественной войне на фасаде школы № 1 г. Абакана появилось изображение фронтовика Леонида Романовича Кызласова – знаменитого выпускника этой школы, которую он окончил в суровом 1941 г.

12 октября 2016 г. Распоряжением Правительства РФ самой высокой вершине Хакасии, прежде безымянной горе с абсолютной высотой 2969,4 м, расположенной на хребте Сальджур в системе Западных Саян, было присвоено имя «гора Кызласова». Событие инициировано Республиканским Советом старейшин хакасского народа и поддержано референдумом жителей Таштыпского района, на территории которого находится гора.

В рамках реализации программы мероприятий в Республике Хакасия, посвященных 100-летию со дня рождения Леонида Романовича Кызласова, и увековечивания его памяти музей провел работу по переименованию остановок, расположенных рядом с музеем по обеим сторонам улицы Пушкина, которые по согласованию с Администрацией г. Абакана были переименованы в «Музей имени Л. Р. Кызласова».

23 марта 2024 г. на базе музея прошло торжественное расширенное заседание Республиканского Совета старейшин хакасского народа «Леонид Романович Кызласов – выдающийся сын хакасского народа» и презентация передвижной выставки, посвященной Л. Р. Кызласову.

26 марта на примузейной площади состоялось торжественное открытие бронзового памятника Л. Р. Кызласову. Авторы памятника – члены Российского военно-исторического общества: скульптор Алексей Чебаненко (Студия военных художников имени М. Б. Грекова Минобороны РФ) и архитектор Андрей Белый (г. Москва).

Таким образом, имя является одной из важнейших характеристик бренда (в нашем случае –

учреждения), оно должно легко запоминаться и, при успешной деятельности его носителя, создавать прочные связи с положительным имиджем, сложившимся за долгие годы. На сегодняшний день Хакасский музей, являясь национальным по статусу и краеведческим по виду, играет важную роль в популяризации историко-культурного наследия Республики Хакасия и достойно несет имя Леонида Романовича Кызласова.

Список литературы

Болтунова Е. Пространство (ушедшего) героя: образ лидера, историческая память и мемориальная традиция в России (на примере Ельцин-центра) // НЛЮ. 2017. 2 (144). С. 154–173 URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12420/ (Дата обращения: 21.06.2024)

Мазур Л. Н. Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 100–119. URL: <https://roii.ru/r/1/66.7> (Дата обращения: 20.06.2024)

Отчеты о работе Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова за 2005–2023 гг. // Научный архив ГАУК РХ «ХНКМ им. Л. Р. Кызласова»

Мишарина А. Л. «Польские корни. Семейные истории (воспоминания о Кларе Романовне Кызласовой) // Сборник материалов VIII Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. Абакан: ООО «Гамма», 2019. С.115–118

Музеи Республики Хакасия // Официальный сайт Министерства культуры Республики Хакасия URL: <https://www.culture.ru/museums/institutes/location-respublika-hakasiya?page=1> (Дата обращения: 10.06.2024)

Савина А. В. Монументальная меморизация в малом историческом городе (на примере Белозерска) // Сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет. – Вологда, 2020. URL: <https://belozermus.ru/sites/default/files/blog/2022/blog-2020/38.pdf> (Дата обращения: 20.06.2024)

Тугужекова В. Н. Леонид Романович Кызласов и его ученики // Сборник материалов V Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2016. С.7–16

Угдыжекова Л. Г. Жизненный и научный путь Л. Р. Кызласова // Сборник материалов II Межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. С.7–10

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ И СРЕДИННОЙ АЗИИ

УДК 903.052

Е. А. Богайчук

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

А. А. Идимешев

Томский государственный университет (Томск, Россия)

СОПЛА ИЗ КОМПЛЕКСОВ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

Анализу бронзолитейного производства самусьской культуры Томского Приобья посвящено множество работ. Однако керамические сопла до настоящего времени не подвергались детальному изучению. Сопла отражают высокий уровень металлообработки и могут быть связаны с носителями сейминско-турбинской бронзолитейной традиции. Характеристика имеющихся изделий позволяет предполагать, что плавка металла осуществлялась в тигле, нагреваемом снаружи. Отсутствие медных месторождений на территории Томского Приобья, при обилии следов бронзолитейного производства, предполагает наличие очага металлообработки в конце III – первой половине II тыс. до н.э. В качестве возможных регионов импорта сырья рассматриваются территории Рудного Алтая и Минусинских котловин.

Ключевые слова: Томское Приобье, самусьская культура, бронзолитейное производство, сопла.

E. A. Bogaichuk

Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

A. A. Idimeshev

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

NOZZLES FROM COMPLEXES OF THE SAMUS CULTURE OF THE TOMSK OB RIVER REGION

Numerous works have been devoted to the analysis of the bronze foundry production of the Samus culture of the Tomsk Ob River Region. However, ceramic nozzles have not been studied in detail until now. The nozzles reflect a high level of metalworking and may be associated with the bearers of the Seima-Turbino bronze foundry production tradition. The characteristics of the available products suggest that the metal was melted in a crucible heated from the outside. The absence of copper deposits in the Tomsk Ob River Region, despite the abundance of traces of bronze foundry production, suggests the presence of a metalworking center at the end of the 3rd – first half of the 2nd millennium BC. The territories of the Rudny Altai and the Minusinsk basins are considered as possible regions for the import of raw materials.

Keywords: Tomsk Ob River Region, Samus culture, bronze foundry, nozzles.

Проблема бронзолитейного производства у носителей самусьской культуры, проживавших на территории Томского Приобья, в настоящее время является дискуссионной. Наиболее убедительным доказательством наличия металлообработки являются материалы, обнаруженные на поселении Самусь IV. В ходе раскопок во второй половине XX в. была получена коллекция каменных и глиняных форм для литья кельтов, топоров, копий, ножей, кинжалов, шильев, украшений, а также обломки тиглей и льячек, фрагменты ошлакованной керамики [Матющенко 1973: 71]. Еще одной категорией изделий, относящихся к процессу металлообработки и ранее не подвергавшейся детальному анализу, являются сопла.

Сопло представляет собой керамическую или каменную трубчатую насадку для регулирования подачи струи воздуха в теплотехническое устройство [Дураков, Мыльникова 2021: 21]. По мнению исследователей, сопла характеризуют достаточно высокий уровень металлопро-

изводства, поскольку для создания восстановительной атмосферы в металлургической печи важным является длительное и сильное нагнетание воздуха с помощью мехов или конструкций, использующих природную силу ветра для поддержания тяги.

Основным технологическим параметром сопел является форма выходного отверстия-канала, которая влияет на форму факела горения и его параметры. На основе имеющихся археологических источников сопла делятся на две основные группы – с конусовидным и цилиндрическим каналом. Экспериментальные данные позволяют выделить два типа факелов горения. Для сопел с конусовидным каналом характерен короткий факел в форме расширяющегося конуса. Сопла с цилиндрическим каналом позволяют получить более узкий и длинный факел линзовидной формы. Полученные данные очень важны, поскольку позволяют сопоставить параметры факела сопел с имеющимися объемами и формой плавильных чаш, а также с объемом самих воздуховодных

устройств. От диаметра воздуховодного отверстия зависит интенсивность воздушного потока. Воздух, подаваемый через сопло с коническим каналом, создавал охват разогреваемой площади, близкий к диаметру плавильной чаши. Сопло с цилиндрическим каналом создавало более узкую площадь разогрева и более высокую температуру [Саврасов 2006: 80; Кузьминых, Ермолаева, Дубягина, Калиева 2020: 95]. Стоит отметить, что при внутритигельной плавке сопло не соприкасается с горящим топливом и не испытывает воздействия высоких температур. Проведенные многочисленные эксперименты показали, что при таком типе плавки сопло может выдерживать несколько сотен плавок без каких-либо повреждений и образования визуальных следов использования. Именно этим можно объяснить малое количество сопел в культурных слоях памятников [Агапов Д. С., Агапов С. А. 2021: 74].

В настоящее время сопла в комплексах самусьской культуры на территории Томского Приобья происходят с двух памятников: поселения Самусь IV и Потаповы Лужки III (см. таблицу). Поселение Самусь IV расположено на правом берегу р. Томь в черте п. Самусь Томского района Томской области [Матющенко 1973: 8]. Памятник является ключевым объектом для изучения самусьской культуры. В результате многолетних исследований была получена представитель-

ная коллекция керамических сосудов, продуктов каменной индустрии и бронзолитейного производства, предметов неутилитарного назначения. На поселении также обнаружен фрагмент керамического сопла. Изделие имеет коническую форму, диаметр канала сужается к выходному отверстию. Внешняя поверхность орнаментирована оттисками гребенчатого штампа, образующими волнистые линии (см. рисунок, 1). Поселение Потаповы Лужки III расположено в нижнем течении р. Томи (в черте г. Томска), на правобережной надпойменной террасе [Идимешев, Богайчук, Степанова 2023: 49]. Его основной керамический комплекс относится к самусьской культуре. Предметный комплекс почти полностью совпадает с материалами поселения Самусь IV, находящегося в 44 км ниже по течению р. Томи. С данного памятника происходит два керамических сопла. Первое изделие состоит из двух фрагментов, диаметр канала немного сужается к выходному отверстию, на одном из фрагментов присутствуют следы ошлаковки. Внешняя поверхность орнаментирована наклонными насечками (см. рисунок, 2). Второе сопло также представлено фрагментарно, сохранилась часть стенки с воздуховодным каналом. Внешняя поверхность изделия орнаментирована наколами, образующими прямые линии (см. рисунок, 3).

Таблица. Параметры сопел самусьской культуры Томского Приобья

Поселение	Сохранность	Длина ^{1*} (мм)	Диаметр внешний (мм)	Диаметр отверстия (мм)	Толщина стенок (мм)
Самусь IV	Частичная	65	9–30	5–10	2–9
Потаповы Лужки III	Частичная (два фрагмента)	44	14–23	10–12	6–7
Потаповы Лужки III	Частичная	31	15–23**	15**	8–10

В комплексах синхронных культур Западной Сибири следы металлообработки связаны с находками бронз сейминско-турбинского типа. В условиях наличия большого количества бронзолитейного оборудования, разнообразных производственных участков и погребений, содержащих бронзовые изделия, количество сопел ограничено. В комплексах одиновской культуры находки керамических сопел (4 экз.) связаны, в первую очередь, с производственными участками близ горнов. В материалах кротовской культуры встречаются как керамические (3 экз.), так и каменные (1 экз.) сопла, а также одна заготовка для изготовления каменного сопла. Изделия найдены как на производственных участках, так и в погребениях. Исследователями неоднократно отмечалась преемственность развития данных производственных комплексов. Однако, технология изготовления сопел различается.

Одиновские сопла сформированы из спирально скрученной глиняной ленты, кротовские вылеплены на шаблоне из единого куска глины [Дураков, Мыльников 2021: 74, 165, 184]. На памятнике елунинской культуры глиняное сопло также обнаружено в непосредственной близости от производственной печи [Грушин 2013: 38]. Сопла с юга Западной Сибири, в преобладающем большинстве, представляют собой конусовидные трубки с сужающимся отверстием воздуховодного канала. Те же характеристики имеют и сопла с севера Западной Сибири [Кокшаров 2014: 80]. В то же время, сопла с территории Урала имеют цилиндрическую форму и большую длину, входное и выходное отверстия практически не различаются, что может указывать на использование других типов теплотехнических сооружений [Корочкова 2021: 317].

Рассматривая проблему бронзолитейного производства самусьской культуры, стоит отметить, что металлообработка базировалась на привозном сырье, поскольку на территории Томского Приобья не имеется медных месторождений. Поселение Самусь IV, несомненно, является наиболее крупным поселением самусьской культуры со следами металлообработки. После раскопок на поселении Крохалева-1 (Новосибирское Приобье) была высказана гипотеза о наличии бронзолитейного производства на долговременных поселениях самусьской культуры [Молодин, Глушков 1989: 121]. Однако наличие нескольких культурных компонентов при обилии следов обработки бронзы на поселении Самусь IV интерпретировалось как сакральный центр, связанный с обрядами получения, распределения металла и символического изготовления бронзовых орудий [Васильев 2001: 26]. Современные работы на территории Томского Приобья скорее подтверждают вывод о наличии металлообработки на поселениях со следами длительного пребывания носителей самусьской культуры. Так на поселении Потаповы Лужки III обнаружены фрагменты глиняных форм для отливки бронзовых изделий (11 экз.), фрагменты тиглей (3 экз.), литейные стержни (3), бронзовые всплески (2 экз.), фрагменты бронзовых изделий (2 экз.). Однако из-за фрагментарности литейных форм нельзя установить для отливки каких изделий они применялись и относились ли это предметы к сейминско-турбинской традиции. Стоит отметить, что соотнесение литейных форм, происходящих из комплексов самусьской культуры, с сейминско-турбинской традицией является сложной проблемой. В первую очередь, это связано с тем, что находки происходят с поселений, а не из могильников, где металл зачастую представлен гораздо обильнее [Черных, Кузьминых 1989: 144–145; Есин 2009: 139]. Малое количество сопел на памятниках самусьской культуры Томского Приобья может быть обусловлено тем, что изделия изготавливались из привозной меди, вследствие чего не требовалось манипуляций с рудой. В отличие от «центров металлургии и горного дела», выделенных Д.В. Вальковым и С.В. Кузьминых, на которых фиксируется частота встречаемости сопел 2,5-3 и выше на 100 кв. м [Вальков, Кузьминых 2000: 75–77].

К сожалению, из-за отсутствия изделий из металла, которые можно с уверенностью отне-

сти к самусьской культуре Томского Приобья, в настоящий момент нельзя установить источники поступления сырья. Возможно, металл мог поступать с территории Рудного Алтая, богатого медными месторождениями [Матющенко 1973: 80]. При этом река Обь могла выступать в качестве удобной транспортной магистрали. Связи с территорией Рудного Алтая также фиксируются у носителей кротовской и елунинской культур [Дураков, Мыльникова 2021: 169; Дегтярева, Грушин, Шайхутдинов 2010: 33]. Еще одной областью, с которой мог поступать металл, вероятно, была территория Минусинских котловин и связана с носителями окуневской культуры. Имеющиеся материалы позволяют предполагать наличие контактной зоны культурных групп на территории Ачинско-Мариинской котловины [Бобров, Волков, Герман 2010: 84; Ковтун, Баштанник, Жаронкин, Фрибус 2011: 108]. Кроме того, свидетельства присутствия носителей самусьской культуры фиксируются в верховьях р. Аскиз на границе Минусинской котловины и Кузнецкого Алатау [Зубков 2009: 140].

Рассматриваемые в настоящей работе сопла украшены в свойственной для самусьской культуры технике орнаментации. Стоит отметить, что все изделия имеют форму конической трубки без значительных следов повреждений. Это позволяет предположить, что плавка металла производилась в тигле с внешним нагревом. В силу отсутствия объектов, надежно интерпретируемых как специализированные производственные участки, на данный момент недостаточно данных для того, чтобы делать выводы о конструкции теплотехнических сооружений на поселениях Самусь IV и Потаповы Лужки III. Однако, на основании имеющихся данных, можно предположить, что бронзолитейное производство самусьской культуры в Томском Приобье базировалось на привозном сырье и представляло собой многоуровневый процесс, включавший подготовительный этап (организация производственного участка и изготовление литейного оборудования) и основной этап работ (выплавка металла, заливка его в формы, извлечение и доработка изделий). Все это свидетельствует о наличии очага металлообработки на территории Томского Приобья в конце III – первой половине II тыс. до н.э.

Список литературы

- Агапов Д. С., Агапов С. А. Модели плавки цветных металлов в древности (по результатам экспериментальных работ Самарской археометаллургической группы) // Аналитические исследования лаборатории естественных методов. 2021. №. 5. С. 70–77.
- Бобров В. В., Волков П. В., Герман П. В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №. 4. С. 76–84.
- Вальков Д. В., Кузьминых С. В. Сопла Евразийской металлургической провинции // Проблемы изучения неолита и бронзового века Южного Урала. Орск. 2000. С. 73–80.

Васильев Е. А. Феномен поселения Самусь IV в самусьской культуре // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. 2001. С. 24–26.

Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III-первой четверти II тыс. до н. э. Барнаул, 2013.

Дегтярева А. Д., Грушин С. П., Шайхутдинов В. М. Металлообработка населения елунинской культуры Верхней Оби (предварительные результаты металлографического исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 27–35.

Дураков И. А., Мельникова Л. Н. На заре металлургии: Бронзолитнейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. 203 с.

Есин Ю. Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: Томский гос. ун-т. 2009. 526 с.

Зубков В. С. Археология поселений энеолита и бронзового века Хакасско-Минусинского края: состояние источниковой базы и задачи изучения // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937 гг. Иркутск: Изд-во «Амтера». 2009. С. 137–143.

Идимешев А. А., Богайчук Е. А., Степанова Н. Ф. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Потаповы Лужки-III (Томское Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 46–58. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-03)

Ковтун И. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Фрибус А. В. Самусьское время Устья Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-агальматолитовый» путь // Историко-культурное наследие Кузбасса: актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2011. С. 104–113.

Кокшаров С. Ф. Сопла бронзового века с севера Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 78–87.

Корочкова О. Н. Символические практики литейщиков Урала и Западной Сибири эпохи бронзы // Международная научная конференция «Культуры Азиатской части Евразии в древности и средневековье», посвященная 80-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. Н. А. Аванесовой. Самарканд, 28–29 мая 2021 года. Самарканд: Самаркандский гос. ун-т. 2021. С. 315–320.

Кузьминых С. В., Ермолаева А. С., Дубягина Е. В., Калиева Ж. С. Глиняные сопла. Технико-типологическая характеристика // Талдысай – поселение древних металлургов позднебронзового века в Улытауской степи. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана. 2020. С. 94–102.

Матющенко В. И. Самусьская культура. Ч. 2 // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 10. 208 с.

Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука. 1989. 168 с.

Саврасов А. С. Экспериментальные исследования плавки металла (по материалам эпохи средней бронзы Днепро-Донского междуречья) // Археологическое изучение Центральной России (тезисы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка). Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед-го ун-та. 2006. С. 189–192.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 1989. 320 с.

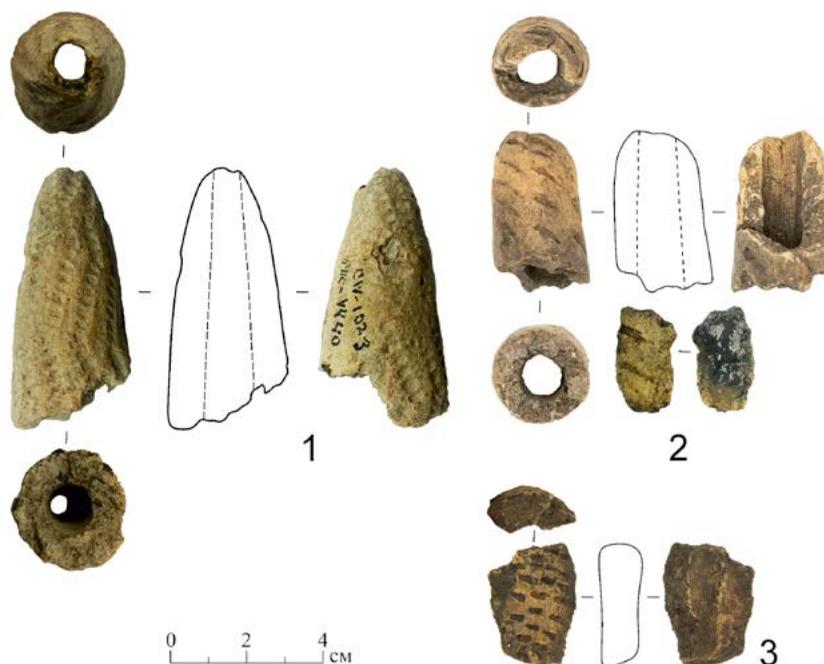

Рисунок. Сопла самусьской культуры:
1 – поселение Самусь IV; 2–3 – поселение Потаповы Лужки III

УЧЕНЫЙ АРХЕОЛОГ ЯКОВ ИВАНОВИЧ СУНЧУГАШЕВ

Сунчугашев Яков Иванович, доктор исторических наук, профессор, ученый археолог. Сунчугашев Я. И. внес большой вклад в археологическую науку Хакасско-Минусинской котловины и Тувы. Он первым нашел, изучил десятки местонахождений древних металлургов. Разработал методику изучения металлургии бронзового и железных веков. Использовал новейшие достижения естественно-научных методов: спектрального, химического и других для интерпретации горнорудного производства от добычи руды до изготовления орудий труда, оружия. Перу Я. И. Сунчугашева принадлежат 6 монографий и более 100 научных работ.

Ключевые слова: Бронзовый, железный века, древняя металлургия. Хакасско-Минусинская котловина. Орудия обработки металла.

N. I. Drozdov

International Innovation University,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)**THE SCIENTIST ARCHAEOLOGIST YAKOV IVANOVICH SUNCHUGASHEV
(FOR THE 100TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)**

Yakov Ivanovich Sunchugashev, Doctor of Historical Sciences, Professor, scientist and archaeologist. Sunchugashev Ya. I. made a great contribution to the archaeological science of the Khakass-Minusinsk basin and Tuva. He was the first to find and study dozens of locations of ancient metallurgists. He developed a methodology for studying metallurgy of the Bronze and Iron Ages. He used the latest achievements of natural science methods: spectral, chemical and others to interpret mining production from ore mining to the manufacture of tools and weapons. Ya. I. Sunchugashev wrote 6 monographs and more than 100 scientific papers.

Keywords: Bronze Age, Iron Age, ancient metallurgy. Khakass-Minusinsk basin. Metalworking tools.

Яков Иванович Сунчугашев – ученый в области археологии бронзового и железного веков Южной Сибири. В научном сообществе он известен как крупный специалист по проблемам древней металлургии Хакасско-Минусинской котловины и Тувы. Ученым открыты и исследованы сотни археологических памятников на территории Хакасии и Тувы.

Я. И. Сунчугашев был организатором и руко-водителем археологической экспедиции ХакНИИЯЛИ с 1965 по 1995 гг., руководителем сектора, а затем и директором ХакНИИЯЛИ (Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории). Он является доктором исторических наук, профессором.

Трудным и тернистым был путь в науку, но благородным и счастливым.

Я. И. Сунчугашев родился 15 января 1926 г. в аале Теренчин, Аскизского района, на берегах реки Тея. Он был двенадцатым ребенком в бедной, крестьянской семье. В детстве любил лошадей и очень хотел, чтобы отец подарил ему жеребенка, а он бы его вырастил в гордую, кра-сивую лошадь. Почему-то лошадь должна быть красивой. Так мечтал маленький Иван, но мечта не сбылась, у отца не было возможности купить жеребенка (так о своём детстве рассказывал мне Яков Иванович).

Рос Яков, как его сестры и братья, был трудолюбивым, хорошо учился в школе, но был скромным и застенчивым юношей. Великая Оте-⁶⁰чественная война перечеркнула планы молодого

го юноши. Начал работать в колхозе, а в 1943 г., 17-летнего Якова призвали в Советскую Армию. Он участвовал в боях против Японии в Манчжу-рии.

Вернувшись в родную Хакасию, он начал работать и готовиться к поступлению в Абаканский педагогический институт. Став студентом в 1950 г., фронтовик Яков учился добросовестно и сознательно готовил себя к профессии учителя истории. Примером для него были сельские учи-теля родной школы, которые дали ему хорошие знания. После окончания института в 1954 г., с дипломом, с хорошими оценками хотел рабо-тать в родной школе села Теренчин, но распре-делили его в Туву: там требовались учителя истории. Как бы сложилась дальнейшая судьба учителя из Тандинского кожууна (района), если бы он не встретил Л. Р. Кызласова, молодого уче-ного из Москвы, фронтовика, земляка – хакаса. С учениками он начал летом ездить в археоло-гическую экспедицию к своему будущему учите-лю, соратнику и другу Леониду Романовичу Кыз-ласову. Семь лет работы в Республике Тува стали для Якова Ивановича хорошей полевой школой, приобщением к большой археологической науке. Археология стала для учителя истории из Тувы главным делом в его жизни. Учеба и полевые работы во время аспирантуры в Институте Архе-ологии АН СССР в 1961–1964 гг. Защита канди-датской диссертации по древнейшим рудникам Тувинской котловины под руковод-ством Л. Р. Кызласова, который к тому времени

стал доктором исторических наук, профессором МГУ. Работу Я. И. Сунчугашева высоко оценил известный археолог, знаток древностей Сибири С. В. Киселев.

Яков Иванович не остался в Москве и вернулся домой, поступил на работу в ХакНИИЯ-ЛИ научным сотрудником. Он первым в Хакасии стал кандидатом исторических наук в области археологии.

Яков Иванович был редкой души человеком, он был мягок в обращении, никогда не повышал голоса, был спокойным во всех сложных ситуациях, не смотря на должность директора института, радовался успехам своих сотрудников, помогал в научной работе и повседневной жизни, старался распознать в человеке хорошее.

В институте он создал дружный, работоспособный коллектив, многие сотрудники защитили диссертации и учились в аспирантуре.

Перу Я. И. Сунчугашева принадлежит 6 монографий, более 100 статей и множество статей в газетах.

Свою первую монографию «Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине» он напечатал в Москве в 1975 г. в издательстве «Наука».

В предисловии он писал: «ярким свидетельством существования в древности на среднем Енисее мощной медной индустрии. Продукция этой индустрии – медные и бронзовые орудия труда, оружие, украшения и т. д. – все это служит одним из основных источников для классификации материальной культуры и для деления древней истории этого района на ряд археологических эпох. Между тем, до сего времени остатки древнейших рудников и следы металлургической деятельности, являющиеся свидетельством мощного расцвета медного литейного дела, не были предметом специального исследования» [Сунчугашев 1975: 4].

Таким образом, в этой монографии Яков Иванович Сунчугашев обозначил задачи своих исследований, чтобы заполнить этот пробел. Он писал, что, к сожалению, многие древние горные выработки в Хакасско-Минусинской котловине гибнут при современных горных работах, их нужно быстро изучать.

Найденные медные слитки из медеплавильного позволили сделать спектральный анализ, что дало возможность сравнить их химический состав с медными или бронзовыми орудиями археологических культур на среднем Енисее.

И уже через четыре года, после выхода первой монографии появляется на свет новое научное сочинение Я. И. Сунчугашева «Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа». Монография издана в Сибирском отделении СО РАН г. Новосибирска в 1979 г. под редакцией Л. Р. Кызласова. Как видим, учитель и ученик всегда поддерживают друг друга. Это научное исследование

являлось продолжением древней истории металлургии, меди в Туве и Хакасско-Минусинской котловине. Работа была написана на новых уникальных материалах, найденных Яковом Ивановичем в археологических экспедициях в горнорудных районах Хакасии. Я. И. Сунчугашев проделал титанический труд изучая историю металлургии железного века на протяжении почти двух тысяч лет, от возникновения до развития целой отрасли. Всю историю металлургии железа он впервые разделил на три этапа.

Я. И. Сунчугашев внес значительный вклад в археологическую науку Хакасии. Многие годы он в экспедициях находил и изучал памятники горного дела бронзового и железного веков. Он проявил себя как умелый, кропотливый исследователь. Его работы всегда отличались новизной с глубоким анализом найденных во время экспедиций археологических материалов. Его научные гипотезы подтверждались естественно-научными анализами, сделанными в лабораториях академических научных центров Москвы, Новосибирска, Красноярска.

Я. И. Сунчугашев участвовал во многих конференциях в нашей стране.

Увлеченность своей работой – одна из главных черт в характере Я. И. Сунчугашева. В процессе кропотливой работы у него рождались идеи, иногда опережающие развитие археологической науки в области древней металлургии.

Яков Иванович тщательно изучал работы своих предшественников начиная с первых научных исследований в Абаканской степи Д. Г. Мессершмидта в 1720-1727 гг. до 60-х годов XX века (работы С. В. Киселева, Ю. С. Гришина, Л. Р. Кызласова, М. А. Дэвлет и др.).

Просветительская миссия деятелей науки, к которой принадлежал Яков Иванович заключалась в пропаганде знаний по археологии, сохранении культурно-исторического наследия Хакасии. Это встречи с жителями районов, учащимися школ, лекции в техникумах, институте. Им опубликовано более 200-х статей в газетах Хакасии.

Долгие годы Яков Иванович возглавлял Республиканское Всесоюзное отделение охраны памятников истории и культуры.

Яков Иванович не очень любил терминологическую трескотню: в Якутске на конференции, посвященной 300-летию вхождения Якутии в состав России Борис Пяткин говорил ярко, красиво, блистая для того времени модными, иностранными археологическими терминами. На что Я. И. Сунчугашев заметил: «А нельзя проще, по-русски, использовать терминологию, ту, которой пользовались наши предшественники».

Имя доктора исторических наук, профессора Я. И. Сунчугашева известно не только в Сибири, России, но и за рубежом. Я. И. Сунчугашев был

ученым, оставившим глубокий след в изучении древней истории Хакасии и Тувы.

На его долю выпало создание археологической экспедиции ХакНИИЯЛИ, он был научным сотрудником, после защиты кандидатской диссертации, затем директором этого института. Среди Хакасских ученых археологов он был пер-

вым кто защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертацию.

Жизнь Якова Ивановича была тесно связана с наукой, образованием и популяризацией научных знаний. Он оставил нам в наследство свои книги, мысли, любовь к археологии и истории своей любимой Хакасии.

Список литературы

- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // М.: 1951. 644 с.
Кызласов Л. Р. Этапы Древней истории Тувы // Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1958. № 4.
Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. Москва: Главная редакция восточной литературы Наука, 1975. 172 с.
Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Москва: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 191 с.

УДК 902/904

В. Э. Семашкевич

Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

КАМЕНОЛОМНИ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

В публикации обосновывается вопрос перспективности исследования каменоломен тагарской археологической культуры как источника для изучения строительных технологий, применяемых при сооружении каменных конструкций погребальных комплексов. Сформулированы общие поисковые признаки для выявления тагарских каменоломен. В научный оборот вводится обнаруженная автором каменоломня вблизи с. Московское (Усть-Абаканский район Республики Хакасия), относящаяся к раннетагарскому периоду. При ее обследовании выявлены следы применения носителями тагарской культуры технологии послойного отделения плит от коренных пород с помощью клиньев в целях получения строительного материала для сооружения раннетагарских курганов.

Ключевые слова: тагарская культура, каменоломня, древние технологии.

V. E. Semashkevich

Khakass Research Institute for
Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

THE QUARRIES OF THE TAGAR CULTURE AS A SOURCE FOR STUDYING THE CONSTRUCTION TECHNOLOGIES OF THE EARLY IRON AGE IN THE TERRITORY OF THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN

The publication substantiates the issue of the prospects of studying the quarries of the Tagar archaeological culture as a source for research of construction technologies used in the construction of stone structures for burial complexes. The general search signs for the identification of Tagar quarries are formulated. A quarry, discovered by the author near the village of Moskovskoye (the Ust-Abakan District of the Republic of Khakassia) and dated back to the Early Tagar period, is introduced into scientific discourse. During its examination, we revealed traces of the Tagar culture bearers' use of technology of layered separation of slabs from bedrock by wedges in order to obtain building material for the construction of Early Tagar mounds.

Keywords: Tagar culture, quarry, ancient technologies.

Настоящая работа имеет целью постановку вопроса о перспективности исследования мест добычи камня как одного из источников при изучении строительных технологий тагарской культуры на территории Хакасско-Минусинской котловины. Этот период, в сравнении с предшествующими археологическими культурами, характеризуется размахом каменного строительства. Тагарские курганы являют собой яркие мемориальные архитектурные объекты благодаря своим выразительным каменным конструк-

циям, которые претерпели определенные архитектурные и строительные изменения по мере развития культуры. Массовое строительство сооружений из камня, в том числе с использованием крупных плит, отдельные из которых имеют массу в несколько десятков тонн, обусловило активную разработку каменоломен.

Некоторыми археологами в публикациях по результатам исследований тагарских могильников затрагивается тема местонахождения карьеров по добыче камня [Максименков 2003:

30, 84, 113; Савинов 2012: 10]. Наиболее подробно описана одна из самых крупных тагарских каменоломен на горе Хызыл Хая (Усть-Абаканский район Республики Хакасия), которая изучалась в контексте исследования Большого Салбыкского кургана [Киселев 2016: 10; Кызласов 2022: 14–20; Марсадолов 2010: 38–39; Сунчугашев 2016: 50–51]. Она является самым известным памятником данного рода, ее взаимосвязь с элитными курганами в Салбыкской степи несомненна, что и привлекло внимание специалистов. Однако в своем большинстве поиск и изучение мест добычи камня для строительства курганов часто остаются за рамками научных изысканий (возможно, это просто не находит отражения в соответствующих отчетных материалах).

Немногочисленные описания тагарских каменоломен, выявленных исследователями, а также результаты собственных изысканий автора позволяют сформулировать общие поисковые признаки мест добычи строительного камня для тагарских курганов.

1. Наличие неподалеку либо в непосредственной близости от тагарских могильников скальных выходов пород камня (песчаника, гранита, базальта, иных пород), из которых сложены конструкции курганов.

2. Нарушения естественного микрорельефа горного хребта либо скальных выходов, связанные с выемкой камня в ходе производства открытой горной выработки и свидетельствующие об антропогенном воздействии. Отличительным признаком таких выработок являются задернованные углубления, которые могут быть вытянуты линейно вдоль выходов породы.

3. Лежащие на скальной гряде расколотые крупные каменные плиты, часто имеющие подпрямоугольную либо трапециевидную формы. Данные плиты являлись заготовками для вертикальных стел и, по-видимому, были отбракованы в ходе обработки либо подготовки к транспортировке. Подобные каменоломни могут быть расположены на значительном (до 10 и более километров) удалении от могильников. Так как на подгорновском и сарагашенском этапах (около VII–III вв. до н.э.) тагарской культуры конструкции погребальных сооружений становятся более монументальными, имеются основания полагать, что активная фаза разработки таких каменоломен осуществлялась именно в этот период времени. Примером такой горной выработки является вышеупомянутая каменоломня на горе Хызыл Хая.

Фото 1. Вид на углубление каменоломни и раннетагарский курган

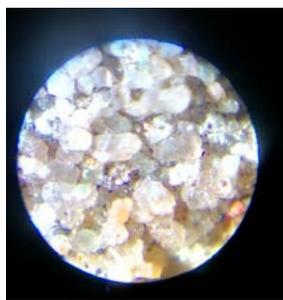

Фото 2. Микроскопия породы ограды кургана

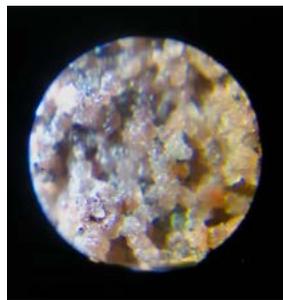

Фото 3. Микроскопия породы горной выработки

Сложнее выявляются каменоломни по добыче гранита. Отдельные гранитные массивы, уже при своём возникновении в земной коре разбитые трещинами вследствие тектонических подвижек, расчленяются выветриванием на квадры (прямоугольные параллелепипеды) со сглаженными, скруглёнными рёбрами и вершинами [Шуман 1986: 70], которые благодаря своей форме фактически являлись готовыми для установки в качестве вертикальных стел и камней ограды тагарских курганов. Вблизи одного из раннетагарских могильников в районе с. Усть-Бюр автором обнаружено скопление таких квадров, которое, очевидно, являлось складированным строительным материалом для возведения каменных конструкций курганов.

С учетом высокой плотности тагарских могильников практически на всей территории Хакасско-Минусинской котловины каменоломни также были распространены повсеместно. К сожалению, большинство древних разработок к настоящему времени сильно видоизменены или уничтожены в результате добычи камня в XIX – первой половине XX вв. Например, карьеры Кунинского и Капчальского месторождений песчаников в окружении Салбыкской степи разрабатывались для нужд жилищного строительства, на точильные бруски и жернова [Евсеев 1938: 483–484]. Однако первоочередной интерес представляют не каменоломни, как таковые, а памятники, на которых сохранились конструктивные элементы, по которым можно судить о технологии добывания, обработки и транспортировки камня. Подобные памятники на сегодняшний день являются редкостью.

Один из таких объектов выявлен автором в 2023 году на правом берегу р. Биджа в 3 километрах к юго-востоку от с. Московское (Усть-Абаканский район Республики Хакасия) на горном хребте Тастых хыр (с хакасского – каменный холм), который представляет собой куэстовую грядку с пологими склонами, сложенную

осадочными породами песчаника. На террасе вдоль хребта с востока на запад расположен раннетагарский могильник, представленный цепочкой курганов с оградами небольших размеров, в том числе пристроенных друг к другу. В непосредственной близости от курганов на привершинной части северного пологого склона хребта выявлена и исследована каменоломня, которая представляет собой ряд линейно расположенных углублений, средние размеры которых – длина до 3 м, ширина – до 2,5 м, глубина – до 0,4 м (фото 1). Углубления образованы за счёт локального отсутствия плит куэстовой гряды, что нехарактерно для микрорельефа данного хребта и в целом для куэстовой формы рельефа. Это указывает на антропогенное происхождение данных углублений, которые являются следствием выемки плит в ходе открытой горной выработки. Углубления имеют одинаковую степень задренованности, что свидетельствует о синхронности создания всей каменоломни²⁵.

Проведенное сравнительное микроскопическое исследование²⁶ породы (красноцветный алевролит) одной из плит ограды раннетагарского кургана и коренных пород горной выработки показало их идентичность по характеру полосчатости, крупности слагающих частиц, характеру цемента и преобладающему цвету (фото 2, 3). Горная выработка располагалась на расстоянии 22 м от кургана. Таким образом, с высокой долей вероятности можно сделать вывод о синхронности постройки ограды кургана и функционирования горной выработки.

В результате более детального изучения участка, на котором располагаются курган и горная выработка, выявлены два расположенных компактно (около 40 м друг от друга) выхода коренных осадочных пород алевролитов. В открытых слабонаклонных (24–27 градусов) трещинах данных выходов найдены фрагменты песчаника клиновидной формы размерами до 25 см в длину, до 10 см в толщину (фото 4–6). Проведенные наблюдения свидетельствуют, что нахождение клиньев в трещинах имеет антропогенный характер. Так, в одном случае клин не имеет видимой слоистости, которая присуща породе, слагающей трещину. В другом случае клин расположен «на ребре», когда его собственная слоистость оказалась перпендикулярна слоистости пород трещины. Клинья также не могут быть продуктом естественного разрушения коренных пород, так как в этом случае должны образовываться не клинья, а пластинчатые отколы, которые бы повторяли изначальную слоистость коренных пород.

²⁵ Геологические и геоморфологические определения сделаны инженером-геологом Ермаковым В.М., бывшим начальником Ангарской партии Южной геофизической экспедиции Красноярского геологического управления.

²⁶ Использовались бытовые микроскоп MicroBrite Plus (увеличение 60х-120х) и измерительная лупа (увеличение 10х, цена деления 0,1 мм), оптических возможностей которых достаточно для определения характеристик пород.

Фото 4–5. Трещина с клином

Фото 6. Перпендикулярность слоистости вмещающих пород к слоистости клина

Компактное расположение всех рассматриваемых объектов (горная выработка, использовавшаяся для строительства могильника, выходы коренных пород с клиньями) позволяют рассматривать их как единый археологический комплекс, который следует датировать раннетагарским временем.

Наличие клиньев в трещинах коренных осадочных пород наглядно свидетельствует о применении строителями курганов технологии, предполагавшей продольное отделение плит от породы по трещинам, для чего, вероятно, использовались деревянные заостренные рычаги. В образующийся просвет вставлялись клинья из песчаника, которые препятствовали возвращению плиты в исходное положение и создавали необходимое напряжение в пласте скальной породы, приводившее к откалыванию плиты. По-видимому, такие клинья не забивались – на верхней и нижней частях расклиненных плит характерных следов (царапины, борозды) не наблюдается. Очевидно, что такая технология была характерна при возведении небольших рядовых курганов, на что могут указывать размеры клиньев, позволявшие добывать некрупные по размерам плиты ограды.

Таким образом, найдены материальные свидетельства, указывающие на применение носителями тагарской культуры технологии послойного отделения плит от коренных пород с помощью рычагов и клиньев в целях получения строи-

тельного материала для сооружения раннетагарских курганов. Для расслаивания крупных плит, по-видимому, использовались клинья больших размеров, чем обнаруженные на описанной каменоломне. Выявленную около с. Московское каменоломню можно определить как малую, что обусловлено небольшими размерами курганов, для которых добывался камень.

Полученный материал наглядно обосновывает утверждение о том, что при строительстве курганов использовались выходы каменных пород, находящиеся в непосредственной близости от возводимых объектов. Каменоломня, по-видимому, разрабатывалась для сооружения данного раннетагарского могильника. Это говорит о прагматичности строителей, которых не смущало, что сакральное пространство погребального сооружения вплотную примыкает к месту горной разработки. По крайней мере, это характерно для небольших раннетагарских рядовых курганов.

Для датировки вышеописанной каменоломни использовался метод микроскопического анализа фрагментов плит из горной разработки и конструкции кургана, позволивший соотнести место добычи камня с конкретным погребальным комплексом. В то же время данный метод эффективен, когда взаимосвязь могильника и каменоломни достаточно очевидна. При датировке каменоломен, не имеющих четкой корреляции с тем или иным могильником, необходим комплексный подход, предполагающий соотнесение масштабы конструкций курганов (монументальные, средних, небольших размеров и т. д.), расположенных в радиусе нескольких километров от места камнедобычи. Величина и форма фрагментов каменных плит и блоков, имеющих на каменоломне, могут указывать на ее «специализацию» (добыча камня для постройки ограды, вертикальных угловых и простеночных стел, для оформления могильных конструкций). Очевидно, что по мере развития культуры и изменения архитектуры тагарских курганов менялись масштабы каменоломен и технология добычи.

Выявление новых каменоломен, их обследование позволят выделить особенности строительных технологий, характерные для различных периодов тагарской культуры.

Список литературы

- Евсеев М. Ф. Песчаники // Полезные ископаемые Красноярского края. Красноярск: Красноярское краевое гос. изд-во, 1938. С. 483–496.
- Киселёв С. В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: ООО «Знак», 2016. С. 6–15.
- Кызласов И. Л. Каменоломня в скале Хызыл Хая // Кызласов И. Л. Древности Хакасии. М.: Институт археологии РАН, 2022. С. 14–20.
- Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры – СПб: Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с.
- Марсадолов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2010. 128 с. ил.
- Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986 – 1989 гг.). СПб: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Сунчугашев Я. И. Каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: ООО «Знак», 2016. С.50–51.
- Шуман В. Мир камня. Том 1. Горные породы и минералы. М.: Мир, 1986. 215 с.

Подписи под фотографиями

1. Вид на углубление каменоломни и раннетагарский курган.
2. Микроскопия породы ограды кургана.
3. Микроскопия породы горной выработки.
4. Трещина с клином.
5. Трещина с клином.
6. Перпендикулярность слоистости вмещающих пород к слоистости клина.

(Footnotes)

* Указана длина имеющихся фрагментов

**Указан реконструируемый диаметр

О. С. Советова

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ТЕПСЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА²⁷

Одна из основных тем, которую активно разрабатывал Л. Р. Кызласов, была связана со средневековой историей Южной Сибири. Материалы эпохи средневековья, полученные в результате многолетних исследований в Тепсейском археологическом микрорайоне, представлены разнообразными материалами из захоронений, демонстрирующих разнообразие погребальных традиций, включая скальные, поселенческими находками (керамика, жернова, зернотерки, металлические изделия и др.), остатками крепости, а также наскальными изображениями (среди которых наиболее многочисленны тамги), позволяющими воссоздать не только отдельные непознанные страницы средневековой истории края, но и мировоззренческие основы проживавшего здесь населения, отобразившего свои чаяния и воззрения в рунических надписях.

Ключевые слова: Минусинская котловина, средневековье, тамги, руника, петроглифы, погребения, скальное захоронение.

O. S. Sovetova

Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

MEDIEVAL MATERIALS OF THE TEPSEI ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT

One of the main topics that L. R. Kyzlasov actively developed was related to the medieval history of South Siberia. The materials of the medieval era, obtained as a result of many years of research in the Tepsei archaeological microdistrict, are represented by various materials from burials demonstrating the diversity of burial traditions, including rock burials, settlement finds (ceramics, millstones, grain grinders, metal products, etc.), the remains of a fortress, as well as rock paintings (among which tamgas are the most numerous), allowing us to recreate not only individual unknown pages of the medieval history of the region, but also the ideological foundations of the population living here, who reflected their aspirations and views in runic inscriptions.

Keywords: Minusinsk Basin, Middle Ages, tamgas, runes, petroglyphs, burial sites, rock burials.

²⁷ Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ по теме: «Неизученные страницы истории и культуры населения Южной Сибири II тыс. н.э. по материалам петроглифов» (проект № 23-28-00974).

Одна из основных тем, которую активно разрабатывал Л. Р. Кызласов, была связана со средневековой историей Южной Сибири. Он открыл многие неизвестные ранее страницы этой истории, основанные на материалах им же выявленных памятников, а также письменных источниках.

Раскопки, проводившиеся в Тепсейском археологическом микрорайоне, выявили довольно разнообразные средневековые материалы. Комплекс кыргызских погребальных памятников включает в себя три разновременных могильника: Тепсей XI, III, II. Самый ранний (Тепсей XI), состоящий из трех курганов типа чаа-гас и 29 могил, был соотнесен к VI–VIII вв. В пределах чаа-гаса Тепсей XI встречаются труположения в сопровождении предназначенных погребенным жидкой пищи в горшках и мяса овцы, а также погребения детей и взрослых по обряду трупосожжения, предполагавшие кремацию умерших и затем захоронение собранного пепла в какой-либо емкости [Грязнов, Худяков 1979: 157]. Отдельную группу представляют кыргызские погребения Тепсей III с захоронением взрослых мужчин с верховым конем (мужчин погребали с оружием, в сопровождении взнузданных и оседланных коней), детей же и подростков мужского пола хоронили с бараном. В пункте Тепсей XI, который был сильно разрушен волнами, обнаружено 12 небольших каменных насыпей, а под ними – свыше 30 захоронений VI–IX вв., преимущественно детских. Причем было отмечено большое разнообразие погребальных обрядов в пределах одного могильника: каменные курганы типа чаа-гас с захоронением в них пепла одного-двух человек, с кыргызскими вазами и большим количеством мяса от нескольких баранов; захоронения пепла одного-двух человек в треугольных и прямоугольных каменных ящиках; захоронения пепла человека в большом плоскодонном сосуде; захоронение в сосуде вне могилы и без инвентаря; захоронения подростков в сопровождении глиняных сосудов и костей нескольких баранов; захоронения младенцев без инвентаря [Грязнов, Худяков, Боковенко 1977: 198].

Поселений здесь обнаружено совсем немного, причем самые ранние из них, скорее всего, были простыми стоянками рыбаков или охотников. Разведки Н. А. Боковенко позволили ему обнаружить на берегу Енисея два поселенческих комплекса с фрагментами кыргызской керамики [Боковенко 1994]. Весной 2021 г. на обнажившемся дне Красноярского водохранилища нами было открыто еще одно размытое многослойное поселение с остатками каменной индустрии, керамикой эпохи бронзы, тесинскими стрелами и др., а также с мощным слоем средневековых материалов, среди которых керамика с разнообразными видами орнаментов, металлические

изделия, включающие стрелы и предметы бытового назначения, а также обломок китайского зеркала 11–12 в. На его бортике вырезаны китайские иероглифы, которые были расшифрованы японским профессором Т. Осавой²⁸ следующим образом: «feng zhou lu she». Первые два иероглифа означают название административного региона, созданного при династии Юань. Далее идет титул чиновника, затем его имя, должность. Последний иероглиф имеет значение «получать с уважением». То есть зеркало было подарком при назначении какого-то лица на должность или в процессе его службы. Важный момент – зеркало было сломано намеренно, что является местной традицией кыргызов.

Тепсейский археологический микрорайон таит еще много тайн, к которым, бесспорно, относится и выявленное здесь новое, так называемое «скальное захоронение». Несколько лет назад во время поиска фрагментов полуразрушенной выбитой фигуры всадника в Волчьем логу, мы наткнулись на череп с провалившейся затылочной костью, а также в небольшом углублении были обнаружены и другими кости, перемешанные с землей и каменными фракциями. Все это было закрыто каменными плитками средней величины. Из-за стекающей сверху дождевой воды затылочная часть черепа побелела, истончилась и провалилась (рис. 1). Череп был заполнен землей, нижняя челюсть сдвинута. Скорее всего, скелет был неполным. Возможно, тело было разрублено и помещено в мешок, судя по небольшому пространству, в которое оно было помещено, либо часть костей была вынесена потоком воды из каменного сооружения и растащена птицами и животными. Новосибирские специалисты радиоуглеродным методом датировали череп поздним средневековьем. К настоящему времени это третье скальное захоронение, выявленное в Тепсейском микрорайоне. Всего в Хакасско-Минусинской котловине к настояще-

Рис. 1. Череп из скального захоронения. Тепсей. Волчий лог

²⁸ Приношу профессору Осаве мою глубокую благодарность за эту работу.

Рис. 2. Батальная сцена (прорисовка). Усть-Туба. Широкий лог

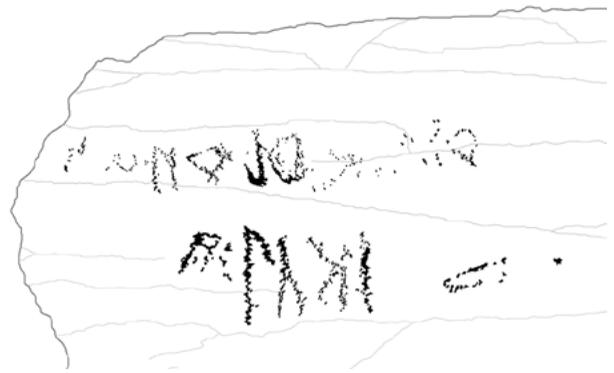

Рис. 3. Руническая надпись, выполненная техникой выбивки (прорисовка). Усть-Туба. Широкий лог

му времени известно 22 таких захоронения, три из них обнаружены рядом со скалами с петроглифами, все они датированы эпохой средневековья.

Нельзя не упомянуть и открытую в свое время Л. Р. Кызласовым средневековую крепость на одной из вершин горы Тепсей [Готлиб, Подольский 2008: 19]. К настоящему времени она сохранилась фрагментарно, в отличие от крепостей на соседних горах – Куне, Оглахты, Унюке, Туране и др.

Еще одной категорией источников по средневековой истории края являются наскальные изображения. Леонид Романович Кызласов не оставлял без внимания памятники наскального искусства, в том числе, рунические надписи и тамги на скалах Тепсея. В рамках нашей работы в Тепсейском археологическом микрорайоне мы изучаем все без исключения петроглифы, в том числе средневековые. Можно подчеркнуть, что здесь достаточно представительной является серия таштыкских изображений, но аргументированно атрибутированных фигуративных рисунков более позднего времени зафиксировано совсем немного, среди них есть и весьма выразительные (рис. 2). Что же касается тамг, в микрорайоне их огромное количество и разнообразие. Они встречаются как на скалах, так и на камнях тагарского могильника, расположенного под горой Тепсей [Советова, Шишкина 2015]. Характерно, что есть места, где на одной-двух соседних плоскостях сосредоточены десятки разнообразных тамг, как было зафиксировано на Усть-Тубе III. По мнению Л. Р. Кызласова, это были особые «намоленные» места. В работах Л. Р. Кызласова имеются сведения о разнообразных тамгах и рунических надписях Усть-Тубы, которые, по его мнению, были лично-фамильными тамгами местной аристократии, которые стали появляться на утесах

с IX–X вв. [Кызласов 1965: 44, рис. 7–8]. Одна из самых длинных рунических надписей не только на Тепсее, но и во всей Минусинской котловине, была обнаружена в так называемой «пещере Адриановых» [Советова, Шишкина, Аболонкова 2021: 129–131]. Помимо вырезанных надписей, на Тепсее нами была обнаружена еще одна, выполненная точечной техникой (рис. 3). В настоящее время, к сожалению, не все выявленные предшественниками (от А. В. Адрианова до современных исследователей) надписи возможно найти. Одну из них в пункте Усть-Туба III (по Я. А. Шеру) во время низкого уровня воды в 2023 г. нам удалось найти под мощным слоем песчаных наносов.

Таким образом, материалы эпохи средневековья, полученные в результате многолетних исследований в Тепсейском археологическом микрорайоне, чрезвычайно разнообразны и информативны. Представленные могильниками, поселениями, памятниками наскального искусства, а также крепостью, скальными захоронениями, и, разумеется, серией тамг и особенно рунических надписей – «говорящих» источников, они позволяют воссоздать многие непознанные страницы истории края в конкретный исторический период времени во всем многообразии существовавших погребальных традиций (материалы захоронений, включая скальные), поселенческих материалов (керамика, жернова, зернотерки, металлические изделия и др.), а также позволяют понять некоторые мировоззренческие основы проживавшего здесь населения, отобразившего свои чаяния и воззрения в рунических надписях. Не случайно сам Тепсей надписи характеризуют как божественную гору – *Tebsej teŋgī* [Кызласов И. Л. 1994: 187], с древности являвшийся одним из священных центров Среднего Енисея.

Список литературы

- Боковенко Н. А. Отчет об археологических разведках в зоне Красноярского водохранилища в 1994 году // Научный архив ИА РАН. Р. 1. № 18036. 93 л.
 Готлиб А. И., Подольский М. Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Элексис Принт, 2008. 222 с.

Грязнов М. П., Худяков Ю. С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников под горой Тепсей. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–160.

Грязнов М. П., Худяков Ю. С., Боковенко Н. А. Раскопки у горы Тепсей // Археологические открытия 1976 года. 1977. С. 198–200.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 328 с.

Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38–49.

Советова О. С., Шишкина О. О. Тамги на плитах оград тагарских курганов под горой Тепсей // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 88–93.

Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.

Список иллюстраций

Рис. 1. Череп из скального захоронения. Тепсей. Волчий лог.

Рис. 2. Батальная сцена (прорисовка). Усть-Туба. Широкий лог.

Рис. 3. Руническая надпись, выполненная техникой выбивки (прорисовка). Усть-Туба. Широкий лог.

УДК 902.2

В. В. Тараканов

Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ Л. Р. КЫЗЛАСОВА В АРХИВЕ ХАКНИИЯЛИ

Статья посвящена описанию и анализу археологических отчетов Л. Р. Кызласова, которые хранятся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ. Здесь имеются археологические отчеты за 1951, 1958 и 1959 годы. В них представлены результаты археологических работ на таких известных и значимых памятниках Хакасии как Изыхский чаа-тас, Сулекская писаница, Оглахтинский укрепрайон, кольцевые Троицкие городища. Описаны результаты раскопок средневековых могильников XI–XII вв. Хара-хая, Кизек-тигей и Све-тах, материалы которых послужили Л. Р. Кызласову основой для выделения аскизской археологической культуры. Интересны его этнографические изыскания и палеогеографические наблюдения, отраженные в отчетах. Многие детали не были опубликованы, тем самым отчеты имеют значительный источниковедческий потенциал.

Ключевые слова: Л. Р. Кызласов, археологический отчет, Хакасская археологическая экспедиция, рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, археологический памятник, чаа-тас, могильник, курган, этнографический материал.

V. V. Tarakanov

Khakass Research Institute for
Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

L. R. KYZLASOV'S ARCHAEOLOGICAL REPORTS IN THE ARCHIVE OF KHAKASS RESEARCH INSTITUTE FOR LANGUAGE, LITERATURE, AND HISTORY

The article is devoted to the description and analysis of L. R. Kyzlasov's archaeological reports which are stored in the Manuscript Fund of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. There are archaeological reports as of 1951, 1958, and 1959. They present the results of archaeological work at such famous and significant sites of Khakassia as Izykh Chaatas, Sulek Petroglyphs, Oglakhty fortified area, circular Troetskoe settlements. The results of excavations of medieval burial grounds of the 11th-12th centuries – Khara-Khaya, Kizek-Tigei, and Sve-Takh – are described, the materials of which served L. R. Kyzlasov as the basis for the identification of the Askiz archaeological culture. His ethnographic research and paleogeographic observations, reflected in the reports, are valuable. Many details have not been published; thus, the reports have significant source potential.

Keywords: L. R. Kyzlasov, archaeological report, Khakass Archaeological Expedition, Manuscript Fund of KhRILLH, archaeological site, chaa-tas, burial ground, barrow (kurgan), ethnographic material.

Леонид Романович Кызласов всегда тесно сотрудничал с Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Практически все свои изданные труды он подарил библиотеке института. Активно участвовал во всех изданиях ХакНИИЯЛИ. Проводил лекции для сотрудников, в которых делился своими новыми научными идеями и исследованиями. Всем известно, что Я. И. Сунчугашев являлся

его учеником, который впоследствии всю свою жизнь проработал археологом в ХакНИИЯЛИ, став его директором.

Помимо этого, Хакасская археологическая экспедиция, которую в 1950 году создал, будучи еще аспирантом, Л. Р. Кызласов, изначально организовывалась Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, при участии Московского государственного

университета им. М. В. Ломоносова [Кызласов 1955: 197]. От ХакНИИЯЛИ в этом полевом сезоне работал этнограф К. М. Патачаков, археологические раскопки проводились на Сырском чаа-тасе.

В дальнейшем руководимая Л. Р. Кызласовым Хакасская археологическая экспедиция, работая в основном в организационных рамках МГУ им. М. В. Ломоносова, еще два года осуществляла свои полевые исследования совместно с ХакНИИЯЛИ – в 1958 и 1959 годах [Кызласов 1994: 90]. В силу этих обстоятельств Л. Р. Кызласов передал в рукописный фонд института три научных археологических отчета о проведенных полевых работах.

За первый полевой сезон отчет в архиве отсутствует, но имеется отчет за 1951 год [Кызласов 1954], который он отправил в Абакан в конце 1953 года. С отчетом было направлено сопроводительное письмо на имя директора института Н. Г. Доможакова, в котором Л. Р. Кызласов отчет называет как «старый долг институту» [Кызласов 1954]. Отчет состоит из 56 листов текста и приложенных к нему 20-ти фотографий чертежей и находок.

В отчете представлены результаты работы 1951 года на известном памятнике таштыкской эпохи и средневековья Изыхском чаа-тасе. Работы проводились весь июль, в них принимали участие студенты кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова [Кызласов 1954: 1]. Во вводной части, помимо общего описания могильника и его планиграфии, Л. Р. Кызласов упоминает и о близлежащих археологических памятниках. Так им описан каменный курган, расположенный в 800 метрах к востоку от чаа-таса, с невысокой плитой, которая, как он пишет: «широко известна среди местных хакасов под именем «Иней-оба» или «Тас-Иней», т. е. «каменная старуха»» [Кызласов 1954: 4].

Необходимо отметить, что ученый хоть и являлся археологом по специализации, никогда не забывал собирать по мере возможности этнографический материал. Так и в этом случае он приводит этнографические сведения об этой плите, о проводившихся у нее обрядах. Он пишет: «По поверью, с проезжающим через горы Изых-тах человеком, который ничем не поделился с этой «каменной старухой» и не «отдохнул» подле нее, обязательно случится какое-нибудь несчастье, начиная от потери чего-нибудь ценного, поломки телеги, до падежа лошади или болезни самого человека» [Кызласов 1954: 4].

Этнографические данные он приводит и по поводу самого Изыхского чаа-таса. Он пишет: «местные хакасы называют Изыхский чаа-тас не только просто «чаа-тас», но, что более распространено – «Хырхыстарнын сыраттары» – в буквальном переводе «кыргызские могилы»/от «сырат» – могила/» [Кызласов 1954: 6]. В этом

он видит необычайную сохранность «в памяти народа, благодаря устной традиции, воспоминаний тысячелетней давности, так как действительно собственно чаа-тас /цепочка каменных курганов/ относится к древнекыргызскому периоду и датируется VI–X вв. н.э.» [Кызласов 1954: 6]. В ссылке он пишет: «Любопытно, что в этой местности и ныне живут качинцы из сеока /рода/ «хырхыс» – например, Чабыновы /Белый яр, Сартыков улус/, Аршановы /улус Аршанов и Хызыл Салда/ и др.» [Кызласов 1954: 6].

Также им упомянут большой тагарский курган, имеющий у местных жителей собственное название – Курген-тигей, расположенный в 3-4 км к востоку от чаа-таса и хорошо с него видимый. Буквально с хакаского его название переводится как «курган-холм», ведь он действительно размещается на вершине холма. Он заинтересовал Л. Р. Кызласова тем, что в его каменную ограду встроена саблевидная стела с изображением на узком ребре рогатой личины, которую по научной традиции тех лет он относит к карасукской культуре [Кызласов 1954: 5]. Как известно, такие изваяния в дальнейшем станут отдельным предметом его научных исследований [Кызласов 1986: 85 – 241].

Интересно отметить, что во вводной части отчета Л. Р. Кызласов проводит палеогеографические наблюдения. Описывая Изыхские горы, он отмечает, что они безлесны, но в оврагах встречаются не только кустарник, но и отдельные березы, а также сосны. Вновь же по собранным им этнографическим данным он пишет, что «по рассказам стариков, еще в недавнее время здесь были сосновые боры и даже «тайга» /во всяком случае, леса/» [Кызласов 1954: 5]. Ссылаясь на Д. А. Клеменца, который в конце XIX века фиксировал в Койбальской степи старые лиственницы, Л. Р. Кызласов приходит к мнению, что в таштыкское время «несомненно, в этой степи, так же как и на Изыхских горах, были значительные леса» [Кызласов 1954: 5,6].

Больше подобных палеогеографических изысканий, кроме как в отчете за 1951 год, Л. Р. Кызласов не проводил. Высказанное им предположение об изменении ландшафта в исторический период с таштыкской эпохи впоследствии подтвердилось. Палеоклиматолог Г. Ю. Ямских, проводя анализ споро-пыльцевых спектров торфяных отложений голоцена Хакаско-Минусинской котловины, пришла к заключению, что с рубежа нашей эры имелись некоторые изменения, как климата, так и ландшафта [Ямских 1995: 156, 157].

Далее в отчете следует основная часть, где детально описаны результаты археологических раскопок. В 1951 году были исследованы два больших таштыкских склепа, две грунтовые могилы, 14 позднеаштыкских погребений под каменными выкладками, ямка с трупосожжением и позднехакасское погребение XVII-XVIII вв.

[Кызласов 1954: 6, 7]. Как известно, все материалы, касающиеся таштыкской культуры, были использованы Л. Р. Кызласовым при написании кандидатской диссертации и впоследствии опубликованы в его обобщающей монографии «Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины» [Кызласов 1960].

В конце отчета приведены результаты исследования костного материала, которые провел известный специалист по палеозоологии В. И. Цалкин [Кызласов 1954: 52–54]. Прилагаемые фотоиллюстрации не скомпонованы в альбом, а хранятся по отдельности в пакете, прошитом в переплет. Они все пронумерованы, их описание находится на последней странице отчета. На иллюстрациях предметов представлены фотографии, а не прорисовки. В этом их уникальность для местных исследователей, так как общеизвестны только прорисовки.

Второй отчет, хранящийся в архивном фонде ХакНИИЯЛИ, отражает результаты работ 1958 года. В отчете прошито 63 листа, он состоит из двух частей. Первая часть посвящена работе Хакасской археологической экспедиции [Кызласов 1958: 1–29], вторая Тувинской археологической экспедиции [там же: 30–52].

В организации Хакасской археологической экспедиции в этот год принимал участие ХакНИИЯЛИ. Полевые работы в Хакасии проводились с 20 июня по 29 июля. В работе приняли участие студентки – археологи МГУ им. М. В. Ломоносова и школьники национальной школы г. Абакана. [Кызласов 1958: 1].

Если в предыдущем отчете перед исследованием ставилась задача изучения памятников таштыкской эпохи, то в этом Л. Р. Кызласов целью экспедиции определял поиск и изучение средневековых и особенно более поздних объектов археологии, относящихся, как он пишет, к «наиболее темному периоду в истории Хакасии» [Кызласов 1958: 1]. С этой целью первоначально была организована обширная археологическая разведка по Аскизскому, Усть-Абаканскому и отчасти Боградскому районам Хакасии.

Первая часть отчета по Хакасии посвящена описанию маршрутов разведки и перечислению выявленных памятников археологии в хронологическом порядке [Кызласов 1958: 1–8]. Необходимо отметить, что эта часть отчета почти дословно опубликована в выпуске VIII ученых записок ХакНИИЯЛИ [Кызласов 1960а: 163–168].

Во второй части отчета Хакасской археологической экспедиции дается детальное описание результатов археологических раскопок. В этом году Л. Р. Кызласов раскопал: 3 кургана афанасьевской культуры в двух могильниках Уйбат-Хулган и Бюрь II, расположенных на реках Уйбат и Бюрь; 7 карасукских могил на разновременном могильнике Хара-хая, расположенном на берегу Аскиза; все 7 курганов на могильнике Кизек-ти-

гей и 3 кургана на разновременном могильнике Хара-хая, которые он датировал XI–XII веками. Также в окрестностях Хара-хай были исследованы два «неопределенных кургана», сооруженных из мелких обломков скалы округлой формы [Кызласов 1958: 8–29].

Необходимо отметить, что исследованные средневековые курганы на могильниках Хара-хая и Кизек-тигей в дальнейшем дали материал Л. Р. Кызласову для выделения аскизской археологической культуры [Кызласов 1958: 193–201, 207–211].

Вторая часть отчета посвящена результатам работы в Туве. Тувинская археологическая экспедиция МГУ им. М. В. Ломоносова в 1958 году работала в Улуг-Хемском районе в окрестностях г. Шагонара. Производились раскопки на городище Оймак и его могильнике в урочище Чурумал по речке Боянгольчик и на уйгурском могильнике на правом берегу речки Чааты у горы Байдаг [Кызласов 1958: 30–51]. Также Л. Р. Кызласов в окрестностях разыскал в горах тюркское каменное изваяние [Кызласов 1958: 51, 52]. Как известно, в это время ученый активно собирал материалы для написания своей докторской диссертации «История Тувы в средние века», которую он защитил в 1966 году [Кызласов 1966].

Далее в отчете дается определение костных остатков, проведенное В. И. Цалкиным [Кызласов 1958: 53]. К отчету прилагается Акт передачи археологической коллекции раскопок Хакасской археологической экспедиции 1958 года на ответственное хранение в Хакасский областной музей краеведения от 29.06.1959 года. Всего по акту передано 70 предметов [Кызласов 1958: 58–63].

Помимо текстовой части отчета за 1958 год, в архиве ХакНИИЯЛИ хранится альбом к отчету Л. Р. Кызласова за 1958 год. В нем представлены фотоиллюстрации археологических исследований только по Хакасии. Здесь имеются фотографии обнаруженных памятников в ходе масштабной археологической разведки. Например, укрепрайон в горах Оглахты (№1–4), тагарские курганы у улуса Большие Сыры (№ 8), в Убатской степи (№ 9), в долине реки База (№ 10), Верх-Аскизский (№ 91–93) и Читы-хысский (№ 94) чаа-тасы. Стела с личиной на тагарском кургане у Читы-хысского чаа-таса (№ 96).

Как и полагается, в альбоме представлены фотографии археологических раскопок на вышеуказанных памятниках, отбеленных чертежей и прорисовок найденных предметов (№ 12–89). Имеются фотографии рабочих моментов. Например, на первой же странице дана фотография процесса расчистки кургана № 7 могильника Кизек-тигей. Любопытна фотография, на которой Л. Р. Кызласов рисует на планшете с треногой полевой чертеж карасукской могилы на могильнике Хара-хая, а за ним наблюдает местный маль-

чик, приехавший на велосипеде, вероятно, из села Верх-Аскиз (№ 70).

Помимо археологических иллюстраций в альбоме имеются фотографии, отражающие этнографические изыскания Л. Р. Кызласова. Так, вставлено фото В. Н. Чиганакова из улуса Мохов, которому на момент съемки было 80 лет, и который утверждал, что он сагай из сеока «Танбай-хойбал» (№ 6). Имеется фото, на котором Л. Р. Кызласов опрашивает местных чабанов, вероятно, в долине Аскиза (№ 95). Не забывал археолог любоваться своей родной Хакасией, в альбоме представлены ее виды и пейзажи. Например, Енисей у Оглахтов (№ 5, 97), долина реки Уйбат (№ 11), левый берег реки Аскиз (№ 90) и верховья Аскиза (№ 98).

В конце альбома располагается фоторепортаж с научной сессии, посвященной 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России. Кроме фотографии выступления Л. Р. Кызласова, здесь имеются также снимки выступлений С. К. Доброва, В. Н. Увачана, А. П. Дульзона, В. М. Савостенко. Всего в альбоме 105 фото.

Третий отчет, хранящийся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ, это «Отчет о работе Хакасской экспедиции в 1959 г.». Он состоит из 28 листов. В этом году экспедиция также как и в прошлом полевом сезоне была организована институтом совместно с кафедрой археологии МГУ им. М. В. Ломоносова [Кызласов 1959: 1].

В работе экспедиции принимали участие студенты МГУ, среди которых можно выделить Э. Б. Вадецкую, которая в дальнейшем посвятит свою научную деятельность археологии Хакасии. Также принимают участие студенты Московского и Абаканского пединститутов. Будучи учителем истории в этом полевом сезоне в Хакасской археологической экспедиции работает Я. И. Сунчугашев [Кызласов 1959: 1]. Полевой сезон продолжался с 30 июня по 8 августа.

Отчет, как и предыдущий, разбит на введение, где описываются маршруты археологических разведок, и на основную часть, где приводятся результаты археологических раскопок. В 1959 году разведка проводилась в основном в северных районах Хакасии: Боградском, Ширинском и отчасти Орджоникидзевском. Также маршрут прошел по Аскизкому, Бейскому и Алтайскому районам [Кызласов 1959: 1]. Далее во введении описываются в хронологическом порядке обнаруженные археологические памятники [Кызласов 1959: 1–11]. Эта часть отчета практически полностью опубликована в выпуске IX ученых записок ХакНИИЯЛИ [Кызласов 1963: 156–164].

В публикацию не вошли собранные Л. Р. Кызласовым этнографические материалы, касающиеся изваяния Хозан-хыс-тас (Каменная зайчиха). Он приводит предание, которое ему рассказал старик из Подкамня, по которому там стояло «изваяние человека с косами и ожерельем, из-за

чего его и считали изображением девушки, а так как верхняя губа ее была раздвоена, то и считали изображением зайчихи с косами и прочим. Голова была отбита и, якобы, один кызылец взял ее, чтобы использовать в качестве гири для больших весов. (...) Затем у него умерла жена и, решив, что это произошло из-за каменной головы, он взял и выбросил ее в речку.» [Кызласов 1959: 9]

В 1959 году были произведены раскопки двух карасукских могил на могильнике у скалы Хара-хая на реке Аскиз [Кызласов 1959: 11–13]. Начаты исследования на уникальных кольцевых городищах в окрестностях села Троицкое на левом берегу реки Тесь [Кызласов 1959: 13–17], на све в горах Оглахты [Кызласов 1959: 17–27] и на све на горе Хызыл-хас [Кызласов 1959: 21–22]. Проводились раскопки на Сулекском могильнике [Кызласов 1959: 22–23]. На разновременном могильнике Хара-хая были раскопаны оставшиеся курганы XI–XII вв. [Кызласов 1959: 23–24]. Шесть курганов этого же времени исследованы на могильнике Све-тах, расположенном напротив скалы Хара-хая на другом берегу реки Аскиз [Кызласов 1959: 24–28]. Материалы последнего могильника также стали источниковедческой базой для выделения аскизской культуры [Кызласов 1958: 202–204].

В заключительной части упоминается о некоторых рисунках и тамгах, зафиксированных на плитах курганов между железной дорогой и скалой Хара-хая [Кызласов 1959: 28].

Обобщая описанные и проанализированные археологические отчеты Л. Р. Кызласова, хранящиеся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ, необходимо отметить, что все они отражают значимые для археолога полевые археологические исследования. В отчетные полевые сезоны ученый собирал материал для написания кандидатской и докторской диссертаций, выявил и изучил курганы, по которым была выделена аскизская археологическая культура. Начаты исследования типов археологических памятников, которые в будущем станут отдельным предметом его изучения – кольцевые городища, крепостные сооружения «све» и изваяния с личинами.

Хорошо известно, что основная часть содержания отчетов Л. Р. Кызласовым была опубликована, но информация о некоторых погребениях и деталях известных объектов не введена в научный оборот. Интересно отметить с точки зрения изучения научного творчества ученого, что в отчете за 1951 год он высказывал палеогеографические идеи, которые в дальнейшем не развивал. Также вызывают интерес этнографические изыскания, которые Л. Р. Кызласов проводил в процессе археологических полевых исследований. Таким образом, археологические отчеты Леонида Романовича, хранящиеся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ, имеют значительный источниковедческий потенциал, являясь небольшой частью научного наследия Л. Р. Кызласова.

Список литературы

- Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции в 1951 году. Абакан, 1954 г. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, И. 3, Оп. 1, Д. 346.
- Кызласов Л. Р. Сырский Чаа-Тас // Советская археология. Вып. XXIV. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 197–256.
- Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции в 1958 г. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, И. 3, Оп. 1, Д. 131.
- Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции в 1959 г. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, И. 3, Оп. 1, Д. 657.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1960. 197 с.
- Кызласов Л. Р. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. (Предварительное сообщение) Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. VIII. Абакан: Хак. книж. изд-во, 1960а. С.163–168.
- Кызласов Л. Р. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года (Предварительное сообщение) Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. IX. Абакан: Хак. книж. изд-во, 1963. С.156–164.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1966. 32 с.
- Кызласов Л. Р. Курганы средневековых хакасов (аскизкая культура) // Первобытная археология Сибири. Л.: Изд-во. «Наука», 1975. С.193–211.
- Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1986. 295 с.
- Кызласов Л. Р. Земля Сибирская. Абакан-Москва: типогр. «Эвтектика», 1994. 94 с.
- Ямских Г. Ю. Растительность и климат голоцена Минусинской котловины. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1995. 180 с.

УДК 902/904; 902.3

В. А. Чертыков

ООО «Комплексная Археология» (Абакан, Россия)

МОГИЛЬНИК АБАКАН-33 В ОКРЕСТНОСТЯХ ТЭЦ ГОРОДА АБАКАНА

В статье публикуются сведения о выявленном в ходе государственной историко-культурной экспертизы Могильнике Абакан – 33 на юго-западной окраине г. Абакана. Памятник расположен на левобережье реки Ташеба в 1,2 км к юго-западу от Абаканской ТЭЦ. В ходе работ проведен осмотр памятника, его описание и фотофиксация, зачищены три могилы (две могилы законсервированы), собран подъёмный материал, на местности определены границы территории объекта, снят топографический план. Артефакты в могилах представлены фрагментами двух сосудов с плавной профилировкой венчика без уступа, ножом с незначительной коленчатостью и шипом у основания рукоятки, биконическим перстнем, височными кольцами, ярусными бляшками и другими. Исследованные могилы характерны для эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: г. Абакан, государственная историко-культурная экспертиза, Могильник Абакан-33, карасукская культура, II этап эпохи поздней бронзы.

V. A. Chertykov

“Complex Archaeology” ООО (Abakan, Russia)

BURIAL ABAKAN-33 NEAR ABAKAN THERMAL POWER PLANT

The article contains the data on the Burial Abakan-33 discovered while carrying out the State-Controlled Historical and Cultural Inspection of the south-west margin of Abakan. The site is located on the left bank of the Tasheba River 1.2 kilometers south-west of Abakan Thermal Power Plant. In the course of the works, the following was accomplished: examination of the site; its description and photographing; raboutage/opening up of three tombs; artefactual remains collected; the borders of the object defined; the topographic map plotted. The artefacts found in the tombs are represented by remnants of two vessels with smooth carving of the rim without a ledge; a knife with slight bends and a prickle at the base of a handle; a biconic signet ring; temple rings; tier-like plates, etc. The examined tombs belong to the Late Bronze Age.

Keywords: Abakan, State-Controlled Historical and Cultural Inspection, Burial Abakan-33, Karasuk culture, 2nd stage of the Late Bronze Age.

В мае 2023 г. ООО «Комплексная археология» в рамках государственной историко-культурной экспертизы проведены археологические работы на территории двух земельных участков в окрестностях ТЭЦ г. Абакана, отводимых под карьер по добыче песчано-гравийной смеси.

Обследованные земли расположены на северо-западной окраине города Абакана. В геоморфологическом плане территория работ пред-

ставляет собой ровную площадку в левобережье реки Ташеба (русло реки расположено в 2300 м к юго-востоку), покрытую степной растительностью, одиночными деревьями и кустарником. В 410 м к западу и в 20 м к северу от территории изысканий располагается Ташебинский оросительный канал (ответвление Абаканского Магистрального канала), в 50 м к востоку – железнодорожные пути, ведущие к цехам

Абаканвагонмаша, в 1,2 км к юго-западу – Абаканская ТЭЦ. Значительная часть изученного участка занята карьером по добыче песчано-гравийной смеси, на остальной части фиксируются катастрофические техногенные нарушения (заброшенная пашня, насыпная гравийная дорога, отвалы гравийного карьера, частичное снятие верхних слоев грунта и пр.).

Долина реки Ташеба попала в поле зрения исследователей ещё в конце XIX века. На левом берегу указанной реки располагается открытый А. В. Адриановым Ташебинский чаа-гас. [Данькин и др.: 2020, с. 85]. Чаа-гас находится на расстоянии 3,4 км к юго-западу от территории проектирования.

В ходе полевых археологических исследований в границах землеотвода был выявлен один ранее неизвестный объект археологического наследия погребального характера, далее именуемый *Могильник Абакан – 33*. Сведения о могильнике в учетной документации и литературе не обнаружены.

Могильник на современной поверхности не выделен, обнаружен в ходе изучения откосов карьера по добыче гравийно-песчаной смеси. Проведен осмотр памятника, его описание и фотофиксация, зачищены три могилы эпохи поздней бронзы (две могилы законсервированы), собран подъёмный материал, на местности определены границы территории объекта, снят топографический план.

Могила 1. Признаки могилы обнаружены в ходе обследования и фиксации подъемного материала (кости человека и плитки песчаника) в осыпи откоса карьера по добыче гравийно-песчаной смеси. Для выявления могилы было принято решение заложить зачистку № 1 по откосу карьера.

Зачисткой № 1 выявлен край могилы 1. Могила представлена могильным пятном темно-серой гумусированной супеси. Размеры могильного пятна 1,1 x 0,6 м. Зачистка легла по северо-западному краю могилы и пересекла ее край по диагонали. Могила представляет собой простую грунтовую яму, стенки ямы ничем не оформлены и никак не укреплены. Могила сверху перекрыта тонкими плитами красноцветного девонского песчаника (рис. 1: 1).

Археологический материал представленный в могиле 1: браслет пластинчатый без орнамента, с прямыми несомкнутыми концами (рис. 3: 1), пуговица полусферическая округлая в плане с полукольцом-креплением (петелькой) на обратной стороне (рис. 3: 2), четырёхъярусная бляшка-нашивка (рис. 3: 3), кольцо из проволоки несомкнутое (рис. 3: 4), биконический перстень несомкнутый (рис. 3: 5), пронизки из бронзовой пластины, свернутой в трубочку (рис. 3: 6), две подвески височные в виде кольца (рис. 3: 7, 8), фрагменты венчиков от двух керамических сосу-

дов с плавной профилировкой венчика без уступа (рис. 3: 9, 10).

Так как большая часть могилы 1 осталась в сохранности, было принято решение о ее консервации.

Могила 2. Признаки могилы обнаружены в ходе осмотра и фиксации подъемного материала (кости человека) в осыпи откоса карьера по добыче гравийно-песчаной смеси. Для выявления могилы было принято решение заложить зачистку № 2 по откосу карьера.

Зачисткой № 2 выявлен край могилы 2. Могила представлена могильным пятном темно-серой гумусированной супеси. Размеры могильного пятна 2,1 x 0,75 м. Зачистка легла по юго-восточному краю могилы и пересекла ее край вдоль. Могила представляет собой простую грунтовую яму, стенки ямы ничем не оформлены и никак не укреплены. Какого-либо перекрытия могилы также не зафиксировано (рис. 1: 2).

В процессе зачистки могилы 2 по откосу карьера археологические предметы не обнаружены.

Так как большая часть могилы 2 осталась в сохранности было принято решение о ее консервации.

Могила 3. Признаки могилы обнаружены в ходе обследования и фиксации подъемного материала (кости человека и плитки песчаника) в осыпи откоса карьера по добыче гравийно-песчаной смеси. Для выявления могилы было при-

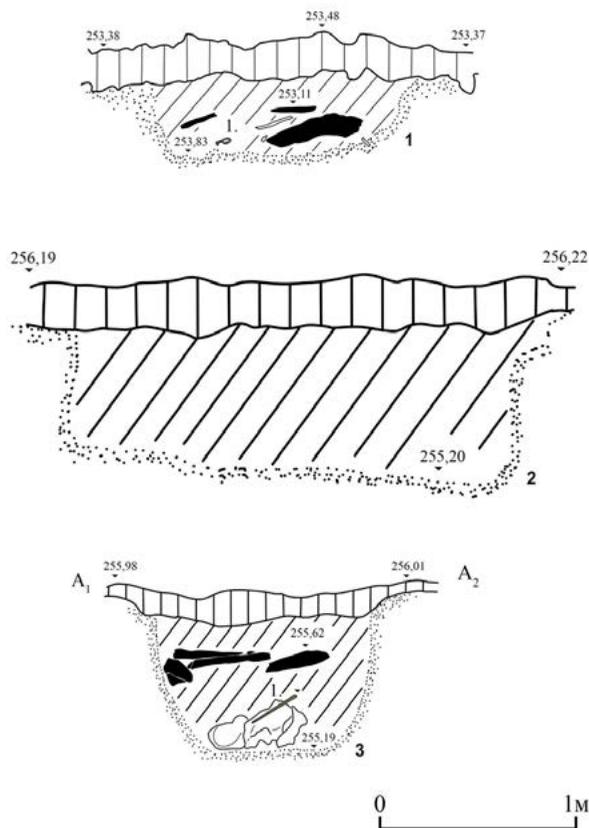

Рис. 1. Стратиграфический разрез захоронений. 1 – могила 1; 2 – могила 2; 3 – могила 3.

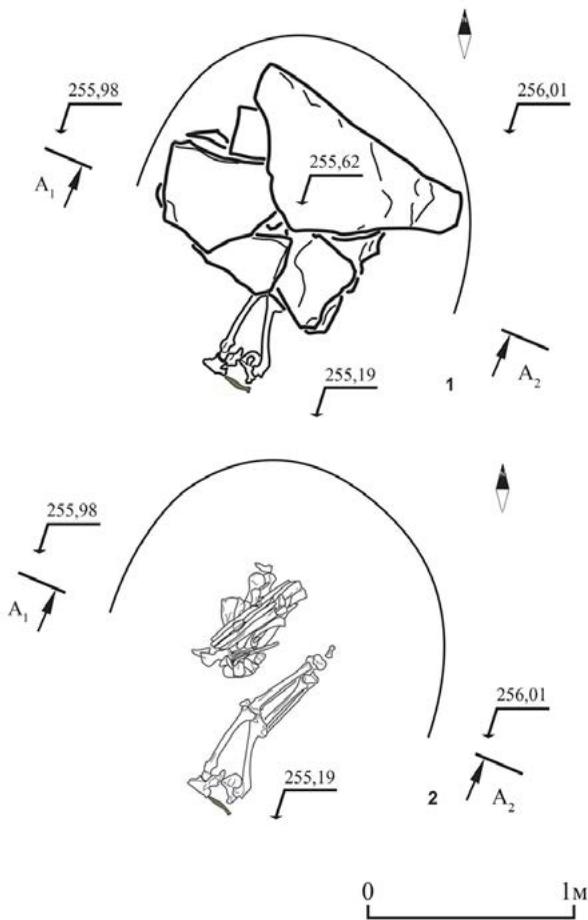

Рис. 2. Планы могилы 3.
1 – план каменного перекрытия могилы;
2 – план дна могилы

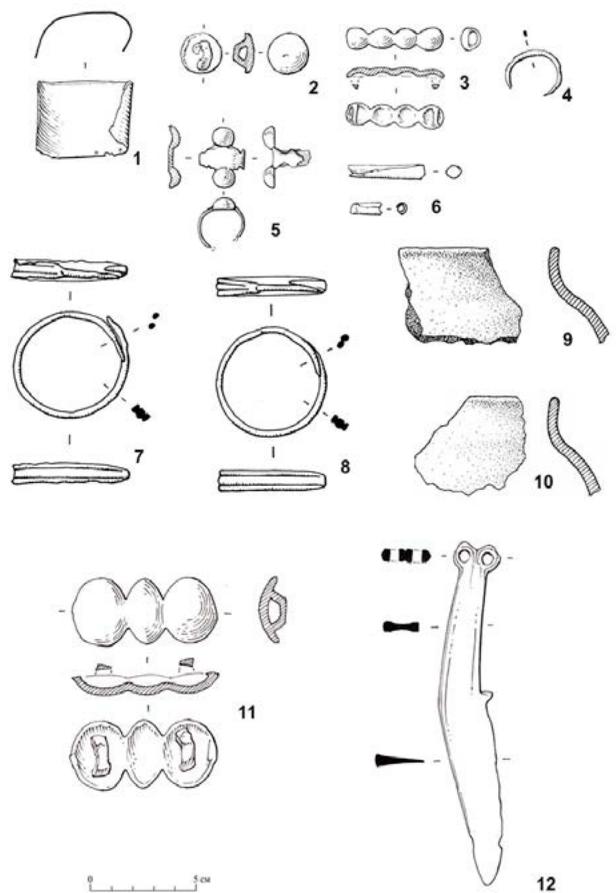

Рис. 3. Материалы погребений.
1–10 – могила 1; 11, 12 – могила 3. (
9, 10 – керамика, остальное – бронза)

нято решение заложить зачистку № 3 по откосу карьера.

Зачисткой № 3 выявлена могила 3. Могила представлена могильным пятном темно-серой гумусированной супеси. Размеры могильного пятна 0,7 x 1 м. Разрез лег по центру могилы и пересек ее край поперек. Могила представляет собой простую грунтовую яму, стенки ямы ничем не оформлены и никак не укреплены. Могила сверху перекрыта тонкими плитами красноцветного девонского песчаника (рис. 1: 3).

Так как значительная часть могилы была утрачена в процессе функционирования карьера, было принято решение исследовать ее полностью.

Могила длинной осью ориентирована по линии северо-восток-юго-запад. Заполнение могильной ямы однородное – темно-серая мешанная плотная супесь. Сохранилась только северо-восточная часть.

В заполнении могильной ямы найдена трёхъярусная бляшка-нашивки. Бляшка-нашивки представляет собой три удлиненные полусферы, соединенные между собой в ряд, полукольца-крепления припаяны с обратной стороны (рис. 3: 11).

В сохранившейся части могилы в 0,4 м от современной поверхности зачищено каменное перекрытие. Перекрытие могилы выполнено из тонких плит красного девонского песчаника. Средний размер плит песчаника 0,7x0,5x0,05 м (рис. 2: 1).

После окончательной выборки заполнения на дне могильной ямы обнаружена сохранившаяся часть скелета человека *in situ* и в анатомическом порядке – таз, длинные кости ног, стопы. Судя по нетронутой части, можно сделать предположение, что погребенного уложили на левый бок вполоборота головой на юго-запад. Ноги слегка согнуты и сдвинуты в коленях и обращены влево (рис. 2: 2).

В северном углу могилы (слева от ног погребенного) обнаружены кости животных (корова, баран) также в неповрежденном состоянии (ребра, кости конечностей, лопатки).

На тазу погребенного справа обнаружен бронзовый нож с незначительной коленчатостью, шипом у основания рукояти с парными отверстиями на навершии (рис. 3: 12).

Подъемный материал. Подъемный материал обнаружен (кости человека и плитки песчаника)

в ходе обследования борта карьера по добыче гравийно-песчаной смеси. Для выявления предполагаемой могилы было принято решение заложить зачистку № 4 по откосу карьера.

Зачисткой № 4 каких-либо признаков могилы не обнаружено.

Для определения границ памятника было решено заложить шурфы, так как визуальные признаки могильника скрыты с современной поверхности и уничтожены пашней. В шурфах каких-либо признаков могильника не выявлено.

Границы могильника неправильной геометрической формы длинной стороной вытянуты по линии северо-запад-юго-восток до 120 м. Ширина границ могильника до 60 м. Северо-западная, западная и юго-западная границы проходят по откосу карьера. Северо-восточная, восточная и юго-восточная границы памятника проходят на расстоянии 25 м от краев определяемых архео-

логических объектов (могил и подъемного материала) по открытой степи.

Состояние могильника аварийное, на его территории фиксируются катастрофические техногенные нарушения (заброшенная пашня, насыпанная гравийная дорога, отвалы гравийного карьера, частичное снятие верхних слоев грунта и пр.).

Культурно-хронологическая принадлежность выявленного объекта археологического наследия Могильника Абакан–33 определяется с достаточной степенью уверенности. Признаки погребального обряда и инвентаря, позволяют датировать могильник карасукским этапом карасукской культуры (XIII–XI вв до н.э.) по классификации М.П. Грязнова [Вадецкая 1986: табл. V, А: 4, 7, 8, с. 65]. По И.П. Лазаретов, А.В. Полякову II этап эпохи поздней бронзы (XII–XI вв до н.э.) [Лазаретов, Поляков 2008: с. 39, рис. 4: 2, 15–17, с. 53].

Список литературы

- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
Данькин Е. Н., Есин Ю. Н., Поселянин А. И., Тараканов В. В. Петроглифы тагарской культуры в погребальном контексте могильника Абакан-24 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 85–96.
Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
Чертыков В. А. <https://orcid.org/0000-0002-3240-0311>

УДК 003.345+902

Е. Г. Шалахов

Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева» (Юрино, Россия)

НИЖНЕЕ ПРИВЕТЛУЖЬЕ КАК САМЫЙ ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Аскизская культура X – XVII вв., выделенная в 1955 г. археологом Л. Р. Кызласовым, распространенная от Иртыша до Байкала и от Ангары до Монголии, оказала существенное влияние не только на синхронные культуры Южной Сибири. Предметы вооружения и конского снаряжения аскизского облика распространились далеко на запад, став модными атрибутами феодальной знати сначала Волжской Булгарии, а затем и Руси (находки аскизского типа известны в Новгороде Великом). Носители аскизской культуры – воины-всадники, торговцы и ремесленники с XI в. начинают селиться на территории Восточной Европы. Одна из торгово-ремесленных факторий населения аскизской культуры могла существовать на месте нынешнего посёлка Юрино (Республика Марий Эл). Именно здесь в конце 50-годов XX в. во время земляных работ был найден камень с древнетюркской рунической надписью, которую автор статьи соотносит с памятниками древнехакасской письменности.

Ключевые слова: аскизская культура, Волжская Булгария, енисейское письмо, руническая надпись, Южная Сибирь.

UDC 003.345+902

E. G. Shalakhov

The State Budgetary Institution of Culture
of the Republic of Mari El “Sheremetev Castle” (Yurino, Russia)

THE LOWER VETLUGA REGION AS THE WESTERNMOST DISTRIBUTION POINT OF THE YENISEI RUNIC WRITING SYSTEM

The Askiz culture of the 10th – 17th centuries, distinguished by archaeologist L. R. Kyzlasov in 1955, spread from the Irtysh to Lake Baikal and from the Angara to Mongolia, had a significant impact not only on synchronous cultures of South Siberia. Armament supplies and horse equipment of the Askiz appearance spread far west, becoming fashionable attributes of the feudal nobility, first of Volga Bulgaria, and then of the First Russian State (amazing finds of the Askiz

type in Novgorod the Great are known). Bearers of the Askiz culture – warriors, horsemen, merchants, and artisans – started settling in Eastern Europe from the 11th century. One of trade and craft factories of the population of the Askiz culture could exist at the site of current Yurino village (the Republic of Mari El). It was here at the end of the 50s of the 20th century, where during excavation work, a stone with an ancient Turkic runic inscription was found, which the author of this article correlates with monuments of ancient Khakass writing system.

Keywords: Askiz culture, Volga Bulgaria, Yenisei writing system, runic inscription, South Siberia.

Вопрос о самом западном на Евразийском континенте пункте распространения древнетюркского рунического (енисейского) письма рассматривается автором настоящей статьи в связи со случайным обнаружением в 1958 г. в пос. Юрино Марийской АССР камня с рунической надписью (рис. 1). Некоторое время спустя находка была приобретена у местных жителей начальником Марийской археологической экспедиции А. Х. Халиковым и доставлена для изучения и дальнейшего использования в качестве экспоната в г. Казань.

Марийский историк А. Г. Акшиков в своей работе, посвящённой расшифровке рунической надписи на камне из Юрино приводит описание находки, сделанное казанским учёным М. Усмановым: «Камень – отсечение, видимо от почти круглого бруска имеет форму неправильного овала размером 11×12 см, толщина неровная, около 1 см. Песчаник, не очень твердый. Надпись из 8 знаков имеется лишь на одной, более ровной стороне» [Акшиков 2012: 54].

Исследователь древнетюркской письменности Э. Р. Тенишев ввел эпиграфический памятник эпохи раннего средневековья в научный оборот, датировав находку X – XI вв. По его мнению, текст, процарапанный на плитке песчаника, «напоминает афоризм, крылатое слово – крупцу мудрости, достойную увековечения на камне» [Тенишев 1971: 23]. Публикация Э. Р. Тенишева до сих пор является одной из самых цитируемых среди прочих печатных трудов известного тюрколога [Дыбо, Шеймович 2021: 22].

Учёный-тюрколог Х. Р. Курбатов перевёл руническую надпись из Юрино следующим образом: «Против насилия – мой камень» [Акши-

ков 2012: 55]. А. Г. Акшиков предложил следующий вариант расшифровки: «здесь (то есть там, где находился камень с надписью, а, возможно, и в окрестностях вокруг него) *совершенно* (абсолютно, ни при каких обстоятельствах) *жить* (поселяться) *нельзя*» [2012: 56, табл. 1].

Долгое время случайная археологическая находка хранилась в фондах Музея национальной культуры при Национальном культурном центре (НКЦ) «Казань». Сотрудник НКЦ Ф. А. Ахметгалин полагает, что рунические надписи на камнях встречаются нередко и в основном они служили межевыми знаками и определяли границы владений знатных людей или княжеских родов [Ахметгалин 2024].

Отнесение камня с руникой из Юрино к категории пограничных или межевых знаков вполне приемлемо. Подобные объекты известны у многих народов и в разных культурах [Дубовская 2021: 81; Измайлов 2022: 148]. Мнению Ф. А. Ахметгалина не противоречит и политическая карта Среднего Поволжья домонгольского периода истории данного региона (рис. 2). Заслуживает внимания мнение К. А. Руденко [2013: 20] и Н. А. Халикова [2015: 132], которые считают, что западная граница Волжской Булгарии (по крайней мере, граница метрополии) проходила гораздо восточнее Юрина – по р. Свияга.

Юринское селище в XI в. могло иметь статус внешней колонии Булгарского государства, в которой жили люди, усвоившие, но вряд ли поголовно, графический навык и стиль енисейского письма. Утверждать, что это были именно переселенцы из Южной Сибири, т.е. основной территории распространения памятников аскизской культуры, пока сложно. Однако опубликованные результаты археологических изысканий в Волго-Камье [Кызласов 2018: 238; Руденко 2021: 28 – 29; Руденко, Казаков 2015: 269 – 270] подтверждают мнение автора настоящей статьи.

Вероятно, в Волго-Ветлужском междуречье существовал и болгарский пограничный форпост с гарнизоном, в составе которого были аскизские воины-всадники – «обосновавшиеся в Восточной Европе южносибирские федераты» [Кызласов 2018: 234], нанятые на службу эльтеберами-эмирами Волжской Булгарии.

С появлением в западных районах Среднего Поволжья древнехакасских воинов-профессионалов благополучно разрешилась проблема внешних угроз у местных финноязычных племен, входивших в сферу влияния Волжской Булгарии [Акилбаев 2019: 71; Халиков 2015: 132].

Рис. 1. Камень с древнетюркской рунической надписью из Юрино. Фото Ф. А. Ахметгалина (г. Казань). 2020 г.

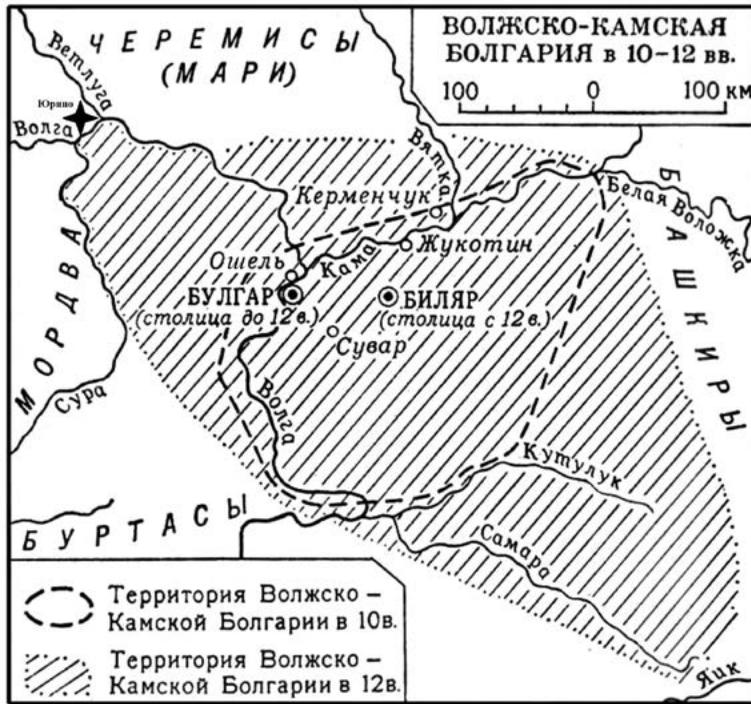

Рис. 2. Карта Волжской Булгарии с указанием местоположения болгарской колонии и пограничного форпоста в Волго-Ветлужском междуречье (современное Юрино – в верхнем левом углу карты) в XI – XII вв.

Например, начиная со II тыс. н.э. перестают функционировать многие древнемарийские городища, а в погребальном инвентаре древнемарийских могильников XI в. гораздо меньше становит-

ся предметов вооружения [Акилбаев 2022: 80].

На мой взгляд, было бы логично указать и на то, что камень из Юрино маркирует хронологический период (первая половина XI в.), когда «привлекаемую к воинской службе древнехакасскую аристократию местные правители осознанно поселяли в своих владениях, предоставляя ей определенные земли» [Кызласов 2018: 234].

Из всего сказанного следует, что рассматриваемый камень с руникой енисейского происхождения мог одновременно быть и пограничным и межевым знаком.

Таким образом, Нижнее Приветлужье, по-видимому, следует рассматривать как самый западный на Евразийском континенте регион распространения енисейского письма и присутствия носителей аскизской культуры в лесной зоне Восточной Европы. Ранее самым западным пунктом древнехакасской разновидности рунического письма считалась долина р. Илек в Актюбинской области (Казахстан). Речь идёт о находке металлического зеркала с процарапан-

ной надписью, сделанной «почти на Южном Урале» [Кызласов 2021: 58].

Список литературы

- Акилбаев А. В. Древнемарийские городища // Регионы России в военной истории страны: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 16–17 ноября 2022 г. Вып. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. С. 76–80.
- Акилбаев А. В. Торговля в Марийском крае в раннее средневековье // Марийский архивный ежегодник. 2019. № 1 (19). С. 68–72.
- Акшиков А. Г. Новая расшифровка рунической надписи на камне, обнаруженном в п. Юрино Марийской АССР в 1958 году // Финно-угроведение. 2012. № 1. С. 54–58.
- Ахметгалин Ф. А. Камень с рунической надписью из фондов НКЦ «Казань» // Национальный культурный центр «Казань» – официальный сайт. URL: https://nkc-kazan.ru/novosti/kamien_s_runichieskoi_nadpis_iu_iz_fondov_nkts_kazan (Дата обращения: 19.02.2024).
- Дубовская В. Н. Межевой камень (кудурру) царя Мелишиху // Счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести: Материалы международного научного круглого стола, посвященного 70-летию юбилею профессора В. А. Федосика, Минск, 09 февраля 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 80–86.
- Дыбо А. В., Шеймович А. В. Памяти Эдхяма Рахимовича Тенишева (1921–2004) // Российская тюркология. 2021. № 1–2 (30–31). С. 5–29.
- Измайлов И. Л. Знаки-тамги как символы болгарской государственности X – первой трети XIII века // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 148–159. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.1.148.159.
- Кызласов И. Л. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII веках. (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 228–250.
- Кызласов И. Л. Рунические письмены Сибири. Рассказы археолога. Москва, Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2021. 152 с.
- Руденко К. А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 19–41.
- Руденко К. А. Средневековые аскизские материалы и их реплики на Великом Сибирском пути от Енисея и до Волги // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия, Абакан, 23–25 сентября 2021 года. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2021. С. 27–30.

Руденко К. А., Казаков Е. П. К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 266–273.

Тенишев Э. Р. Камень с рунической надписью из Юрьева (Марийская АССР) // Лингвистический сборник (посв. В. В. Решетову). Ташкент, 1971. С. 21–23.

Халиков Н. А. Татарско-марийские взаимовлияния в традиционной материальной культуре // Марийский археографический вестник. 2015. № 25. С. 132–136.

Список сокращений

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева

НКЦ – Национальный культурный центр

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Подписи к иллюстрациям

Рис. 1. Камень с древнетюркской рунической надписью из Юрино. Фото Ф. А. Ахметгалина (г. Казань). 2020 г.

Рис. 2. Карта Волжской Булгарии с указанием местоположения болгарской колонии и пограничного форпоста в Волго-Ветлужском междуречье (современное Юрино – в верхнем левом углу карты) в XI–XII вв.

УДК 902/904

О. О. Шишкина

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

ПЕТРОГЛИФЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ НА КАМНЯХ ТАГАРСКИХ КУРГАНОВ ТЕПСЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА²⁹

В статье рассматриваются отдельные аспекты наскального искусства Тепсейского археологического микрорайона (Краснотуранский район Красноярского края), связанные с т.н. «поздним» пластом изобразительной деятельности. Рассматриваются петроглифы, встречающиеся среди каменных конструкций курганов тагарского времени. Среди изображений встречаются тамги, распространенные со средних веков, а также отдельные сюжеты и образы «народного» искусства хакасов.

Ключевые слова: петроглифы, Тепсей, тагарские курганы, хакасы

O. O. Shishkina

Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

PETROGLYPHS OF THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES ON THE STONES OF THE TAGAR MOUNDS OF THE TEPSEI ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT³⁰

The article examines certain aspects of rock art of the Tepsei archaeological microdistrict (the Krasnoturansk District of the Krasnoyarsk Region), which are associated with the so called “later” layer of visual activity. It studies petroglyphs that are found among the stone structures of mounds of the Tagar period. Among the images, there are tamgas, common since the Middle Ages, as well as individual subjects and images of “folk” art of the Khakass.

Keywords: petroglyphs, Tepsei, Tagar mounds, Khakass.

Сфера научных интересов Л. Р. Кызласова охватывала аспекты, связанные с изучением феномена искусства средневековья и нового времени Хакасско-Минусинской котловины. Несмотря на то, что в последние годы интерес к т. н. позднему пласту изобразительных источников сопредельных территорий несколько оживился [Черемисин 2008; Кисель 2010 и др.], а комплексные исследования памятников наскального искусства Хакасско-Минусинской котловины позволяют выявить петроглифы средневековья и нового времени, до сих пор единственным монографическим

изданием, посвященным народному искусству хакасов, является труд именно Л. Р. Кызласова в соавторстве с Н. В. Леонтьевым [1980]. Полевые исследования кемеровских археологов в последние годы на территории Тепсейского археологического микрорайона (Краснотуранский район Красноярского края на месте слияния Енисея и Тубы) показывают, что народное искусство т.н. позднего пласта на этом памятнике довольно внушительно и многообразно [Советова, Аболонкова, Шишкина 2021]. В рамках настоящего исследования мы бы хотели обратить

²⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01099 «Рисунки на камнях тагарских курганов как особый петроглифический источник по древней истории Южной Сибири (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)» <https://rscf.ru/project/23-78-01099/>

³⁰ The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-01099 <https://rscf.ru/project/23-78-01099/>

внимание на изобразительные материалы, встречающиеся среди камней конструкций тагарских курганов.

Сама гора Тепсей и территория у ее подножия с древних времен была привлекательна. Здесь известны памятники афанасьевского, карасукского, тагарского, тесинского, таштыкского, кыргызского времени [Грязнов и др. 1979: 7], на надпойменной террасе располагаются могильники, а скальные выходы испещрены разновременными изображениями. То есть на данной территории на протяжении многих веков присутствовало местное и пришлое население, которое оставило после себя материальные свидетельства. Уже в новое время эти территории тоже использовались местным населением. Известно, что даже в конце XIX в. на правом берегу Енисея в улусах и в русских деревнях проживали довольно разнообразные группы населения: койбалы, качинцы, сагайцы, кызыльцы [Катанов 1891: 135; Патачаков 1958: 56]. По статистике на 1854 г., в правобережных волостях только Минусинского уезда проживало 1506 хакасов, а в 1875 г. оседлые хакасы в с. Листвягово – ближайшем населенном пункте к горе Тепсей, составляли примерно 50% всего населения [Бутанаев 1996: 23]. У подножья горы Тепсей до создания водохранилища еще располагался поселок Усть-Туба, который был затоплен и перенесен в с. Листвягово уже в 1960-е гг. Степи под Тепсеем, очевидно, использовались местным населением для выпаса скота, о чем свидетельствуют в настоящее время архивные фотографии и следы от кошар во внутренних логах горы Тепсей. На вершинах горных гряд Тепсея встречаются т.н. обо (обаа) – сооружения из камней, которые считаются культовыми местами хакасов для поклонения духам [Бутанаев 1996: 211]. Сама гора у местного населения считалась священной. Народное творчество местных жителей распространялось не только на скалах, но и на курганных камнях, а также отдельных плитах. Как отмечают исследователи: «Высекая в каменной породе образы божеств, человек тем самым персонифицировал их, делал умопостигаемыми и, естественно, – наделял особой сакральной силой» [Бурнаков, Цыденова 2014: 258].

Исследователи уже обращали внимание на особое отношение хакасов к курганам минусинских степей [там же]. Жизнь, быт и повседневная хозяйственная деятельность местного населения Южной Сибири так или иначе была связана с древними курганами, которые заполняли степи. Курганные каменные конструкции располагались как непосредственно в селениях, так и на окрестных пастбищах [Бурнаков, Цыденова 2014: 257]. И сегодня степи Хакасско-Минусинской котловины впечатляют своими видами с многочисленными древними курганами, безусловно, местное население видело эти конструкции, обращало на них внимание, по-особенному относи-

лось. Известно, к примеру, что в насыпях древних курганов иногда хакасы хоронили [Бутанаев 1988: 130]. Видимо, иногда местные жители наносили на каменные конструкции и свои изображения. Путешественники и ученые Минусинских территорий периодически обращали внимание на «современные» изображения среди древних курганных конструкций. Например, С. В. Иванов отмечает, что хакасы выбивали фигуры на древних курганных памятниках и на новейших надгробиях [Иванов 1954: 588]. И. П. Кузнецов-Красноярский упоминает о многочисленных и разнообразных «рисунках современных инородцев», которые часто покрывают курганные камни. Он пишет, что еще в его время некоторые встречаемые в степи хакасы при выпасе скота чертят на могильных плитах разные изображения и тамги. Автор указывает что отличить древние и новые рисунки можно с первого взгляда, выделяются они своей «свежестью» и четкими контурами, в то время как древние рисунки часто выветрены [Кузнецов 1889: 35, Табл. XII]. Известный этнограф Е. Р. Шнейдер в 1930 г. об искусстве хакасов писал следующее: «Рисунок распространен мало. Он встречается на шаманских бубнах, тесах, редко на предметах домашнего обихода и курганных камнях» [Шнейдер 1930: 82]. Таким образом, практика использования курганных плит для создания изображений местное население применяло на протяжении длительного времени.

Как уже упоминалось, под горой Тепсей располагается разновременное кладбище, в том числе тагарское с характерными каменными оградками. Эти могилы были частично раскопаны в 1960–1970-е гг. [Грязнов и др. 1979: 8–20]. Среди конструкций этих курганов нередко встречаются петроглифы [Шишкина 2023], в т.ч. «поздние», которые были созданы, очевидно, уже после возведения курганных конструкций. К ним относятся как фигуративные изображения, так и знаки-тамги. Предварительный анализ тамг уже был нами проведен [Шишкина 2023], отметим лишь, что на курганные камни они могли наноситься с сугубо практической целью – для опознания границ земель, занимаемых под пашни или пастбища. В свое время Л. Р. Кызласовым были собраны хакасские тамги и разделены на этнографические группы хакасов. И все тамги, обнаруженные на Тепсее, могут быть отнесены к качинцам [Кызласов, Леонтьев 1980: рис. 15]. Практика использования тамг и тамгообразных знаков была распространена в Южной Сибири с таштыкского до новейшего времени.

Особого внимания заслуживают несколько курганных камней, на которых развернулись целые сцены народного «творчества». На грань одного из камней нанесено множество знаков и изображений: несколько видов тамг (круг, разделенный пополам; круг с ответвлением и «восьмеркообразный знак»), зооморфные изображе-

ния, один из которых, скорее всего, конь, рядом с которым выбито ветвистое дерево (рис. 1). Выбивка перекрывает бессистемные гравированные линии. Изображения деревьев встречаются в хакасском искусстве. К примеру, деревья известны в наскальном искусстве горы Георгиевской, датированные XV–XVIII вв. [Леонтьев, Панкова 2012: рис. 6]. Вообще у хакасов существовало особое отношение к дереву. В погребальной практике была распространена традиция в головной части могилы устанавливать деревянные предметы – палки, столбы, березовые развалины, по поверьям выполняющая функцию временного обиталища души вместе с тем олицетворяя образ мирового древа [Бурнаков 2024: 146]. Иногда хакасы совершали захоронения на деревьях [там же: 147–148]. В хакасских легендах нередко сказания о перевоплощении умерших в деревья [там же: 149]. Возможно, на курганном камне запечатлена одна из вариаций известного сюжета «конь у коновязи», распространенного на протяжении тысячелетий с древности до современности. На другом камне размашистой выбивкой запечатлена многофигурная сцена, на которой

выбиты животное (олень?), две антропоморфные фигуры и дугообразные тамги (рис. 2). Манера изображения животного очень напоминает стиль «народных» рисунков хакасов на горе Оглахты, когда туловище изображалось прямоугольным [Кызласов, Леонтьев, 1980: 40, 41]. Описанные выше сцены не ограничивают весь список поздних петроглифов. На плитах курганов встречаются поверхностные гравированные композиции, часть из которых, наверняка была выполнена в позднее средневековье или новое время.

Таким образом, изобразительные материалы среди курганных конструкций тагарских могильников не ограничиваются только древними изображениями. Плиты оград тагарских курганов весьма активно использовались в качестве «холстов» в средние века, новое время местным населением – хакасами. Интерпретация этих образов и сюжетов может быть неоднозначной. Хакасы могли использовать курганные камни в качестве разграничительных знаков и выбивать на них свои тамги, могли быть и более сложные сюжеты, отражающие реалии и, возможно, мифологию местного населения.

Список литературы

Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц. Образы камня и кургана в религиозно-мифологических воззрениях хакасов (конец XIX–XX веков) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3: Археология и этнография. С. 256–267.

Бурнаков В. А. Дерево в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 143–155. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-143-155

Бутанаев В. Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – нач. XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1988. С. 107–132.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: ХаК. книж. изд-во, 1996. 224 с.

Грязнов М. П., Комарова М. Н., Завитухина М. П., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М – Л.: Академия Наук, 1954. Т. XXII. 839 с.

Катанов Н. Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки русского географического общества. СПб., 1891. Т. XVI. Вып. 2. С. 133–230.

Кисель В. А. Поиски в Туве петроглифов этнографического времени // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. 2010. Вып. 10. С. 167–175.

Рис. 1. Петроглифы на курганном камне. Тепсей VIII

Рис. 2. Петроглифы на курганном камне. Тепсей VIII

Кузнецов И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск: ТипоЛитография В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1889. 36 с.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М: Наука, 1980. 176 с.

Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лънищенская, Улазы III, Сосниха. Труды САИ-ПИ. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Вып. X. С. 5–27.

Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII –XIX вв.). Абакан: Хаккнигоиздат, 1958. 316 с.

Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.

Черемисин В. Д. К изучению новейших наскальных изображений Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. XIV. С. 269–274.

Шнейдер Е. Р. Искусство народностей Сибири // Искусство народностей Сибири. Л.: Издание Гос. Русс. музея, 1930. С. 57–100.

Шишкина О. О. Некоторые результаты исследования рисунков на камнях тагарских курганов под горой Тепсей // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 8–100.

Шишкина О. О. Тамги в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 2 (80). С. 290–306.

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 394

А. Ф. Илимбетова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

СОПРИЧАСТНОСТЬ БАШКИРСКОГО РОДОПЛЕМЕННОГО ЭТНОНИМА «ЙЫЛАН» К КУЛЬТУ ЗМЕИ

В далеком прошлом люди тотемной группы и тотемные животные назывались общим термином. Пережитком подобного образа мышления предков башкир является обнаружение у них родоплеменных этнонимов «йылан» («змея»). К этнониму «змея» восходят и корни башкирских родоплеменных этнонимов с основами «кай», «кайпан» и «уран». Данные башкирские родоплеменные наименования генетически соотносятся с аналогичными названиями тюрко-монгольских племен Алтая, Центральной Азии и Дальнего Востока. «Змеиные» этнонимы были характерны в древности самому широкому кругу народов. Их истоки восходят к древним общечеловеческим традициям.

Ключевые слова: башкиры, родоплеменные этнонимы, змея, культ.

F. Ilimbetova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language, and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)

ON THE RELATIONSHIP OF BASHKIR TRIBAL ETHNONYM "IYLAN" TO THE SNAKE CULT

In the distant past, people of the totem group and totem animals were called by a single term. A relic of this way of thinking of the Bashkirs' ancestors is the discovery of tribal ethnonyms "iylan" (a "snake") among them. The roots of Bashkir tribal ethnonyms with stems "kai", "kaiipan", and "uran" also go back to ethnonym a "snake". These Bashkir tribal names are genetically related to similar names of the Turkic-Mongolian tribes of Altai, Central Asia, and the Far East. "Snake" ethnonyms were characteristic of a wide range of peoples in ancient times. Their origins go back to ancient universal traditions.

Keywords: Bashkirs, tribal ethnonyms, snake, cult.

Общеизвестно, что в эпоху, когда в сознании первобытных людей господствовали тотемические воззрения на природу и окружающий мир, отдельные группы людей и виды тотемных животных (включая змей) воспринимались как существа, относящиеся к одной общности, связанные между собой единством происхождения и узами взаимного родства. В связи с этим, люди тотемной группы и тотемные животные назывались общим термином.

Пережитком подобного образа мышления предков башкир является обнаружение племени «йылан» («змея») и родов «изел-йылан» («идель еланцы»), «кыр-йылан» («степные еланцы»), «эске йылан» («внутренние еланцы») у нижнебельских башкир (Бураевский, Дюртюлинский, Еркееевский, Илишевский, Туймазинский, Чекамагушевский, Шаранский, Янаульский р-ны РБ), «йылан» у катайцев и куваканцев (д. Байрамгулово Аргаяшского р-на Челябинской обл.), родового подразделения с аналогичным названием у шайтан-кудейцев (д. Юлаево Салаватского р-на РБ) [Камалов, Камалова 2007: 181; Кузеев 1974: 221, 296, 332, 370].

Есть все основания полагать, что к этимону «змея» восходят и корни башкирских родоплеменных этнонимов с основами «кай», «кайпан» и «уран».

В исторических документах башкирский племенной этноним *кай* / *кайлы* впервые зафиксирован в росписи аманатам из Каилинской волости Казанской дороги за 1664 год [ИБР 2014: 104]. В монографии П.И. Рычкова «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии» (1762 г.), написанной на основе материалов Оренбургской экспедиции (1734–1744 гг.), документов Оренбургской губернской канцелярии и личных наблюдений во время его поездок по Оренбургскому краю, упоминается по Казанской дороге Каилинская волость (племя) с родами *идил-кайлы*, *кир-кайлы*, *юрактау-кайлы* и *актау-кайлы* [Рычков 1999: 58]. В фундаментальном труде С.И. Руденко «Башкиры» по Казанской дороге приводятся «как настоящий башкирский род или волость» род каилинский и волость Каилинская [Руденко 2006: 52, 56]. По данному поводу А. З. Асфандияров отмечает, что до середины XIX в. Каилинская волость часто именовалась Каилинская или Калнинская, редко Канлинская [Асфандияров 2009: 257]. Так, в список башкирских дач, составленный Уфимской комиссией по размежеванию башкирских земель (1898 г.) каилинские роды включены под названием канлинские башкирские дачи. В книге известного тюрколога Ахметзаки Валиди Тогана (З. Валидов) «История башкир» (2010 г.)

в Западной Башкирии фиксируются как племя *кайлы*, так и *канглы* [Валиди 2010: 52]. Вместе с тем А.З. Валидов не игнорирует существование тесных этнокультурных контактов между этими двумя племенами. По его мнению, часть кайлинцев, а именно роды «*изел-кайлы*», «*кыр-кайлы*», «*йөрәктау-кай*», «*суклы-кай*» и «*актау-кай*» вошли в состав канлинцев как самостоятельные подразделения [Валиди 1999: 138]. Кстати, древнетюркские племена *каи* отождествлялись с *канглами* еще в раннесредневековых арабских источниках [Кумекоев 1972: 126–127].

Небезынтересно отметить, что в составе башкирского племени *кай* имелись также роды «*һәнәкле-кай*», «*таулы-кай*», которые вместе вышеупомянутыми родами «*суклы-кай*» и «*йөрәктау-кай*» составляли юго-восточную группу кайлинцев, расселившихся по соседству или смежно с юрматинцами в бассейне р. Зиган и бурзянами на подножиях хребта Ирэндык Южного Урала [Валиди 1996: 7, 8, 10, 12].

В своей автобиографии А. З. Валидов пишет, что он является уроженцем д. Кузяново Ишимбайского района РБ, его отец происходил из рода *суклы-кай* [Валиди 1998: 11]. Однако, д. Кузяново была основана башкирами-вотчинниками ильсектемировского подразделения юрматинского рода *тельтим* примерно в 1-ой четверти XVIII в. Но они еще в середине XVIII в. и в последующие десятилетия припустили к себе потерявших вотчинные права башкир и тептярей [Асфандияров 2009: 130], в их числе, возможно, были и *суклы-кайцы*, вотчинные земли которых на отрогах южноуральских гор были разграблены русскими колонизаторами. В пользу данного предположения свидетельствует и тот факт, что дед А. З. Валидова – Валит вел в XIX в. многолетние тщетные тяжбы с российским дворянином немецкого происхождения Борелем по поводу захвата им и его родственниками вотчинных земель суклыкайцев в районе хребта Ирэндык [Валиди 1996: 579]. К середине XIX в. в д. Кузяново уже жили только одни тептяре [Асфандияров 2009: 130], то есть сами ильсектемировцы-кузянцы к этому времени были ассимилированы тептярами или вытеснены из собственных земель.

С этими этническими процессами и историческими событиями объясняют происхождение родового подразделения *кузян* у кыр-канлинцев (д. Канлы-Туркеево Буздякского р-на РБ). По рассказам старожилов данной деревни, в эпоху массового разграбления башкирских земель (XVIII в.) канлы-туркейцы пригласили для защиты своих вотчинных земельных владений сородичей из Юго-Восточного Башкортостана («Нугушской стороны») на постоянное жительство, в том числе и башкир из д. Кузяново Ишимбайского района, потомков которых в д. Канлы-Туркеево и сегодня называют кузянами [ИБР 2014: 158].

В научной литературе существует постулат, идентифицирующий племя *кай* с другим башкирским племенем, а именно *кайпан* у юго-восточных и северных башкир [Кузеев 1974: 365–366; Янгузин 1995: 22].

По мнению казахского историка С. М. Ахинжанова, этноним «*кай*» в переводе с одного из диалектов древнемонгольского языка означает «змея» [Ахинжанов 1989: 106].

С племенным образованием *кай* отождествляются и представители другого известного в Северном Башкортостане племени *уран* (Калтасинский, Краснокамский, Янаульский р-ны РБ). В русских документах уранцы фиксируются с XVI в. в составе башкир Осинской дороги. Согласно «Тюркско-арабскому переводчику», составленному в XIII в., слово «*уран*» можно перевести как «змея» [ИБР 2015: 16, 50, 64]. По предположению С. М. Ахинжанова, корень данного слова связан с тюркским «*ура*» – «намаывать» [Ахинжанов 1989: 116]. С. И. Хамидуллин допускает возможность выделения подразделения *уран* из племени *кай* [ИБР 2015: 23].

В научных кругах Башкортостана утвердилось положение о том, что башкирские родоплеменные образования, в номенклатуре которых зарегистрированы этнонимы «*йылан*» (собственно еланцы, кудейцы, катаяцы и кувакане) развивались в древности и раннем средневековье в рамках тюркских племенных конфедераций Алтая и Центральной Азии [Кузеев 1974: 211, 225, 289, 362–363; Хусаинов 2000: 107; Янгузин 1995: 26, 78, 84].

Данный постулат подтверждается исследованиями маститых ученых. Так, Г. Е. Грумм-Гржимайло, изучая в конце XIX – начале XX вв. историю и этнографию народов Западного Китая, Монголии и Тувы, высказывал предположение о том, что у истоков племен змей на Алтае находились динлины, предки кипчаков [Грумм-Гржимайло 1926: 57–59]. П. И. Кафаров (в монашестве Палладий), русский китаевед, отмечает, что древние кипчаки жили на Алтае в долине «Чжи-лян» (китайская транскрипция тюркского «*джилан*» – змея) [Кафаров 1866: 247]. Согласно сведениями персидского историка XI в. Гардизи, в составе кимаков (племена, родственные кипчакам) имелось подразделение *ажлад*, в котором Ю. А. Зуев видит искаженное тюркское слово «*ажлар*», то есть «змеи» («*аж*» по-персидски «змея») [Зуев 2002: 133]. Некоторые исследователи находят обозначение змеи и в названии аваров (по китайской транскрипции *жуань-жуани* / *жужане* / *жоужане*), союза кочевых тюрко-монгольских племен, обитавших в IV–VI вв. в степях Западной Маньчжурии, Монголии и Туркестана [Зуев 1970: 78]. Этноним «змея» носили и три туркменских рода [Толстов 1935: 5–8]. С понятием «змея» связан и этноним «*бараж*» («змея аждаха») название одного из крупных этнических

образований Волжской Булгарии X–XIV вв. [БНТ 2004: 170].

Сходные пути исторического развития прошли и племена *кай*, *кайпан* и *уран*. По мнению А. З. Валидова, *каи* принадлежали к одной из монголизированной еще в «дочингизовскую» эпоху династийной ветви голубых тюркок-шато [Валиди 1999: 177–178, 183]. Китайские источники впервые фиксируют племя *ху* / *кай* в III в. н.э. на территории Западной Маньчжурии [Кюнер 1961: 303]. По мнению С. Г. Кляшторного, тюркское племя *кай* в 1-ой пол. I тыс. н.э. входило в племенную конфедерацию *теле*, предков огузов. Они были вытеснены киданями (древними монголами), из монгольских степей в Западную Сибирь [Кляшторный 2012 б: 82]. В VI в. *каи* находились в составе Тюркского каганата. В VII–IX вв. *каи* вместе с кимако-кипчакскими и огузскими племенами составляли пассионарную часть древнетюркской экспансии на запад. В этот период сюзеренитет тюркских каганов распространяется на Среднюю Азию и Приуралье. В X в. *каи* под нажимом киданей начинают движение на запад, вытеснив из своих владений *кунов*, тем самым вызывают новую мощную миграционную волну тюркских народов от Хуанхэ до Дуная [ИБР 2015: 15–20; Кляшторный 2012 а: 64; Кляшторный 2012 б: 81–83]. В XI в. тюркский ученый-филолог Махмуд ал-Кашгари отмечает племя *кай* уже среди огузских конгломератов Восточного Туркестана [Махмуд ал-Кашгари 2010: 27–30]. Примерно в то же время (1055 г.) *каи* (каепичи) закрепились вместе с половцами на южных рубежах Киевской Руси [Кляшторный 2012 б: 83]. Часть их потомков, перекочевавшие вместе с печенегами в южноуральские степи, вошли в X–XI вв. в состав древних башкир, другие – в XIII в. основали в Малой Азии небольшое княжество, превратившееся через два столетия в могучую Османскую империю [ИБР 2014: 34, 38]. Оставшиеся в Туркестане *каи* участвовали в формировании туркменского народа, сохранив при этом свой племенной этноним [Зуев 1960: 129].

Ученые склонны рассматривать каилинцев как этносы, имеющие генетические связи с кайпанцами, перекочевавшими в XIII–XIV вв. из Западной Сибири на Южный Урал в составе союза кипчакских племен. Следует отметить, что этноним *кайпан* присутствовал и в родоплеменной номенклатуре средневековых кипчаков Прииртышья [Кузеев 1974: 366, 367; Янгусин 1995: 22]. Определенный интерес представляет мысль о генетической связи кайпанцев с вышеупомянутыми каепичами, кочевавшими вместе с половцами в южнорусских степях.

Относительно уранцев: они упоминаются в восточных источниках с XII в. в перечне кипчакских племен Восточного Казахстана и Сырдарьи [Ахинжанов 1989: 116; Кузеев 1974: 354].

С термином «уран» сочетаются родоплеменные наименования «уряихай» у тувинцев, «ураанкай» / «урангкай» у якутов, долган, эвенков и негидальцев [Исторический фольклор 1966: 340; ИБР 2015: 21; Фольклор долган 2000: 410]. С. М. Ахинжанов считает, что данные названия являются сложными словами, состоящими из двух хорошо известных этнонимов «уран» и «кай» («уран»+«кай» – змея+змея) [Ахинжанов 1989: 119]. Н. В. Кюнер воспринимает *уляиха* / *уряихайцев* как потомков древнего племени *ху* / *кай* [Кюнер 1958: 202–216]. С. И. Хамидуллин, солидаризируясь с тезисом Н. В. Кюнера, пишет, что этноним «уряихай» / «урянкай» отражает факт выделения подразделения *уран* из племени *кай* [ИБР 2015: 23]. У тувинцев встречается и вариант «урат», где «т» в окончании термина является аффиксом множественного числа в монгольских языках. Родоплеменные подразделения «уран» зафиксированы в составе крымских татар и у тюрков-османов [Кузеев 1974: 429; Köprülü 1943: 229].

С этнонимом «йылан» отождествляется имя половецкого (кипчакского) хана Шарукана, который в 1107 году совершил вместе с другим не менее знаменитым ханом Боняком набег на Переяславль [Карамзин 1994: 257]. В другой раз данный этимон упоминается в известном труде С. М. Соловьева как один из половецких городов, жители которого в 1111 году «рыбой и вином» встретили дружины русских князей Святополка, Владимира и Давида, выступивших в поход на половецкие вежи (кочевья) на Дону [Соловьев 1988: 386]. Весьма возможно, здесь речь идет не о городе, а о кочевье (веже) половец-шаруканцев. В венгерском фольклоре словом *шарукан* называют священного крылатого змея [Хусаинов 2000: 108]. С данным мифологическим образом сближается и персонаж Шахимаран, царь змей в одноименной башкирской сказке [Шахимаран 2000: 103–106]. Белая змея носит царское имя Шахимаран / Шах-меран / Шахмаран / Шахмар / Шахмер в сказаниях татар, карачаевцев и балкарцев, турков, курдов-езидов, персов, арабов [Гордлевский 1962: 301; Малкондуев 1996: 20; Урманчиев 1987: 70; Хусаинов 2000: 107]. Все это дает пищу для размышления о том, что, по всей видимости, и генетические корни вышеупомянутого кипчакского антропонима, топонима и этнонима *шарукан* восходят к почитанию священного царя змей Шахимарана, известного из башкирского, татарского, карачаевского, балкарского, турецкого, персидского, курдского и арабского фольклора.

Как видим, этнонимы, этимологически связанные со словом змея, в прошлом были наиболее широко распространены в тюрко-монгольском мире.

В свете канонов тотемической идеологии вполне допустимо предполагать, что «змеиные» этнонимы были присущи в древности и другим народам. Так, по мнению исследователей

змея была тотемом не только тюрко-монгольских народов, но и северных хантов, сакских племен Приаралья, древних лидийцев – индоевропейских племен Малой Азии, курдов-езидов, прототибетских народностей цян, древних китайцев, древних индийцев, арабов, некоторых родов австралийских аборигенов и американских индейцев [Ахинжанов 1989: 117–118; Белков 2004: 116; Дьяконова 2004: 115; Зуев 1970: 76; Соколова 2009: 256] и др. Так как в контексте тотемических суждений, название тотема было одновременно и этнонимом сообщества перво-

битных охотников, собирателей и рыболовов, и коллективным антропонимом его членов.

Таким образом, змеиные этнонимы были характерны в древности самому широкому кругу народов. Если башкирские родоплеменные наименования *йылан*, *кайпан* и *уран* генетически соотносятся с аналогичными названиями тюрко-монгольских племен Алтая, Центральной Азии и Дальнего Востока, то, в свою очередь, их истоки восходят к древним общечеловеческим традициям.

Список литературы

- Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
- Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, Казах. ССР, 1989. 287 с.
- БНТ – Башкирское народное творчество. Т. 7. Письменные киссы и дастаны. Уфа: Китап, 2004. 624 с. (На башк. яз.).
- Белков П. Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 288 с.
- Валиди Ахметзаки Тоган. Воспоминания / Пер. с турецк. А.М. Юлдашбаева. Уфа: Китап, 1996. 656 с. (На башк. яз.).
- Валиди Ахметзаки Тоган. Не считите за пророчество. Письма, обращения, выступления / Сост. А.М. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 1998. 192 с.
- Валиди Ахметзаки Тоган. История башкир / Пер. с турецк. А.М. Юлдашбаева. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
- Валиди Ахметзаки Тоган. Введение в историю тюрков (на башк. яз.) // Ватандаш. 1999. № 12. С. 102–124.
- Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 3. Из османской демонологии. М.: Изд-во вост. лит-ры АН СССР, 1962. 588 с.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Изд. Уч. комитета МНР, 1926. 906 с.
- Дьяконова В. П. Шаманство южных тувинцев (по материалам 1960–1970-х гг.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Вып. 5. С. 111–118.
- Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 360 с.
- Зуев Ю. А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. «Тан-хуйяо») // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1960. С. 93–140.
- Зуев Ю. А. Киргиз-буруты (к вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования) // Советская этнография. 1970. № 4. С. 74–86.
- Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Зап. текстов, пер. и комм. Г. М. Василевич. М., Л.: Наука, 1966. 400 с.
- ИБР – История башкирских родов. Т. 5. Канглы / С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. Р. Асылгужин, и др. Уфа: Уфим. полиграфкомб., 2014. 560 с.
- ИБР – История башкирских родов. Т. 7. Уран / С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. Р. Асылгужин и др. Уфа: Уфим. полиграфкомб., 2015. 268 с.
- Камалов А. А., Камалова Ф. У. Историко-этимологический, топонимический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2007. 332 с. (На башк. яз.).
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Ростов н/Д.: Феникс, 1994. Кн. 1. 512 с.
- Кафаров Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане «Юань-чао-би-ши» (примечания) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1866. Т. 4. С. 5–258.
- Кляшторный С. Г. Степная империя тюрков // История башкирского народа: В 7-ми т. Уфа: Гилем, 2012 а. Т. 2. С. 56–68.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские народы в Евразийских степях // История башкирского народа: В 7-ми т. Уфа: Гилем, 2012 б. Т. 2. С. 69–83.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.
- Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Изд. «Наука» Казах. ССР, 1972. 156 с.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит-ра, 1961. 391 с.
- Кюннер Н. В. Восточные урянхайцы по китайским источникам // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. 6. Кызыл, 1958. С. 202–217.
- Малкондуев Х. Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: Эльфа, 1996. 272 с.
- Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): В 3-х т. / Пер. с араб. А. Р. Рустамова; под ред. И. В. Кормушина. М.: Вост. лит-ра, 2010. Т. 1. 464 с.
- Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.

Соколова З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 756 с.

Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен: В 18-ти кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 1. Т. 1–2. 797 с.

Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9–10. С. 5–41.

Урманчиев Ф. Золотая волчья голова на знамени // Советская тюркология. 1987. № 3. С. 68–73.

Фольклор долган / Сост. П. Е. Ефремов. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2000. 448 с.

Хусаинов Г. Б. Культ змеи у башкир (на башк. яз.) // Ватандаш. 2000. № 5.

«Шаймаран». Башкирская народная сказка (на башк. яз.) // Ватандаш. 2000. № 5. С. 104–105.

Янгузин Р. З. Из истории башкирских племен. Уфа: Китап, 1995. 96 с. (На башк. яз.).

Köprülü M. F. Uran kabilesi // Türk Tarih kurumu Belleteni. 1943. № 26. P. 227–244.

УДК 811.51

А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ТЮРКАМИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ЛЕКСИКА КОНЕВОДСТВА В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена одному из важнейших языковых явлений – лексическому заимствованию. Применительно к языкам, контактировавшим длительное время на определенной территории, проблема сводится к выявлению лексических полей, элементы которых заимствовались одним языком у другого. В качестве примера длительного языкового взаимодействия приводятся сведения о контактах тюркских и хантыйских диалектов на территории к востоку от Южного Урала, происходивших в последние века первого тысячелетия до нашей эры. Определяются основные единицы лексики коневодства, заимствованные хантыйским языком в тюркских языках (диалектах) данного региона.

Ключевые слова: взаимодействие языков, заимствование, лексика коневодства, Южный Урал, тюркские языки, хантыйский язык.

A. D. Kaksin

N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia)

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN URALS BY THE TURKS: VOCABULARY OF HORSE BREEDING IN THE KHANTY LANGUAGE

The article is devoted to one of the most important linguistic phenomena – lexical borrowing. With regard to languages that have been interconnected for a long time in a certain territory, the problem is to identify lexical fields, the elements of which are borrowed from one language to another. As an example of long-term linguistic interaction, information is given about the contacts of the Turkic and Khanty dialects in the territory east of the Southern Urals, which took place in the last centuries of the 1st millennium BC. The main units of vocabulary of horse breeding, borrowed by the Khanty language from the Turkic languages (dialects) of this region, are determined.

Keywords: interaction of languages, borrowing, vocabulary of horse breeding, Southern Urals, Turkic languages, Khanty language.

Изучая тот или иной язык, лингвист всегда сталкивается с таким явлением, как активно употребляемые слова, пришедшие из других языков, т. е. лексические заимствования. Историко-лингвистические исследования всегда могут пролить свет на вопрос о том, какие слова были заимствованы, какие семантические поля представляют, произошли ли при этом семантические сдвиги. Наша задача – найти логико-семантическую связь между единицами тюркских и финно-угорских языков в регионе Южного Урала. Первоначальные контакты, на уровне языковых семей, произошли именно там; лишь с течением времени ханты и последовавшие за ними тюрки стали двигаться на северо-восток от данной территории [Хелимский 1991: 90–92].

При этом особое значение, как становится понятно почти сразу, имеют лексемы, входящие в семантические группы ‘коневодство’ (предполагается, что именно эта отрасль не сильно была развита у населения Южного Урала в тот период, когда туда началась тюркская экспансия). В теоретическом плане статья основывается на ряде работ по общему и типологическому языкознанию, лингвистической географии и языковым контактам. Особенно ценны в этом плане работы, посвященные контактам между уральскими и алтайскими языками, в т. ч. длительным контактам финно-угорских и тюркских языков на территории Южного Урала [Janhunen 1977: 123–129; Хелимский 1991: 86–97; Круглов 1996: 7–16;

Дыбо 2007: 169–179; Дыбо 2013: 6–26; Титова 2013: 88–91; Хисамов 2022: 7–43].

При тщательном анализе тюркизмов (в т. ч. лексем, связанных с коневодством) в хантыйском языке становится понятно, что часть из них вошла в хантыйский лексикон через посредничество финно-пермских языков, а другая часть – непосредственно в хантыйский язык (того периода). Обусловлено это различие исторической сменой языков (диалектов) разных семей на территории Южного Урала. Как известно, уральское языковое единство во второй половине IV тыс. до н. э. «было разрушено: вероятно, оно было разделено каким-то чужим народом на финно-угорскую и самодийскую группы» [Основы 1974: 409]. В дальнейшем две ветви одной семьи развивались отдельно, самостоятельно, и обе подверглись влиянию тюркских языков, но в разное время и на разной территории. В данном случае нас интересует финно-угорская общность, т. е. та, которая после разделения сдвинулась на запад (от общей уральской прародины). Другими словами, контактов между финно-угорскими и тюркскими языками в уральский период быть не могло. По всей видимости, их не могло быть и в последующие столетия: перемещение финно-угров к отрогам Южного Урала происходило постепенно, и к концу I тысячелетия до н. э. – оно уже состоялось, а вот первая волна тюрков, давшая впоследствии булгар, прошла южнее (этих отрогов). Но прошло немного времени, и в тот период, когда начался второй этап обширной тюркской экспансии (давший в результате к западу от Южного Урала татар и башкир), состоялось и тюркское влияние на предков удмуртов и коми, а также и на угорские народы (предков венгров, ханты и манси). Пермские народы, ведущие свою историю с середины II тысячелетия до н. э., усвоили навыки коневодства ранее, до прихода тюрков, но тюркские народы привнесли лексику, связанную с особым типом коневодства, более конкретно – с традицией (или способом) ездить на лошади верхом. Тюрки, как известно, не использовали лошадь в качестве тягловой силы [Кызласов 1960; Сунчугашев 1975: 25].

И они же, по всей видимости, привнесли в жизнь финно-угров традицию использования зерновых культур в качестве корма для скота: об этом свидетельствует появление в финно-угорских языках того периода слов со значениями ‘ячмень’, ‘овес’ [Steinitz 1966–1993: 518, 769].

«Древние виды занятий человека (охота, рыбная ловля, собирательство) сохранились и в финно-пермский период, хотя уже не имели исключительного характера. ... Финно-пермский пранарод, – как об этом свидетельствуют слова ‘бык’, ‘вол’, ‘доить’, ‘жеребец’, ‘корова’, ‘свинья’, ‘поросенок’, ‘трава’, ‘сено’ – уже стал типичным народом-животноводом. В этот же период развивалось и мотыжное земледелие,

в освоении и распространении которого сыграли положительную роль и соседние иранские народы» [Основы 1974: 433–434]. Лошадей, вероятно, пермяки тоже разводили, но эти животные были заняты обычно в санном перевозе. После оттока иранцев на их место пришли тюрки, и уже у них пермяки освоили верховую езду. Затем основные навыки коневодства были переняты (у пермяков) угорскими народами, в первую очередь – ханты. Об этом свидетельствует несколько тюркизмов в хантыйском языке (произведенных при финно-пермском посредничестве), из которых наиболее яркими являются слова со значениями ‘аркан’, ‘седло’ и ‘повод’:

irkän (V), Trj. *irkan-*, Kaz. *ırkan*, Ahl. *irkan* канат, Strick, Tau (V Kaz.); Fangleine mit Schlinge (Ahl.). – Trj. *irkan-čončəy* канат, Strick.

Vj. *J arkan*, KoP *arkan*, Kr. *arkan*, Ni. *arkan*, Kaz. heute (1901) nicht gebräuchlich *arkan* канат, Strick, Tau (Vj. Kaz.); Halfter, Halsband (Kr.); аркан, hevosen kaulanuora (J KoP); dicker Strick, mit dem e. junges ungewohntes Pferd an den Hinterteil eines anderen Schlittens gebunden wird, damit es nicht hin und her springt (Ni.) ...

Die vordevokal. Formen auf KoP *ǎ-*, Kr. *ǎ-*, Ni. Kaz. *a-* < ru. аркан (< turkotat. *arqan*). Die hintervokal. Formen auf Vj. *J a-* wohl direct < turkotat. [Steinitz 1966–1993: 170].

inar (Litr. Mj. Trj. *J KoP Kr. Sog. Ts.*), Koš. *ānar*, Tš. *anar*, Ni. *Š Kaz. ĩnar* седло, Sattel; – у оленя вся сбруя, не седло (Š) ... < sy. *enir* [Steinitz 1966–1993: 116].

sirmat (Trj. *J*), Irt. (DN KoP Koš. Kr. Ts. Tš.) *šermat*, Ni. *Š Sy. šermat*, Kaz. *šermat* конская узда, Zaum. – *Š ś.-přət* повод, Zügel. Sy. *šermatəŋ* Adj. gezäumt (Pferd) ... < sy. *šermed* usw. id. [Steinitz 1966–1993: 1372].

Возведение данных лексем к пратюркской основе подтверждается данными Древнетюркского словаря (1969), в котором зафиксированы лексические единицы с искомой семантикой:

ÖRK узда (MK I 43). \diamond **örk ur-** взнуздывать: *meŋä urmasa örk meni tuttači / kejik teğ qaçar meñ* если меня не взнуздают, / я убегу, как лань [ДТС 1969: 389].

SER- I терпеть, выносить ... 2. оставаться в одном положении, задерживаться, застывать: *qaju neŋ köni bolsa tüsmäz serär* прямая вещь не падает, остается в одном положении... [ДТС 1969: 496].

SARMAT- II обвязывать, наматывать: *ol jišiyni jıyačqa sarmattı* он наматал веревку на дерево [ДТС 1969: 489].

ÜZÄDÜ стремя: *üzänjü bar ersä čigän berk qarar* если есть стремя, [всадник] крепко держит узду ... [ДТС 1969: 630].

По данной проблеме имеется достаточно много работ, и ниже приведем два авторитетных мнения относительно контактов уральских языков с языками других семей в древний период (более

всего нам интересны суждения о возможности лексических заимствований в это время). Время этих контактов датируется, по-видимому, последними веками I-го тысячелетия до н. э. Исходим из того, что контакты тюрков и самодийцев установились в период, предшествовавший «разделению прототюркского языка на “общетюркскую” и болгарскую ветви (происшедшему, вероятно, в первые века новой эры)» [Хелимский 1991: 91]. В связи с этим разумно полагать, что угротюркские контакты наладились гораздо раньше: угры располагались западнее и южнее, чем самодийцы. Именно столкновение с уграми на Южном Урале способствовало медленному, но неуклонному продвижению тюрков уже не на север, а далее на запад, к Волге. Таким образом, довольно значительное заимствование уграми тюркской лексики произошло в тот, переходный, период, когда формирование болгарской ветви уже намечилось, но еще не произошло. Такой взгляд нам полезен при экстраполяции на схему расподобления пратюркского языка: оправдан поиск тюркских “первооснов” для хантыйского языка преимущественно в тюркских кыпчакских языках [Широбокова 2005: 30–36].

Заимствований из тюркских языков (диалектов) в хантыйском языке достаточно много. Однако даже беглый взгляд на их список приводит к выводу о том, что данный массив слов распадается на три группы: 1) лексика, связанная со сферой торговли, оборотом товаров, 2) специальные слова, входящие в разряд лексики скотоводства / коневодства, 3) другие (или прочие) лексические единицы.

Далее рассмотрим подробнее слова, составляющие вторую группу. Тюркизмы в хантыйском языке были обнаружены еще в XIX веке, но детально систематизированы только в академическом диалектологическом словаре хантыйского языка 1966–1993 гг. (имеют пометку *tat.* или *tob.-tat.*). Далее приведем несколько ярких примеров, выбрав их из довольно большого списка. Так,

по данным словаря В. Штейница и его сотрудников, в хантыйский язык из тюркских языков (или диалектов) Южного Урала попали слова со значениями ‘арба’, ‘проворный’, ‘вымя’, ‘запрягать’, ‘вожжи’ и другие [Steinitz 1966–1993: 173, 216–218, 327, 1486].

И в современных языках, являющихся наследниками древних тюркских языков Южного Урала, татарском и башкирском, искомые слова употребляются примерно в той же форме и том же значении. К примеру, в лексиконе татарского языка выявляются такие лексические единицы, как аркан ‘аркан’, ияр ‘седло’, йөгән ‘узда’, чабышкы ‘скакун’, өзәңге ‘стремя’ [ТРС 1988: 35, 117, 123, 361, 420].

Таким образом, совершенно очевидно, что коневодство, как вид деятельности, на искомую территорию также было принесено тюрками: именно к этой сфере имеют отношение единицы хантыйского лексикона со значениями ‘седло’, ‘повод’, ‘узда’, ‘аркан’, ‘стремя’, ‘проворный’ [Steinitz 1966–1993: 72, 164, 170, 173, 216] и другие. Полагаем, что в данный ряд следует включить и лексическую единицу *акар* ‘большая сторожевая собака’ [ДСХЯ 2011: 16]. В словаре В. Штейница ей приписано значение ‘леговая собака’ = собака с ляжками [Steinitz 1966–1993: 45], и, предположительно, именно они, т. е. большие сторожевые, собаки и стали использоваться для охраны табунов (у самих ханты, по всей видимости, до этого времени были только охотничьи собаки).

Каждый язык является развернутым (огромным по масштабам и в то же время – компрессируемым) ответом на вопрос, “что представляют собой человек и мир вокруг него”. Языковое развитие можно представить как сеть способов семантического расподобления. Большую роль при развертывании словообразовательных цепочек играет возможность заимствования и дальнейшего переосмысления включенных единиц.

Список литературы

- Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под редакцией Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2011. 208 с. (ДСХЯ)
- Древнетюркский словарь / Редакторы: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: «Наука», 1969. 676 с. (ДТС)
- Дыбо А. В. Лингвистические контакты древних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: «Восточная литература», 2007. 228 с.
- Дыбо А. В. Пратюркский и прасамодийский – контактная лексика // Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 6–26.
- Круглов Е. А. Южное Приуралье и Таврида. Из истории контактов // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Сборник научных статей / ВЭГУ. Уфа: Издательство «Восточный университет», 1996. С. 4–19.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: «Наука», 1974. 484 с.
- Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: «Наука», 1975. 174 с.
- Титова О. В. Заимствованные названия гужевого транспорта в пермских языках // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд. Материалы Международной научной конференции,

посвященной 200-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа и алтаиста М.-А. Кастрена (1813–1852) (Абакан, 25-28 сентября 2013 г.) / отв. ред. А. Д. Каксин. Абакан: Издательство ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. С. 87–92.

Татарско-русский словарь / под ред. проф. Ф. А. Ганиева. Казань: Татарское книжное издательство, 1988. 462 с. (ТРС)

Хелимский Е. А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. Москва: «Наука», 1991. С. 86–99.

Хисамов О. Р. Тюрко-татарская географическая лексика Западной Сибири: ареальный аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Академия наук Республики Татарстан. Казань, 2022. 47 с.

Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: «Наука», 2005. 269 с.

Janhunen Ju. Samoyed-Altai contacts – present state of research // Altaica: Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference / Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 1977. P. 123-129.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie-Verlag, 1966-1993. 2019 S.

УДК 811.512.154

А. С. Кызласов

Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

АРХАИЗМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ Л. Р. КЫЗЛАСОВА «САМПИР»

В статье рассматривается проблема архаизмов хакасского языка. Анализ текста исторической поэмы показывает, что в ней содержится немалое количество архаизированных слов, бытовавших в прошлом в источниках по материальной культуре хакасов. Нами выделены следующие лексико-семантические группы: лексические архаизмы, семантические архаизмы, лексико-фонетические архаизмы, лексико-грамматические архаизмы, грамматические архаизмы. В результате исследования установлено, что смысловая структура некоторых архаизмов подверглась частичному сужению, а также частичному расширению семантического объема слов.

Ключевые слова: архаизмы, лексика, лексемная структура, анализ, хакасский язык.

S. Kyzlasov

Khakass Research Institute for
Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

ARCHAISMS IN L.R. KYZLASOV'S HISTORICAL POEM "SAMPIR"

The article deals with the problem of archaisms in the Khakass language. An analysis of the text of the historical poem shows that it contains quite a number of archaic words that existed in the past in sources on the material culture of the Khakass. We have distinguished the following lexico-semantic groups: lexical archaisms, semantic archaisms, lexico-phonetic archaisms, lexico-grammatical archaisms, grammatical archaisms. As a result of the study, it was found that the semantic structure of some archaisms has undergone a partial narrowing, as well as a partial expansion of the semantic volume of words.

Keywords: archaisms, vocabulary, lexeme structure, analysis, Khakass language.

Изучение словарного фонда языка является одной из важных проблем в языкознании. Отдельное место в словарном составе языка занимает архаическая лексика, появление которой обусловлено как внутренними, так и общественно-социальными, экстралингвистическими факторами. Многие лексеммы выходят из употребления или заменяются другими словами, впоследствии их номинации переходят в разряд архаизмов. Так, на сегодняшний день многие объекты материальной культуры оказываются деактуализированными, в них содержится ценная информация об истории, быте и духовной культуре хакасов. Изучение архаичной лексики позволяет нам познакомиться с историей и бытом хакасов. Также дает

возможность подойти к решению важных общетеоретических вопросов и практических задач хакасского языкознания. Это расширяет научные представления о происходящих лексических изменениях слов, которые влияют на словарный состав современных носителей хакасского языка.

Актуальность темы обусловлена тем, что современная этнокультурная ситуация требует ознакомления широкого круга читателей с прошлым хакасского народа, чему, несомненно, способствовало бы чтение хакасских исторических произведений в переводе. Также необходимо многоаспектное описание устаревшей лексики в текстовом поле хакасского языка и, в-третьих, практической потребностью в выра-

ботке путей и способов передачи устаревших слов в исторической прозе на русский язык.

Одной из основных причин устаревания хакасской лексики мы видим в том, что сужаются функциональные возможности хакасского языка, сфера которого ограничена семейным бытом, выпуском малого тиража газет и книг, сокращением эфирного времени на радио и телевидении, часов в преподавании хакасского языка как предмета.

Устаревшие слова в текстовом поле хакасских исторических произведений в монографическом плане хакасскими лингвистами не исследовались.

Целью статьи является краткое описание этимологических, семантических и структурных характеристик устаревшей лексики в тексте исторической поэмы Л. Р. Кызласова «Сампир» в переводе на хакасский язык.

Одной из актуальных задач, стоящих перед хакасским языкознанием, является инвентаризация и лингвистический анализ лексики, в данном случае устаревшей, ибо лексика современного хакасского литературного языка мало исследована. Естественно, огромные изменения, происшедшие в социально-политической и культурной жизни хакасского народа, не могли не отразиться на языке, особенно на его словарном составе. Много слов уходит из активного обращения, поэтому исследование процессов, происходящих в пассивном словарном запасе, представляет немалый научный и практический интерес. Всестороннее изучение пассивной лексики приводит к интересным выводам, представляющим определенную ценность как в историческом, так и чисто лингвистическом плане. Архаичная лексика несет в себе груз далекого прошлого, также показывает состояние развития каждого конкретного языка и проливает свет на происхождение народа. Может служить иллюстративным материалом при воспроизведении картины минувших эпох.

Разработка проблем архаичной лексики является подспорьем в изучении вопросов истории языка, исторической лексикологии, грамматики, диалектологии, стилистики. В архаичной лексике сохранились оригинальные термины материальной и духовной культуры. На данном этапе они перешли в пассивный словарный фонд. Все это отражает и диалектные особенности хакасского языка.

Свидетельством отмеченного факта является отсутствие единого общепринятого термина для обозначения устаревшей языковой единицы. А также различия в смысловом наполнении понятий «архаизм» и «историзм». Одни исследователи любую устаревшую единицу языка именуют архаизмом. Другие ученые считают необходимым разграничивать архаизмы на два типа: первый тип архаизмов – слова, обозначающие устаревшие предметы и понятия; второй тип архаизмов – единицы, существующие параллельно

но с другими, активными словами, обозначающими те же предметы и понятия. Третья группа исследователей вообще не используют термины «архаизм» и «историзм», употребляя лишь наименование «устаревшие единицы языка».

Н. М. Шанский среди архаизмов выделяет следующие подгруппы: 1) архаизмы-слова (лексические архаизмы); 2) архаизмы-значения (лексико-семантические); 3) архаизмы-формы (лексико-фонетические) [Шанский 1954: 29].

Наиболее точное деление историзмов и архаизмов по ряду их особенностей определила З. Ф. Белянская. По ее мнению, «1) историзмы – это слова, обозначающие предметы, явления, понятия, ушедшие из обихода народа, общества, в то время как архаизмы – это слова, обозначающие явления и понятия, которые бытуют, являются жизненно важными и в настоящее время получили другое наименование; 2) историзмы являются единственными названиями исчезнувших предметов и явлений действительности и выполняют главным образом номинативную функцию. Архаизмы же не являются единственными названиями соответствующих понятий и используются в языке как важное стилистическое средство; 3) историзмы не имеют параллелей в современном русском языке, а архаизмы имеют синонимы» [Белянская 1978: 23].

Устаревшие слова, взятые из исторической поэмы Л. Р. Кызласова «Сампир» мы анализировали в лексикографическом плане, исследовали по толковым и этимологическим словарям, по словарю устаревшей лексики.

Вопросы архаизации слов, степени их устарелости, причин устаревания издавна интересовали ученых-лингвистов. Интенсивное изучение устаревшей лексики тюркских языков начинается в 1950–1960-е годы. Тюркологи, в основном, следуют в русле достижений индоевропейского, в частности, русского языкознания. Поэтому теоретической базой, на которую опирался автор при написании статьи, стали труды Л. Ш. Арсланова, Н. А. Баскакова, З. Ф. Белянской, Р. А. Будагова, М. З. Закиева, Ю. С. Маслова, А. Махмутова, К. М. Мусаева, Р. А. Юсупова и других.

Устаревшим словам в тюркологии посвящены ряд монографических работ и статей.

Различные стороны устаревшей лексики затрагивают в своих работах в киргизском Б. М. Юнусалиев, в татарском – М. З. Закиев, Р. А. Юсупов, Р. Г. Ахметьянов, Ф. С. Баязитова, А. С. Зинина, в карачаево-балкарском – И. М. Отаров, на примере средневековых тюркских письменных памятников – Э. Н. Наджип и др.

Что касается хакасского языка, то проблемам лексики, в том числе и устаревшей, посвятили свои работы Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, О. В. Субракова, М. И. Боргояков, З. И. Султрекова [Баскаков, Инкижекова-Грекул

1953, Субракова 2007, Боргояков 1973, Султрекова 2013].

Некоторые устаревшие слова с пометой «уст», «ист» помещены в Хакасско-русском словаре [ХРС 2006]. Понятие «устаревшая лексика», несмотря на традиционность используемого наименования, относится к числу достаточно дискуссионных. Ярким свидетельством отмеченного факта является отсутствие единого общепринятого термина для обозначения устаревшей языковой единицы, а также различия в смысловом наполнении понятий «архаизм» и «историзм». Термин «историзм», как и термин «архаизм», в научной литературе трактуется по-разному. Одни исследователи рассматривают историзмы как самостоятельный лексико-семантический разряд устаревших слов, другие – как разновидность архаизмов [Клюева 1962]

Основными критериями выделения из словарного фонда устаревшей и устаревающей лексики хакасского языка для нас послужили: «1) употребительность, 2) понятность и 3) впечатление устарелости». Следуя лингвистическим словарям, употребительность мы понимаем исходя из того, какую функциональную нагрузку в языке несет то или иное слово; под понятностью имеем в виду пригодность (применяемость) слова для общения; под впечатлением устарелости подразумеваем нечастотность употребления того или иного слова.

Язык и традиционная культура являются основными показателями национальной самобытности хакасского народа. Однако в последние десятилетия в нашем изменяющемся мире лексика хакасского языка интенсивно теряет в своем количественном и качественном отношениях. Возможно, это связано с новой реальностью, новыми отношениями носителей языка с окружающим миром. Но для развития языка носителям хакасского языка необходимо хотя бы минимально сохранить показатели национальной самобытности – лексику. Наше исследование показывает, что многие устаревшие и устаревающие слова активно функционируют в других тюркских языках и, наоборот, активно функционирующие в хакасском языке – устаревают в других родственных языках.

Мы считаем, что использованные нами критерии: употребительность, понятность и впечатление устарелости – позволили нам наиболее точно выделить из словарного состава устаревшие и устаревающие слова. Классифицируя историзмы и архаизмы по времени их активного употребления, мы обращали внимание прежде всего на частотность употребления их в минувшие эпохи.

Язык развивается, изменяется и совершенствуется с развитием общества. Хотя язык, переживший определенные исторические периоды, не сильно меняется грамматически или морфологически, он меняется лексически. Активно употреблявшаяся в то время лексика устаревает

под влиянием времени. Слова из других языков вытесняют старые слова. Старые слова, исчезнувшие из языка, живут в произведениях искусства, фольклоре, а также диалектах.

В исторических произведениях широко обращаются к историзмам и архаизмам, которые призваны описать определенную эпоху или речевые особенности языка персонажей.

Мы извлекли их из исторической поэмы Л. Р. Кызласова «Сампир».

Лексические архаизмы. Устаревшие слова, на смену которым пришли слова с другими корнями: «албан» ист. 1) *подать, дань (тöлег)*; 2) перен. уст. *мальчик* [ХРС 2006: 51]. Слово монгольского происхождения, ср. п.- монг. *alban*, калм. *алвн* «*служба, повинность; налог, подать*», бур. *алба(н)* «*служба, налог, подать, повинность*». Из монгольского происходят алт., хак., шор., кюэр. *alban* «*подать, дань*» [Аникин 2000: 82]. *Аснаң, итнең, аң теерілерінең албан* [Сампир 2002:12] – *Дань платит зерном и мясом* [Сампир 1994: 11]. В настоящее время хакасском языке слово «албан» в речи носителей языка иногда употребляется в значении «налог».

«Пиг» – 1) *Кнес полчатхан кізі. – уст. Господин, чиновник, начальник* 2) *Улуг чоннаң устачатхан кізі. – Хан, князь* [ТСХЯ-I 2020: 468-469]. 1) *чиновник; 2) хан, господин, князь; 3) начальник, высший чин* [ХРС 2006: 358]. *Ікі ле соган тегілектерге кірген: Тулгү пигниң, Сампирниң соганы* [Сампир 2002: 29] – *Две стрелы достигли цели: Тюлгю-бега и Сампира* (Сампир 1994: 24). Сейчас это слово можно услышать в разговорной речи носителей хакасского языка в значении «начальник». *Амгы туста пиглер удаа табыл ла парчалар. – Сейчас начальники часто находятся* (разг.).

«Хуйах» – *панцирь, щит (арачыланчаң тиріг)* [ХРС 2006: 859]. 1) *Теердең иділген арачыланчаң тиріг. – ист. Куйак (щит из сыромятной кожи).* 2) *Чаачының көксін чаа тиріглерінең арачылапчатхан тимірдең иділген көгенек. – фольк. Доспехи, панцирь, кольчуга, латы; броня* [ТСХЯ-II 2023: 510]. *Тимір хуйахтарны өтіре, аргаларына соганнар кіртір* [Сампир 2002: 34] – *Исквозь ратные доспехи в спинах их торчали стрелы* (Сампир 1994: 31); *Хайзы пугалар теерізінең хуйах алтына кизер кип тіккен* [Сампир 2002: 42] – *Некоторые из кожи быков изготавливали одежду для надевания под панцирь.* В разговорной речи носителей хакасского языка теперь можно услышать слово «хуйах» в том же значении «щит».

«Хул» – *раб, невольник; батрак (пазындырыста чөрчең кізі)* [ХРС 2006: 860]. 1) *Пасха кізее пазындырчатхан кізі; пай кізінін ибінде тогынчатхан паза чыхыглар толдырчатхан тогынчы. – Раб, невольник; батрак.* 2) *Пазынысха кір парганы. – Неволя, рабство* [ТСХЯ-II 2023: 513]. *Стенелерде турган чарытхылары иб істін көрчең хуллар тамысча* [Сампир

2002: 18]. – *И светильники на стенах зажигает раб дворцовый* (Сампир 1994: 14). *Олгенче аар хул тогызы* [Сампир 2002: 50]. – *Рабский труд до изнеможенья* (Сампир 1994: 47).

«Саадах» – колчан [ХРС 2006: 48] (*соган-нар сухчаң хап*). *Тостаң, тууптаң алай агастаң иткен соган сухчаң хапчых*. – *Налучник, колчан, футляр для лука* [ТСХЯ-II 2023: 12]. *Толдыра соганның саадах аңчының чарнында полган* [Сампир 2002: 37] – *Колчан набитый стрелами висел на боку охотника* (перевод автора).

«Портага» – 1) небольшое деревянное ведро для молока; подойник; 2) небольшой бочонок для вина (айранной водки) [ХРС 2006: 382]. *Арагалыг портагалары андох* [Сампир 2002: 24]. – *Бочонок для вина там же* (перевод автора).

Семантические архаизмы. Здесь при сохранении самих слов устаревает их значение. Например, слово «пайзаң» раньше означало «дворец». Но его значение «дворец» стало архаичным. *Пайзаң ибнің алнында ах-ой аттыг чалаң турыбысхан* [Сампир 2002: 47] – *Перед дворцом на бело-сивом коне всадник остановился* (перевод автора).

«Алачык» – конусообразный шалаш (в таких шалашах жили когда-то хакасы) [Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953: 22]; 1) ист. *алачык* (летнее хакасское жилище конусообразной формы, строилось из жердей, снаружи покрывалось берестой или кошмой); 2) этн. *алачык, временный свадебный шалаш* (символизирующий жилище молодых; туда садили невесту и клали свадебные подарки) [ХРС 2006: 51]. *Алачык «род летней жилой постройки у некоторых коренных народов Сибири»*. Из аналогичных тюркских источников происходит литер. *лачуга, оренб. алачуга* «строение среди двора у чувашей и татар для приготовления пищи» [Аникин 2000: 81-82]. *Тас Ирбен пөзік хорымда алачык отахта чуртаптыр* [Сампир 2002: 64]. – *Тас Ирбен жил в алачыке на высоком холме* (перевод автора). В настоящее время лексема означает временное легкое сооружение конусообразной формы для отдыха в лесу или на поляне (шалаш).

«Орда» основное значение «ханнның чурты, ӧргезі, пайзаңы» – «ставка хана, дворец» [ТСХЯ-I 2020: 406]. Это слово «заимствовано в эпоху Золотой Орды из тюрк. (кыпч.) источника типа *orda* «союз племен; войско; стан, лагерь, ср. казах., ног. *orda* ханская ставка;...» [Аникин 2000: 427]. *Ана іди кинетін не кірібіскеннер көс чӧрчеткен чоннарның ордалары* [Сампир 2002: 14]. – *Так нахлынули однажды кочевых племен ватаги* [Сампир 1994: 12]. *Ол ордалар анда тохтабысханнар* [Сампир 2002: 14]. – *Там тогда они осели* [Сампир 1994: 12]. В настоящее время это слово также имеет значение: Логово, место сосредоточения кого-л., чего-л.; чылан ордазы «змеинное гнездо» [Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953: 129].

Лексико-фонетические архаизмы. Слова, имеющие в своем фонетическом облике несвойственный современному произношению звук или сочетание звуков. Как и в других областях языка, звуковой строй с течением времени претерпевает различные фонетические изменения. При

этом используются их старые формы в виде лексико-фонетического архаизма. Например: «алгымын» – аллыг «широкий, просторный» [ХРС 2006: 53-55].

«Сібее» (*sivee*) – *Бырчыдаң арачыланып, чазынарга ӧнетін иткен пүдіріг*. – *Крепость, укрепленный пункт, укрепление (для обороны в военных действиях)* [ТСХЯ-II 2023: 74]. *Сібее істі халын харда чатхан, ибіре хулах туныстыг амыр* [Сампир 2002: 72]. – *Крепостной двор белым снегом весь усыпан. Тихо, тихо* [Сампир 1994: 73]. *Сібеедегілер пір дее пиринминче*. – *Кӧп үрег ағылча хакастарга* [Сампир 2002: 78]. – *В крепости оставшиеся не сдаются*. – *Много жертв несут хакасы* (Сампир 1994: 82) «Сібее» также используется в значении «ограждение, ограда». *Сібее ибіре пастырарга*. – *Идти вокруг ограждения* (перевод автора).

Лексико-грамматические архаизмы. Слова, сохранившие свою древнюю форму с точки зрения грамматической формы и словообразования. В современном хакасском языке слова претерпели определенные грамматические изменения. Их старая форма также может встречаться, не исчезая очень быстро. Например, «күрүспек» – *күпсек мягкий, пышный (нымзах, килкім)* [ТСХЯ-I 2020: 290]. *Паарларында сылагай тігеннер күрүспек хар ӧтіре харалча* [Сампир 2002: 51] – *Под горами высокие ели среди пышного снега темнеют* (перевод автора).

Грамматические архаизмы. Слова, значения которых остались в современном языке. Однако, сегодня эти слова либо образуются по другим словообразовательным моделям, либо имеют другую грамматическую форму. Например, «сасхылар» – *копья; ср. чыда; сасхынаң сазызарга сражаться на копьях* [ХРС 2006: 453]. *Соонаң сасхыларын кӧдірген пазындагы чаачылар парча* [Сампир 2002: 51]. – *Потом, поднявши копья, передние воины идут*. В современном хакасском языке лексема «сасхы» означает: *Устыг, нинче-де азыр тістіг палых тутчаң тиріг*. – *Острый, с несколькими зубьями инструмент для ловли рыбы*. – *Острога. Хортыны сасхынаң хаптыртыр* – *Налима острогой пронзил* [ТСХЯ-II 2023: 54].

«Сӧзірткілер» – *волокуши* [ХРС 2006: 503] *от сӧзірерге (волочить)*. *Иң соонда соорлар, сӧзірткілер ас-тамахтыг, чаа тирігліг* [Сампир 2002: 51]. – *Позади ползли обозы с провиантом, снаряженьем* (Сампир 1994: 49). Лексема «сӧзірткі» означает: 1) *Тал агастың салааларынан иділген от тартчаң салачы*. – *Волокуша*. 2) *Трактор алай машина соона ілдіріп, ние-ноо тартчаң тартхыс*. – *Прицеп. Сӧзірткее көмес толбас харатас ағыл пиртірлер* – *На не полном прицепе уголь привезли* [ТСХЯ-II 2023: 102].

«Тиспек» – *иней на березе*. *Ол тиспекті көріп, пастары айланыбысханнар* [Сампир 2002: 67] – *Увидевши этот иней, головы закружились*. Это слово нам также удалось обнаружить в речи носителя сагайского диалекта хакасского языка Домогашевой Зинаиды (с. Верх-Аскиз Аскизского района РХ). *Хазыңның салаазында тиспектер чыыл партыр* (информант Домогашева З.) –

На ветке березы образовались капли инея (перевод автора).

Таким образом, в хакасском языке архаизируются слова, отражающие религиозное и традиционное мировоззрение, традиционные виды деятельности. Данные лексемы можно считать вышедшими из употребления.

Выводы. Исследование архаизмов в исторической поэме показало, что в составе архаичной лексики обнаруживаются общетюркские, древнетюркские, собственно-хакасские пласты, также заимствования из монгольского языка, это можно связать с историей народа. Выявленные

архаизмы дали возможность классифицировать их по пяти вышеназванным лексико-семантическим и лексико-грамматическим группам. Также семантический анализ архаизмов показал, что значения рассмотренных слов подверглись сужению (утрате некоторых значений) и расширению семантического объема слова (приобретению дополнительных, в основном, метафорических значений). Таким образом, современный хакасский язык имеет богатый пассивный словарный запас, в котором хранятся слова материальной и духовной культуры хакасов.

Список литературы

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- Баскаков, Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. «Хакасско-русский словарь». Москва: 1953. С. 391–392.
- Белянская З. Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы) / Автореф. дис. канд. филол. наук. 1978. 20 с.
- Боргояков, М. И. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973. С. 109–135.
- Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. Москва: Учпедгиз, 1962. 344 с.
- Кызласов Л. Р. Сампир. Историческая поэма. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1994. 112 с.
- Кызласов Л. Р. Сампир. Историческая поэма (на хакасском языке). Абакан: отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО «Роса», 2002. 92 с.
- Скрябина А. А., Чиркочева Д. И. Архаическая лексика в якутских народных преданиях // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4 (37). С. 87–95.
- Субракова, О. В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Султрекова З. И. Хакас тілінің иргілен парған паза тиксі тузаланылбинчатхан сөстернің хысхачах сөстігі. Ақбан: Хакас кн. изд-во, 2013. 158 с.
- ТСХЯ-I – Толковый словарь хакасского языка=Хакас тілінің чарыдығылыг сөстігі. Более 5000 слов. Том I. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. 608 с.
- ТСХЯ-II – Толковый словарь хакасского языка=Хакас тілінің чарыдығылыг сөстігі. Более 5000 слов. Том II. С.-Я. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2023. 736 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстік. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Шанский Н. М. Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1954. № 3. С. 27–33.

УДК 398.2

Е. С. Торокова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

КНЯЗЬ ОЧЕН-ПИГ (ӨЧЕҢ-ПИГ) В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ХАКАСОВ

В статье рассмотрены варианты предания о князе Очен-пиге, записанные от известных и малоизвестных сказителей. Сопоставительный метод в исследовании текстов позволил выявить ареалы распространения сюжета предания в различных районах Хакасии. Было установлено, что предание имеет две версии. Первая версия встречается на севере Хакасии и в неё входят также предания, записанные как предания о князьях Таар-пиге, Оспа-пиге и военачальнике Тасха-матьере. Вторая версия предания встречается на юге Хакасии. Были изучены предания, в которых князь Очен-пиг является второстепенным персонажем.

Ключевые слова: хакасский фольклор, несказочная проза, ареальные исследования, П. В. Курбижеков, С. П. Кадышев, М. К. Добров.

E. S. Torokova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

PRINCE OCHEN-BEK IN THE HISTORICAL LEGENDS OF THE KHAKAS

The article considers variants of the legend about Prince Ochen-bek, recorded from famous and little-known storytellers. A comparative study of the texts made it possible to identify the areas of distribution of the legend's plot in various regions of Khakassia. It is found that legend has two versions. The first version is found in the north of Khakassia and it also includes legends recorded as legends about the princes Taar-bek, Ospa-bek and the military commander Taskha-batyr. The second version of the legend is found in the south of Khakassia. Legends have been studied in which Prince Ochen-bek is a minor character.

Keywords: Khakass folklore, non-tale prose, areal studies, P. V. Kurbizhekov, S. P. Kadyshchev, M. K. Dobrov.

Князь Очен-*ниг* (Өчең-пиг) является одним из самых известных персонажей хакасских исторических преданий и по популярности уступает только князю Ханза-*нигу* (Хаңза-пиг). Об этом свидетельствуют записи преданий об этих героях, зафиксированные среди разных локальных групп хакасов.

Хакасские ученые, исследовавшие предания об Очен-*ниге*, отмечали, что носители фольклора создали целый цикл преданий *кип-чоохов* о нем. По мнению М. А. Унгвицкой, «эти предания складывались на протяжении ряда столетий с XIII по XVII-й век» [Унгвицкая, Майногашева 1972: 146]. Этнографы В. Я. и И. И. Бутанаевы в своих работах отождествляли Оджен-бега (Өчең-пиг) с известным кыргызским князем Еренаком Ишеевым [Бутанаева 2000: 126; Бутанаев, Бутанаева 2001: 90; Бутанаев 2006: 5]. Согласно их исследованиям, предания о князе могли быть созданы в XVII-XVIII вв. В это время предки хакасов – енисейские кыргызы – находились в подчинении монгольских ханов (в исторических преданиях представлен их собирательный образ под именем Моол-хан – Е.Т.).

В исторических преданиях князь Очен-*ниг* является одним из главных героев или упоминается как второстепенный персонаж. Как главный герой князь представлен в одноименном предании «Өчең-пиг» / «Ўчең-пиг». Сопоставительный анализ вариантов текстов показал наличие двух версий данного предания: первая записана в Ширинском и Орджоникидзевском районах Республики Хакасия, вторая – в Усть-Абаканском, Алтайском, Аскизском и Таштыпском районах.

Наибольшее количество записанных вариантов предания о князе Очен-*ниге* приходится на первую версию, они были распространены среди хакасов, живущих в долине рек Белый и Черный Июсы. Некоторые его варианты записывались под названиями «Таар-*ниг*», «Оспа-*ниг*», «Тасха-*матыр*», поскольку эти персонажи также являются одними из главных действующих лиц в преданиях, относящихся к первой версии.

В содержании предания о князе Очен-*ниге* упоминаются его предшественники – кыргызские князья Таар-*ниг* и Оспа-*ниг*. Все они показаны данниками Моол-хана, которые каждые три года возят ему ясак, состоящий из шкур пушных зверей. Владения этих князей расположены в бассейне рек Белый и Черный Июсы. Поселение-*аал* князя Таар-*нига* находилось на берегу реки Белый Июс под горой *Тарба-таг* (рус. Б. М. Тарбиг), а его воин Оспа, будущий князь Оспа-*ниг*, вместе со своим братом жил под горой Оспа (рус. Ашпа). Их наследник Очен-*ниг* основал свое поселение-*аал* Очых-гас. Туда на службу стали приезжать все лучшие воины-*матыры*, в том числе Тасха-*матыр*.

В начале предания острая и непримиримая конфликтная ситуация между князем Тар-*нигом*

и его воином Оспа приводит к убийству первого и избранию второго князем на место его кровного врага. В повествовании истории жизни князя Очен-*нига* отдельную сюжетную линию составляет рассказ о его военачальнике Тасха-*матыре*.

Среди всех вариантов первой версии наиболее полным представляется вариант В. П. Курбижекова, записанный и опубликованный под названием «Тасха Матыр» [Тасха Матыр 1964].

В предании князь Очен-*ниг* (Ўчең-пиг) показан приемным сыном Оспа-*нига*, о его происхождении ничего неизвестно, только отмечается, что он уже в детстве показал себя смышленным ребенком. Чтобы стать князем, мальчик прибегает к хитрости: по пути к Моол-хану он ставит тамгу-ножницы и тамгу-полукольцо на спину и на бедро своему ничего не подозревающему отцу и уже в ставке монгольского хана утверждает, что князь Оспа-*ниг* передал ему свою власть. Далее он с хитростью женится на дочери Моол-хана (в вариантах он увозит ее насильно на свою родину).

В предании говорится, что правление князя Очен-*нига* было жестоким: нарушение установленных им законов каралось смертью. Из-за такого сурового закона Тасха-*матыр* был вынужден уехать за пределы княжества и много лет скитаться по чужим землям. С его возвращением князь Очен-*ниг* начинает верить в непобедимость своего войска. Эта убежденность толкает его к войне с Моол-ханом.

Согласно первой версии преданий, причина военного похода Очен-*нига* – его желание отобрать жену-красавицу у своего шурина, сына Моол-хана. Как известно, Очен-*ниг* был зятем хану, и Моол-хан был родным дедом его сына Сапа (Шапа). Видимо, это обстоятельство подтолкнуло создателей предания дать такое объяснение войне между родственниками. В вариантах Очен-*ниг* показан многоженцем и любителем женщин.

В варианте Курбижекова дается мифологическое объяснение причины поражения войск Очен-*нига*. Невестка Моол-хана является духом-хозяйкой воды. Ночью она делает сухопутный проход к острову, где Очен-*ниг* расположил свой военный лагерь. Благодаря ей воины Моол-хана смогли незаметно украсть боевых коней и сломать стрелы и луки его воинов, и после этого все войско хана напало на спящих людей князя. Этот приведший к победе Моол-хана военный прием – увод боевых коней главных противников, порча военной амуниции – встречается во всех вариантах. Тем самым утверждается главная мысль, что князь Очен-*ниг*, его сын и остальные воины погибли в неравном бою. В этой битве смог спастись только один воин Ольбезек-*матыр*, от него люди узнали о последнем походе князя Очен-*нига*, о том, как умерли сам князь, его сын и Тасха-*матыр*.

Во всех вариантах, в том числе в варианте Курбижекова, жена князя, дочь Моол-хана, уезжает к себе на родину, и дочь (или сын) *Очен-нига* воспитывается своим дедом Моол-ханом. В предании сказители приводят плач жены *Очен-нига* по нему (или по сыну Сапу). В текстах, где женщина оплакивает погибшего сына, она ругает своего мужа. Таким образом, в первой версии предания военный поход князя *Очен-нига* осуждается народом, который после уничтожения войска оказался беззащитным перед внешними врагами [Несказочная проза хакасов 2016: 228–239].

Предания первой версии были исследованы хакасской фольклористкой М. А. Унгвицкой в коллективной монографии, посвященной жанрам хакасского фольклора [Унгвицкая, Майногашева 1972: 146–156]. В разделе «Героико-исторический эпос *кип-чоох* монгольско-джунгарских завоеваний (XIII–XVII)» она отметила наличие трёх вариантов предания о князе *Очен-ниге*, записанных от М. К. Доброва и С. П. Кадышева. Однако весь её анализ сюжета и главных образов героев предания был построен на одной лишь рукописи, записанной Ст. Балахчиным от М. К. Доброва в поэтическом переложении в 1940–1941 гг. [РФ ХакНИИЯЛИ. Д. 30]. Такой ее выбор вызван тем, что в отличие от всех остальных вариантов первой версии здесь причиной войны князя *Очен-нига* против Моол-хана стало его нежелание платить ясак после того, как он породнился с ханом, женившись на его дочери.

Если в Ширинском и Орджоникидзевском районах предание о князе *Очен-ниге* имеет однообразный сюжет, различаясь лишь в отдельных деталях, а основные события и персонажи остаются едиными, то в остальных районах, примыкающих к бассейну реки Абакан, варианты преданий о нем очень разнообразны и состоят из привнесенных из других преданий сюжетов или эпизодов. Поэтому лишь в нескольких вариантах упоминается, что князь *Очен-ниг* жил у реки Белый Июс или реки Ерба, а в большинстве текстов он уже представлен местным, “своим”.

Во второй версии преданий о князе *Очен-ниге* в отличие от первой версии нет ни истории о князьях, его предшественниках, ни рассказа о его детстве. Исключением может быть только один вариант предания, записанный и опубликованный В. Я. Бутанаевым, поскольку здесь упоминаются персонажи, встречающиеся в первой и во второй версиях [Чирим 1980: 40–52]. В этом варианте ничего не говорится о князе *Тар-ниге*, а главный герой показан младшим сыном *Оспа-нига* и, чтобы стать князем, он проделывает ту же хитрость, что в преданиях первой версии. Здесь нет никакой информации о его воинах, а *Тасха-матыр* появляется в двух эпизодах, не имеющих никакого влияния на ход развития сюжета.

Надо сказать, что во второй версии предания появляется новый персонаж по имени Айоска,

друг или доверенный человек *Очен-нига*. В преданиях, где он упоминается, как правило, говорится о двух браках князя. В первый раз он женат на дочери Моол-хана. По наущению Айоски князь убивает свою первую жену, приревновав ее к своему брату или воину-*матыру*, а Айоска, уговорив вдову убитого, убегает с ней на р. Качу (в Красноярский острог – Е.Т.). Во второй раз *Очен-ниг* женится на местной девушке. Если сын, рожденный от дочери Моол-хана, погибает вместе с отцом на войне, то сыновья от второй жены остаются на своей земле и дают отпор набегам воинов Моол-хана. В конце предания хан вынужден заключить с ними мирное соглашение.

Как мы видим, во второй версии предание существенно переосмыслено его носителями. Если в первой версии после гибели *Очен-нига* на его родине не остается наследников, то во второй версии, напротив, утверждается мысль о том, что некоторые хакасские *сеоки*-роды происходят от сыновей *Очен-нига*.

В этих вариантах основное внимание уделено вопросу сохранения мира, что представляется возможным только если обе стороны имеют равные силы. С этих позиций в тексты вносится другая причина похода *Очен-нига* с войной на Моол-хана. Он сватает дочь Моол-хана за своего сына, после свадебного торжества люди хана или сам хан сопровождают молодоженов, возвращающихся домой. В пути они делают небольшую остановку, во время которой устраивают соревнования в беге между конями *Очен-нига* и Моол-хана. Выиграв, люди хана насмеваются над проигравшим конем и его хозяином. Когда *Очен-ниг* узнает об этом, то идет с войной на Моол-хана. Причина поражения его войска такая же, как в вариантах первой версии. После гибели князя его враги совершают набег на его землю и угоняют с собой народ.

Далее сюжет предания дополняется рассказом о сыновьях *Очен-нига*, которые родились от жены князя, сбежавшей и спрятавшейся от захватчиков в пещере. Братьев-близнецов в вариантах предания зовут Сибичек и Сибдейек или Чабыйях и Чабычах. Надо сказать, что в Ширинском и Орджоникидзевском районах этот сюжет о братьях-близнецах известен под названием «Сыба и Сыгда», здесь он существует как самостоятельный сюжет и не связан с преданием «*Очен-пиг*». Во всех текстах рассказывается, как братья метко стреляют из лука и наводят страх на врагов. Моол-хан понимает, что его воинам не победить их, а потому заключает мир с ними.

Таким образом, главная идея в данных вариантах предания – несмотря на войну и угон народа, на этой земле остаются жить потомки *Очен-нига*. Иногда в этих преданиях об их отце-князе говорится совсем мало, и все внимание сосредоточено на детях и их матери. Примером такого текста может быть предание, опубликованное

под названием “Сибечекнең Сибдейек” [Хакасский фольклор 1941: 2–11]. При его повторной публикации составитель сделал редакторские правки: князя Очен-*нига* сделал воином по имени Очен Матр, князя Ояң-*нига* заменил на воина Тасхачах Матра, жену князя Кўнари назвал другим именем Кўн Арығ, а само произведение разделил на три разные предания: «Очен Матр», «Кўн Арығ», «Сибечекнең Сибдейек» [Хакас чонының нымахтары 1956: 8–17]. Эти переизданные три текста были изучены М. А. Унгвицкой [Унгвицкая, Майногашева 1972: 161–167].

Таким образом, во второй версии преданий о князе Очен-*ниге* основным лейтмотивом звучит желание достичь мирной жизни, недопущение войны и набегов со стороны внешних врагов.

Князь Очен-*ниг* как второстепенный персонаж встречается в исторических преданиях, записанных в бассейне реки Абакан. В этих преданиях, кроме него, также упоминаются имена других кыргызских князей [Чирім тамырлары 1982: 62–67].

Имя князя Очен-*нига* сохранилось среди народа, оно иногда встречается в одноименных преданиях, сюжеты которых не связаны с сюжетами о самом князе и были созданы позже них. Например, в одноименном предании «Очен пиг»,

записанном в Аскизском районе, говорится, что у князя Очен-*ниг* было три сына: Ёс Пачых, Аба-чач, Сора (в других вариантах Ханза-*ниг*). Упомянутые в нем Сора, Ханза-*ниг* имеют исторических прототипов, и их появление в фольклоре хакасов стало возможным в XVIII веке. В вариантах предания Моол-хан присылает князю разные задания, выполнение которых требует наличие большой физической силы и ума. Князь понимает, что если он или его люди не справятся с заданием, то Моол-хан придет с войной. Выпы-тывание сил противника через трудные задачи, как прием хитрости, встречается в фольклоре многих тюркских народов. В хакасских преданиях он присутствует в сюжетах об Амыр-Саране, Халдаме, Соре, историческими прототипами которых являются ойратские правители [Бу-танаев, Бутанаева 2000: 313–317].

Таким образом, одноименное историческое предание о князе Очен-*ниге* среди хакасов известно в двух версиях. Во второй версии, распространенной в долине реки Абакан, герой выступает защитником и патриотом своей земли. Именно эта его черта привлекала внимание носителей фольклора и послужила появлению персонажа Очен-*нига* в преданиях, созданных в разные исторические периоды.

Список литературы

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасские сказания об ойратских правителях (XVIII в.) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология: Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 367 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан: Изд-во Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, 2001. 148 с.

Бутанаев В. Я. Еренак // Сказания о великом князе Еренак / Авт-сост. В. Я. Бутанаев. Абакан, 2006. С. 5–16.

Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор: опыт историко-этнографического анализа: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07. Новосибирск, 2000. 24 с.

Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.

Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1972. 311 с.

Хакас чонының нымахтары / В. Доможаков тимнеен. Абакан, 1956. 156 с.

Хакасский фольклор. № 1. – Абакан, 1941. 168 с. (На хакас. яз.).

Чирім тамырлары: хакас кип-чоохтары / Тимнееннер В. Я. паза И. И. Бутанаевтер. – Ағбан: Хызылчар книга изд-возының Хакасиядағы пөлігі, 1982. 99 с.

УДК 811.512

М. Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

ХАКАССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЕ³¹

Статья посвящена описанию хакасско-монгольских лексических соответствий, объединённых в одну лексико-семантическую группу на основе общей категориальной семы «выражение мыслительных действий, состояний и способностей». При характерной им малочисленности и многозначности они обладают словообразовательными возможностями и способны покрывать все необходимые ментальные понятия. По нашим сведениям, имеется более 20 разноуровневых слов с мотивирующими основами – хакасско-монгольских параллелей (глаголов, существительных, прилагательных, наречий). Как показывает анализ семантической структуры данных лексем, при общности исходной семантики их вторичные значения расходятся.

³¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-20062, <https://rscf.ru/project/24-28-20062/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

KHAKASS-MONGOLIAN LEXICAL CORRESPONDENCES IN THE MENTAL SPHERE³²

The article is devoted to the description of Khakass-Mongolian lexical correspondences, united into one lexical-semantic group based on the general categorical seme “expression of mental actions, states, and abilities”. With their characteristic small number and polysemy, they have word-forming capabilities and are able to cover all the necessary mental concepts. According to our information, there are more than 20 multi-level words with motivating bases – Khakass-Mongolian parallels (verbs, nouns, adjectives, adverbs). As an analysis of the semantic structure of these lexemes shows, while the initial semantics are common, their secondary meanings diverge.

Keywords: Khakass language, Mongolian language, lexical correspondences, mental vocabulary, semantics.

Ментальная функция является одной из важнейших и базовых направлений в жизнедеятельности любого человека и, в целом, нации. Соответственно, различные аспекты данной сферы получают отражение в языке. Тем самым исследование различных способностей, возможностей и функций человека через языковые данные стоит в ряду актуальных теоретических и прикладных вопросов языкознания. Под ментальной лексикой мы понимаем определенный пласт лексики, выражающий ментальное (умственное) состояние, мыслительную деятельность и характеристику ментальных способностей и возможностей человека. Тем самым понятие «ментальность» представляет собой одну из форм проявления антропоцентризма, которая указывает на «национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этноязыковым сообществом в целом» [Омельченко 2006: 2]. В хакасском языке, как и в других тюркских языках, границы ментального поля не имеют чётких границ, что связано с полисемантической его единицей. Многие обозначения ментальных аспектов пересекаются в одних и тех же семантических структурах.

Цель нашей статьи – выявление и описание хакасско-монгольских лексических соответствий различного уровня с функционально-семантической точки зрения. Под хакасско-монгольскими лексическими соответствиями мы понимаем лексемы, бытующие в хакасском и монгольском языках, имеющие общую исходную семантику и один корень с возможными фонетическими изменениями в основе. Оставляя за рамками обсуждения вопросы происхождения / исконности данных лексических параллелей, а также критерии их выделения, мы ставим задачу представления материала и рассмотрения их лексико-семантического содержания. Материалом для исследования послужили более 20 равноуровневых слов с мотивирующими основами –

хакасско-монгольских параллелей (глаголов, существительных, прилагательных, наречий), объединённых в одно лексико-семантическую группу на основе общей категориальной семы «выражение мыслительных действий, состояний и способностей». По сути, это производные слова, семантизация и функционирование которых осуществляется при помощи словообразовательных показателей.

Как известно, ментальная (мыслительная) способность человека оценивается по убывающей / возрастающей последовательности: умный – не очень умный – глупый. Сюда относятся хакасско-монгольские лексические параллели, характеризующие человека. Однако в их семантической структуре иногда происходят незначительные сдвиги, например, в хакасском языке лексема *мирген* обозначает положительные физические качества человека: *мирген* 1. 1) *прям.* и *перен.* меткий; *мирген атыгчы* меткий стрелок; *мирген сөс* меткое слово; 2) ловкий, проворный; *мирген оол* ловкий парень; 1) метко {...}; 2) ловко, проворно; 3. *фолькл.* компонент собств. имени в сказаниях; *Ай Мирген* Ай Мирген [ХРС 2006: 247].

В монгольском же языке лексема *мэргэн* имеет аналогичное же исходное значение, однако вторичное значение уводит данное слово в ментальную сферу: *мэргэн* 1. чемпион по стрельбе из лука, меткий стрелок; *харваач үгүйд мэргэн олон, бөх-чүүд үгүйд барилдаач олон цэцэн.* когда нет стрелков из лука, всегда находится много «знатоков» в стрельбе, когда нет борцов, всегда много «знатоков» в борьбе; 2. 1) мудрый, прозорливый, способный; *ой мэргэн* мудрый; *оновчтой мэргэн* хорш. разумный, мудрый; *суут мэргэн* гениальный; *үгд мэргэн* красноречивый, остроумный; *цэцэн мэргэн* хорш. мудрый; *эрдэмтэн мэргэн* хорш. учёный; *мэргэн арга* остроумный способ; *мэргэн билэг* мудрость [БАМРС 2001: 255].

Синонимичная лексема *чичең* в хакасском языке получила переносное значение, не связанное с ментальностью: *чичең* 1. 1) *прям.* и *перен.*

³² The research was supported by the Russian Science Foundation grant №24-28-20062, <https://rscf.ru/project/24-28-20062/> with equal financial support from the Government of the Republic of Khakassia

меткий, образный, красноречивый; *чичең сөстөр* образные (крылатые) слова; 2) франтоватый, щегольской; ср. *чикчең чичең оол* франтоватый парень, франт; 2. 1) метко, образно, красноречиво; *чичең чоохтыг* умеющий рассказывать образно; *чичең чоохтанарга* говорить метко (образно); 2) кокетливо; красиво, изыскано; *чичең нас чөбрерге* ходить кокетливо; *чичең тонан салтыр одет* изысканно (щеголеват) [ХРС 2006: 974]. За кызыльским вариантом омонимичной лексемы, видимо, вследствие возрастания частоты употребления закрепилось вторичное значения при утрате конкретной исходной денотации: *чичен* II кыз. смысленный, способный; *хызыллар ыр ырлирга, ныхмах ызарга чичен чон* кызыльцы песни петь, сказки сказывать способный народ [ХРС 2006: 974].

В монгольском языке в семантической структуре данного слова значения «меткий» и «мудрый», утратив семантическую связь, получили омонимичные статусы: *цэцэн* 1. меткий (напр. о ружьё); *цэцэн буу* меткое ружьё; 2. меткость (напр. ружья); *бууны цэцийг шалгах* проверять меткость ружья [БАМРС 2001: 1168]; *цэцэн (цэцэд)* I 1. мудрый, умный; смыслённый; разумный; *цэцэн өвгөн* мудрый старец; *цэцэн тоть шувуу*. а) поющая гракула, голубая гракула, восточный широкорот; б) благородные попугаи; *цэцэн ухаан* мудрость; *цэцэн ухаантай* умный; *цэцэн ухаантны үгийг сонсоход сайхан* умные речи приятно и слушать; *цэцэн үг / мэргэн үг* мудрое изречение, поговорка; афоризм (мудрое слово); *цэцэн үг цээжинд, цэцэг навч ууланд зүйр*. мудрое слово в груди, цветы и зелень в горах; *хүнийг цэцэн үгээр гартаах* перещеголять кого-л. в остроумии; *Олег цэцний дуулал* песнь о вещем Олеге; *Цэцэн хан түүх*. почётный титул одного из владетельных князей в Халхе; *цэцэн хүү* смыслённый мальчик; 2. 1) мудрец; *эртний цэцэд* древние мудрецы; *цэцэн хүн* мудрец; 2) мудрость; *цэц булаалдах* состязаться в мудрости; 3. мудро; умно; *цэцнээр хэлэх* умно говорить. [БАМРС 2001: 1167].

Следующая хакасско-монгольская соответствующая пара:

хак.: *ухаанныг* 1) умный, смекалистый; *ухаанныг пөгін* умное решение; 2) прозорливый; 3) мудрый; *ухаанныг сагыс* мудрая мысль; [ХРС, 2006, с. 740];

монг.: *ухаалаг* умный, разумный; сметливый, сообразительный; *ухаалаг болох* взяться за ум; *ухаалаг хийх* делать что-л. с умом; *ухаалаг уриалга* разумный призыв [БАМРС 2001: 784].

По шкале отрицания выделяется лексическая пара:

хак.: *аңайган* разг. ротозей, разиня; *аңайган полба* не будь разиней [ХРС, 2006, с. 66];

монг.: *алмай* 1. 1) рассеянный, невнимательный, невидящий, отсутствующий, в одно ухо впускает в другое выпускает; забывчивый;

небрежный; *алмай амьтан* голова садовая; *чи яасан алмай амьтан бэ?* эх, ты, разиня!; *алмай байдал* отсутствующий вид; *алмай нүдээр харах* смотреть невидящим взором; *алмай сонсогч* невнимательный слушатель; 2) колеблющийся, нерешительный; 2. 1) рассеянность, невнимательность, забывчивость, небрежность; 2) нерешительность [БАМРС 2001: 201]. В монгольском языке частотны также производные от этого слова: *алмайдах* 1) оказываться, становиться, быть слишком рассеянным, невнимательным, забывчивым, небрежным; 2) колебаться, быть в недоумении. [БАМРС 2001: 201]; *алмайрах* 1. 1) ротозейничать, зевать, воронить; ворон считать; {...}; 2) становиться рассеянным; растеряться; быть в нерешительности; *алмайран суух* сидеть в недоумении; [БАМРС 2001: 201-202].

С данной хакасско-монгольской соответствующей парой синонимизируется:

хак.: *телік* bestолковый, глупый; *телік кізі* bestолковый человек [ХРС 2006: 610];

монг.: *тэнэг* 1. глупый, неумный; неразумный; *бүдүүлэг тэнэг* хорш. bestолковый, неразумный; глупость; скудоумие; *тэнэг мунхаг* хорш. глупый, дурной; глупость, дурак; безрассудство; *тэнэг нөхрөөс цэцэн дайсан дээр зүйр.*, үгчил. чем глупый друг, лучше умный враг; ~ услужливый дурак опаснее врага; 2. 1) глупость; *тэнэг мохоо* хорш. тупость, ограниченность; *тэнэг хэрэг* нелепость; *тэнэг явдал* глупость, голово-тяпство; 2) глупец, дурак; идиот; [БАМРС 2001: 700]. Как свидетельствуют словарные дефиниции, в хакасском употреблении лексема *телік* встречается редко, в монгольском же языке ее аналог является частотной.

Следующие лексические соответствия, на наш взгляд, по семантическим критериям являются равнозначными и отождествляемы:

ніліс 1) знание, знания, познания; *нілізі улуг* [у него] большие знания; *ніліске ниліс хозарга* к знаниям прибавлять знания; ◊ *ніліс аларга* а) получить образование; б) получить знания; *ніліске тартыларга* стремиться к знаниям; 2) умение; 3) то же, что *оңнаг*; *олаңай предложени-едеңер ниліс* грам. понятие о простом предложении; □ *сагыс талайдаң даа чалбах, ниліс тагдаң даа улуг* посл. разум шире морского простора, знания выше гор; *нілістің түбі чоғыл* погов. Знания беспредельны (букв. у знания dna нет) [ХРС 2006: 366];

билиг 1) ум, разум, мудрость, талант, дар; *авъяас билиг* хорш. талант, дар, способность; *арга билиг* хорш. мудрость; *арга буй бөгөөс билиг буюу* будет хитрость – будет и мудрость; *бэлгэ билиг* хорш. высшая мудрость; истинное знание; гүн.ух. вещий разум; *мэргэн билиг* вещий разум; *оюун билиг* хорш. разум, способность; *ухан билиг* хорш. сила разума; *хурц билиг* яркий талант; *эрдэм билиг* хорш. мудрость; *билиг мөхөх* исписываться; *билиг муутай* малоспособный;

билиг өчүүхэн, омог их зүйр. ум короток, а гордость велика; *билиг төгөлдөр* хорш. талантливый, способный; *билиг үгүй бөгөөс арга үгүй* не будет мудрости – не будет и хитрости; *билиг эгшиг* хөгжим. минор; 2) премудрость, талантливость, проницательность [БАМРС 2001: 379];

пичик 1) бумага; *пичикке назарга* писать на бумаге; 2) письменность; *пичик төстүрге* создавать письменность; *пурунгы түрк пичии* древнетюркская письменность; 3) грамота; *пичикке үгредерге* обучать грамоте; 4) письмо, записка; послание; *пичик ызарга* послать письмо; 5) название учебника начального образования; название научного издания; *үгреділігі пичиктер* учёные записки; \diamond *ызых пичиктер* священные писания; / *пичикке кірчее* фамилия; *пичикке турарга* регистрироваться; [ХРС 2006: 370];

бичиг 1) письмо, письменность; *дөрвөлжин бичиг* квадратное письмо; *монгол бичиг* монгольское письмо; *шинэ бичиг / шинэ үсэг* новое письмо; 2) запись; 3) записки; 4) официальная деловая бумага, отношение; [БАМРС 2001: 382–383].

Некоторые вопросы по этимологической принадлежности вызывает лексема *агыл* I «ум; разум, рассудок; ср. *сагыс* I; *агылы асхынах* ума [у него] мало; *агылы чох* безумный, безрассудный; *агылдаң азарга* а) терять рассудок; б) *перен.* терять голову; *агылың аспазын* не будь безрассудным; *агылдаң сыхпинча* из ума не идет; *агылың аспазын, изің сыхпазын!* (пожелание) да пусть не покидает тебя разум, да пусть будет крепким [твой] ум! *Агылым тартпаан кізее алзалар, айымдох нүтсін агас хомдым!* фолькл. если выдадут замуж за человека, к которому душа не лежит, [то] лучше я умру» [ХРС 2006: 28]. В других тюркских языках ее семантическая структура связывается с понятием пространства: аул, селение, забор, стойло, загон для скота и т.д. [Севортян, 1974: 83–85]. Также имеется форма *агыз*, которая «эволюционировала в двух направлениях: 1) $g \rightarrow$ нуль; 2) $g \rightarrow v$.

Продуктом первого направления фонетической эволюции является турецкая, гагаузская и тувинско-хакасская формы *аыз ~ а:з~а:с {...}*», который обозначает: речь, уста, отверстие, вход, устье реки [Севортян 1974: 83–85]. Другие же исследователи, в частности, Э. К. Пекарский тюркское *агыз* связывает со значением «губа», но не «рот, уста». Также имеется предположение, что данное слово имеет распространение в тунгусо-маньчжурских, монгольских в значениях «щель», «трещина». Монгольская форма слова не обнаруживает существенных семантических отличий: *анаг* каньон; *их анаг* большой каньон; 2) разлом, трещина, щель; 3) камера [БАМРС 2001: 232].

В хакасском языке лексема *агыл*, наряду с *ис*, действует в фольклорных текстах в качестве компонента клишированного выражения. *Алып Мөке, мыны истін, / Алган чахсым Алып Хыс Хан, / Изің ирті бе, / Агылың асты ба? – тидір* (11,

с. 50) – Алып Моке, услышав это, говорит: – [Моя] суженая Алып Хан Хыс, / [Ты] потеряла рассудок (букв. [твой] рассудок мимо прошёл), [Ты] сошла с ума (букв. [твой] ум перешёл что-л.). Этимология синонимичной лексемы *ис* также не связана с мыслительной деятельностью. Как утверждает Э. В. Севортян, данное слово обозначает: «запах», «благоухание», «слава», «пахнуть» [Севортян 1974: 381]. Для этих обозначений подходит хакасский аналог: *ыс* «дым».

Общетюркская лексема *oj* «мысль», «мышление» отсутствует в хакасском языке в данном значении. В монгольском же языке: *ой* III «1) способность, ум, разум; *ой билиг* разум; *дээд ой билигт* исполненный высокого ума и мудрости; *ой муутай* слабоумный, забывчивый; {...}; 2) память; *ой сайтай* имеющий хорошую память; способный, ловкий, умелый; *тэр ой сайтай* у него хорошая память; [БАМРС 2001: 347–348].

Как пишет Э. В. Севортян: «На общности корня *ой* строится схема генетической связи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, как это представлено в VGAS I67: монг. *oi* < **oji* / *ojin* / *ojun* «разум», ср. монг. *ojin* «сознание», «ощущение», «чувство» = ? эвен. *uj* «разум» = др. тюрк. *oj* «мысль», «мышление». Как видно, монг. *oi*, согласно традиционной установке, возводится к *ojin* / *ojun*» [Севортян 1974: 429].

Следующая лексема *санаа* «мысль, дума; идея; взгляд; понятие», по мнению В. И. Рассадина, монгольского происхождения [Рассадин 1980: 68]. В монгольском языке лексема *санаа(н)* обозначает: «1) мысль, дума; идея; намерение; желание; размышление; понятие; представление; мнение; предложение; *агуу санаа* дальновидность; *ариун санаа* возвышенность; *атгаг санаа* предрассудки; 2) душевное состояние; настроение; *үнэн санаанаасаа* от всего сердца, от всей души; *санаа агуу тавих* успокаиваться; [БАМРС 2001: 481–482]. Также существительное *санаа* активно действует в алтайском, киргизском и якутском языках, где его семантика расширилась в направлении отрицательного эмоционального переживания. «Здесь мы наблюдаем закономерность семантической эволюции данных слов: преобразование длительного размышления в дискомфорт, меланхолию, уныние» [Чертыкова 2018: 105]. В глагольной форме *сана-*, как глагол мыслительной деятельности, употребляется в ряде тюркских языков, например, в хака.: «1) считать, подсчитывать кого-л., что-л.; подвергать счету; *ахча санирга* считать деньги; 2) вычленять; *нус чөрізін санирга* вычислить скорость движения льда; 3) признать кого-л., что-л., считать кем-л., чем-л. *алыга санирга* считать кого-л. дураком» [ХРС 2006: 443].

Выводы

На материале словарных данных мы произвели семантико-сопоставительный анализ хакасско-монгольских лексических соответствий,

выражающих ментальное состояние человека. В их семантической структуре ядерным является общий категориальный признак «мысль». Каждая рассмотренная лексема представляет собой смысловую структуру, демонстрирующую различные семантические преобразования ментального характера. Важность данных лексем национальной языковой картины мира, как отражения мыслительной деятельности и состояния человека бесспорна, поэтому они в любом языке частотны и образуют словообразовательные гнезда. Закрепление тех или иных дифференциальных свойств за конкретными лексемами свя-

зано с их сочетательными способностями. Также наблюдается следующая закономерность: почти все ментальные лексеммы в хакасском и монгольском языках обладают многозначностью, что свидетельствует об их неограниченных возможностях формулировать различные ментальные смыслы. В связи с этим нужно учитывать то, что одно и то же многозначное слово в различных словарях может получить разную метаязыковую формулировку и мы допускаем, что полученные нами выводы могут несколько варьироваться в наших дальнейших исследованиях или же в работах других исследователей.

Список литературы

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Под общ. ред. акад. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: АCADEMIA. 2001. 2007 с.

Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2006. 411 с.

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука. 1980. 117 с.

Севорян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука. 1974. 767 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов. Авторы-составители: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова – Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Чертыкова М. Д. Семантическая эволюция базовых ментальных лексем (на примере межязыковых эквивалентов в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. №2. С. 99-113.

УДК 81'32:398.224(=512.153)

М. Д. Чертыкова

Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ В ТЕКСТЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ»

В статье представлены результаты анализа устойчивых оборотов (фразеологических и клишированных сочетаний), собранных из текста героического сказания «Албынчы». Данный пласт лексики является наиболее разнообразным и частотным и значительно отличается от системного лексико-фразеологического фонда хакасского языка. Актуальность данной тематики определяется тем, что она с лингвистической точки зрения почти не исследована. Перспективы и дальнейшие направления изучения данной категории языка героических сказаний заключаются в более тщательном и обширном рассмотрении ее лексико-когнитивных, грамматических, синтаксических и других аспектов.

Ключевые слова: хакасский язык, героическое сказание «Албынчы», фразеологизмы, клише, семантика, функционирование.

M. D. Chertykova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

SET EXPRESSIONS IN THE TEXT OF KHAKASS HEROIC TALE “ALBYNCHY”

The article presents the results of an analysis of stable expressions (phraseological and cliché combinations) collected from the text of heroic tale “Albynchy”. This layer of vocabulary is the most diverse and frequent and differs significantly from the systemic lexical and phraseological fund of the Khakass language. The relevance of this topic is determined by the fact that it is almost unexplored from a linguistic point of view. Prospects and further studying of this category of the language of heroic tales lie in a more thorough and extensive consideration of its lexical-cognitive, grammatical, syntactic, and other aspects.

Keywords: Khakass language, heroic tale “Albynchy”, phraseological units, clichés, semantics, functioning.

В хакасской лингвофольклористике проблема упорядочения системы фразеологической картины мира пока еще остаётся открытой. В данной статье мы рассматриваем фразеологические единицы, собранные на материале героического сказания «Албынчы» методом сплошной выборки.

Как показывает наш материал, функции устойчивых оборотов связаны, в основном, с факторами антропоцентрических идей и выражают различные виды деятельности эпических персонажей, их нравственно-психические состояния и характеристики, различные виды деятельности, а также события и состояния, связанные с природными явлениями. Устойчивые обороты, используемые в текстах героических сказаний, по семантическим и структурным признакам отличаются от других языковых жанров. Аналогичная ситуация и в других языках. Как пишет исследователь Д. А. Бурчина, «...эпические фразеологизмы сложились в очень давние времена. В большинстве своем они уже вышли из активного употребления, но сохранились до наших дней в устойчивых, отшлифованных веками эпических формулах как один из основных элементов художественно-изобразительных средств улигеров» [Бурчина 2011: 232].

Цель нашего исследования – выявить и описать с функционально-семантических позиций устойчивые обороты в тексте героического сказания «Албынчы», представленные в виде фразеологических и клишированных сочетаний, которые «... переосмыслены целиком, а не по частям; их общее значение закреплено за всей синтагмой, а не распределено по отдельным лексическим десигнаторам» [Кулаева, Лискина 2010: 176]. Нами выделены следующие семантические типы глагольных устойчивых оборотов:

1) Обозначение эмоционально-психической деятельности эпической персонажей:

паар-чүрегі хайна- «1) волноваться; 2) жалеть, проявлять милосердие; букв. [его] сердце-печень кипит». *Че Ызут Арыг ичең сини көрзе, / Паарынаң сыххан палазы айастыг полар, / Паары-чүрегі хайнап турар* (А, 59) [Твоя] мать Узут Арыг, когда увидит тебя, / Будет жалеть [своего] ребёнка, вышедшего из печени, / [Ее] печень-сердце будет кипеть;

хара чүрегі хайна- «вольноваться; букв. [его] чёрное сердце кипит». *Ызут Арыгның паарынаң сыххан палазының / Иди чоохтаан чоогын истип, / Хара чүрегі хайнап турадыр* (А, 60) – Услышав слова [своего] ребёнка, / У Узут Арыг / Чёрное сердце дрогнула (букв. кипит);

харах чазын хан ит-, / *Харых суун пус ит*- «сильно рыдать, плакать; букв. слезы делать кровью, капли воды из ноздрей делать льдом». *Аны көрп, аны піліп, Алтын Кёёк Хыс / Харах чазын хан ит турадыр, / Харых суун пус ит турадыр* (А, 14) – Увидев это и узнав, Алтын Коок Хыс / Сильно плачет, / И рыдает;

Иногда используется только первая часть данного клишированного выражения: *Хыстың чахсызы Алтын Кёёк / Харах чазын хан идип тур, / Талалбастаг улуг чурты / Талаларга чөр, көр турза* (А, 18) – Лучшая из девушек Алтын Коок / Сильно плачет, / [Ее] казалось бы нерушимое большое жилище / Видно, разрушится в скором времени.

2) Обозначение взаимоотношений эпических персонажей:

хабыргадаң хайыс-, / *тустаң турыс*- «оказывать помощь друг другу; помогать; содействовать; букв. соприкасаться ребрами, тратить время». *Амды Ай Арыг чоохтап тур: / – Че, хара хула ат, амды ойлап көр, / Хабыргадаң хайызар ниме табарзың ма, / Тустаң турызар ниме таап поларзың ма* (А, 54) – Затем Алтын Арыг говорит: / – Ну, саврасый, теперь беги, / Найдешь ли надежного друга, / Чтоб вовремя приходить на помощь. *Хара хула ат чирнің үстүн / үс ибiре ойлады, / Хабыргадаң хайызар ниме / Пір дее чирде чох полды, / Тустаң турызар нимені / Пір дееёк чирде таппады* (А, 54) – Саврасый конь три раза обежал землю, / Но нигде не нашел / Надежного друга. *Чадыпчатхан Чил Хара Хыс / Чоохтап суран турадыр: / Алган кізім Харагы чох тазым, / Чир өдірбе, чир чаттырба, / Пилтір аттыг Пилен Тара минің палам / Ир синіне чит парыбысхан полар. Хас-хақан полза, / Хабыргамнаң хайызар, / Тузымнаң турызар. Пилен Тара минің палам / Чил сабар саринча чилеге полар, / Суз сабар саринча тулага полар* (А, 89) – [Лежащая] на земле Чил Хара Хыс / Молит о пощаде: / Мой суженый слепой слуга, / Не убивай меня, / Мой сын по имени Пилен Тара / Наверно уже достиг возраста мужчины, / Когда-нибудь он придет на помощь, / Со стороны дуновенья ветра будет корнем, / Со стороны течения реки будет защитой.

3) Обозначение речевой деятельности эпических героев:

улуг чоохтан – «с помощью речи проявлять излишнюю самоуверенность; букв. говорить огромно». *Чалбах чирнің үстүнде / Аттаң артых ат пар, / Чарых тигір алтында / Ирдең артых ир пар. / Хайдаг улуг чоохтандың?* (А, 9) – На этой обширной земле / Есть лошади ещё лучше, / Под ясным небом / Есть ещё лучше мужчины. / Почему ты так самоуверен?

сөс хап- «разговаривать, беседовать; букв. схватить слово». *Пу одырган Хара Мооснаң сөлезерге / Сөзім хаппаан, тудызарга күзім читпеен* (А, 82) – У меня не хватило слов (букв. не зацепило слово) для того, чтоб разговаривать, / Не хватило сил, чтоб драться;

хабар сал- «рассказывать; букв. положить новости. *Арыг улуг аалның істінде / Анда хабар салыбысты: / Парчан кізі арагалыг килзін, / Ханыбыс – пигібіс Ызут Арыгның честеп-аарлирға* (А, 52) – В большом аале Красавица Абахай Ай Арыг / рассказывает: / Пусть все приходят

с водкой, / Будем чествовать нашего / Хана Узут Арыг.

Данный фразеологизм образован по модели: имя + сал- «букв. класть», который является распространённым в текстах героических сказаний, например,

ачиин сал- «изливать горечь, сильно горевать; букв. положить горечь». *Ўзүт Арыг {...} / Ачиин сала, хыйгы салган {...}* – Узут Арыг с горечью бросила клич;

улуз чыргал сал- «устроить большой пир; букв. класть большой пир». *Аргал чон улуз той тимнебіскен, / Улуз чыргал салыбысхан* (А, 97) – Народ-труженик приготовил большой той, / Устроил большой пир.

4) Обозначение ослабленного физического состояния эпического персонажа в неравной схватке.

арыг күс хап- «обычно в отриц. форме, хватать могучей силы, быть достаточно могучей силы; букв. хватать могучей силы». *Ўзүт Арыг ічеңнің / Хара тас хуйагының тастынаң тыынып, / Чир сыдап полбассың / Арыг күзің хаппас* (А, 59) – Схватив [свою] мать Узут Арыг / за куйак из черного камня, / Никак не сможешь ее побороть, / Не хватит сил. *Улуз чаада адам Хан Арганның / Арыг күзі хаппинчатханда, / Сині, Хулатай, мин кілеп килген полгам, / Хабыргадаң хайыс пирер бе тіп, / Тустаң турыс пирер бе тіп* (А, 63) – Когда не хватало сил моего отца Хан Арга / на большой войне, / Я приехал за тобой (букв. искать тебя), Хулатай, / Мол, ты поможешь и поддержишь. *Хара Моостың арыг күзі хаппин, / Аархы сында инел-чобалчададыр* (А, 86) – Хара Моосу не хватает сил, / Он на том холме принимает муки и страдания;

арыг күзі хап-, албах саа чит- «обычно в отриц. форме, хватать могучей силы, быть достаточно могучей силы; иметь великую мощь; букв. хватать могучей силы, достигать сильной мощи». *Ўзүт Арыг абахайның арыг күзі хаппин, / Албах саа читпин чөре парган, / Ачиин сала, хыйгы салган:* / – *Алган кізім, Хулатайым, / Арыг минің күзім хаппин пари, / Албах минің саам читпин пари* (А, 61) – У Красавицы Узут Арыг, Не остается силы, / Не хватает мощи, / С горечью бросила клич: / Мой суженый, [мой] Хулатай, / Не хватает мне сил и мочи.

Следует отметить, что подобные клишированные сочетания используются не только в тексте героического сказания «Албынчы» и относятся к другому разряду устойчивых оборотов. Встает вопрос разграничения фразеологизмов и клише. Если для фразеологизмов характерны такие признаки, как нерасчлененность структуры, переосмысленная семантика и семантическая целостность, то клишированные выражения обладают синонимичной распространенностью и меньшей степенью устойчивости, например, *Аархы сынның пазында Хара Моос, / Инеліп, чобалып, чоохтан*

чөредір: / – *Пиче кізі, Чин Хара Хыс, / Арыг минің күзім хаппин пари, / Албах саам читпин пари* / – *Харагы чох тасха парыбыссаң* (А, 86) – На вершине того холма Хара Моос, / Страдая – мучаясь, говорит: / – Сестра [моя], Чин Хара Хыс, / У меня не хватает сил и мочи, / Выходи замуж за слепого слугу. В этом предложении о меньшей устойчивости клише свидетельствует возможность ее конкретизации: *арыг минің күзім...* «могучая моя сила...». Помимо незначительной трансформации структуры, может использоваться лишь первая часть клишированного выражения: *Атар таң атханда, / Арыг күннің хараа сыхханда, / Ўзінчі күнін турып хыс пала / Арыг күзі тоозылып, / Хан хара суға чадап ла читті* (А, 22) – Когда наступил рассвет, / И забрезжили первые лучи солнца, / Третий день идущая девушка, / Совсем обессилен, / Кое-как добралась до ханского родника.

5) Обозначение алкогольного состояния эпических персонажей.

ах чарыхтаң азып чөр- «впять в беспамятство / забытье; букв. уйти за белый свет». *Ўзүт Арыгнаң Хулатай, изіріп, / Ах чарыхтаң азып чөрібіскеннер. / Хулатай, алтын стол кистінең турып, / Күп төзекке чидіп, аңдарылыбысты* (А, 52) – Хулатай с Узут Арыг опьянели, / впали в беспамятство. / Хулатай, встав из-за золотого стола, / Дойдя до мягкой кровати, упал;

изірігі улуз пол- «быть сильно пьяным, быть изрядно выпившим; букв. [его] пьянство большое». *Изіріктері улуз полыбысхан, / Ырларын ырлас турадырлар, / Көглерін көглес турадырлар* (А, 52) – [Они] сильно опьянели, / Поют песни.

6) Обозначение других видов деятельности эпических персонажей.

сүмее кір- «быть обманутым кем-то; букв. входить в хитрость (мошенничество)». *Хан Миргеннің сүмезіне кірді одырбын* (А, 49) – Оказывается, Хан Мирген перехитрил меня. *Хулатайнаң Алып Хан Хыс / Хан Миргеннің сүмезіне кір парганнар* (А, 68) – Хулатай и Алып Хан Хыс обмануты Хан Миргеном.

Наблюдается частотное использование вспомогательных глаголов в составе фразеологизмов, например, *уйгаа түс-* «крепко спать; букв. опускаться в сон». *Хара хула ат иніп түскен, улуз аалны көре, / Халых чон халын уйгаа түскен туста / Улуз аалны аралап одыр* (А, 55) – Вороний конь направился в сторону большого аала, / Когда весь народ спал, / Шёл посреди аала.

Помимо глагольных устойчивых оборотов, в частности, фразеологизмов, в тексте героического сказания «Албынчы» имеются и именные устойчивые сочетания, которые часто выполняют характеризующую функцию, например,

аттаң чазаг «без лошади; букв. спешившись с лошади». – *Экей, аттаң чазаг Албынчы, / Парыпчатхан чиріңзер тик чирге парарзың* (А, 78) – Экей (межд.), безлошадный Албынчы, / Зря ты идешь в место назначения. *Чахсы кізінің*

палазы полган ползам, / Аттыг, хус чили чөбрөчкпн, / Чабал кизиниң палазы аттаң чазаг чөредир (А, 78) – Был бы я сыном хорошего человека, / Мчался бы на лошади, как птица, / Ребенок плохого человека обычно бывает безлошадным. *Че, Ай Мирген, аттаң чазаг поэым / Сирерге азахха аар полып одырбын, / Алнынаң чөрибізіңер* (А, 78) – Ну, Ай Мирген, безлошадный я / Вам тягостно идти со мной, / Езжайте вперед. В последнем предложении встречаем также фразеологизм в новом значении «в тягость» помимо общепринятого «беременная»;

ахсының сүді арыба- / аргазы, мойны хатпа- «молодой, перен. зеленый; букв. во рту молоко не обсохло, [его] позвоночник и шея еще не окрепли». *Ахсының сүді арыбаан, / аргазы, мойны хатпаан Хан Миргеннің палазын / Көдір килип тастаан* (А, 61) – [Он] подняв вверх, бросил вниз / Совсем молодого сына Хан Миргена. Данное клише также используется в текстах и других героических сказаний.

Список литературы

- Албынчы. Алыптыг нымах (героическое сказание). Абакан: Хакаское книжное издательство, 2018. 126 с.
Бурчина Д. А. Фразеологизмы в улигерах бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №10. С. 227–232.
Кулаева О. А., Лискина О. А. К проблеме устойчивости на фразеологическом уровне языка // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12, №3, 2010. С. 176–179.

УДК 811.512

А. В. Шульбаева

Хакаский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

ХАКАССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье проводится анализ и описание структурно-семантических характеристик хакаско-монгольских лексических соответствий. Для анализа используется материал, собранный из лексикографических источников. Структурно-семантическая характеристика хакаско-монгольских лексических соответствий выражается в разноуровневой частеречной принадлежности (глаголы, прилагательные, наречия, существительные, местоимения), грамматических особенностях и семантических типах (наименования частей тела, домашней утвари, хозяйственной деятельности, терминов родства и т. д.). Исследование данного пласта лексики связано с вопросами не только лингвистики, но и находится в междисциплинарном русле гуманитарных направлений.

Ключевые слова: хакаский язык, монгольский язык, структурно-семантический аспект, лексические соответствия.

A. V. Shulbaeva

N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia)

KHAKASS-MONGOLIAN LEXICAL CORRESPONDENCES: STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECT

The article analyzes and describes the structural and semantic characteristics of Khakass-Mongolian lexical correspondences. The material, collected from lexicographic sources, is used for the analysis. The structural and semantic characteristics of Khakass-Mongolian lexical correspondences are expressed in a multi-level partial belonging (verbs, adjectives, adverbs, nouns, pronouns), grammatical features and semantic types (names of body parts, household utensils, economic activities, kinship terms, etc.). The study of this layer of vocabulary is related not only to the issues of linguistics, but is also in the interdisciplinary mainstream of the humanities.

Keywords: Khakass language, Mongolian language, structural and semantic aspect, lexical correspondences.

Исследование любого языка представляет собой первостепенную задачу. Каждый язык обладает достаточным для реализации в любой

сфере количеством лексем и функционально-семантическими возможностями. Чем сложнее язык в семантико-синтаксическом плане, тем

богаче его словарный состав. На сегодняшний день в составе любого языка имеются заимствованные из других языков слова, что отражает весь исторический путь народа – носителя того языка. Лексику любого языка прежде всего легче понять через историю народа. В ней отражается вся взаимосвязь контактирующих народов. Таким же образом в данной теме изучаются хакасско-монгольские лексические соответствия. Тема взаимосвязи монгольского и хакасского языков до сих пор полностью не изучена, имеются лишь отдельные работы О. В. Субраковой [Субракова 1976], М. Д. Чертыковой [Чертыкова 2023а; Чертыкова 2023б; Чертыкова, Каксин 2024] и др. Данная тематика на сегодняшний день остается открытой и оттого её можно считать актуальной и перспективной.

Лексика хакасского языка за свою историю пополнилась словами многих народов. Одним из них стал монгольский язык. «Могли они проникнуть в хакасский язык, а также в языки народов Южной Сибири (в число которых входит и хакасский), в основном, в XIII–XVIII вв. Это, как известно, время наиболее тесного соприкосновения монгольских и тюркских народов. Поскольку уже в языке орхоно-енисейских памятников обнаружены лексико-грамматические параллели, возможно, были связи и до V–VIII вв., когда народы Саяно-Алтайского нагорья тесно соприкасались и общались с монгольскими народами» [Субракова 1975: 147].

Известный монголовед-алтаист Рассадин В. И. отмечает, каково распределение соотношения слов в хакасском языке по диалектам. «Из всех рассмотренных слов 142 представлено в качинском диалекте, 120 – в сагайском, 106 – в кызыльском и 80 – в шорском. Судя по этим цифрам, самым «монголизированным» оказывается качинский диалект, о чем свидетельствует и наличие в нем заметного количества специфичных лишь для этого диалекта монголизмов.» [Рассадин 1980: 35].

На сегодняшний день без тщательного этимологического и типологического изучения данного пласта лексики представляется трудным выявление исконности / заимствованности того или иного слова. «В лексике любого языка своеобразно отражается история народа, его связи и взаимоотношения с другими народами.» [Субракова 1978: 7]. Точное количество слов неизвестно. «В работах дореволюционных и советских тюркологов отмечалось, что в лексике хакасского языка также немало слов, заимствованных с монгольского языка. Так, например, в уже известной работе Н. В. Катанова [14] приводится более ста хакасских слов, причисляемых им к монгольским заимствованиям» [Рассадин 1980: 11].

Тем самым в современном хакасском языке имеется немалое количество хакасско-монгольских лексических параллелей, о которых сами

носители не догадываются. Они встречаются и в произведениях писателей, в газетных статьях и в языке героического эпоса. Чтобы выявить и изучить лексические соответствия, нужна большая работа, на начальном этапе нужна работа, как минимум, с лексикографическими источниками. Только после этого можно начинать следующую ступень: исследование различных аспектов этих слов. Монгольские лексические соответствия прочно вошли в речь хакасского народа. Среди них можно выделить такие сематические подгруппы: наименования домашней утвари, половозрастной характеристики скота, и абстрактная лексика, выражающая психическое состояние человека и его действия. Многие из них в хакасском языке действуют в переносном значении.

Цель статьи – описание хакасско-монгольских лексических соответствий в структурно-семантический аспект. Материалом для исследования послужили данные из Хакасско-русского словаря [ХРС 2006] и Большого академического монгольско-русского словаря [БАМРС 2001]. Теоретической и методологической базой исследования явились труды по данной тематике О. В. Субраковой, В. И. Рассадина, М. Д. Чертыковой.

«Важным критерием определения лексических соответствий следует также считать наличие фонетических и морфологических факторов, характерных для монгольских глагольных основ. Например, такие хакасские слова как *хаалха* ‘ворота’, *минди* ‘приветствие’, *обеке* ‘предок’, *хапчал* ‘ущелье’, ‘теснина’ отнесены к монгольским по следующим признакам:

1. к слову *хаалха* в монгольском языке имеется глагол *хаа-*, *хаага* ‘закрывать’ и однокоренные с ним именные образования *хаалга* ‘ворота’, ‘дверь’, *хаалгач* ‘швейцар’, ‘привратник’ и др.;

2. *минди*, диалектное *менди* в хакасском бытует только как слово-приветствие, а в монгольском *мэнд* имеет значение ‘здоровье’, ‘благополучие’, *мэндлэх* ‘здороваться’, ‘приветствовать’;

3. с корнем *обөг* в монгольском языке имеется глагол *обөгрөх* ‘стареть’, ‘стариться’, от которого образованы *обөгчлөх* ‘почитать старцев’, *обөг* ‘предок’, *өвөөн* ‘старик’, ‘старец’, *өвөгжөөр* ‘пожилой’, ‘старый’. {...}

Из приведённых примеров видно, что монгольские заимствования в языке эпоса под влиянием фонетических законов хакасского языка подвергались небольшому фонетическому и морфологическому изменению, а в некоторых случаях изменилась семантика монголизмов, так, монгольское слово *гоомай* ‘недостаточно крепкий’, ‘ненадежный’ в хакасском языке приобрело несколько иной оттенок: *хомай* ‘плохой’, ‘нехороший’; *маргаа* (н) в монгольском языке обозначает ‘спорт’, а в хакасском *марыг* ‘состязание’, ‘соревнование» [Субракова 1978: 11-12].

В собранном нами материале имеются такие хакасско-монгольские соответствия:

Иирцек – ээрицэг ‘прялка’ (наблюдается длинные гласные в корне слова), *сылтаг* – *шалтаг* ‘повод’, *чадан* – *чадан* ‘кое-как’, ‘еле-еле’, *солбан* – *цолмон* ‘Венера’, *чачах* – *цацаг* ‘кисть’, *сырай* – *царай* ‘лицо, облик’, *чазын* – *цаас* (ан) ‘бумага’, *хырыгарга* – *хяргах* ‘стричь’, *күс* – *хуч* (ин) ‘сила’, *күрең* – *хурен* ‘коричневый’, *хураган* – *хурга(н)* ‘ягнёнок’, *хум* – *хумаг* ‘песок’ (структура лексического соответствия сокращена), *көг* – *хөг* ‘мелодия’, *хоргамчыл* – *хорголж(ин)* ‘свинец’ (звучание слова с (ин) полностью более похож произношением с хакасским вариантом), *хон* – *хов* ‘жалоба (в монг. языке ябеда подходит)’, *кизим* – *хижиг* ‘эпидемия’, *кибис* – *хивс(эн)* ‘ковёр’, *хыйма* – *хиам* ‘колбаса’, *хахырарга* – *хахирах* ‘харкать’, *харачхай* – *хараацай* ‘ласточка’, *харгас* – *хараал* ‘проклятие’, *Ханкиреде* – *Хангарди* ‘гаруди, гриф, мифическая птица (в монгольском языке даётся полное описание, в хакасском языке значение мифическая птица обозначает о существовании его только в сказках)’, *хайбаларга* – *халбалх* ‘быть широким’, *хаарарга* – *хайрах* ‘жарить, поджаривать’, *хасирга* – *хагсах* ‘рассыхаться (о бочке)’, *хапчал* – *хавцал* ‘ущелье, теснина’, *хахпах* – *хавх(ан)* ‘капкан’, *марга* – *маргаан* ‘борьба, состязание, спор, конфликт’, *махтаг* – *махтаал* ‘хвала’, *инчи* – *инж* ‘приданое’, *талай* – *далай* ‘море’, *молат* – *болд* ‘сталь’, *пилен* – *бэлэн* ‘готовый’, *пил* – *бэл* ‘спина’, *пүдүн* – *будэн* ‘целый’ и т.д.

Как мы уже писали, все эти слова в хакасском языке активно используются, что подтверждается имеющимися у нас иллюстративным материалом, например, *көл* – *хөл* ‘озеро’: *Оларга Хапың Хызыл көл хазында төрт пулуңныг турачах итир пирген* (НД «Браххы аалда» 1987: 41) – *На берегу Красного озера поставил для них четырехугольную юрту Хапың.*

чыл – *жил* ‘год’: *Ыгырасча, ылгасча чүзер чыл тур салган ник агастар* (АХ «Акай»: 172) – *Шумят на ветру деревья, простоявшие здесь более ста лет.*

В этих словах написание разное, но основное значение слова в монгольском языке перешло в хакасский язык. В остальных же были лексические соответствия с второстепенными значениями, например:

- *чичек* – *цэцэг* ‘цветок’, *хайыргас* – *хайрга* ‘брусок’, основное значение слова в монгольском языке «цветок» в хакасском даётся как второй вариант значения слова, другое же значение в монгольском языке «оспа» в хакасском языке даётся как в переносном смысле в третьем значении.

- *сириг* ‘войско, армия’ – *цэрэг* ‘цирик, воин, солдат, боец, армеец’ в структуре слова произошли изменения, а также число (в хакасском языке оно стоит во множественном).

- *сөл* – *цөл* ‘степь’ в этом примере слово в хакасском языке имеет третье значение, которое даётся в монгольском языке.

- *кизек* ‘лоскут, отрезок’ – *хэсэг* ‘часть’, *ил* ‘племенный союз’ – *ил* ‘союзный’, значения слов приблизительно, обозначающее что-то одно, но в хакасском языке оно более уточнённое, а в монгольском языке значение более расширенное и подойдёт для обозначения в разных сферах жизнедеятельности.

- *хоол* ‘пустой’ – *хонгил* ‘дупло, впадина, углубление’ («Хоолны алгыдыбысханда, көрзе ле, кизи сөөктері толдыра.» ГК, «Пистің аалның олғаннары», (ГК «Ребята нашего двора» 1991: 60) – *Разрыл дыру пошире, а там костей полно и всякой всячины», хазаа* ‘скотный двор’ – *хашаа(н)* ‘забор, изгородь, ограда’ («Хазаа пулуңнарында харалдылар, хадага тур салган кизілер чили, харалас турғаннар.» НД «Браххы аалда» 1987: 43) – *В углах стайки Как сторожа темнели в ночи», хат* ‘ягода’ – *хад(ан)* ‘кислица’, *хаалха* ‘ставни’ – *хаалга(н)* ‘ворота, дверь’, здесь можно увидеть обратные изменения: в монгольском языке оно более уточнённое чем в хакасском)

- *хучур* – *хужир* ‘солончак’ в монгольском языке значение «солончак» является вторым, так как в хакасском языке это основное значение этого слова.

- *худа* – *хут* ‘сват’, *хара* – *хар* ‘чёрный’ есть такой вид заимствования как в хакасском языке к основе слова присоединяется буква «-а».

- *көнек* – *хөнөг* ‘ведро’ в этом примере с монгольского языка заимствованно только значение того, что это обозначает.

- *харам* – *харам* ‘скупой’ оба варианта слова имеют одинаковое значение, написание, но относятся к разным языкам.

- *хана* – *хана(н)* ‘стена’ («*Аан-неер ханча аны чил, сілікче, пірде ханаа наари саапчатханы истілче.*» (АХ «Акай» 2008: 177) – Ветер кидает его со стороны в сторону, иногда слышится как-будто по стене бьет, *мал* – *мал* ‘скот’ (в хакасском языке даётся общее значение слова +написание одинаковое, но в монгольском языке иногда пишется с добавочным (н).) («*Малдаң мал төріпче, чыланнаң – чылан.*» (МТ «Сайалбан сүрместер» 2008: 183) – От коровы рождаются корова, а от змеи – змея. (букв.)

- *хан* – *хаан* ‘хан’ в середине слова одна буква «а» выпадает.

Во многих приведенных выше примерах звучание слов идентично. Видоизменение данных лексических параллелей в хакасском языке происходил в соответствии с фонетическими и грамматическими законами хакасского языка. Некоторые слова вовсе остались в той же структуре. Так, можно заметить, что «в» согласное в словах монгольского языка, в хакасском часто заменено на «п», гласная «э» даётся как «и».

Выводы

При заимствовании народ видоизменил их структуру под свою грамматику. Некоторые слова в монгольском языке пишутся с длинными

гласными, а в хакасском языке долгота исчезает. В некоторых случаях наоборот. Кроме этого, стоит обратить внимание, что структура лексических соответствий в большем случае более сложная,

чем она была в начальном варианте написания слова. При поиске соответствий в монгольском языке часто встречается такие дополнения к словам как «ин», «эн», «ан», «н».

Список литературы

- Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980. 114 с.
- Субракова О. В. Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса // Учёные записки Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Выпуск XX, серия филологическая №3. Абакан, 1976. С. 147–160.
- Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Семантическая эволюция тюркско-монгольских лексических соответствий: глагол *хан*- «удовлетворяться» // *Siberica: Сибирские Исследования / Siberian Studies*. Анкара. 2024. С. 431–452.
- Чертыкова М. Д. Монгольские заимствования в тексте хакасского героического сказания «Албынчы» // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)*. 2023а. Вып. 1 (39). С. 73–85.
- Чертыкова М. Д. Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2023б. № 9 (1). С. 169–179.
- Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса, автореферат. Алма-Ата, 1978. 23 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г.Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: АCADEMIA. 2001. 2007 с.
- Доможаков Н. Г. Ырахха аалда. Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1987. 280 с.
- Казачинова Г. Г. Ребята нашего аала. Рассказы для детей младшего школьного возраста (на русском и хакасском языке) – Абакан: Хакас. издат., 1991. – 112 с.
- Боргояков В. А., Кызласова И. Л., Медведева М. А. Хакасский язык. Лексикология. Учебно-методический комплекс по дисциплине // Абакан: Изд-во «ДиалогСибирь-Абакан», 2008. – 104 с.
- Боргоякова М. П., Майнагашева Н. С. Хакас литературазы 7 класс, Абакан. Хакасское книжное издательство, 2014. 248 с.
- Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов. Авторы-составители: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 338.2

А. С. Асочаков

Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

В статье представлены результаты исследования по направлению туризм как новая отрасль региональной экономики. Проанализирован национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», содержание стратегии развития туризма в Республике Хакасия до 2035 года. Представлен план разработки комплексного туристического мастер-плана Республики Хакасия – Южно-Сибирский инвестиционный форум. О направлениях научных исследований по развитию туризма в российских регионах.

Ключевые слова: туризм, Хакасия, национальные проекты, кочующий Южно-Сибирский Инвестиционный форум, автомобильная дорога Абакан – Аскиз – В. Тея – Большой Ортон – Междуреченск.

A. S. Asochakov

Khakass Research Institute
for Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

THE MAIN DIRECTIONS OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

The article presents the results of a study on tourism as a new branch of the regional economy. The national project “Tourism and Hospitality Industry” and the content of the tourism development strategy in the Republic of Khakassia until 2035 are analyzed. A plan for the development of a comprehensive tourism master plan of the Republic of Khakassia – Южно-Сибирский инвестиционный форум. О направлениях научных исследований по развитию туризма в российских регионах.

Ключевые слова: туризм, Хакасия, национальные проекты, кочующий Южно-Сибирский Инвестиционный форум, автомобильная дорога Абакан – Аскиз – В. Тея – Большой Ортон – Междуреченск.

В современных реалиях социально-экономического развития России туризм становится важной отдельной отраслью экономики. «За 6 лет доля туристической отрасли в валовом внутреннем продукте (ВВП) должна увеличиться до 5%. А количество поездок по стране с размещением в гостиницах вырастет до 140 миллионов человек. Будем создавать комфортные и доступные условия для отдыха, включая строительство гостиниц и небольших кемпингов, горнолыжных курортов и парков развлечений», – сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе пленарного заседания ПМЭФ-2024 [Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума].

В рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» во всех субъектах Российской Федерации активизировалась работа по его реализации. Появилась хорошая конкуренция между регионами. Для некоторых субъектов развитие туристической отрасли может быть хорошим драйвером для развития экономической, социальной и культурной сферы.

Туризм обладает мультипликативным эффектом влияния на экономику и является важным фактором устойчивого развития экономики и социальной сферы. Известно, что одно рабочее

место в сфере туризма создает дополнительно пять рабочих мест в смежных отраслях.

В последние годы в Республике Хакасия проводится определённая работа по развитию туризма в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Принято Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 11.02.2022 года № 18-п «Об утверждении Стратегии развития туризма в Республике Хакасия на период до 2035 года» (Далее – Стратегия) [Стратегии развития туризма в Республике Хакасия на период до 2035 года].

Стратегия была разработана с учетом всех действующих на этот период (2022 г.) федеральных нормативных материалов и рекомендаций. Дан анализ современных тенденций и перспектив развития туризма в России и мире. Сделана оценка состояния рынка туристических услуг в Сибирском федеральном округе, текущее состояние и потенциал развития туризма в Республике Хакасия. Определены ключевые цели и задачи развития туризма. Предполагается развитие видов туризма: культурно-познавательный (историко-культурный, этнический, экологический и т. д.), активный (горнолыжный, снегоходческий, водный, спортивный, спелеологический и т. д.), специализированный туризм (детский, для людей с ограниченными возможно-

стями, оздоровительный, агротуризм, промышленный и т. д.). Реализация Стратегии должна идти по таким направлениям как закрепление и расширение возможностей п. Приисковский, озера Шира, Енисейских ворот, Салбыкской долины, Поднебесья, Хуртуйах-Тас и аала Казановка, Тропа Предков, Сундуки и других. Определена важная задача по созданию конкурентоспособных туристических продуктов, развитие транспортной и обеспечивающей инфраструктуры, а также подготовка кадров для новой отрасли. Так, за последние шесть лет в 15 раз выросло финансирование отрасли из республиканского бюджета [Сегодня мы наблюдаем всплеск интереса к региону: Глава Хакасии презентовал на ВДНХ туристический потенциал республики и приоритетные инвестпроекты]. Туристический поток ежегодно увеличивается: в прошлом 2023 году Хакасию посетило почти 1,5 млн. туристов. Одной из особенностей Хакасии является то, что здесь сформирована самая крупная сеть музеев под открытым небом, экспонаты которых – это не имеющие аналогов в мире. Для комфорта гостей на территории музеев совершенствуется инфраструктура [Правительство Хакасии совместно со Сбером продолжает обустривать «Тропу предков»].

С Фондом Андрея Мельниченко (СУЭК) достигнута договоренность о разработке комплексного туристического мастер-плана Республики Хакасия. До конца 2024 года будет разработан стратегический документ, который позволит глубоко проанализировать туристский потенциал. В последующем создать механизмы максимального и рационального использования всех имеющихся возможностей. Особенно важно подчеркнуть уникальность и самобытность Хакасии. Определить приоритетные виды туризма и спланировать их развитие, а также определить максимальную гостиничную емкость курортов, увязать развитие туристской и обеспечивающей инфраструктуры и сформировать новые инвестиционные лоты [Фонд Мельниченко разработает комплексный туристический мастер-план Хакасии].

Актуальными становятся вопросы создание механизмов реализации Стратегии, форм и методов постоянного мониторинга самого процесса развития туризма. Главное создать целостную систему планирования и развития туризма в Южно-Сибирском регионе. С этой целью, назрела острая необходимость, начиная с 2025 года проводить Южно-Сибирский инвестиционный форум «Развитие туризма и индустрии гостеприимства».

Было бы правильным форум сделать кочующим. Например, первый год провести в г. Абакане,

следующий год в г. Минусинске, потом г. Кызыле, далее в г. Горно-Алтайске. Нужны общие проекты. Например, создание автомобильного транспортного коридора Абакан – Аскиз – В.-Тей – Шора – Большой Ортон с подъездом к г. Междуреченску кардинально повлияет на социально-экономическое развитие в пяти субъектах Южной Сибири. Так, для жителя города Абакана город Новосибирск станет ближе на 200 километров. В настоящее время турист из Абакана на автомобиле до горнолыжных трасс Шерегеша добирается за 15 часов, а если эта дорога будет, то поездка займет всего 3 часа. Или, наоборот, туристические достопримечательности Южной Сибири станут доступнее для жителей Западной Сибири.

С целью реализации Стратегии необходимо составлять ежегодные конкретные планы мероприятий.

Вышеизложенные положения требуют проведение теоретических и практических исследований, раскрывающих особенности и перспективы устойчивого развития туризма в Хакасии и в Южной Сибири.

Важным является развитие теории и методологии устойчивого развития туризма на определенной территории. Исходя из этой цели, надо изучать и сопровождать:

- закономерности развития туризма как системы социально-экономических отношений;
- определять и обосновывать системные принципы и механизмы устойчивого развития туризма;
- осуществлять анализ и оценку, постоянно меняющийся конкурентную среду;
- изучение мирового и российского опыта по развитию внутреннего и въездного туризма;
- изучение опыта других участников рынка и создание системы экономического мотивирования потенциальных инвесторов в туристическую отрасль;
- создание системы оценки результатов по развитию туризма среди регионов, а также по секторам экономики и видам деятельности.

Таким образом, туристическая отрасль является важным направлением в развитии экономики территорий. В Хакасии разработана Стратегия развития туризма до 2035 г., где приоритетными направлениями являются: культурно-познавательный, активный, специализированный туризм. Значимым в развитии туризма станет формирование общенаучной площадки в Саяно-Алтайском регионе – Южно-Сибирского инвестиционного форума «Развитие туризма и индустрии гостеприимства».

Список литературы

Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234/photos>

Правительство Хакасии совместно со Сбером продолжает обустривать «Тропу предков». [Электронный ресурс]. URL: <https://r-19.ru/news/turizm/165071/>

Сегодня мы наблюдаем всплеск интереса к региону: Глава Хакасии презентовал на ВДНХ туристический потенциал республики и приоритетные инвестпроекты. [Электронный ресурс]. URL: <https://r-19.ru/news/ekonomika/164872/>

Стратегии развития туризма в Республике Хакасия на период до 2035 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://r-19.ru/documents/140/127017.html>

Фонд Мельниченко разработает комплексный туристический мастер-план Хакасии. [Электронный ресурс]. URL: <https://19rusinfo.ru/ekonomika/71263-fond-melnichenko-razrabotaet-kompleksnyj-turisticheskij-master-plan-khakasii>

УДК: 32

С. А. Боргояков

Аналитический центр Российской академии образования (Москва, Россия)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ

В статье рассмотрены вопросы формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей в условиях этнокультурного разнообразия российского общества. Показана взаимосвязь между выбором базовых ценностей общества и национальной политикой государства. Качественная оценка специфики базовых ценностей россиян – их ценностной многоукладности, была проведена на основе цивилизационного подхода, исходя из идентификации России как государства-цивилизации.

Обоснована необходимость разработки региональных концепций и моделей формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей с учетом этнокультурных особенностей народов России. В многонациональной России основным способом гармонизации ценностных ориентаций является диалог культур, выступающий необходимым условием взаимодействия и совместного развития всех народов, проживающих на ее территории.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, традиционные духовно-нравственные ценности, этнокультурные ценности, российская цивилизация, диалог культур.

S. A. Borgoyakov

Analytical Center of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

TRADITIONAL VALUES AS THE BASIS FOR FORMING THE ALL-RUSSIAN CIVIC IDENTITY IN MULTI-ETHNIC RUSSIA

The article discusses the formation of traditional Russian spiritual and moral values in the context of the ethno-cultural diversity of Russian society. It demonstrates the interconnection between the choice of society's basic values and the national policy of the state. A qualitative assessment of the specificity of Russians' basic values – their value diversity – was conducted based on a civilizational approach, identifying Russia as a civilization-state.

The necessity of developing regional concepts and models for forming traditional Russian spiritual and moral values, taking into account the ethno-cultural characteristics of the peoples of Russia, is substantiated. In multi-ethnic Russia, the primary means of harmonizing value orientations is a cultural dialogue, which is a necessary condition for the interaction and joint development of all peoples living in its territory.

Keywords: all-Russian civic identity, traditional spiritual and moral values, ethno-cultural values, Russian civilization, cultural dialogue.

В начале XXI века перед Россией со всей остротой актуализировалась проблема определения и укрепления фундаментальных общенациональных ценностей как основы формирования общероссийской гражданской идентичности и устойчивого развития государства. Кризисные явления в аксиологической сфере граждан страны и ослабление роли традиционных российских духовно-нравственных ценностей в жизни общества были обусловлены как деструктивным влиянием глобализации на гуманистические ценности человеческой цивилизации в целом, так и противоречивостью политико-экономических и социо-

культурных преобразований на этапе трансформации России в демократическое государство после распада СССР. В этот переходный период обострение проблем в разных областях жизнедеятельности людей, ориентации населения страны на нормы жизни и чуждые российскому менталитету ценности западной цивилизации при отказе государства от идеологического влияния на общество привели к негативным изменениям в ценностной системе российских граждан, к *«деформации традиционных нравственных установок и насаждению морально-этических представлений, противоречащих базовым рос-*

сийским духовно-нравственным нормам и ценностям» [Указ].

Распад советской идентичности, а также коренные изменения в мировоззрении и ценностных ориентациях россиян стали причиной роста ксенофобии, усиления межэтнической напряженности и развития центробежных процессов в обществе. Поэтому одной из актуальных задач государственной политики стало защита и сохранение российских духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций как важного условия укрепления единства многонационального народа России [Указ].

Однако реализация этой актуальной социокультурной цели в настоящее время осложнено наличием ряда значимых методологических и методических проблем, осмысление и решение которых имеет важное значение для разработки моделей и технологий формирования и развития базовых социальных ценностей общества. К их числу относится проблема определения конфигурации и модернизации традиционных российских духовно-нравственных ценностей с учетом этнокультурного разнообразия российского общества как аксиологической основы цивилизационного развития России.

Несмотря на то, что ценности являются широко распространенными в жизни людей эмоциональными и смысловыми сущностями, влияющими на их поведение во всех сферах их жизнедеятельности, среди самих аксиологов единого определения понятия «ценность» не существует. Представители разных социогуманитарных наук, изучая предметное содержание ценностей, по-разному относятся к иерархии ценностей, к формам их проявления в различных областях жизнедеятельности человека, видят в их содержании свое особое качество и поэтому имеют различающиеся представления об их смысле и сути.

Одним из первых понятие «ценность» употребил И. Кант, который сопоставил содержание «нравственности» (свободы) и «природы» (необходимости), и показал, с одной стороны, «должное» – мир ценностей, а с другой – «сущее» – мир вещей. По Канту, основой для модификации сознания человека является нравственность, и философом был сформулирован высший принцип нравственности: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству, и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда бы не относился к нему только как к средству» [Кант 1994: 168].

По мнению академика В. С. Степина, для философии ценность – одна из основных мировоззренческих универсалий, составляющих глубинный слой структуры личности. Она относится к тем универсалиям культуры, которые характеризуют сущность человека как субъекта деятельности, его отношение к другим людям и обще-

ству в целом. Одновременно она заключает в себе специфические смыслы, характеризующие национальные и этнические особенности различных культур и выражающие своеобразие принятых в них шкалы ценностей [Степин 2011: 11].

Социологи чаще всего ценности понимают, как нормативные принципы, разделяемые всеми или большинством членов общества. Поэтому они их интересуют с точки зрения формирования *ценностных ориентаций* личности, являющихся ведущим механизмом общественной регуляции поведения. В этом контексте, как отмечает Н. И. Лапин, «ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях...» [Лапин 1996: 5].

М. Рокич ценности воспринимает как критерии, руководящие повседневной деятельностью людей, а системы ценностей как обобщенные принципы, которые используются для преодоления ценностных конфликтов и принятия решений. В сознании различных людей совокупность ценностей с течением времени остается неизменным и существует в виде иерархической структуры: верхний, наиболее устойчивый ее слой, составляют *терминальные ценности*, или ценности-цели; ниже расположены *инструментальные ценности*, или ценности-средства, качества людей, желаемые для достижения терминальных ценностей, – они более подвержены изменениям [Rokeach 1973: 9-10].

В системе образования проблема ценностей выступает как проблема формирования целей и содержания образования путем педагогической трансформации наиболее значимых компонентов культуры и организации процесса их освоения подрастающим поколением на различных уровнях образования [Кондаков 2020: 5].

Таким образом, процесс освоения личностью определенной культуры есть, прежде всего, формирование системы ценностей, в ходе которого индивид становится личностью. А культура личности есть система личностных свойств-ценностей (принципов, норм, идеалов, определяющих направленность и мотивацию деятельности, поведения), усвоенных личностью в процессе социализации и образования.

Несмотря на большое многообразие ценностей, в любом обществе существует группа *базовых социальных ценностей*, составляющих ядро аксиологической сферы и влияющих на поступки людей в различных условиях жизнедеятельности. Эти ценности, формируясь в период активной социализации растущего человека, затем в дальнейшем остаются достаточно стабильными. Причем в процессе социализации и образования человек усваивает те культурные

традиции, язык, принципы и ценности, которые культивируются и действуют в окружающем его социуме. Сформированные принципы и ценности, даже если и поддаются коррекции, все равно остаются функционирующими. *«Изменения, которые могут происходить в кризисные периоды жизни человека и его социальной среды, затрагивают не столько состав, сколько структуру ценностей, т. е. их иерархические соотношения друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании»* [7, Лапин 1996: 5]. Поэтому государство в соответствии со своей идеологией через СМИ, институты социализации и систему образования формирует и укрепляет у граждан страны систему базовых социальных ценностей, определенных как общенациональные. Значимость этих ценностей не только в том, что они являются основой укрепления единства российского общества, но и в том, что они становятся основой проектирования образовательных целей и в более широком плане – условием развития личности обучающегося [Кондаков 2020: 7].

На разных этапах развития России представления о составе и структуре системы базовых социальных ценностей, мотивация их выбора имели свои особенности, и ценностные трансформации происходили под воздействием широкого спектра факторов.

В советский период истории страны в основу формирования общегосударственных ценностей был положен *моральный кодекс строителя коммунизма*, в состав которого включалось многое, что относилось к так называемым общечеловеческим ценностям. Однако, зачастую эти ценности только декларировались, поскольку в реальной жизни в безусловном приоритете были потребности государства, преданность делу коммунизма и идеям пролетарского интернационализма, что приводило к игнорированию интересов личности, нивелированию особенностей национальных культур народов России.

В постсоветской России произошедшие изменения в ценностных ориентациях населения в условиях либерализации и демократизации общественной жизни во многом были *«экзогенно мотивированными»* и обусловлены либерально направленной деятельностью властных структур. В целом аксиологические интересы населения были ориентированы на ценности западной цивилизации, представленные обществу как общечеловеческие. Предложенный учеными-педагогами комплекс базовых ценностей, включавший такие ценности, как *человек, семья, отечество, земля, мир, труд, культура, знание*, в массовой практике российской школы не был использован, поскольку задачи духовно-нравственного воспитания и развития личности обучающегося в этот период были вытеснены из образовательного процесса. Следует также отметить, что, несмотря на утверждение

на законодательном уровне необходимости *учета, защиты и развития системой образования национальных и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства*, теоретико-методологические основания, модели и технологии формирования аксиологической сферы обучающихся с учетом национально-культурных особенностей народов России ни в педагогической науке, ни в образовательной практике не были разработаны [Боргояков 2023: 29].

На следующем этапе модернизации российского общества, связанном с изменением идеологических основ национальной политики и постановкой задач по формированию и укреплению *общероссийской гражданской идентичности*, в основу формирования системы общероссийских ценностей были положены *базовые ценности российской цивилизации*. Методологическим основанием решения этой комплексной социокультурной проблемы в сфере образования стала *«Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»* (2010) [Данилюк 2009: 26]. Концепция, определившая национальный воспитательный идеал и базовые социальные ценности российской цивилизации, а также социально-педагогические условия и принципы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся в образовательных организациях разного уровня, получила широкую поддержку педагогической сообщества.

Однако, авторы концепции при разработке методологических оснований формирования базовых социальных ценностей оставили без проработки проблемы, связанные с многонациональностью российского государства. Текст документа не предполагал разработку национально-региональных стратегий и моделей формирования аксиологической сферы личности с учетом традиционных этнокультурных ценностей народов России [Боргояков 2023: 29].

В настоящее время переход российского общества к информационному, или постиндустриальному этапу развития, сопровождается существенной трансформацией ценностного ядра россиян: снижением значимости социальных ценностей и возрастанием значимости ценностей индивидуального порядка [Кондаков 2020: 13], что увеличивает риски усиления ценностных противоречий в обществе. Осознание необходимости укрепления традиционных российских ценностей способствовало принятию Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 по защите и сохранению *традиционных российских духовно-нравственных ценностей*. В соответствии с документом к традиционным российским ценностям отнесены *«нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской*

идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство...». Комплекс из 17 базовых российских духовно-нравственных ценностей был сформирован с учетом духовного, исторического и культурного наследия всех народов и традиционных религий России [Указ].

Для реализации задач Указа в образовательной практике при проектировании образовательных целей необходим не только перечень базовых ценностей, входящих в ценностное ядро личности или общества, но и качественная оценка этих ценностей с позиции социокультурной и образовательной значимости.

За основу проведения качественной оценки иерархической структуры базовых социальных ценностей в общественном и индивидуальном сознании был взят *цивилизационный подход*, разрабатываемый в трудах отечественных философов, историков и социологов [Лапин 2015; Попков 2014]. Данный методологический подход позволяет охарактеризовать особенность состава и структуры ценностного ядра российского общества, проявляющуюся в ценностной многоукладности, обусловленной многомерностью социокультурного пространства России. Эта сложность российского государства связана, с одной стороны, с его многонациональностью и поликонфессиональностью, а с другой – с особенностями его развития как государства-цивилизации.

Идентификация России как особой локальной цивилизации, доминанты евразийской цивилизационной общности, подтверждается всей ее историей, на протяжении которой она *сохранила «генетические коды» своей цивилизации – приоритет духовного над материальным, коллективизм, патернализм, свой этнический стержень, этническую солидарность своих народов, традиционализм* [Попков 2014: 89].

Статус России как государства-цивилизации подчеркивается в выступлениях Президента РФ В. В. Путина. Так, на заседании Валдайского клуба 3 октября 2019 г. он отметил, что *Россия с самого начала формирования – это многонациональная, многоконфессиональная страна-цивилизация, которая органично впитала многие традиции и культуры, сберегла их своеобразие, уникальность и при этом сохранила единство живущих в ней народов* [Засед.].

Особенность современного федеративного устройства России заключается в том, что между федеральными округами устойчиво сохраняются значительные дистанции состояний их модернизированности. Одни макрорегионы находятся на разных стадиях *индустриальной модернизации* – перехода от аграрной цивилизации к индустриальной, другие – на разных фазах перехода от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, или *информационной*

модернизации. В связи с этим ученые Института философии РАН сделали вывод, что подобно западной и иным цивилизациям, в России существуют или формируются *субцивилизации, обладающие этнокультурными и социально-историческими особенностями*. Исходя из этого, макрорегиональные или этнические сообщества регионов РФ (субъектов РФ) можно квалифицировать как принадлежащие к *традиционному, индустриальному и постиндустриальному укладу, или типу культур*, со свойственными каждому из них набору и иерархии базовых ценностей [Лапин 2015].

Таким образом, полицивилизационность и социокультурная многоукладность современной России предполагает неизбежное сосуществование разных ценностных систем. Так, если для общества традиционного типа характерна система консервативных ценностей, имеющих принудительный характер предписания (*вера, семья, родина, уважение к родителям и старшим, труд, коллективизм и др.*), то при переходе к индустриальному типу общества доминируют другие комплексы ценностей, допускающие вариативность действий, свободу принятия решений (*наука, профессионализм, карьера, успех, результат, родина, семья и др.*). Переход от индустриального к постиндустриальному обществу характеризуется коренной трансформацией ценностей и становлением ценностного комплекса, наиболее адекватного условиям становления и развития информационного общества, и включает такие ценности, как *индивидуальность, независимость, развитие, разнообразие, самореализация, свобода, сотрудничество, толерантность* и др. [Кондаков 2020: 19–20].

Другой гранью оценки ценностных ориентаций является характеристика иерархической структуры ценностного ядра членов общества и определение места конкретной ценности в этой структуре.

В соответствии с концепцией мировоззренческих универсалий В. С. Степина система базовых российских ценностей имеет многоуровневую структуру и включает *инвариантное общечеловеческое содержание*, а также ценности, характеризующие *национальные и этнические особенности* различных культур. Базисные ценности при их усвоении определяют самоидентификацию личности, самооценку и принадлежность к определенной социальной общности [Степин 2011: 11].

Таким образом, в «мозаике» ценностей значительной части народов России наряду с общечеловеческими и российскими духовно-нравственными ценностями существуют специфические этнокультурные ценности, учет которых в образовательной практике имеет важное значение для формирования гармоничной аксиологической сферы личности обучающихся.

С точки зрения социокультурного смысла доминирующими в аксиосфере личности являются терминальные ценности такие, как *ценность жизни, человеческое достоинство, гуманизм, добро, счастье, работа* и др., которые единообразно понимаются большинством людей. Инструментальные ценности находятся в подчиненном положении, поскольку выступают в роли средств к реализации и сохранению терминальных ценностей. В инструментальных ценностях запечатлены одобряемые в данном обществе средства достижения целей. С одной стороны, это нравственные нормы поведения – *жертвенность, милосердие, справедливость* и др., а с другой – качества, способности людей, такие как *независимость, инициативность* и др. [Кондаков 2020: 19–20; Лапин 1996: 7–8].

Имеется значительный слой общечеловеческих и общенациональных ценностей, особенность которых состоит в том, что в различных типах общества они принимают окраску своей среды. В этом случае содержательное наполнение, смысл одних и тех же ценностей у разных социальных групп в зависимости от принадлежности к различным цивилизационным укладам могут не совпадать между собой. Особенность каждой из таких ценностей определяется местом социальной группы в социокультурной системе общества, и у каждого человека (народа) возможно свое понимание их смысла. Например, при оценке таких общественных явлений, как *культура, семья, труд, образование* и др., группы различаются по принимаемым оценкам.

Таким образом, с прикладной социокультурной позиции в иерархии ценностей доминирующими являются общечеловеческие и общенациональные терминальные ценности. В этой связи этнокультурные ценности, с одной стороны, по своему смысловому содержанию коррелируя с базовыми общероссийскими ценностями, могут входить в ядро аксиологической сферы российского общества, а, с другой стороны, могут стать вариативным дополнением к базовым социокультурным ценностям, определяя особенности культурного кода конкретных этнических сообществ.

Примером ценностного дрейфа, представляющего собой растянутое во времени изменение, смещение смысла ценности, не теряющего при этом своей значимости в общественном сознании, является *семья*, которая сохраняет свою значимость во всех типах обществ, независимо от этапа развития. При доминировании традиционалистских ценностных ориентиров она воспринимается в качестве базовой структуры, обеспечивающей воспроизводство населения, и представляется чаще всего трехпоколенной, а в условиях распространения индустриального и постиндустриального этапов развития общества выступает в качестве одной из структур

самореализации личности: в детях или в создании принципиально бездетных семей и др.

Фундаментальной базовой этнокультурной ценностью, характеризующей специфику традиционных национальных культур, является *родной (национальный, этнический) язык*. Защита и развитие родных (этнических) языков народов России по своей социокультурной значимости сопоставима с защитой и поддержкой государственного русского языка как важного условия укрепления единства многонационального народа России и сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В условиях ценностной многоукладности российского общества этнокультурные ценности в составе общей иерархии российских ценностей могут быть позиционированы на основе дихотомии: терминальная ценность (ценность цель) – инструментальная ценность (ценность средство). Исходя из интеграционной функции базовых российских ценностей при формировании общероссийской гражданской идентичности, этнокультурные ценности в качестве инструментальных ценностей являются средством формирования общероссийских духовно-нравственных ценностей, играющих роль терминальных ценностей.

Существование разных ценностных систем при отсутствии их смысловой гармонизации с базовыми общероссийскими (общечеловеческими) ценностями может стать причиной возникновения ценностных конфликтов как в масштабах общества, так и на внутриличностном уровне.

Для достижения консенсуса и солидарности между представителями разных культур необходимы фундаментальный спектр базовых социальных ценностей, рассматриваемых как общенациональные, и способы достижения консенсуса ценностей. Основным таким способом является *диалог культур* [Библер 1989: 31–42]. Диалог (культур, социальных групп, индивидов) в условиях многонационального и поликультурного общества – это не только терпимое допущение иной позиции, иной системы ценностей и установок, но и желание чему-то научиться у другого. В условиях Российской Федерации такой диалог выступает необходимым условием взаимопонимания, взаимодействия и совместного развития всех народов, проживающих на ее территории.

Таким образом, в многонациональной России важным условием сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей является разработка национально-региональных концепций и моделей формирования аксиологической сферы личности с учетом исторических и социокультурных особенностей, традиционных духовных и культурных ценностей ее народов.

Успешное решение этих задач станет основой гармонизации общероссийской гражданской и этнокультурной идентичности личности как

важного условия интеграции и укрепления единства многонационального народа России.

Список литературы

- Библер В. С. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
- Боргояков С. А. Концептуальные основания формирования духовно-нравственных ценностей в многонациональной России / Педагогика. 2023. №11. С. 22–37.
- Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: «Просвещение». 2009. 26 с.
- Кант И. Основоположение метафизики нравов / Соч.: в 8 т. М., 1994.
- Кондаков, А. М., Сергеев, И. С. Базовые ценности российской цивилизации и их трансформация на этапе перехода к цифровому обществу / Педагогика. 2020. №6. С. 5–23.
- Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социол. исслед. М., 1996. №5. С.3–24.
- Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора России в XXI столетии. Часть 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1176 (дата обращения 19.06.2024).
- Rokeyach M. The Nature of Human Values. The free Press. N.-Y.; L., 1973.
- Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные основы моделей национальной политики / Вестник НГУ. Серия: Философия. 2014. т. 12. вып. 3. С.84–91.
- Степин В. С. Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры / Гуманитарные науки. 2011. №1. С. 8–17.
- Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 19.06.2024).
- Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения 30.06.2024).

УДК 39 (=512.157)

Р. И. Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

ТИПОЛОГИЯ СЕМЕЙНЫХ ТАМГ ЯКУТОВ

Тамговые знаки, являвшиеся отличительными знаками родовой и социальной принадлежности, владения, пользования и распоряжения собственностью хозяина, играли определенную роль в традиционной культуре и хозяйстве якутов. В статье предпринята попытка систематизировать различные формы и названия, наиболее распространенных у якутов тамг и определить их функциональный аспект. Высказывается мнение о том, что тамговыми знаками предки якутов пользовались еще до их знакомства с руническим письмом и именно их привезли на современную территорию своего проживания.

Ключевые слова: якуты, тамга, родовые и семейные тамги, руническое письмо, «узор-письмо».

R. I. Bravina

Institute for Humanitarian Research and Problems of the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

TIPOLOGY OF THE YAKUTS' FAMILY TAMGAS

Tamga marks that were distinctive signs of clan and social affiliation, ownership, use, and disposal of the owner's property played a certain role in the traditional culture and economy of the Yakuts. The article attempts to systematize various forms and names of the most common Yakut tamgas and determine their functional aspect. It is argued that the ancestors of the Yakuts used tamga marks even before they became acquainted with runic writing system, and it was these marks that they brought to their present place of residence.

Keywords: Yakuts, tamga, clan and family tamgas, runic writing system, "pattern-writing".

Вопрос о происхождении тамг тюрок Сибири продолжает оставаться дискуссионным. А. П. Окладников и И. И. Барашков, посвятившие доисторической письменности якутов специальную работу, отмечали «близкое родство Ленских наскальных рунообразных знаков и якутских

тамг» [1942]. Как считает И. Л. Кызласов, на рубеже X–XI вв. лично-фамильные тамговые знаки пропадают со скал и курганных камней в Южной Сибири и появляются снова в этнографической современности, ближе к XVIII в. [2014, с. 56]. На территории Якутии следы древней руники про-

слеживаются в XVI – начале XX в. в виде тамгообразных знаков, нанесенных на различные печати, престижные предметы личного пользования и т. д. [Bravina, Popova, Vasiliev, 2021; Слепцов 2019].

Как следует из материалов известного якутского фольклориста С. И. Боло, каждый родоначальник имел свою тамгу [1994: 55, 61]. Вероятно, в период семейно-родовых отношений, тамга «печать» была коллективным знаком. В монографическом исследовании Б. Ю. Симченко «Тамги народов Сибири» приводятся документы XVII в., в которых фигурируют личные «знамена» (тамги) якутов, бывших по роду занятий ясакоплательщиками. Большинство знаков рядовых якутов представляли собой рисунки лошадей и луков. Исключение составляют тамги якутов Намской волости с изображением копья и колчана стрел, Батулинской – конического сооружения типа урасы и Баягантантайской – юрты-балагана [1965: табл. 116, рис. 21, 22, 24, 7 и 9]. Известно, что у тунгусов тамги с рисунком луков принадлежали пешим охотникам, а с рисунками лошадей и оленей – конным и оленным людям. По всей вероятности, рассматриваемые тамги были зафиксированы русскими приказными людьми, которые взимали ясак, «смотря по людям и по промыслам».

В настоящей статье в качестве источника использованы материалы о «семейных» тамгах северных якутов, собранные известным якутским фольклористом А. А. Саввиным в 1939–1940 гг. во время северной экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР. Полевые записи были сведены автором в отдельную папку под названием «Древняя письменность якутов» [Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 4. – Оп. 12. – Д. 45, 46]. По мнению автора, семейные тамги могли появиться в результате раздробления патриархально-родовой общины, укрепления и роста частной собственности [Там же. Д. 45. – Л. 36]. Право владения тамгой передавалось от отца к сыну или к другим членам семьи, которым переходили по наследству предметы промысловых снаряжений. При наличии своей тамги, наследники ставили ее рядом с тамгой прежнего владельца.

В этнографическое время тамги «подписи» использовались центральными и виллойскими якутами-скотоводами в качестве знака личного владения отдельными ценными вещами (серебряными украшениями, предметами парадного конского убранства, оружием и т. д.), которые выступали знаками высокого социального статуса и материально-го достатка их владельца. У северных же якутов тамги наносились на лод-

ки-долбленки, предметы охотничьего и рыболовного инвентаря – самострелы, копья и пальмы *батыйа*, поплавки волосяных сетей и т. д. Возле лабаза, на котором оставляли туши и шкуры добытых зверей, и над ямами с запасом рыбы ставилась жердь с тамгой промысловика. Тамги наносились путем надрезов или же зарубок топором или ножом и поэтому носили геометрические очертания.

Основу тамги составляли крест, прямая черта, рогатина, круг, квадрат, треугольник и их подтипы. Знаки отражали, в основном, явления природы (солнце, луна, росток, орнитологические символы), орудия труда, хозяйственные и жилые постройки. Названия руноподобных тамг были забыты в центральных и виллойских районах уже в конце XIX в., а на севере, по материалам А. А. Саввина, они сохранились до 1930-х годов и имели в целом нарицательные названия.

Большинство якутских тамг относится к составным знакам, т. е. состоят из нескольких элементов – основного знака и добавленного к нему дополнительного (черточки или автономного знака, например, крест внутри круга). Поэтому не удивительно, что большинство из них имеют аналоги в орнаментах, что отражается в лексеме *осуор-бичик* (букв. узор-письмо). Это характерно для многих древних письменностей. Например, исследователи иньского письма (XIV–XI вв. до н. э.) указывают на сходство графического стиля иероглифов, изображающих животных, со стилем зооморфного орнамента, который встречается на различных предметах материальной культуры эпох Инь и даже предшествующих

№	А	Б
I	1 2 3 4 5 6 7 8	1
II	9 10 11 12 13	2
III	14 15 16 17	3 4
IV	18 19 20	5
V	21 22 23 24	6 7 8
VI	25 26 27 28	9 10 11
VII	29 30 31 32	12 13 14 15 16 17
VIII	33 34 35 36 37 38	18
IX	39 40 41	19 20 21
X	42	22 23 24
XI	43 44	25

Рис. 1. Типы семейных тамг якутов в сравнении с видами орнамента: а – тамги; б – узоры

исторических эпох. Это делает понятным «причины, по которым письменные знаки китайского письма были названы и продолжают называться словом *вэнь* «узор» [Крюков, 1978: 216–217]. К сожалению, семантическое наполнение руноподобных знаков в якутском орнаменте пока остается вне внимания исследователей. Предварительные результаты историко-этнографического сравнения якутских тамг (А) с орнаментом (Б) отражены в таблице (рис. 1), приводимой в настоящей статье.

Основные якутские тамги можно подразделить на следующие типы и подтипы:

Тип I – «прямая черта и ее усложнение». Основу составляет вертикальная черта/палочка «кэрдии» (А 1) (букв. зарубка, насечка). В виде орнамента знак называется «кэрдийс ойуу», т. е. зарубчатый узор (Б 1) (6, с. 53). Название тамги варьировалось от количества зарубок: «биир/икки/үс кэрдийс» (одна/две/три насечки). Если зарубок четыре, то ее называли «багана» (столб). Далее тамга усложнялась посредством добавления знаков.

Соединение вертикальной черты (стержня) с горизонтальной линией «туора кэрдийс». Стержень, перпендикулярно упирающийся нижним концом в середину горизонтальной линии, называется «балта» (кузнечный молот) (А 2). Из перевернутого перекладиной вверх знака получается графема, похожая на букву «Т» (А 3). Иногда к концам перекладины дополнительно добавлялись короткие вертикальные насечки «ытарга» (серьги) (А 4). Этот же знак, повернутый под прямым углом, означал тамгу «балтысах» (стрела лука-самострела с тупым наконечником-томаром) (А 5).

Тамга, похожая на зеркальное отражение буквы «Г», называется «көхө» (крюк-вешалка) (А 6). Этот же знак с дополнительной горизонтальной линией посередине и с загнутым вверх под острым углом концом (А 7) – «ортотунан кириэстээх көхө» (крюк-вешалка с крестом посередине). Тамга, похожая на цифру «1» с горизонтальной линией посередине называлась у хангаласских родов «хотой/барылас» (орел) (А 8). Основа графемы – «1», по всей вероятности, некогда представляла собой самостоятельную единицу тамговой системы.

Тип II – группа черточек, соединенных одной линией. Основу составляет графема «тараах» (гребень) – это 3–5 вертикальные зарубки, соединенные одной горизонтальной линией сверху (А 9). Под этим же названием известен один из наиболее распространенных орнаментальных мотивов (Б 2). Эта же графема, перевернутая на бок – «ортотунан юс тардыллаах биир кэрдийс» (одна вертикальная зарубка, имеющая три горизонтальные насечки) (А 10). Тамга, состоящая из 4 вертикальных палочек, соединенных одной горизонтальной линией сверху (А 11) называется

«арангас» (лабаз), а если вертикальных зарубок 2, то «балаакка» (искаж. русс. палатка) (А 12). Перевернутый набор знак носит название «юс муннук ампаар» (амбар с тремя углами (стенами?)) (А 13).

Тип III составляют тамги, известные у северных якутов под общим названием «сиирэ анньыы» (букв. сметочный шов прямыми стежками). Три вертикальные черточки, соединенные посередине горизонтальной линией, напоминают букву «Ж» – «юс сиирэ анньыы» (три шва-стежка) (А 14). Вертикальная зарубка с 2–3 горизонтальными (А 15) или косыми, направленными под углом вверх (А 16) черточками справа – «икки-юс сиирэ анньыы» (два шва-стежка). Иногда такую тамгу изображали с наклоном (А 17). Орнаментальный аналог называется «тоногос ойуу» (позвоночник-узор) (Б 3, 4) (6, с. 58).

Тип IV – «группа знаков, включающие наклонные зарубки». Сюда относится знак, похожий по начертанию на букву «М» – «тороосун» (А 18). В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского приводятся два схожие слова: 1) «тороосун – плетение клеткою, заграждение чего-либо»; 2) «торосун (ср. русс. торос, торосы) – торчащие льдины на реке» [Пекарский, 1959: стлб. 2743]. Судя по начертанию, этой графеме больше подходит второе определение. Знак, состоящий из соединенных между собой двух наклонных и двух вертикальных зарубок называется «анньыттан тардыллаах тороосун» (тороосун, имеющий подпорку?) (А 19), а похожий на латинскую букву знак N – «юс бүтэй кэрдийс» (три замкнутые зарубки) (А 20). Схожим орнаментальным мотивом является «зубчатый узор» (Б 5) [Носов, 1988: 20].

Тип V – «крест и его виды». Отмечается три вида графического изображения креста. Первый из них представляет собой скрещенные посередине под прямым углом две линии равной длины – «биллэгэ кэрдийс» (букв. перескрещенные зарубки) (А 21). У второго вида креста вертикальная ось значительно длиннее горизонтальной – «танара кириэсэ» (букв. божий (православный) крест) (А 22). Иногда на концах перекладины делали две вертикальные насечки-«серьги». В материалах С. И. Боло среди тамг родоначальников встречается крест с двумя перекладинами (А 23) [1994: 61]. Третий вид – так называемый «андреевский» крест – «устатынан биллэгэ тардыы» (крест, поставленный на ребро) (А 22). Все три вида креста являются самостоятельными орнаментальными мотивами (Б 6, 7, 8). Крест являлся сакральным символом оберега, его, например, вырезали на столбах помещения для скота, а также наносили на свежеприготовленное масло.

Тип VI – «рогатина и ее виды». Рогатина в виде стержня с двумя боковыми развилками (А 25) является одной из известных тамг родоначальников центральных якутов. Петроглиф

с речки Бэстэх (в местности Сакабыт) Г. В. Ксе-нофонтов интерпретирует как древнеякутскую родовую княжескую тамгу и указывает на ее сходство с одной из букв орхонского алфавита [1927: 65]. В материалах С. И. Боло верхняя часть тамги представлена дугой, а стержень в нижней части имеет перекладину (А 26) [1994: 61]. Тамгу в виде стержня с двумя развилками наверху (А 27) центральные и вилкойские якуты называли «атырдыах» (вилы). Боковые развилки могут быть направлены не только вверх, но и вниз. У А. А. Саввина подобный знак носит название «хаас/хабды атага» (лапка гуся/куропатки) (А 28). В орнаментальном варианте узор с развилками называется «юногэс» (отросток) (Б 9, 10, 11).

Тип VII – квадрат, прямоугольник, трапеция и их вариации. У северных якутов квадрат (А 29) означал постройку срубного типа «ампар» (амбар). В центральных районах встречается квадрат с косым крестом – «халган/аан» (дверь) (А 30). Тамга в виде треугольника (А 31) назывался «ураса» (конической формы берестяное жилище), а трапеции – «балаган» (жилище усечено-пирамидальной формы) (А 32).

Тип VIII – «угол и зигзаг». Такие тамги и орнаментальные узоры (А 31, Б 15, 18) назывались у якутов-скотоводов «ураса». У северных якутов знак имеет посередине вертикальную черточку, что делает его похожим на букву «А» (А 34) и носит название на тунгусский манер – «чуораа» (чорама – эвен. конический шалаш из жердей). Угол, перевернутый набок – «чыгычаах тумса» (птичий клюв) (А 35, 36). На керамике поселения Нэлэгэр (Намский улус), датированной XI–XIII вв. [История Якутии, 2020: 223, рис. П. 84] зафиксирована графема «ох» (стрела) (А 37) – наконечник стрелы острием вверх. Этот знак часто упоминается в якутском фольклоре о первоначальном освоении предками якутов Ленского края и междоусобных сражениях «кыргыс юйтэ».

Тип IX – «круг и его виды». Круг в тамговой системе якутов имел три вида: простой круг «кюн» (солнце) (А 39), круг в виде отверстия «дьёлё анныбы» (отверстие, дырка) (А 41), а также круг с вписанным в него крестом «дүнүр» (бубен) (А 40). В декоративно-прикладном искусстве орнамент «кюн» (Б 19, 20, 21) имеет сакральное значение. В мифах и легендах якуты называют себя «людьми солнечного племени». По материалам Ю. Б. Симченко, в XVII в. перечеркнутый крест-накрест круг изображал шаманский бубен и считался у якутов, так же как у других коренных народов Средней и Восточной Сибири, шаманской тамгой [1965: 185].

Тип X – «дуга и ее варианты». Основу составляет дуга, представленная тамгой «ый» (луна, полумесяц) (А 42). В системе орнаментов этот знак составляет основу арочного орнамента «сарбынньах ойуу». По замечанию В. И. Иохельсона, такой узор имеет два вида: 1) обращенный выпуклой стороной вверх, он означает свисающий свод неба (Б 22); 2) при обращении вниз – подвешенную ритуальную веревку *салама* (Б 23) [2015: 59]. Дуга составляет основу лировидного узора «кёгюёр ойуу» (Б 24), известного в литературе под названием «бараньи рога». По предположению художника-этнографа М. М. Носова он образован «постепенной стилизацией силуэта скотской или оленьей головы» [1988: 110–111].

Тип XI. Кроме существующих вариантов тамгового знака, А. А. Саввин зарисовал по устным сведениям информантов две старинные тамги, которые назвал «хаас мунна» (гусиный клюв) (А 43) и «чыгычаах мунна» (птичий клюв) (А 44). Как отмечает сам автор, рисунки получились «не совсем корректные», он сомневается в точном их воспроизведении. Похожий на латинскую букву S орнамент «эрэдэсин» представляет собой орнамент в виде закрученной линии (Б 25).

Таким образом, якутские тамгообразные знаки можно подразделить на 11 типов, куда входят 44 знака. Все они имеют свои орнаментальные аналоги. Сам А. А. Саввин отмечает, что зафиксированные им знаки не охватывают всю тамговую систему якутов [Архив ЯНЦ. – Ф. 4. – Оп. 12. – Д. 4/ – Л. 24]. Каждый знак имеет разные вариации, меняясь при расположении основного рисунка и отдельных его деталей под разным углом (А 2–7). Знаки в соединении и сочетании с другими самостоятельными тамговыми единицами составляют разные комбинации, самыми распространенными из которых являются графемы «I» и «X», например, «IX» или же «XI» и т. д.

По графическому изображению, по значению и по функциональному назначению якутские тамговые знаки тесно связаны с тамгами тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири. Например, как и у тюрков Саяно-Алтая (тувинцев, алтайцев и хакасов). Кроме того, некоторые названия тамг схожи с названиями родовых тамг казахов, ногайцев, тувинцев, алтайцев и хакасов. Это знаки «ый» (луна), «айа» (лук), «тараах» (гребень), «балта» (молот). Подобная общность знаков свидетельствует о том, что они представляют собой фрагмент общей системы знаков, распространенной на обширном евразийском ареале, как еще одно доказательство некогда существовавшего едино-

го этнокультурного поля взаимодействия и взаимовлияния различных тюркских и монгольских народов.

Сходство тамговых знаков, бытовавших у якутов, с руническим письмом древних тюрков Орхона и Енисея, вероятно можно объяснить, ссылаясь на мнение ученых о прототипической роли руноподобных тамг для некоторых знаков рунического алфавита [Кляшторный, 1964: 46–47; Аманжолов, 2003: 299]. Если учесть, что памятники тюркской рунической письменности были созданы и получили распространение в период с VI–IX вв., а тамговые знаки, возникшие и получившие широкое распространение у тюркоязычных народов, представляют собой систему добуквенных идеографических знаков, то можно предположить, что появление послед-

них на территории Якутии, вероятно, произошло еще тогда, когда предки якутов не имели представления о руническом письме. О раннем прибытии первой волны «засельщиков края» говорят археологические данные, которые «свидетельствуют о проникновении в Якутию сначала хунно-сяньбийских – в III – первой половине IV в. н. э., а позднее с V–VI вв. – тюрко-монгольских групп [История Якутии, 2020: 124–131].

Что касается целого ряда кратких рунических надписей на скалах и на мелких бытовых предметах, обнаруженных на территории Якутии, чтение которых является весьма затруднительным, можно предположить, что они могли появиться здесь в более позднее время с приходом последующих волн тюркоязычных кочевников, уже имевших контакт с руническим письмом.

Список литературы

- Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: ЗАО Издательство «Мектеп», 2003. 368 с.
- Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 320 с.
- Верхоянские якуты: материалы Северной экспедиции А. А. Саввина (1939–1940 гг.). Якутск: ИЦ НБ РС (Я), 2022. 234 с.
- Иохельсон В. Кумысный праздник и декоративное оформление кумысных сосудов / сост. В. Коротов; [пер. с англ. на рус. В. Соловьева; авт. предисл. З. Иванова-Унарова]. Якутск: СМИК-Мастер Полиграфия, 2015. 84 с.
- История Якутии. В 3 т. Т. 1. / гл. ред. А. Н. Алексеев; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.
- Ксенофонов Г. В. Изображения на скалах р. Лена в пределах Якутского округа // Бурятияведение. 1927. Вып. 3, 4. С. 67–70.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 214 с.
- Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. 344 с.
- Кызласов И. Л. Религиозная природа енисейской письменности. II // Российская тюркология. 2014. № 1 (10). С. 52–61.
- Носов М. М. Художественные бытовые изделия якутов XVIII–начала XX веков. Якутск: Кн. изд-во, 1988. 103 с.
- Окладников А. П., Барашков И. И. Древняя письменность якутов. Якутск: Якутгосиздат, 1942. 40 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. – 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3. Стлб. 2509–3858.
- Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965. 226 с.
- Слепцов П. А., Левин Г. Г., Багдарыин Нь. С. уола. Руноподобная и неизвестная письменность на территории Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 2 (27). С. 70–77. DOI: 10.25693/SVG.2019.02.27.09
- Bravina, R. I., Popova, N. I., Vasiliev, V. E. Tamgas of the 19th and Early 20th Century Yakuts // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2021. № 14(8). P. 1108–1120. DOI: 10.17516/1997-1370-0793.

Архивные источники

Саввин А. А. Древняя письменность якутов. 1939–1940 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 4. – Оп. 12. – Д. 45, 46.

Сокращения

ЯНЦ СО РАН – Якутский научный центр СО РАН
Стлб. – столбец

Подпись к рисунку

Рис. 1. Типы семейных тамг якутов в сравнении с видами орнамента: а – тамги; б – узоры

ЭКСПЕДИЦИЯ ХАКНИИЯЛИ 2024 ГОДА В ДОЛИНУ РЕКИ ТЁЯ

В статье рассматриваются этнографические материалы, собранные в местах компактного проживания коренного населения Республики Хакасия и касающиеся их духовной культуры. Основное внимание уделено сведениям о празднично-обрядовой системе, свадебных обычаях, традиционной религии, демонологии и хакасской мистике.

Ключевые слова: Хазың тайи (праздник Берёзы), Чыл пазы (Новый год), Ёртүн тойы (праздник Гумна / Урожая), той (свадьба), хам (шаман), көрігчі («видящий»).

A. A. Burnakov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

THE EXPEDITION 2024 BY KHAKASS RESEARCH INSTITUTE FOR LANGUAGE, LITERATURE, AND HISTORY TO THE TYOYA RIVER VALLEY

The article examines ethnographic materials collected in places of compact residence of the indigenous population of the Republic of Khakassia and related to their spiritual culture. The main focus was on collecting information on the festive and ceremonial system, wedding customs, traditional religion, demonology, and Khakass mysticism.

Keywords: Khazyn taiii (Birch Holiday), Chyl pazy (New Year), Urtun toiy (Feast of Harvest), toi (wedding), kham (shaman), korigchi (seer).

В сентябре 2024 г. прошла очередная комплексная экспедиция Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, руководитель – ведущий научный сотрудник сектора языка, кандидата филол. наук А. С. Кызласов. В этнографическом плане перед членами экспедиции стояли две основные задачи: сбор сохранившихся сведений по традиционной хакасской культуре и изучение новаций в духовной сфере современных хакасов. Необходимость сбора полевых материалов на современном этапе продиктована недостатком доступных исследователям архивных материалов, а также неизбежностью возникновения новшеств вследствие социально-экономических преобразований в обществе. Экспедиционная группа работала в деревне Отты (*аал Оот пилтірі*) Аскизского р-на Республики Хакасия, а также в окрестных населенных пунктах Усть-Чул (*Чул пилтірі*), Верх-Тёя (*Чогархы Тёё*), Илиморов, Политов, Нижняя Тёя (*Индірки Тёё*) и хутор (*чайлаг*) *Тыттыг хол*. Собранные материалы по критериям новизны и оригинальности можно условно разделить на две группы.

Первая группа – сведения, подтверждающие и дополняющие материалы наших предшественников о бытовании традиционных праздников, верований и свадебных обрядов¹:

1) *Хазың тайи*, букв. Праздник Берёзы (информант – Л. Л. Чекурова).

2) *Ёртүн тойы* (вар. *Колхоз тойы*), trad. рус. Праздник Гумна, совр. рус. Праздник Урожая (информанты – А. А. Бурнаков, Т. А. Боргоякова).

3) *Чыл пазы*, хакасский Новый год (информант – Т. С. Боргоякова).

4) Этапы традиционной свадебной обрядности (*той*) и их трансформация в советский период (информанты – Т. С. Боргоякова, Н. М. Пахтаева).

Вторая группа – новые и ранее не описанные сведения, среди которых:

1) Представления о магической помощи отдельных деревьев конкретному человеку по исполнению его просьб и желаний в сложных жизненных ситуациях (информант – А. А. Пахтаев).

2) Сведения о деятельности в советский период «видящего» (*көрігчі*), вар. шамана (?) В. С. Кичеева (информанты – А. А. Бурнаков, Т. С. Боргоякова).

3) Отдельные новации в погребальной обрядности жителей долины р. Тёя (информант – Т. С. Боргоякова).

К сведениям, подтверждающим и дополняющим материалы наших предшественников, относятся сообщения о бытовании традиционного праздника *Хазың тайи* (букв. Праздник Берёзы). В с. Усть-Чул информант Л. Л. Чекурова сообщила, что в раннем детстве, в 1950-е гг. и вплоть до 1960 г. их семья проживала в с. Нижняя Тёя (*Көк хайа наары аал*). Название праздника *Хазың тайи*, ранее бытовавшего в этой местности, она слышала от отца и матери. О празднике упоминала и её бабушка по материнской линии – Мамышева Анисья (1908 г. р). Однако Л. Л. Чекурова не смогла описать ни этапов праздника, ни

¹ В тексте для обозначения того или иного праздника, обычая, обряда или элемента культуры используются хакасские названия и обороты в их аутентичном тейском произношении, отличающегося от литературного звучания.

каких-либо его элементов, поскольку в 1950-е гг. в с. Нижняя Тёя его уже не проводили.

В этом же селе информанты сообщили о бытовании у хакасов в советское время праздника, проводимого после уборки урожая – *Ўртүн тойы*, букв. Праздник Гумна. В советское время этот праздник носил параллельное название – *Колхоз тойы*, букв. Колхозный пир. По словам Т. С. Боргояковой, местом его проведения в с. Усть-Чул служила поляна (*ачых чир*), расположенная чуть ниже современного моста через реку Тёя (*арыг саринзер, индире арах*). Праздник начинал ведущий, избранный из числа наиболее уважаемых мужчин, он совершал ритуальные действия в честь божеств и духов (*таг-сузларның суранып іліг тастақаңнар*). По окончании ритуальной части наступал этап праздничного пира. Информант подчеркнула, что в нем принимали участие лишь люди зрелого и преклонного возраста, молодёжь не участвовала, а лишь издали наблюдала (*оортахтаң көрсебіс*) за происходящим. Сама информант стала участвовать в праздничном мероприятии лишь по достижению пятидесяти лет.

Этот же информант сообщила, что ей хорошо известен способ определения местными жителями старшего поколения времени наступления традиционного хакасского Нового года (*Чыл пазы*). По словам Т. С. Боргояковой, о наступлении дня Нового года всегда узнавали по вершине горы, называемой *Тас хамах* (букв. Каменный лоб). Как только с неё сходил снежный покров, значит наступил Новый год – «*Чыл түсси. Чылыг полар*», букв. [Новый] год спускается [свыше]. [Теперь] Будет тепло. Также информант поделилась сведениями и о праздновании *Чыл пазы* (Новый год) в дни её молодости. По сообщению Т. С. Боргояковой, в то время люди зрелого возраста и молодёжь *Чыл пазы* не отмечали. Она подчеркнула, что его отмечали лишь старые люди (*улузлар*) села. Они выходили на гору *Ибеттіг*, где и проводили обряды.

К группе ранее не описанных сведений относится народное поверье о магической «помощи» отдельного дерева конкретному человеку. Информант А. А. Пахтаев рассказал, что в детстве старые люди (*уучалар, улуз абалар*) рассказывали о магическом способе обращения человека к отдельному дереву за помощью в сложных жизненных ситуациях (*агасха нара пазып суранчилер, чтобы чуртас ниик пулган*). Для этого нужно было найти дерево, которое понравится тебе больше других (*хайдыг агас синің кўңніңе кірчи*). Порода дерева в данном случае не играла никакой роли, этим деревом могла быть и лиственница, и берёза, и другие деревья, главным критерием отбора выступает личная привязанность и доверие к отдельному дереву. Для исполнения просьбы необходимо встать рядом с избранным деревом и, обратившись к нему лицом, произ-

нести свою просьбу (*турбал да суранмал*). При этом информант затруднился пояснить, как действует механизм «реализации» человеческих просьб, само ли дерево «исполняет» пожелания обратившегося к нему человека либо оно выполняет роль, «передающего звена» в небесную сферу к населяющим её божествам.

Информант Н. М. Пахтаева (Топоева) рассказала об основных этапах свадебной традиции хакасов, проживающих в данной местности, и приводила примеры из собственной жизни. Например, её с мужем свадьба состоялась по обряду умыкания (*харамнап*), хотя невеста и была согласна выйти замуж, но жених всё же решил её «скарामчить», что для неё оказалось полной неожиданностью. После «карамчения» будущую невесту спрятали у родственников жениха. Здесь же провели обряд «*Сас тойы*» (букв. Пир волос). Две невестки (*абызыннар*), обычно жёны старших братьев жениха, под исполнение обрядовых напевов распустили невесте волосы и заплели их в две женские косы (*тулуң*). По обычаю на этот обряд всегда приглашали только людей из полных семей, т.е. не вдовых, а молодым людям строго запрещалось пить спиртные напитки. Подобные ограничения существовали и на последующем свадебном обряде, именуемом *Пастагы чарас* (букв. Первое замирение [сторон] / Первая мировая), проводимого на следующий день (*пір күнінде*) после карамчения. Если невеста и её родственники соглашались на брак, то в большинстве случаев через условленное время, проводили следующий обряд *Ікінчі чарас* (букв. Вторая мировая), в ходе которого решались конкретные вопросы предстоящих свадебных расходов, назначался день свадьбы, размер приданого (*тулуң*) и калыма (*халын*). На этом этапе могли присутствовать и жених с невестой. После него и до завершения главного свадебного обряда в доме родителей жениха (*Улуз той / Оол тойы / Сын той*) невесте запрещалось появляться в отчем доме (*хыс нанып полбинче*). Приданое невесты, как правило, состояло из трёх частей: ритуальной продуктовой части – хлебные изделия, масло и мясо (говядина и баранина), при этом существовало табу на использование свинины; предметов быта – спальные принадлежности и т. д.; скота – крупный и мелкий рогатый скот. Калым 1980-е гг. обычно давали деньгами и он предназначался для матери невесты, за её труды по рождению и воспитанию дочери, как говорили старые люди, – «*имчек сүдіне тірілче*», букв. даётся [за] молоко матери. Существовало правило при получении калыма его полностью не забирать (*пүкүліне албақаңнар*), а обязательно оставлять его малую часть подносящей стороне («*халын алза сыбыра көмес нандырарга кирек*»). Когда Н. М. Пахтаева выдавала замуж свою дочь, то из полученных ею в качестве калыма двух тысяч рублей, пятьсот рублей

она, согласно хакасскому этикету вернула родителям жениха. Главное свадебное мероприятие – [Улуз] той у нашего информанта, по согласованию сторон, состоялось через полгода после Второй мировой (Икинчи чарас) и он был объединённым, т. е. отдельного тоя при обязательном посещении новобрачными и родственниками жениха родителей невесты (хыс аладып парчи) не было. По словам Н. М. Пахтаевой, это решение было принято ею в связи с тем, что её мать к этому времени умерла, а она не хотела обременять своего отца, на плечах которого держалось всё домашнее хозяйство. А, у её старших родственников, как и полагается по обычаю, было по два тоя. Однако, такой элемент свадебной обрядности, как ритуал *Idic хабары* (букв. выхватывание сосуда [с вином для откупа]), характерные для тоя, проводимого в доме родителей невесты, всё же были проведены. Поскольку главное свадебное мероприятие состоялось зимой, после Нового года, то на регистрацию в аал Усть-Чул ездили в санях, т.к. частных автомобилей в начале 1980-х гг. было ещё мало. На регистрацию новобрачные поехали в обычной современной непраздничной одежде, а дома в день свадьбы невеста надела современное белое платье. Однако, на другой день (*пазагы кўнinde*) сменила его на традиционное хакасское платье и платок, т.к. старшим родственницам не понравилось, что она одета не в национальную одежду. В этот день пир уже в основном закончился, близкие родственники занимались учётом и распределением полученных подарков.

На свадьбе (Той) в присутствии родственников жениха и невесты был проведён ритуал поклонения невесты (*наа пала*) божеству семейного очага (*От ине / От Иче*). Ритуал выглядит следующим образом – перед введением невесты в дом родителей жениха в него первой (*кўн алдында*) входит семейная пара (*ир-ипчи*), которые вопрошают (*суранчилер*) у сидящих родственников жениха – «*чаратчизер ба [ниске наа паланы туразар] кирерге, нис туйга килдiбiс. Пiстi кирерге чаратчизер ба?*». Буквальный перевод – «разрешаете ли [нам невесту в ваш дом – А. Б.] завести, мы на свадьбу [уже – А. Б.] пришли. Нас запустить [в свой дом – А. Б.] разрешаете ли? Следом заходит жених с гостинцами (*тулуптыг*). После согласия родственников вошедшие отдают гостинцы и открывают бутылку со спиртным и угощают сидящих. После чего в дом заводят невесту, её ведёт старшая невестка / сношенница (*абызын*), накрывши сверху невесту и себя одним большим шерстяным платком (*хыл плат*). После них заходят остальные родственники. Жених (*оол*) находится рядом с невестой и женой брата (*нигечи*) и тоже кланяется божеству семейного очага *От ине*, букв. Огонь Матушка. После поклонения божеству Огня наступает черёд ритуального (*кибир*) «битья» жениха плетью (*хамчы*).

Родственник со стороны матери невесты (*тайы*) три раза опускает плётку на спину жениха, два раза только касается, а на третий раз бьёт по-настоящему, но не сильно. По словам информанта, некоторые бьют коротенькой плёткой, но это считается плохой приметой (*ырсы*), т. к. его жизнь тоже станет короткой. Чтобы жизнь была длинной и полной необходимо «бить» длинной и целой плетью. Ранее описанный в этнографической литературе обряд поклонения Луне и Солнцу в долине р. Тёи в настоящее время не известен. По мнению информанта, полученный на свадьбе в качестве дара скот (коровы, овцы, лошади) и другие подарки позволяли молодой семье практически сразу встать на ноги и начать вести своё собственное хозяйство.

Ко второму типу сведений, т.е. не встречающихся в этнографической литературе, относятся сообщения о жизни и деятельности известного «видящего» (*кўригчи*) Кичеева Василия Семёновича (*Паятка / Пасют*). Он специализировался на «розыске» пропавших вещей и скота, а также ставил «диагнозы» обратившимся к нему больным людям. Со слов одного из старейших жителей с. Усть-Чул А. А. Бурнакова, предсказания *Паятки* бывали достаточно точными, а вот «лечебная» деятельность мало помогала. Информант лично приводил на лечение к Паятке двух своих ближайших родственников, однако «лечение» оказалось безуспешным. Другой информант Т. С. Боргоякова, которой указанный мистик приходился дедом по матери (*апчах тайдук*), сообщила, что он в молодости потерял зрение (*харах кўрбечең*). Но при этом всё равно считался сильным «шаманом» (*хам*), хотя в указанное время никто из информантов не видел у него ни бубна (*тўўр*), ни шаманского одеяния (*хамдых тон*). Основными его занятиями были гадания (*тўлке*) и лечение больных (*кiзi имнечең*), шаман «правил» людям животы (*кiзi истiн тутчаң*) при опущениях и т. д. Прежде чем приступить к «лечению», он ставил «диагноз» по пульсу (*тамыр тутчаң*). При гадании П. Кичеев использовал один из распространённых у хакасов мистических методов «смотрения в воду» (*суг кўрчең*). Брал стакан с водой и опускал в него монету, принесённую клиентом, и при этом, будучи слепым, глядя в стакан, отвечал на заданный вопрос. По словам информанта, предсказания деда были достаточно точными (*орта чоохтачаң*), поэтому к нему за помощью приходило много людей, в том числе и из других регионов Сибири и даже из Москвы. В основном люди шли с просьбой о помощи в поиске пропавшего скота, вещей или денег. Поскольку шаман плохо знал русский язык, а обращались к нему люди разных национальностей, то для общения с ними у него имелся свой переводчик, в роли которого выступал местный писатель Ф. Г. Бытотов.

Интересны сообщения информанта Т. С. Боргояковой и об отдельных, ранее не известных, изменениях, происходящих на современном этапе в погребальной обрядности жителей долины р. Тёя. Например, в отдельных случаях существует временной разрыв между помещением гроба с телом покойного в могилу и его засыпания землей. Такое случается редко и лишь в тех случаях, когда кто-либо из близких родственников в силу объективных обстоятельств не успевает на похороны, опаздывая на два-три дня, но в силу близких родственных связей обязанного попрощаться с усопшим. Подобное произошло при похоронах её мужа Василия Боргоякова (*сёёк Хобый*). Родной старший брат Таисии Самсоновны (*миниң ачам*) не успевал на похороны зятя и попросил повременить с захоронением (*[чирниң] чапаңар*

теен). Как близкий родственник он должен был попрощаться (*күрерге*) с усопшим. Таисия Самсоновна и родственники пошли ему навстречу и удовлетворили просьбу. Покойного привезли на кладбище и гроб с телом опустили в могилу и, не зарыв её, прикрыли досками (*[чирниң] чапабыс*). На третий день подъехал старший брат информанта, сама процедура прощания прошла без открытия гроба (*хамдызын ла көрп алган*). Все дальнейшие действия прошли как при обычных похоронах – гроб засыпали землёй и соорудили традиционный надмогильный холмик. Поминальные обряды (*ибіріглері*) также прошли в соответствующие дни. Следует добавить, что подобные похороны в *Усть-Чуле* были не единственными.

Заключение

В ходе научных изысканий нами были собраны краткие остаточные сведения по традиционной хакасской мистике, демонологии, религии и празднично-обрядовой культуре. Однако рамки статьи позволили осветить лишь наиболее интересные, на наш взгляд, материалы по духовной культуре жителей долины р. Тёя. В целом можно отметить, что современные информанты имеют лишь фрагментарные, несистемные представления о традиционной духовной культуре хакасов. Практически никто из них не смог рассказать о традиционном устройстве мира, неоднократно описанном в более ранние периоды. Особенно плохо сохранились представления о Верхнем мире (*Тигір чирі, Ыёркі тилекей*), о его структуре и соответственно о божествах и духах населяющих его. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении Нижнего мира (*Чир алты, Төбінкі тилекей*) и соответственно о божествах

и духах населяющих его. Гораздо лучше сохраняются представления о божествах и духах Среднего мира (*Ортын тилекей, Күнниг чир*), особенно о [духах] хозяевах гор (*таг ээзі*). Однако, несмотря на этот факт, до сих пор встречаются остаточные представления об отдельных элементах традиционной культуры, например, о традиционных (автохтонных) праздниках. Причём полнота сведений сильно варьирует, в основном сохранились лишь названия праздников без понимания объекта почитания и сути праздника, что говорит об исчезновении традиционной культуры и о потребности в изменении способов передачи знаний о традиционной хакасской культуре из устного на современные – книжный, и цифровой. В свою очередь это накладывает особую ответственность на исследователей в сборе, сохранении и неискажённой передаче полученной информации.

Сведения об информантах

Боргоякова (в дев. Бурнакова) Таисия Самсоновна, 1938 г. р., сагайка, *сёёк Таг харга*, работала в сельском хозяйстве на различных должностях (доярка, продавец, почтальон).

Бурнаков Афанасий Андреевич (*Коля*), 1945 г. р., сагаец, *сёёк Таг харга*, киномеханик.

Пахтаев Артём Афанасьевич, 1960 г.р., сагаец, своим родом назвал *сёёк Сайын* (по В. Я. Бутанаеву – *сёёк Табан* [Бутанаев 1994: 58]). Родился в д. Илеморово (*аал Илеморов, ранее аал Чахсы хоных*), рабочий.

Пахтаева (в дев. Топоева) Наталья Михайловна, 1962 г. р., сагайка, *сёёк Хобый*, образование среднее, продавец.

Чекурова (в дев. Субракова) Лариса Леонтьевна, 1954 г. р., сагайка, своего *сёёк`а* не знает, учитель.

Список литературы

Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии научно-исследовательского сектора Абаканского гос. пед. инст-та, 1994. 93 с.

ПОХОД КИДАНЕЙ НА ЗАПАД, СВЯЗИ МЕЖДУ КИДАНЬСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ЛЯО И КЫРГЫЗСКИМ КАГАНАТОМ

Династия киданей Ляо, которая располагалась на востоке Евразии, дважды предпринимала экспедиции на запад, преодолевая политический железный занавес, отсекавший восточную Евразию с севера на юг, прокладывая путь по монгольским степям, среднему течению реки Хуанхэ и коридору Хэси, тем самым открывая канал для общения со странами и племенами восточного Тяньшаня и Горного Алтая. Маршрут канала начинался от дороги Монань и проходил через горы Тяньшань через Барколь в регионе Синьцзян. В то же время Кыргызский каганат находился в упадке, и его территории сократились до части Горного Алтая и долины Верхнего Енисея. Кыргызы направляли послов для поддержания контактов с династией киданей Ляо, чтобы противостоять политическому давлению со стороны гаочан-уйгуров. Эти две страны четыре раза устанавливали связи, следуя по маршруту экспедиции киданей на запад.

Сложная геополитическая обстановка, которая способствовала временному установлению связей между Кидань-Ляо и Кыргызским ханством, очевидно, отражала характер X века, когда после распада прежней системы объединенных территорий сформировались многополярные системы. Основные транспортные пути через Восточную Евразию были отрезаны и по отдельности заняты несколькими государствами; различные взаимоотношения между новыми государствами предоставляли различные возможности для коммуникации по всей Восточной Евразии. Таким образом, взаимодействие востока и запада в средневековой Евразии не было проблемой простых транспортных маршрутов, что можно объяснить с помощью историко-географических исследований. Нам необходимо рассмотреть более сложные элементы с точки зрения средневековых евразийских много государственных систем.

Ключевые слова: Династия киданей Ляо, кидане, Кыргызский каганат, кыргызы, Абаоцзи, уйгуры Ганьчжоу, военный поход, геополитика, долины Верхнего Енисея, Тянь-Шань, Алтай, река Орхон.

H. Sun

Institute of Ancient History, Chinese Academy of Social Sciences
(Beijing, China)

THE KHITAN WESTWARD EXPEDITION AND THE COMMUNICATION BETWEEN THE KHITAN LIAO AND THE QIRQIZ KHANATE

The Khitan-Liao Dynasty, which was localized in the eastern Eurasian, undertook westward expeditions on two occasions, breaking through the political iron curtain across eastern Eurasia from north to south by traveling across the Mongolian steppes, the middle reaches of the Huanghe River and the Hexi Corridor, thereby opening up a channel for communicating with the countries and tribes of the eastern Tianshan and Altai mountains. The route of the channel began from the Monan road and entered the Tianshan mountains via Barkol in the Xinjiang region. At the same time, the Qirqiz Khanate was in decline and its territories had been reduced to parts of the Altai mountains and the upper Yenisei valley. The Qirqiz sent envoys to communicate with the Khitan-Liao Dynasty to resisting the political pressure from the Gaochang Uyghurs. The two countries communicated on four occasions by following the route of the Khitan westward expedition.

The complex geopolitical environment that contributed to temporary communication between the Khitan-Liao and the Qirqiz Khanate, obviously, reflected the character of the 10th century when multipolar systems formed after the fall of the earlier system of unified territories. The main traffic routes across Eastern Eurasia were cut off and occupied separately by several polities; the various relationships among the new polities presented different possibilities for communication across Eastern Eurasia. Therefore, east-west interaction in medieval Eurasia was not a problem of simple traffic routes which can be explained by historical geographical studies. We need to examine more complex elements from the perspective of the medieval Eurasian multi-state systems.

Keywords: Khitan-Liao Dynasty, Khitan, Qirqiz Khanate, Qirqiz people, Abaoji, Ganzhou Uyghurs, military campaign, geopolitics, Upper Yenisei Valley, Tien Shan, Altai, Orkhon River.

During the period of the 9th to 10th centuries, the eastern Eurasian history experienced a major transition that the cosmopolitan empire of Tang Dynasty collapsed and split into several regional regimes. The Khitans in the empire borderland rose and established the Khitan-Liao Dynasty, which was in parallel with the rise of the five dynasties (Liang, Tang, Jin, Han, Zhou) over the ruins of the Tang

Dynasty successively, and the Song Dynasty that unified the central plains. At the same time, the order of the nomadic khanate of Türkic-Uyghur people in the Mongolian plateau collapsed under the attack of the Qirqiz people which lived in the khanate northern border. The Uyghurs and other Türkic peoples were forced to migrated to the west and south, scattered around the regions from the Hexi corridor to the

eastern Tianshan mountains, and established a series of small polities in the form of khanate or tribe confederations. Meanwhile, the Qirgiz people didn't move south in large numbers to the Mongolian steppes, the new power quickly withdrew its forces in the second half of the 9th century to their homeland in the upper Yenisei River. The Khitan and Qirgiz peoples are important driving forces which transform the eastern Eurasian history into a multi-polar and parallel pattern, even though they are not directly intersected in major historical events.

Under the complicated situation at that time, the eastern Eurasian regional structure separated into blocks whose powers connected by kinds of linkage relations across different blocks. The Khitan and Qirgiz peoples were geographically separated from each other, and their prior contact was bound to transcend other regimes and tribes' sphere of influence. Therefore, "communication" has gone beyond the scope of simple historical events of transportations but can more broadly show the historical process of multi-power and inter-tribes' interaction in eastern Eurasia at that time.

This historical process roughly started in the early 10th century when the Khitan carried out a large-scale military expedition to the west (916-924), which directly began their political contact with the polities in the regions of Tianshan-Altai mountains, which also contributed to the Khitan communication with the Qirgizs. Hence, in the sixth year (931) of Tianxian天顯 reign-period, soon after the western expedition, the Qirgizs first appeared in the official documents of the Khitan Liao Dynasty as the words as "the general of the southwest frontier sent the Qirgizs who admired the empire to the court". In the second year (948) of the Tianlu天祿 reign-period of the emperor Shizong 世宗, Liao Dynasty sent Pendu 盆都 as the envoy to Qirgiz khanate. Then, the Qirgiz envoys came to Liao court in 952, the second year of the Yingli 應曆 reign-period of the emperor Muzong 穆宗, as the record sated "the Uyghurs and Qirgiz sent envoys to pay tributes"; and in 976, the eighth year of the Baoning 寶應 reign period of the emperor of Jingzong 景宗, as the record said "the Qirgiz state sent the envoys to pay tribute". The only four "communications" between the two sides were the consequence of the complex geographical linkage between the Khitan-Liao Dynasty and the polities in eastern Tianshan-Altai mountains, the Mongolian steppe in the north of Gebi Desert, the Hexi 河西 corridors (the corridors at west of the Yellow River), and even the southern dynasties of the central plains. This paper intends to explore the historical changes of eastern Eurasia in the 10th century by analyzing the geopolitic channels for the communication between the Qirgiz and Liao Dynasties and the geopolitical relations along the route in the decades after the western expedition of the Khitan Abaoji 阿保機.

1. The Khitan Westward Expedition and Their Exploration of the Eastern Tianshan Pass

During the early 10th century, the Khitan people who lived in Manchuria agropastoral area rapidly expanding to surrounding areas. Abaoji, the founder of the Liao Dynasty, started two successive large westward expeditions from 916 to 924. The Khitan forces expanded to the regions of Hetao 河套 (the bend of Yellow River) and the Mobei 漠北 steppe (in the north of Gebi desert in Mongolian plateau), controlled the eastern line of the passes which stretched from the polities of the western regions to the Khitan hinterland (Chifeng 赤峰, Inner Mongolia of China today). The western march of Khitan brought great changes to the political situation around the steppe political channel by establishing a connection between the eastern Tianshan-Altai mountains and the Chifeng. It was an important prerequisite and foundation for the political communication between the Khitans and the Qirgizs.

The main attacking targets of the first western expedition of Khitan was to conquer the Tangut peoples who lived around the Yellow River and Yinshan mountain, as well as battled for the political control of the regions of Daibei 代北 with the Tang Dynasty that founded by Shatuo 沙陀 people.

The Chronicle of the emperor Taizu 太宗, in LS, in the first year (916) of Shence 神冊 reign-period:

The Renshen 壬申 day in the seventh month, the emperor led the march against the Türks, Toyuq, Tangut, Xiaofan 小蕃 and Sahtuo peoples, then subjugated all of them. The emperor captured about 15600 households of chiefs and other people, seized more than 9 hundred thousand armors, weapons and other supplies, uncountable treasure, camels and cattle and sheep. In the eighth month, the emperor's army occupied the prefecture Shuozhou 朔州, captured the military governor Li Siben 李嗣本. Then, carved the stele as the monument to declare the emperor's mighty achievement in the south of the Qingzhong 青塚 cemetery. In the first day of Guiwei month (the tenth month of this year), the emperor marched east for exploiting the victory. In the eleventh month, conquered 5 prefectures of Wei 蔚, Xin 新, Wu 武, Gui 媯 and Ru 儒, decapitated more than 14700 enemies. The emperor finally took all the lands from the Daibei 代北 to the bend of the Yellow River and the north part of the Yinshan mountain, and later changed the name of Wuzhou 武州 as Guihuazhou 歸化州, Guizhou 媯州 as Kehanzhou 可汗州, established the Xinanmian Zhaotaosi 西南面招討司 (the bandit suppression commissions of the southwest front) to control these territories.

The land of DYY (from the Daibei to the bend of the Yellow River and the north part of the Yinshan mountain) ranged from the northwest of Taihang 太行 mountain to the bend of Yellow River, northern bordered to the Yinshan mountain of the southwest of Inner Mongolia, where had been inhabited by multi-ethnic groups before the 10th century such as

the Türks, Toyuq, Tangut, Shatuo (a small branch of Turks migrated from the Altai mountain) and Xiaofan who were not lived here originally, but moved eastern for escaping the war until the 8th-9th centuries, and then were located here. In the early period of the 10th century when the Tang Dynasty collapsed, the Shatuos who founded the regimes such as Later Tang and Later Jin on the ruins of the Tang empire attacked with their northern strong neighbor Khitans mutually. The land of DYY was one of the key areas of contention between these north and south powers. Therefore, the victory of Abaoji western expedition marked that the Khitan power prevailed over the Shatuo powers in this area.

Furthermore, the campaign in the August of the western expedition indicated that the Khitan power had occupied the territory under the jurisdiction of the Zhenwu military prefecture 振武軍 of the former Tang Dynasty, namely the area at the southern foot of the Yinshan mountain, centered on Hohhot of Inner Mongolia today.

According to his biography of the JWDS, Li Siben was the commander of the Daibei armies as well as resident and wide Toyuq peoples. In the ninth year (912) of Tianyou 天祐 reign-period of Shatuo-Tang, he held the post of the Zhenwu military prefecture governor and proclaim himself as “Weixin 威信 Khahan” (Prestige Khahan). In sixth month of the thirteenth year (912) of Tianyou 天祐 reign-period of Shatuo-Tang, he returned to Zhenwu prefecture and soon after was defeated and captured by the Khitan army in the eight month. According to the entry of the Zhenwu of Fengzhou 豐州 in the Treatise on the Geography of LS records, “At first, the governor of the military prefecture of Zhenwu was Siben who was appointed by his brother the emperor Zhuangzong 莊宗 of Shatuo-Tang. In the first year of the Shence 神冊 reign-period of the Taizu, the emperor returned from the campaign to punish the Toyuq, assaulted the prefecture and seized all the citizens to the east, left only 300 militiamen here. It indicates that the Khitan power established Fengzhou at the location of the former Zhenwu of the Tang Dynasty where is Hohhot today for making here and surrounding area of the south foot of Yinshan mountain as the strategic base for expanding to the west of Hetao.

However, it's just an exaggeration to say that the Khitan power took all the land of DYY as the records in LS. In fact, seeing from terms of military strategy, they didn't steadily control the whole of the territories, and must place some kind of military center such as Xinanmian Zhaotaosi which had guaranteed the control of the east of outer Hetao (the areas between the north of the bend of Yellow River and the south of Yinshan mountain) to take further military expedition west. So, the Khitan power made the Hohhot and surrounding areas as the strategic front at that time. After this, they launched more military operations towards the north regions of Hetao, as the chronicle records:

In the fifth year (920) of the Shence 神冊 reign-period, “In the Jiwei 己未 day of the eighth month in autumn, the Tangut tribes rebelled. Xinwei 辛未 day, the emperor led the campaign to repress the rebellion. In the Jichou 己丑 day of the ninth month, the crown prince led Hanlizhen 汗里軫 Irkin of Diela royal division 迭刺部 and other armies to invade the territories of Yunnei 雲內 and Tiande 天德. In the Xinwei 辛未 day of the tenth month in winter, they occupied Tiande. In the Guiyou 癸酉 day, the military governor Songyao 宋瑤 surrendered, and was awarded bow and arrows, saddle and horse, flag and drum (which represented his new status of military commander in Khitan army), whose military prefecture was changed the name as Yingtian 應天. In the Jiaxu 甲戌 day, the emperor and his army returned, but Songyao rebelled. In the Bingzi 丙子 day, the royal army conquered the rebel's towns, seized Songyao and his families again, took his subject peoples to the south of Yinshan mountain”.

The achievement of the operations in 920 was mainly eliminating the threaten of the Shatuo-Tang's military prefecture of Tiande outside the Khitan southwest front, however, where the Khitan didn't try to take administrative management constantly, instead, they removed all the citizens east to the territory of Fengzhou where was the base of the Khitan southwest front. The treatise of Geography of LS recorded the process, “Taizu repressed the Tanguts, then occupied Tiande, removed all the governors and citizens to the east (the territory of Fengzhou), where the emperor established the bandit suppression commissions later, more settlements gathered and formed the towns, whereupon the emperor appointed the royal members to take the governmental administration of Fengzhou in the official status of “Tiandejun jiedushi” 天德軍節度使 (the military governor of Tiande army).” The Khitan expanded his power to the territories of the north of Hetao by the support of the military strategic pivot in Fengzhou front, but was being obstructed outside Hetao (the north of the bend of Yellow River) by the Tangut tribes who resided in south areas where were the inner Hetao with surrounding areas from east to west. Even in the eleventh century, when the Tangut founded the Xia Dynasty 西夏, the Khitan-Liao powers didn't control the inner Hetao, so the Fengzhou also became the strategic front for defending against Xixia Dynasty.

Not until the second large western expedition from the third to the fourth year (924-925) of the Tianzan 天贊 reign-period of Khitan Taizu, did the Khitan power break through the north pass of the Hetao and expand its political influence to the regions around the Altai mountains. The chronicle of Taizu of LS records this large western expedition as below:

In the Yiyou 乙酉 day of the sixth month (the third year of Tianzan reign period),at this day, took large campaigns to punish the Toyuqs, Tanguts, Zubu 阻卜 and other groups. Ordered the crown

prince to preside over government affairs in the court, and the generalissimo follow the emperor to the expedition.....In the Yiyou day of the eighth month, arrived at Wugu mountain烏孤山, took the worship by sacrificing with goose. In the Jiawu 甲午day, arriving at the location of the ancient Chanyu country 單于國, the emperor climbed the Alidiayadesi mountain阿里典壓得斯山 and worship by sacrificing with the roe deer. In the Bingshen 丙申 day of the ninth month, arrived at the ancient Uyghur castle and carved the stele as the monument to declare the emperor's merits. In the Gengzi 庚子 day, worshiped the sun in the forest of Zhi 躡林. In the Bingwu 丙午day, the emperor sent the cavalries to attack the Zubus. (at the same time) Su蘇 who was the chancellor of the south governmental court 南府宰相 and Dieli 迭里 who was the irkin of the south royal tribe 南院 invaded the areas outside the southwest front. In the Yimao 乙卯day, Su presented the captives.....In the Jiazi 甲子day, ordered to erase the inscriptions of the Bilig Khahan stele and carved His Majesty merits instead by the Khitan, Türkic and Chinese inscriptions. This month, the emperor conquered the tribes in Humusi mountain 胡母思山 and arrived at the Yedesi mountain 業得思山, worshiped the sky and the earth by sacrificing with the red cow and cyan horse.....In the Bingyin 丙寅day of the tenth month in winter, the emperor hunted in Yuleshan mountain 寓樂山 and captured thousands of wild beasts for military supplies. In the Dingmao 丁卯day, the emperor stationed the troops in the Balisi mountain 霸離思山, then sent a force conquered the Futu town 浮圖城 by crossing the desert and controlled all the remote west tribes. In the Yiwei 乙未day, the force captured the tutuq of Uyghur in Ganzhou 畢離遏, and sent an envoy to decree to his master the Khahan Wumzhu 烏母主可汗. The emperor shot a tiger in Wulayeli mountain 烏刺邪里山, and then arrived at the Bashi mountain 霸室山. The emperor and his army marched for about six hundred miles while hunted so as that the soldiers had fresh food every day.

(The fourth year of the Tianzan reign period), in the Bingyin 丙寅day of the second month, the generalissimo Yaogu invaded the Tanguts..... In the Yihai 乙亥day, Xiao Aguzhi 蕭阿古之 returned from invading Yan 燕 and Zhao 趙, presented the flags and amors. In the Xinmao 辛卯day, Yaogu presented the Tangut captives. In the Bingshen 丙申day of the third month, rewarded the army in the Shuijing mountain 水精山. In the Jiazi 甲子 day, the emperor attacked Xiao Fan 小蕃 in the south and conquered their tribes. The queen and crown prince greeted the emperor and his army in at the Zhali river 札里河. In the Guiyou 癸酉day, the Uyghur khahan Wumuzhu sent the envoy to pay tribute and present his gratitude. In the Guisi 癸巳day of the ninth month in autumn, the emperor and his army returned to the capital from the western expedition.

The scholars have researched the historical geographical information revealed in the chronicle text. According to the general opinions, the westward march route of Abaoji started from the Khitan hinterland (Chifeng, Inner Mongolia of China today), passed through Kherlen Gol 克河, came into the Orkhon basin, where Abaoji visited the site of Uyghur Khahan's capital "the old Chanyu country" (Hoshoo Tsaydam, state of Monglia today) and the site of ancient Uyghur city (the site of Qarabalghasun of the state of Monglia today) successively, then marched west into the Balisi mountain (Barkul mountain in Xinjiang of China today) along the traditional route named "Uyghur road", where Abaoji dispersed his forces to invade the tribes in the Altai mountain and Tianshan mountain separately, this is what above record said, "(the emperor) sent a force conquered the the Futu town 浮圖城 by crossing the desert and controlled all the remote west tribes", at this time, the Khitan established official relations with the Gaochang Uyghur which was in Tianshan mountain. In conclusion, it is no doubt that the route of the second Khitan western expedition march to the northeast mountains of Xinjiang was through the steppe route of Mobei (the north of Gebi Desert).

However, the route that the Khitan army returned home in this piece of chronicle text is so vague that required further analysis. The key clue is the track of the generalissimo Yaogu (i.e. Yelvdenguang 耶律德光, the emperor Taizong 太宗 of Liao Dynasty). According to above chronicle text, Yaogu followed Abaoji to march west to the Mobei, but he suddenly invaded the Tangut in the second month of the fourth year of the Tianzan reign-period. It is obviously confused that Yaogu appeared in the opposite direction of the wester expedition. Nagasawa Kazutoshi 長沢和俊 interpreted that Yaogu must led the other force departing from the main force on the western march to repressed the enemies on the route of the Monan 漠南 (the south of Gebi desert), along which Yaogu and his force first came back to Shangjing 上京 (the Khitan capital) more earlier, and later greeted Abaoji's main force with the queen and crown prince together. But Nagasawa's preconceived idea that the Khitan main force must returned along the route of Mobei without the conclusive evidence made him to misinterpreted the key clues shown in chronicle text. Considering the contexts in this chronicle record and other relative biographies, it is obvious that Yaogu didn't separate from Abaoji's main force but was the spearhead all the time. It can be seen in these records as follow:

"Taizong followed Taizu to defeat the Yujueli 于厥里 tribes, repress the Tanguts of in the valley plain of the Yellow River 河壩党項, conquer the towns in Shanxi 山西 (the west of Taihang mountain), occupy the Uyghur Chanyu castle" "When His Majesty march west, Tulvbu 突呂不 and the generalissimo were the spearhead of the army."

In accordance with common sense of the military march, the spearhead of the Khitan army didn't depart from the main force and act independently. Hence, the track of Yaogu was equivalent to the one of the main forces in the western expeditions. In a manner of speaking, the military operation in the fourth year (925) of the Tianzan reign-period, the Khitan spearhead compelled the Tangut of Monan route to subject cleared the obstacles and threats, was some kind of a strategy for the main forces return east. Beginning return march from the Balisi mountain, the main forces followed the spearhead's Monan route, assembled with the spearhead in the Shuijing mountain水精山, and soon later attacked the Xiaofan in the south in the fourth month in summer. As previously mentioned, the Xiaofan lived near the east of the bend of Yellow River, where should be not very far from the Shuijing mountain. In the ninth month, the western expedition ended, the Khitan emperor and his army returned the capital. If connecting all the locations in the track of Yaogu, it will be seeming that the east part of the return route of the Khitan western expedition generally passed through the territories of the Tanguts in the north of the bend of the Yellow River and moved east towards the Shangjing capital (Chifeng, Inner Mongolia today). It is far from Nagasawa's assumption that the Khitan army returned along the steppe route which passed through the north of the Desert and Khrlun River to the Khitan hinterland.

As above quoted passage showing, the track of the troop led by Su and Dieli for protecting the flank of the main force also demonstrated actual the march direction of the Khitan main forces in the western expedition. The Biography of Yelv Antuan 耶律安搏 in LS said that "Dieli performed meritorious service when he followed Taizu to punished the Zubu and Tanguts", and recorded it happened in the sixth year (921) of Shence reign-period when was before he joined the battle against Bohai state in the third year (924) of Tianzan reign-period. But the chronicle of Taizu only mentioned that the Khitan emperor led the army to moved south but not north towards to the Zubu and Tanguts in 921. Therefore, the time of the campaign of Dieli against the Zubu and Tanguts must be in 924 when the Abaoji was in the western expedition across the Mongolian steppe. Su and Dieli led the Dragon troop 龍軍 as the flank to protect the main forces by attacking any other tribes such as the Zubu which were threatening the Khitan army southwestern flank. So Dieli's punishment on the Tanguts should be for protect the main forces when they passed the bend of the Yellow River to return home in the same year. In addition, seeing from the perspective of the general strategy, Abaoji arranged the defense at the southwestern front for protecting the Khitan hinterland during the western expedition, which also actually guaranteed the main pass near the bend of the Yellow River safety and protected the main forces from the southern threats. The evidence

in the second year (923) of the Tianzan reign-period can proved the strategical arrangement: the chancellor of the North court 北府宰相 Xiao Aguzhi 蕭阿古之 followed Abaoji's order to take in charge of the south frontier defense and led Wangyu 王郁 et al. to invade the regions Yan and Zhao where were outside the south frontier to eliminate the threat from the south regimes, this troop assembled with the Khitan main forces which returned to the east from the western expedition in the fourth year (925) of the Tianzan reign-period.

As stated above, the tracks of several Khitan troops during the large western expedition in the years from 923 to 924 all manifested that the eastern section of the route along which the Khitan main forces returned was passed through the north of the bend of the Yellow River and arrived at the Khitan hinterland.

Then, what was the tracks of the Khitan main forces of the western section of the route for return? It was more complicate to answer, the records were so rare that I need to excavate more clues from seemingly irrelevant texts. Generally, there was two routes available between the Balisi mountain (some place in the Barkun mountain in Hami of Xinjiang today) where was the Khitan western expedition's end and the plain of the bend of the Yellow River. The one was the famous pass in the Tang Dynasty, "Beiting北庭—Uyghur—Heshang juncheng 河上軍城 (the castle at the north of the Yellow River)", it started from the areas of Hami, passed through the Orkhun valley in the north of the Gebi Desert in Mongolia state, then moved south along the Ongin River, crossed the Yinshan mountain in China, arrived in plains of the bend of the Yellow River, whose important thoroughfare was controlled by the castles of the Khitan Fengzhou prefecture. I called this route as "Mobei Dao" (the road through the north of the desert). The other was the famous Monan Dao (the road through the south of the desert). It started east from Hami of Xinjiang, by passing through the ancient Juyan 居延, the oasis of the downstream of the Ejin River in Alxa of Inner Mongolia today, arrived the north of the bend of the Yellow River, it roughly paralleled with the famous route of the Hexi Corridor.

For the Khitan commanders, the geopolitical situation was the principal factor in consideration for which route should be the best choice for returning from the western expedition. The Monan route was the safest choice for the Khitan army under the complicate multi-regimes relations in the eastern Eurasian world as I detailed below.

The Khitan western expedition was a military adventure which the troops marched alone in deep in the north of the Gebi Desert without the backup force and allies. Meanwhile, the Khitan army must complete the operations that subjected the Tartar tribes (which were called Zubu in LS and Dada 韃靼 in other Chinese texts) in the north steppe

of the Desert, but they can't establish permanent fortifications for soldiers in the strategic area and sustained the control over the Tartar tribes when the troops flew all the time without stable base. As a result, being invaded by the Khitan main forces, some nomads of the Tartar tribes fled away from the attack, the other submitted to the Khitan army temporarily; while the Khitan main forces revealed the weariness or moved away, the Tartars rose up again and assaulted them along the route in the steppe. The Biography of Yelv Xieniechi mentioned that, the emperor marched west to the drifting desert, greatly overawed barbarians to flow away, Xieniechi was ordered to pacify and assemble them together. It was evidence that the nomad tribes played a trick with the Khitans by hiding and subjection. Hence, the Khitan main forces didn't have stable logistics from local tribes and must hunt around to get supplies as before mentioned. On the other hand, the Tartars were fiercely resisting the Khitan troops all the time. In 925, the Yunzhou 雲州 prefecture of the Shatuo Tang Dynasty presented their emperor Zhuangzong 莊宗 a report, which mentioned the information about the Khitan western expedition, recording that "last year (924), the Khitans planned to return home by passing through the north of the desert, but were attacked by Tartars tribes constantly, some of those such as Yuyue 于越 took their tribes, sheep and horses with a total number of 30 thousands to escape from the north of the desert to the south, now sent the envoies to the court to present the memorial." It indicated two kinds of information, one was that the Khitan plan of return was resisted by the Tartars, and the other one was that some Tartar tribes were compelled by the Khitans to escape to the territory of the Shatuo-Tang Dynasty. Relating it with the record in the Chronicle of the Taizu in LS, it is not difficult to conclude, being without reliable logistic and fiercely attacked by the Tartar tribes, the Khitan army of the western expedition can't sustain any more in the north of the desert, had to change the plan which return through the north steppe of the desert.

When the Khitan forces marched in the areas in the Barkhun of Xinjiang today, they sent some troops to "subject all the remote tribes" in the official story. The actual one maybe was that some regimes in the western regions would like to affiliate with the Khitan who had overawed them. So as the other official story mentioned, "the regimes in the western regions wanted to paid tribute". Bahati Yijiahan and Hua Tao both argued that "the western regimes (or remote tribes)" were the Turkic language peoples such as Uyghur and other ethnic groups or regimes in the regions from the Altai to the east Tianshan mountains who made a good political relationship with the Khitans. The most famous one of them was the Gaochang Uyghur ("Arslan Uyghur" in LS) which was the rising regional power in Altai-Tianshan mountains in need of the political support from eastern powers such as the Khitan-Liao Dynasty.

From then on, the Khitan-Gaochang alliance in the form of the patriarchal-vassal relation lasted till the collapse of the Khitan-Liao Dynasty. Some nomad tribes in the Barkhun later joined the Khitan emperor's guard troops. For example, the Mori 墨離 tribes which pastured around the areas where were in the north mountain in Hami of Xinjiang today became the Khitan emperor's retinues at least before the third year of the Tianxian reign -period, when the Taizong of Khitan paraded the three Mori biši yalay troops 皮室拽刺墨離三軍 (three Mori retinue troops of the royal guards), later the emperor sent a Mori guard named Homori 胡末里 as the official envoy to the Gaochang Uyghur. So, it is believed that the Khitans won great supports from the tribes and regimes in the eastern Tianshan mountain after they arrived at there.

Meanwhile, the peoples of the western section of the route across through the south of the Gobei Desert, such as whom lived in the Juyan lake 居延海 in the downstream of the Ejin River, can provided logistic supplies for the Khitan return march. In the year of 924, the Ganzhou Uyghur whose political center was at the area of Zhangye 張掖 of Gansu province today controlled the passage of the east-west transportation in Hexi corridor and bordered with the Tartar at the downstream of the Ejin River. As mentioned above, Abaoji arrived at the Balisi mountain (Barkhun of Xinjiang today) in the tenth month, soon after captured the Ganzhou Uyghur tutuq Bilie (Bilig) 畢離遏 in the Yiwei 乙未 day of the eleventh month and sent a envoy to decree to his master the Khahan Wumzhu 烏母主可汗. The event of the Khitan-Ganzhou Uyghur contact had another brevuary version in the Biography of Yelvdashi 耶律大石 in LS which mentioned that "Formerly our ancestor the emperor Taizu marched north, passed through the Bögü Khahan town and sent the envoy to Ganzhou immediately". The Bögü Khahan town was the ancient Uyghur castle as mentioned above where located near the Orkhun river of the north steppe of the Gebi Desert. But here omitted the key details from the Gengzi day of the ninth month to the Jiwei day of the eleventh day in the Chronicle of the Taizu emperor in LS, meaning that the march experience of Orkhun-Barkhun-Ejin was delated. It is obvious that the information in the Chronicle of the Taizu should prevail to confirm the spatial and temporal set of the Khitan-Ganzhou Uyghur contact. Therefore, the contact happened during the time when the Khitan army marched from Barkhun to the oasis in the downstream of the Ejin River, the route that the Khitan envoy visited the Khahan Wumuzhu's residence was down to the south along the Ejin River. It is indicated that the Khitan army of western expedition had arrived at the border regions of the Ganzhou Uyghur where was near the Ejin River at the end of the third year (924) of the Tianzan reign-period, then the Khahan Wumuzhu of the Ganzhou Uyghur replied friendly to Abaoji's envoy and sent

the envoy to Khitan court in the fourth month of the next year. The Khitan—Ganzhou kept a good relation during the Khitan army returned through the territory of Ganzhou Uyghur.

As a conclusion, the Khitan power made such a favorable geopolitical environment in the western section of the Monan route so that the army of western expedition can pass through to the east. As next to the eastern section of the Monan route, the Khitans had established many systematic garrisons near the northeast of the bend of the Yellow River, all of which followed the order of the southwestern front generals, being as the strong backup forces to protect the main forces return. The only threat remained was the Tanguts in the middle section of the Monan route, hence the spearhead led by Yaogu fought against the Tanguts and Xiaohulu 小斛祿 tribes to delimit the threat so that the main forces march forward safely. Not only were there few threats among the polities to the Khitan western expedition army along the Monan route but also many logistics for the army. As a result, the second of the Khitan western expedition was mainly to conquer the Tartar (Zubu) in the north of the Gebi Desert, so started the march along the Mobei route, then arrived at the Altai-eastern Tianshan mountains, where the Khitan expanded the great political influence to the local tribes and regimes, at last, because of the resistance from the Tartar along the north route, the Khitan army choose the safest south route to return to the east. This western expedition contributed to the Khitan-Liao Dynasty's international stargates towards the extensive regions from the Mongolian plateau to the Altai-eastern Tianshan mountains in the tenth century, the main policy was that associated with the distant regimes and tribes of the western regions and kept military repression to the near Tartars. The Khitan international political intention was closely relative to other polities in the eastern Eurasian world. The Khitan-Qirgiz contact should be seem as a complicate international affair more than a simple historical event that can be solved by the research on the historical-geographical route. It is needed to analyze how geopolitical connections among different polities after the Khitan western expedition shaped the political passages trend, and then investigate the regional political elements that contribute to the begin and end of the Khitan- Qirgiz contact.

2. The Communication between Khitan Liao and the Qirgiz Khanate from the Perspective of the Complex International Political Landscapes.

In the following six years after the Khitan western expedition, the Qirgiz envoy trudged to the Khitan hinterland at first time by passing through the Khitan southwest frontier where was at the northeast pass of the Hetao plain as above mentioned. As to which route the Qirgiz envoy chose to entry the Hetao plain and contacted with the Khitan frontier garrisons, it was dependent on the inter-regional rivalry and

alliance orders among the polities in the basin of Orkhun-Ongin river, Hetao plain-Hexi corridor and the eastern Tianshan-Altai mountains. This section will analyze the political passages between the Khitans and the polities in the north of the eastern Tianshan-Altai mountains from the perspective of the complex Eastern Eurasian inter-regional orders.

In the middle period of the tenth century, the Tartars (Zubu) were compelled to ally with the hostile forces of the Khitan-Liao Dynasty such as Shatuo-Tang and Song to resist the Khitan invade, and frequently using the passage of the Orkhun-Ongin River to contact with these southern powers in the form of the patriarchal-vassal relations. Logically speaking, the contact passage of the anti-Khitan alliance must be out of the Khitan control. In 981 (the sixth year of the Taipingxingguo 太平興國 reign-period of the Song Dynasty), the emperor of the Song Dynasty sent the envoy Wang Yande 王延德 to visit the Gaochang Uyghur, the mission went north from Xiazhou 夏州 (Yulin in Shaanxi province today) where was under the governance of the Song Dynasty, passed through the ancient Uyghur land in the north steppe of the Gebi Desert where was the territory of the Toquz Tatar 九姓韃靼 tribes, and then marched west to the Gaochang Uyghur. The mission of the Song Dynasty chose the route to pacify the Tartar tribes, meanwhile it is indicated that the Toquz Tatar remained the friendship with the Song Dynasty to the extent that they can opened the steppe passage to the western regions for the Song's mission. As Wang Yande said, he passed through the Dudu mountain 都督山 (Hanggai mountain in Mongolian state today), "there was Dachong taizi tribes who lived near the Khitan boundary". Hence, in a geographical sense, the Khtian-Liao Dynasty's influence was being kept out of the main route of the Orkhun-Ongin Rivers in the north Gebi Desert until the Liao Dynasty engaged in the conquest of the Tartars once again with all strength at the turn of the 10th -11th centuries. In the twelfth year (994) of the Tonghe 統和 reign-period, Qifei 齊妃 (the royal concubine in the appellation of Qi) followed the emperor order to led the soldiers in the fief of Yongxinggong 永興宮 (Yongxing palace ordo) and the Wogu 烏古 tribes to attack the Tartar (Zubu) out of the northwest front. This campaign started the conquest of the valley Orkhun River. As the report of the Khitan surrenderor to the Song Dynasty Li Xin 李信 said, Qifei led 30 thousands soldiers stationed in the western remote Luju River 驢駒兒河 (Krulen River), and the next year, Qifei requested to defend against the Tartar in the west for her husband. The Queen Xiao 蕭 permitted her to start the campaign. These events can prove, the Khitans can't expand their governmental sphere out of the Krulun River of the eastern Mongolian Plateau, until the end of the tenth century, started to expand west to the valley of the Orkhun River. In the most time of the tenth century (926-990), obstructing by the Tartars,

the Khitan can't use the Orkhun-Ongin passes to officially contact with the polities in western regions or the north Yenisei River.

The Qirqiz khanate was being the enemy of the Tartars for a long time. As early as the ninth century, the Qirqiz khanate reached the top of the power after destroying the Uyghur empire, sent the envoy Tabuhezu 踏布合祖 to the Tang court in the second year (842) of the Huichang 會昌 reign-period, claimed that "their political center will moved to the Heluochuan 合羅川(Qara River), stationed in the former Uyghur land, and had conquered the Anxi 安西 and Beiting 北庭 prefectures, the Tartar with other five tribes". The "Heluochuan" was the location of the Uyghur khahan's encampment where was near the Qara River that flows to the Orkhun river at the west of Wugainor. So when the Qirqiz invaded south, their troops had plundered through the territories of the Tartar tribes. Furthermore, the two epigraphs with runic characters found in the basin of the Yenisei River mentioned some clues about the relation between the Qirqiz and the Khitans. Bai Yudong 白玉冬 interpreted the epigraphs' meaning on the former researches. As he concluded, "tatar yayi eli" (the enemy state Tartar) in the first line in the ninth tablet of Ujbat, the fourth line in the east of the second tablet of the Elegest recorded that the tomb owner went to "toquz tatar" for his "el" in his 27 years old, this indicated that the tomb owner went to battle against the Toquz Tartars. The two epigraphs were both made during the period of 10-11th centuries. The Qirqizs and the Toquz Tartars of the Orkhun-Ongin river were confronting against each other in the tenth century. It is concluded that besides of the Khitans, the Qirqizs who lived in the Yenisei River can't contact with the Khitan through the passage of the north steppe of the Gebi Desert either at that time.

The Monan route was the safest passage for the Khitan Dynasty to contact with the polities of the eastern Tianshan-Altai mountains. After the two western expeditions and the conquest of the Bohai 渤海(Balhae) state, Abaoji basically eliminated western and eastern threats to the Khitan hinterland. When Yaogu inherited the throne, Yelv Yuzhi 耶律羽之 presented to the new emperor the big strategy of the Two Wings, which meant that regrouped Bohai capturers into a new troop to guard the eastern front being as the left wing, the Türkics, Tanguts and Shiwei 室韋 shielded the western front being as the right wing, so as to contain the south enemy powers. The advice had its realistic basis: the Tanguts and Türkics in the north of the bend of the Yellow River kept peace relations without large war during the reign of Yaogu (Yelv Deguang) (927-947), furthermore, most of the them subjected to the Khitan-Liao Dynasty. According to the records of the Shatuo-Jin and Song Dynasties, the Tanguts near the Yellow River bank 沿河党項, the Yili 逸利 and Yueli 越利 tribes (of the Tangut) in the regions of Shanqian-

Shanhou 山前、山後 all were the Khitan vassal with the official commissions, certificates and flags. The Tanguts near the Yellow River bank were the Heruan Tangut that conquered by Yaogu as mentioned above, the "Yili 日利 and Yueli 月利" were the recorded in the name of "Rili 日利 and Yueli 月利" in the Song Dynasty documents, who lived in the north and south of the Yinshan mountain. The others such as the Zangcai 藏才 tribe chief Wangjia 王甲 who formerly lived in the ancient land of Fengzhou (the Tiande of Tang Dynasty), also was appointed by the Khitan Dynasty as the Left General of the Personal Guard 左千牛衛將軍. These Tangut tribes who subjected to the Khitan Dynasty lived at the strategical passages that connected the north and the west, and of course would provide the supports for the Khitans traveling to the western regions.

However, the Tangut tribes also can were the biggest variable. These Tanguts who took advantage of the geopolitical superiority, blew among the powers around them without fix position, hence being disloyalty to the Khitans at some time. The Tanguts such as Yanhe, Zangcai above even largely migrated to the south of the Bend, subjected to the Song Dynasty during the Liao-Song war (979-1004). In addition, the Tanguts who were living in the south plain of the bend of the Yellow River, such as the army of Dingnan 定難 (Eliminating the Disaster) stationed in Xiazhou 夏州 prefecture, were also another important factors that intervened the relations between the Liao (and Song) and the Uyghur regimes in the Hexi corridor. Xiazhou was at the south plain of the Maowusu 毛烏素 desert, being as the strategic location of the silk road, not only commanded the entrance through the Hexi corridor to the bend plain of the Yellow River, but also was the crossroad that moved northeast to the Khitan-Liao territories, or through which headed down south to contact with the central plain regimes. Meanwhile, the Tanguts of the Xiazhou was independent without the certain loyalty to anyone, but always remained seeming subjection to the five-dynasties in the central plains before the foundation of the Song Dynasty as a form of alliance against the Khitan Dynasty. In 944 (The seventh year of the Huitong 會同 reign-period in Khitan, the first year of the Kaiyun 開運 reign-period in Shatuo-Jin), the chief of the Tangut of the Xiazhou Li Yiyin 李彝殷 had led the army to raid the Khitan western borders by crossing the Yellow River from Lin Zhou 麟州 for helping the Shatuo-Jin to resist the Khitan invade south, and was appointed as the bandit suppression commissions of the Khitan southwest front. Therefore, because of the strong resistance of the Tangut of Xiazhou, the Khitan Dynasty can't move to the south bank of the Yellow River to control the passage between the bend of the yellow river and the Hexi corridor in the most of the time in the tenth century.

The other power that strongly affected the Khitan choice on the route to the western regions was the

Ganzhou Uyghur which located on the main stem between east-south in the Hexi corridor, through which can lead north to the Mongolian plateau or south command the entrance through Qilian Mountain to Qinghai. Even though the Ganzhou Uyghur were subject to the Khitan when Abaoji's western expedition army returned, but after that the Ganzhou Uyghur was making friendship with the central plains regimes and controlling the passage by which the polities of the western regions such as the Shazhou prefecture contacted with the eastern powers, being so inhospitality to the Khitan Dynasty that the two regimes didn't have any more intercourse. The only one different time was when the Shatuo-Jin emperor claimed himself as the son of the Khitan emperor, the two regimes made temporary friendship with each other. Hence Ganzhou Uyghur maybe followed the Jin's policy temporarily. There were several records in the LS during this period said that the envies of the Uyghur and Dunhuang paid tribute, who were considered as the Ganzhou and his western neighbor Shazhou envies. These envies must follow the Shatuo Jin's missions to the Khitan court temporarily. In the year of 937, the Khitan emperor sent the Puligu蒲里骨皮室 guard the Mori people Humoli胡末裏 to follow the envies to visit their country. In the year of 940, Humoli returned from the Arslan Uyghur as the record mentioned. It was indicated that Humoli followed the Ganzhou envies to visit the Hexi corridor and then return through the Gaochang Uyghur, also meant that the Khitan official envies passed through the Hexi corridor to the eastern Tianshan mountain for the first time. The precondition of this exception was the temporary alliance between the Shatuo-Jin and the Khitan Dynasties, followed by the Ganzhou Uyghur to open the door of the Hexi corridor for the Khitan envies for a short time.

Above all, in the tenth century, the Xiazhou Tangut and Ganzhou Uyghur which commanded the Khitan entrance of the Hexi corridor generally inclined to the south regimes with rivalry to the Khitans and certainly not opened it for the north power. By statistical analysis on the records at the turn of the tenth to eleventh centuries, Fujieda Akira 藤枝晃 found the frequent fluctuation of the other Hexi corridor polities' tributary missions to the Khitan court was correspond to the changes of the Xiazhou Tangut's diplomatic policy towards the Liao and Song Dynasties. The Xiazhou Tangut would led the other polities missions to the Liao court when they need the supports from the Khitan power; otherwise, Xiazhou Tangut would led the missions to the Song Dynasty if they need to ally with the Song Dynasty against the north threats. The same rule applies to the Ganzhou Uyghur's situation.

Until the period between the tenth and eleventh centuries, did the Liao Dynasty temporarily utilize the passage through the south of the bend of the Yellow River to contact with the polities along

the Hexi corridor by intervening the chaos in the Xiazhou Tangut and Ganzhou Uyghur. In detail, the Xiazhou Tangut fell in the war with the Song Dynasty from 986 to 1003. During the war, the Khitan-Liao stood on the back of the general of the Xiazhou Tangut against Li Jixian李繼遷 against the alliance of the Song-Ganzhou. By utilizing the pass between Xiazhou and the Hexi corridor, Liao Dynasty attacked the Ganzhou Uyghur for 4 times. It destroyed the Ganzhou's regional hegemony in the Hexi corridor, the Shazhou which was restrained by the Ganzhou Uyghur before began to pay tribute to the Liao court.

The block of the Hexi corridor passage between the Khitan-Liao and the western regions in the tenth century didn't obstruct the polities of the eastern Tianshan-Altai mountain areas to contact with the Liao Dynasty. The Gaochang Uyghur, named Xizhou Uyghur in the text of the Song Dynasty, whose center located near the old site of the Beiting北庭 of the Tang Dynasty (Jimusar in Xinjiang today), rose up as a regional power by annexing all nearby tribes and cities gradually in the tenth century. The Gaochang Uyghur was keeping friendship with the Khitan-Liao Dynasty after the western expedition. The two powers kept routine contacts from the tenth to the eleven centuries as the LS recorded. Their envies must choose the pass outside the territories of the hostile groups, which was along the return route of the Khitan western expedition, being from the Balisi mountain to the east through the Juyan lake of the Arxa and the north of the Bend of the Yellow River, arrived at the Khitan southwest front. Humoli as above mentioned, born in the eastern Tianshan mountain, who was familiar with the traffic condition, also choose passed through the Gaochang Uyghur to return along the Monan route rather than the Hexi corridor pass.

The above historical phenomenon represented that the traffic passages across the eastern Eurasian world was a kind of the political ties attached to the variable regional orders rather than some kinds of roads. Seeing from a long historical process before the tenth century, the two types of powers, Nomad states in the northern steppe and the central plains dynamics, both expanded their political orders from east to west in the constant rival interactions, which shaped three political passages across the eastern Eurasian world, one was the Hexi corridor well known as the name "Silk Road" that always was the ties of the central plains orders, the second one was the Monan route (the south of the Gobi Desert) mainly utilized by the Nomad state to contact with the western regions, the third one was the great steppe passage in through which the two powers interacted for nearly one thousand years. Even though the three passages had their own historical background, but their operations and traffics all depended on the stability of the relevant political orders. But during the tenth century, the two great power orders

which supported the passage between east and west collapsed at the same time. The eastern Eurasian cosmopolitan order split into several regional powers that not only fell into the north-south rivalries but also east-west confronts. The universal passages that previously connected the east and west were split into segments all of which attached to respective multi-center regional orders. Under the circumstances for a regime or tribe, Whether the passages to other powers were opened, or which route should be followed, depended on the geopolitical relations between their regional political segment and the others. In the eastern Eurasian multipolar orders of the tenth century, the trends of the routes between east and west were not only the pure traffic roads, but the complex networks across kinds of regional segments reshaped by the recombination of variable political relations. In view of the multiple variables of the inter-segment relations, the geopolitical passages as the networks among the polities had different forms.

Therefore, after the 9th-10th centuries, the contact phenomenon between east and west across the eastern Eurasia was multivariant and relative on the base of the new networks. Firstly, The Khitan-Liao Dynasty was rival with the five regimes and Song Dynasties successively at the eastern range of the passage across the eastern Eurasia. and secondly, the middle range of the passage were occupied by the Tartars of the north desert and the Tanguts in the bend of the Yellow River from the north to south, these tribes commanded the key entrances of the two orient powers to the western regions, so their variable stands between them directly determined the route trend of the Khitan-Liao Dynasty for contacting with western polities. Lastly, as to the western regions' polities, such as the Gaochang Uyghur in the region of the eastern Tianshan-Alati mountains and the Ganzhou Uyghur in the Hexi corridor, all were at variable political stands. These regional segments would form new networks when these powers altered their multi-relations.

The temporary contact between the Khitan and the Qırqız was contributed to above instable inter-regional networks. During the tenth century, the Toquz Tartar in the north of the Desert, the central plains dynasties and the Ganzhou Uyghur made the alliance against the Khitan-Liao Dynasty, by controlling the main passages of the great steppe and the Hexi corridor, formed the "Iron Curtain" from the Orkhun-Ongin Rivers, the bend of the Yellow River to the Hexi corridor to restrain their common rival. Hence, the Khitan's great achievement was the split a gap in the middle range of the "Iron Curtain" by conquest of the Tangut in the north of the bend of the Yellow River, and then associated with the polities in the eastern Tianshan-Alati mountains through the Monan route. While the Khitan army marched to these areas but can't determine the inner regional political trend. As one polity of the eastern Tianshan-Alati regional segment, the Qırqız khanate's

diplomatic choice was also the resultant of the regional inner transmutations, which concluded the inter-polities relations and the Qırqız forces changes. So, it is needed to consider how the transmutations contributed the Qırqız khanate to contact with the orient power in the last section.

3. The Deterioration of Geopolitical Environment of the Passage through Tianshan Mountains and the end of Qırqız's Communication with Khitan.

Even though the Qırqız forces retreated from the Tianshan Mountains at the end of the ninth century, they still controlled the territories of the Altai-Yenisei. V. Minorsky noticed some clues in *Ḥudūd al-Ālam* (the Regions of the World), which demonstrated the Qırqız activities in the Altai mountains, and argued that the TŪLAS mountain of the Qırqız tribe's territory should be in the Altai but was mistakenly transferred to the Issik-kul and its northern offshoot by the author. The *Ḥudūd al-Ālam* also mentioned, "Another mountain lies in the northern pars(nāḥiyat), between the frontier of the Kīmāk and the beginning of the Khirkhīz. It starts from the frontier of Kīmāk and stretches eastwards to the frontier of the Khirkhīz. Then it follows a northern direction till where the inhabited part(ābādhānī) of the world finishes in the north. In the northern region this mountain is called by the Kīmāk, K. NDĀV. R—BĀCHĪ (*Kundāvar, Kandā'ur-taḡhi) " . V. Minorsky commented, "The mountain stretching between the Kimāk and Khirkhīz looks like the Alati near which the Irtish rises." By citing the works of Al Istakhri and Ibn Hawkal to illustrate the *Ḥudūd al-Ālam*, Bahati Yijiahan confirmed that the muslim geographers at that time all mentioned the up Irtish was Qırqız's territory.

It was a part of the territory under the Qırqız khanate direct control during the 8th-12th centuries. The Terkhin Inscription in the Turkic Runic mentioned its southern frontier after defeat by the Uyghur Khante in the 8th century, as the former scholar's transcription, "berigärü uçī altun yış kedin uçī kögmän ilgärü uçī-yölät", it meant that "to defend...the (Uyghur)western frontier near the forest of the Altai Mountain and the eastern frontier near the kögmän曲漫山" . This text recorded that the Uyghur khanate sent forces to defend their northern frontier against the Qırqızs. The kögmän (i.e., Tagnin Nuruu mountain) was the watershed in the south of the up Yenisei River. After being vanquished, the Qırqız should retreat back in their hinterland, so the Terkhin Inscription also was seemed as the Qırqız hinterland south frontier in the 8th century, i.e., from the kögmän to the Altai Mountain. Therefore, with above muslim geographical works, the up Irtish-Alati was being the western frontier of the Qırqız khanate hinterland from the eighth to the early period of the tenth century, even though the Khanate forces withdrew at the end of the ninth century.

It should be noted that the territory of the Qırqız khanate was not the same as the Yenisei Qırqızs

distribution. The Qırqız khanate was a multi-ethnic federation led by the Yenisei Qırqızs. The Russian archaeologists found that the Yenisei Qırqız cultures transmitted to the Altai mountains by the military conquest from the ninth to tenth centuries, then integrated with local cultures in the name of Turki-Tugyu and Altai-Tele. They considered that Sayan-Altai was the local region with multi-culture integration under the order of the state-federation. The culture fusion between the Qırqız elites and the local Kimäk contributed to a kind of ethnic sub-groups. Hence, the Qırqız and the Kimäk cohabitated in the Altai-Irtish region, where was under direct control of the Qırqız khanate. There were many non-Qırqız tribes subjective to the khanate, scattered from the frontier of the Altai-Irtish, who became the intermediary agents for the Qırqız geopolitical ties with outside.

Hüdüd al-Ālam also mentioned the Qırqız's southwest border in the tenth century. The twelfth chapter "Discourse on the Toghuzghuz Country and its Towns" writes, "East of it is the country of China, south of it, some parts of Tibet and the Kallukh; west of it, some parts of the Khirkhīz; north of it, also the Khirkhīz (who?) extend along all the Toghuzghuz country (andar hama hüdūd-i ū biravadh) ". It manifested the mixture knowledges about the extensive periphery of the Qırqız khanate at the end of the ninth century. The text on the Qırqız located in the west of the Gaochang was a writer's misake, while it is correct to say that the Qırqız was in the north of the Gaochang, as follows:

Near it is the mountain Ƨ.fqān, behind (az pas) which are five villages: KŪZĀR. K, J.M.LKATH, *PANĴĪKATH, BĀRLUGH, JĀMGHAR. The king of the Toghuzghuz in summer lives in this village of *Panĵikath. North of the Toghuzghuz is a steppe (šahrā) stretching between them and the Khirkhīz up to (tā) the country of the Kimäk.

Some historical toponymy researches pointed where were these locations in the text. The mountain Ƨ.fqān was the eastern Tianshan, the village of *Panĵikath was the ancient town of Beiting (Bishbaliq). It is reasonable to infer that five villages behind the mountain should be the towns near Beiting. "The steppe on the north of the Toghuzghuz" is the grasslands stretched westward from the Barkhun mountain to the northern slope of Tianshan Mountain today. According to the comparing actual locations with the quotation text, the territories of the Qırqız reached to the Barkhun, and the areas where the steppe stretched westward were the Kimäk's borderland. The tenth entry of the same chapter with this quotation provided the important illustration: "J. MLĪKATH was a large village of which the chief is called Yabghū(spelt: Baighū) . They[now?] settle (nishānand) there the subjects of Yabghū (Baighū'īyān), (as)the Kimäk (Kīmākiyān), Khallukh, and Yaghmā used constantly to plunder (ghārat kardandi) this village."

"J. MLĪKATH"was equivalent to the Khotan toponymy "çamaidā bađaikā" in the manuscript Stël-Holstein which was finished in 925 A. D., located in the northwest corner of the Gaochang Uyghur's domain, where was near the Manas River of Changji in Xinjiang today. It can be thought of it at least not later than 925 A. D., the Gaochang's northern border had reached to the grassland zone of the northern slope of Tianshan Mountain, being contiguous with the Qırqız's domain at the east and the Kimäk's pasture at the west.

This was the time when the Khitan Abaoji marched to the Barkhun where was just the southwestern borderland of the Qırqız, temporally occupied the Gaochang's Futu city (Biš Baliq) on the northern slope of Tianshan Mountain. The Qırqız's political center must know the Khitan forces and was impressed by the orient power, but didn't directly contact with them, until in 931 A. D., "the Qırqızs who admired the empire" first came to the Khitan dynasty. This first official contact was initiated by the Qırqız Khante for seeking support to resist the Gaochang Uyghur's expansion, which can be indicated as follow in Dunhuang S.6551 document, a script for preaching the sutras:

With minor virtue, I arrive this place from a far country, witness our divine Tängri Khahan great Uyghur country with large territory of tens of thousands li wide, which was so broad that covers thousands of mountains, the country was so powerful with countless armies, all of which are tough soldiers with strong horses. Then Tängri ilik gains the cosmopolitan fame, with the moralization influencing wide world. In the recent thirty years, being in peace and prosperity, Your Majesty has obtained vyākaraṇa from all Buddhas before, as well as the blessing of sages with the honor, claims as the emperor to be the governor of human world for the present, actually he is a bodhisattva's avatar. The Tängri princesses Tirin have the body shapes more impressive than the gods, as well as facial appearances attractive as peaches and plums, show their merciful beauty. The princesses are all dignified and upright, not only gain the royal favor but also the lord's kindness. All the Tängri Tikins (i. e. princes) all devote to serve the country with loyalty and filial piety in their lifetime. They crush the barbarian in the mountains with powerful deterrence to peripheral polities, only need to show one arrow to suppress the enemies who invade the frontier even without the sound of archery. Thereupon, the Gelu葛祿, Yaomo藥摩, Yimao異貌, Dadan達但 are all vying to subject under the Khahan's feet and present their jewelries; Duxi獨西 tribute us by horses, the wild barbarians send the jewelry and golds; Baximi拔悉密 are inherently servants, Xiajiasi are original slaves. All the subjective tribes treat us as sparrows fearing the eagle, the submissive towns meet us as sheep encounter tiger. These praises are all worthy of our country without exaggeration.

Zhang Guangda and Rong Xinjiang consider the script for preaching the sutras being finished in 930 A. D., the writer was a monk who travelled in the center plains and then sermonized in the Gaochang Uyghur during the tenth century. In this text, the writer complimented the vast territory of the “Tängri Khahan great Uyghur country” in the deep feeling, it was also indicated that the Gaochang Uyghur was on the peak. The script listed the Gaochang’s vassals name, Gel葛祿 and Yaomo藥摩 were the transcriptions of the Turkic peoples, the Qarluq and Yaghma, the Yimao異貌 was the transcriptions of “Imäk”, the other form of Kimäk. They were all the tribes who lived in the northwest of the Gaochang Uyghur. The script used a metaphor to manifest the Gaochang’s powerful authority over its northern peripheral tribes. Therefore, the Gaochang northward expansion encroached the domain of the Qırqız Khante, leading to the conflict between them. The writer especially mentioned the Uyghur subjection of Qırqızs two hundred years before to disparage the later as slaves. It can demonstrate the rivalry between the Gaochang and Qırqızs. Furthermore, the record of the LS told us that the Qırqız khanate who contacted with the Khitan dynasty in 931 was not subjective to the Gaochang, on the contrary, wanted to the support. However, as it is known, the Liao dynasty more valued the alliance with the Gaochang and didn’t react to the Qırqız, until 948 (the second year of Tianlu regin period), Shizong 世宗 sent the envoy to visit the Qırqız khanate as a polite reply.

The Qırqız political center was being near the up Yenisei River, where was in the north of the Mongolian steppe. Once the Tonguz Tartar controlled the Orkhun-Ongin regions, they can block the passage of the Jianhe劍河 between the Yenisei to the steppe to stop the Qırqızs moved southward. Therefore, the western passage was the only choice for the Qırqız to contact with the Khitan-Liao dynasty, the envies passed through the Altai-Irkish region, went along the border of the Gaochang’s domain to come in the Monan route. Furthermore, there were two roads separately towards east and west near the border of the Gaochang after crossing the Irkish river. The eastern road was not very clear but can be proved in the biography of Yelv Huage耶律化哥傳 of LS. In 1012 A. D., Yelv Huage耶律化哥 led the army to suppress the rebellions in the Yizhi river (i. e. Irtysh river) after the long march, then returned through the Baibalie白拔烈 (I. e. Biš Balıq), plundered the Gaochang Uyghur. Even though record told us Yelv Huage’s army straying from the route and came in the Gaochang’s territory for mistake, but it indicated the road stretching eastward from the Irtysh river (Irtysh River) along the Junggar Basin’ eastern border to the Barkhun, which was not only the march route being familiar to the Liao army but also can be known as the convenient passage for the Qırqız to go out of the Tianshan region to the Monan route.

This eastern road should be the one used by both the Qırqız Khante and the Liao dynasty as to contact.

Gardīzī introduced the western road between the Toguz Oyuuz (Gaochang Uyghur) and the Qırqız Khante in his Zayn-al-akhbār. He showed us the places the road passed through included “Chīnānjāth” (中國城)、“Xusan/Kh.s.n”、“Nūkhb. k”、“KMR’Z/K. mīz(art)”、“Mānb. klū/ Mānābag-lū?”、“Kōkmān” 。 In V. Minorsky consideration, “KMR’Z/K. mīz(art)” was in the south of the Tarbagatai mountain, “Mānb. klū/ Mānābag-lū?” should be relative to the Altai mountain, “Kōkmān” was Tagnin Nuruu today. This western road should start west from the capital of the Gaochang Uyghur, pass along the western border of Junggar Basin towards to the north into the region of Altai- Irtysh where meet the eastern road, then connect to the passages to the Qırqız capital. There were many obstacles to the Qırqız khanate in the western road which was mainly in the territory of his rival Gaochang in the early times of the tenth century.

Under the background that Gaochang Uyghur became a powerful country in the eastern Tianshan region and established close relations with the Liao dynasty, the contact between the Qırqız and Liao was soon cut off. The Qırqız’s mission to the Liao court in 976 (the eighth year of Baoning reign-period) was the last official contact. After about six year (981-984), the emissary of the Song dynasty, Wang Yande 王延德 witnessed the Gaochang with the regional hegemony over the eastern Tianshan-Altai, then reported as follow:

The Gaochang, the Xizhou prefecture before, its domain bordered with Yutian in the south, and southwest to the Dashi and Bosi, about thousands of li from its west to the Xitian Buluoshe 步路涉 snow mountains and Pamir. it dominated many vassals such as the south Turk, north Turk, Big Zhongyun, Small Zhongyun, Yamac, Gelu, Xijiasi, Moman, Geduozu, Yulongzu.

What was mean that the Qırqız was under the Gaochang’s domination in the text? As it is known that the north border of the Gaochang never reached the Altai Mountain, the “domination” recorded in the report mainly meant the Gaochang as the regional suzerain over other tribes and regimes. The Arabian scholar Mas’udi’s famous geographical work Muršūdj adh-dha-hab in the tenth century discussed the Gaochang Uyghur khahan’s authority over other vassals:

the king of the Turkic people, also with the title of governor of Kushan town and the monarch of the Turkic Toghuzghuz, was praised as the lord of beasts and horses, because he had the doughtiest soldiers with no fear to bleed and the largest number of horses among the monarchs in the world. His country located between China and Khorasan wilderness. His most common title was the Uyghur Khahan. There were many Turkic kings and many tribes, who were all independent but didn’t deny his kinship.

The text demonstrated that the Qırqız khanate probably had submitted to the Gaochang khahan's authority with the lower status than the Gaochang in the regional order.

Furthermore, it is need to considerate another possibility, some Qırqız communities lived in the territory of the Gaochang as its citizens, who didn't follow the main forces of Qırqız to return their motherland of the Yenisei but chose to cohabitated with other tribes in the region of Tianshan mountain. Some relevant proves can be seen in the texts. The 15th chapter of *Ḥudūd al-ʿĀlam* in the title of "Discourse on the Khallukh Country and its Towns" considered the town of *B.NJÜL>(*Banjūk?), "lies in the country of the Khallukh, but formerly its king was (ruler) on behalf of the Toghuzghuz, and now it is occupied by the Khirkhīz". The *B.NJÜL inhabitant were mainly consisted of the Qırqız, while the governor changed from the Toghuzghuz to the Khallukh. The scattered communities of Qırqız with limited scales in other regimes were hard to rise up as new polities, so they were not the major participants in historians' works and were gradually forgotten in later historiographies.

The general situation reported by Wang Yande manifested the Gaochang Uyghur regional hegemony over the eastern Tianshan-Altai mountains at the end period of the tenth century. It was not difficult to refer that the Gaochang controlled the main regional entrance of the eastern Tianshan-Altai mountains to the outside. Meanwhile the Gaochang also made reliable alliance with the extra-regional power of the Liao dynasty and then became the mediator who help the Liao dynasty to contact with the western regions.

《遼史·食貨志》documented the cross-regional trade of the Liao dynasty, "set the trading market in Xiongzhou雄州, Gaochang and Bohai渤海 to purchase the commodities from the southern Song dynasty, the northwestern tribes and the Goryeo", obviously, the "northwestern tribes" which included the Qırqız transmitted their commodities to the Liao dynasty only through the Gaochang Uyghur. Seeing from the subsequence trend, the Liao dynasty relied on the Gaochang more and more to keep the passage to the west, and then the Gaochang became the only strategical pivot for the Liao dynasty's western strategy. As stated above, When Yelv Huage invaded the Gaochang by mistake in 1012 A. D., the inspector Niaoli 裏里 told him, "You've made a mistake! This is the vassal". The patriarchal vassal relation between the Liao and Gaochang was not obstructed by Yelv Huage's mistake, and then was strengthen for resisting the eastern enlargement of the Qara Khahan dynasty. In 1027 A. D., the two countries sent the missions together to the Ghaznavid dynasty in central Asia to made alliance against the Qara Khahan dynasty.

The Qırqız khanate can't go out of the Tianshan-Altai to contact with orient powers, was not only by the Liao-Gaochang alliance commanded the entrances,

but also owing to the internal disintegration of the khanate centralized authority from the end of the tenth century. After the tenth century, the name of the Qırqız disappeared in the chronicles of LS, instead of it, many tribes who lived in the region of Altai-Irtysh, where was the domain of the Qırqız before, became active to involved the Liao dynasty western frontier affairs. According to Bahati•Yijiahan's research, among these tribes, the Baximi 拔悉密 and Naiman 乃蠻 (Nianbaen or Nianbage in LS) rose up successively, and the later became the regional power during the 12-13th centuries, its northern domain expanded to the Tangnu wula mountain, directly bordered with the territory of the "QierQisi" 乞兒乞思 (the Chinese transcription of the Qırqız in documents of Yuan and Ming). In considering the regional transformations in the time from the tenth to twelfth centuries, it was revealed that the Qırqız khanate lost the territory of Alati-Irtysh and withdrew in the small region of up Yenisei. The Russian archaeologists also found that the political center of the Qırqız khanate had moved north to the northern Sayan mountains from the Tuva basin during at the turn of 10th and 11th centuries, and during the next century, the Minushinsk basin was full of independent fortresses without the centralized authority. Therefore, the unitive Qırqız khanate had collapsed no later than the twelfth century.

General speaking, there was a passage which started from the Qırqız khanate's central domain of the Yenisei-Altai, stretched along the east of the eastern Tianshan mountains to meet the Monan route in the tenth century. But the Qırqız khanate's internal disruption and the external pressures from the constantly consolidate Liao-Gaochang alliance made its status decline in the regional order and lost the control over the passage to contact with the orient powers. Meanwhile, in the eleventh century, the Liao dynasty engaged to seize the main passage of the Orkhun-Ongin river by driving the local hostile Tartar tribes and establishing the fortress system, and then actually control the traffic across the steppe. It was confirmed that the Qırqız khanate had collapsed when the Liao dynasty controlled the Mobei steppe route. In the eleventh century, the Qırqız splited into several independent tribes and vanished in the historical texts. It wasn't until the 13th century that the Mongolian forces "found" the Qırqız once again when they conquered the up Yenisei basin. Hence, in the Mongolian historical texts, the Qırqız appeared in the name of "Qirijisi" was only referred to some tribes which lived in the west of Yenisei and near the Sayan mountains. These tribes should be the original khahan's core tribe, but they lived in the different location from the khanate political center, the Kämkämbchi' üt river in the same region. At the same time, the chiefs scattered in different tribes were called as "īnāl", without hierarchical status and the khahan on the top. Later, these tribes joined

the Mongolian empire order and stepped into a new historical period.

Although the record of the communication between the Khitan-Liao dynasty and the Qirqiz Khanate in LS is extremely simple, it can reflect the complicated geographical pattern of multiple eastern Eurasian regimes and tribes in the middle times. The transient communication between the two powers were the result of the geo-linkage and mutual influence between several blocks. The Khitan Liao Dynasty which based in area near Chifeng and controlled the northeast regions of China today began large-scale westward expedition to break through the channels of the Orkhon in the north of Desert(Mobei) and Hetao plain of the Yellow River basin. Meanwhile, the Tartars who controlled the Orkhon channels and the five-dynasties with the later Song Dynasty were all in the rivalry with the Liao Dynasty, trying to made ally with the Ganzhou Uyghurs which controlled the Hexi Corridor to restraint the Khitan westward expedition. The transportation routes such as the one passed through the Mobei steppe, the other through the south of the Desert (Monan) and the famous Hexi Corridor. The land transportation routes in the historical and geographical category, Mobei Grassland Passage, Monan Road and Hexi Corridor, were occupied by these regimes and tribes, forming blocks with different positions on the Khitan and the Qirqiz. Moreover, under the background of geographical relations at that time, most of the channels were closed to both sides. The Khitan-Liao Dynasties chose the edge and cross zone where the major forces at that time connected north and south, and successfully opened the Monan passage to the Tianshan region in the east through the plain set by the Yellow River and the oasis at the upper reaches of the Ejin River. Due to the restrictions of geopolitical relations, the main passageway by which the Qirqiz Khanate marching out could only was the Eastern Tianshan Mountain -- the Altai corridor. In terms of geographical relations, it was also subject to the powerful rise of the Gaochang Uighur. The rise of the Gaochang Uighur and the decline of the Xiajias in the eastern Tianshan region determined that the

Xiajias was in a weak position in the geographical pattern and could not establish a stable relationship with the Khitan and Liao dynasties.

The Qirqiz khanate didn't get rid of the nomad empires' fate with being from sudden flash out to the disintegration into scattered tribes. The history that the paper discusses was just when the Qirqiz khanate fell into collapse, didn't reveal the routine envoys exchanges or the official tributary relation between the Qirqiz khanate and the Khitan Liao, but a particular time when the multi rival regimes and tribes co-existed in all the regions (the northeast China, the Hetao plain of the Yellow River, the north of the Gebi desert (Mobei) in Mongolia, the Hexi corridor of China, the eastern-Tianshan mountains). The political conterbalance among the multi powers charactered the reginal networks which connected all the areas from the east to the west. After quit from the Tianshan mountains, the Qirqiz khanate based in the area of Sayan-Altai, and communicated with outers by the intermediary of the core area in eastern-Tianshan. Although his political center located in the northeast China where far from the eastern-Tianshan mountain, the Khitan Liao was engaging to change the isolation from the west regions by the military marches, and connected several important regions, for example, the Khitan army subjected the Tangut people in the Hetao plain of the Yellow River, got through the Monan channel successfully in the 10th century, and during the 11th century, the Khitans conquered the Tatar tribes in the Orkhon river basin to control the Mobei channel in Mongolia. This process made the integration of the different regions of the north China into the government of the Khitan Liao. Meanwhile, the Khian Liao took into account of the geopolitical significance of the Gaochang Uighur in the eastern Tianshan mountains, but not the Qirqiz Khanate falling into collapse, and then made ally with the reginal power—Gaochang to spread his political influence in the eastern Tianshan-Altai mountains. General speaking, that is the reason why the communication between the Khitan-Liao and Qirqiz Khanate can't continue for one century.

Abbreviations

JWDS Jiu Wudai Shi 舊五代史 (the old version of History of Five Dynasties), punctuation collating version, Zhonghua Shuju 中華書局, 2015.

JYYLCYZJ Jianyan yilai Chaoye Zaji 建炎以來朝野雜記 (The Essays on the Court and the Commonalty since the Jianyan Reign Period), compiled by Li Xinchuan 李心傳, punctuated by Xu Gui 徐規, Zhonghua Shuju 中華書局, 2000.

LS Liaoshi 遼史 (the History of Liao), punctuation collating version, Zhonghua Shuju 中華書局, 2016.

LDYWJLL Lideyu Wenji Jiaojian 李德裕文集校箋 (The Collation and Annotation on the Collections of Li Deyu), compiled by Li Deyu, collated and annotated by Fu Xuancong 傅璇琮, Zhou Jianguo 周建國, Zhonghua Shuju 中華書局, 2018.

SS Songshi 宋史 (the History of Song), punctuation collating version, Zhonghua Shuju 中華書局, 1977.

XTS Xin Tangshu 新唐書 (the new version of History of Tang), punctuation collating version, Zhonghua Shuju 中華書局, 1977.

XZZJCB(SKDB) Xu Zizhitongjian Changbian(Siku Diben) 續資治通鑑長編 (四庫底本) (the Continuation of the Comprehensive Mirror for Aid Government) (the master version of Siku), Zhonghua Shuju 中華書局, 2016.

ZZTJ Zizhi Tongjian 資治通鑑 (Comprehensive Mirror for Aid Government), Zhonghua Shuju 中華書局, 1956.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ РАЗДЕЛОВ
О «ЦЗЯНЬКУН», «ЦЗЕГУ», «СЯЦЗЯСЫ» В ДОКУМЕНТАХ ДИНАСТИЙ ТАН И
СУН С УЧЕТОМ ИСТОЧНИКОВ «ТУНДЯНЬ», «ТАН ХУЭЙЯО»,
«ТАЙПИН ХУАНЬЮЙЦЗИ», «ЦЭФУ ЮАНЬГУЙ» И «СИНЬ ТАНШУ»**

Статья посвящена источниковедческому анализу китайских исторических материалов о «Цзянькун», «Цзегу», «Сяцзясы» в документах династий Тан и Сун. Как известно, все эти наименования являются транслитерациями одного этнонима □ Qīrqīz (кыргыз). Этот народ, проживавший на Енисее, в разные эпохи обозначался в китайских источниках по-разному. Уже в эпоху династии Хань появляется название «Цзянькун», «Цзегу» существовало в период династии Суй, а «Сяцзясы» появляется при династии Тан. При этом все эти названия встречаются в письменных источниках династий Тан и Сун. Наиболее важные из этих источников «Тундянь», «Тан Хуэйяо», «Тайпин Хуаньюйцзи», «Цэфу Юаньгуй» и «Синь Таншу», где приведены наиболее объемные исторические материалы по истории енисейских кыргызов. Источниковедческий анализ этих исторических документов показывает, что они основаны на других источниках и сведениях. Эти первоисточники многочисленны, тем самым делая эти документы сложными и неоднородными. В них упоминания о «Цзянькун», «Цзегу» и «Сяцзясы» часто чередуются, их содержание смешано и даже лишено логичности. Поэтому при использовании этих исторических источников важно точно определить, какой исторический период и временные характеристики отражены в контексте.

Ключевые слова: Цзянькун, Цзегу, Сяцзясы, енисейские кыргызы, источники, Тундянь, Тан Хуэйяо, Тайпин Хуаньюйцзи, Цэфу Юаньгуй, Синь Таншу, династия Тан, династия Сун.

J. Tursun

Institute of Ancient History, Chinese Academy of Social Sciences
(Beijing, China)

**PRELIMINARY STUDY OF SPECIAL SECTIONS “JIANKONG”, “JIEGU”,
“XIAJIASI” IN DOCUMENTS OF THE TANG AND SONG DYNASTIES,
CONSIDERATION OF SOURCES “TUNDIAN”, “TANG HUIYAO”, “TAIPING”
“HUANYUJI”, “CEFU YUANGUI”, AND “XIN TANGSHU”**

The article is devoted to the source analysis of Chinese historical materials about “Jiankong”, “Jiegu”, “Xiajiasi” in documents of the Tang and Song dynasties. It is known that all these names are transliterations of one ethnonym □ Qīrqīz (Kyrgyz). This people, who lived on the Yenisei, were designated in Chinese sources in different ways in different epochs. As far back as in the era of the Han Dynasty, the name “Jiankong” appeared, “Jiegu” existed during the Sui Dynasty, and “Xiajiasi” appeared during the Tang Dynasty. At the same time, all these names are found in written sources of the Tang and Song dynasties. The most important of these sources are “Tundian”, “Tang Huiyao”, “Taiping Huanyuji”, “Cefu Yuangui”, and “Xin Tangshu”, which contain the most voluminous historical materials on the history of the Yenisei Kyrgyz. A source analysis of these historical documents shows that they are based on other sources and information. These primary sources are numerous, thus making these documents complex and fragmented. In them, references to “Jiankong”, “Jiegu”, and “Xiajiasi” often alternate, their content is mixed and even devoid of logic. Therefore, when using these historical sources, it is important to determine exactly which historical period and time characteristics are reflected in the context.

Keywords: Jiankong, Jiegu, Xiajiasi, Yenisei Kyrgyz, sources, Tundian, Tang Huiyao, Taiping Huanyuji, Cefu Yuangui, Xin Tangshu, Tang Dynasty, Song Dynasty.

Возвышение Сяцзясы (енисейских кыргызов) в середине IX века имело далеко идущие последствия для истории Северных степей (нынешнее Монгольское плато), Западных регионов (Сиюй) и даже всего Евразийского региона. Систематизированное изучение исторических материалов, касающихся енисейских кыргызов, является значимым фактором для исследования истории этого периода.

В документах китайских династий Тан и Сун имена «Цзянькун», «Цзегу», «Хэгу (цзы)», «Хэгэсы», «Сяцзясы», «Сяцзясы» являются транс-

литерациями этнонима Qīrqīz (кыргыз). Он уже появился в памятниках орхоно-енисейской рунической письменности в эпоху раннего средневековья. Из вышеупомянутых названий, «Цзянькун» впервые появляется в «Ханьшу» (Книга династии Хан), том 70, «Чэнь Тан Чжуань» (глава о Чэнь Тан). Название «Цзегу» уже существовало в период династии Суй, и продолжалось использоваться в начале династии Тан. После уничтожения Тюркского каганата в четвертый год Чжэнгуана (630) императора Тайцзуна династии Тан, в шестой год Чжэнгуана (632) Танская

династия послала посланника Ван Ихун в Цзегу. В семнадцатый год Чжэнгуана (643) династии Тан енисейские кыргызы направили посланников в Китай династии Тан. Изображения их лиц и одежды были зафиксированы в «Ван Хуэйту», а также географические условия обитания енисейских кыргызов и их обычаи были записаны в «Ван Хуэйбянь». После уничтожения каганата Сыртардуш (Сюеяньто), который господствовал в Северных степях после Тюркского каганата, в девятнадцатый год Чжэнгуана (645) династии Тан, главы племен Телы (Теле) из Северных степей пришли в Китай, встретились с императором Тайцзун династии Тан и установили прямые связи с династией Тан.

В 648 году (в период от 29 февраля до 28 марта) сылифа (iltebir, eltebir (эльтебер)) Цзегу Шибара Ачан, прибыл в Китай династии Тан, где император Тайцзун организовал для него торжественный прием, учредил его земли как Цзянькунский тутуфу (префектура), назначил Шибара Ачан на должность генерального военного комиссара правого гарнизона и тутука (правителя, Дуду) Цзянькуна. После этого Цзегу был переименован в Цзянькун. После «Аньши-чжилуань» (Ань-Лушанского восстания) в династии Тан начался упадок, а на Северных степях возвысились Уйгуры, из-за которых были разорваны связи Цзянькуна и династии Тан. В пятый год Кайчэн (840) Уйгурский каганат был разрушен, и династия Тан узнала из дипломатического письма Уйгур, что они были побеждены Сяцзясы (енисейскими кыргызами). Термин «Сяцзясы» был переведен из уйгурского языка и был ближе к произношению слова «Qırqız» (кыргыз). Во втором месяце (в период от 5 марта до 3 апреля) третьего года правления Хуэйчан (843) после почти столетнего разрыва связей Сяцзясы – енисейские кыргызы послали посланника в Чаньань, где он был встречен с высокими почестями династией Тан. Зайсан Ли Дэюй, пришел в резиденцию для гостей, чтобы поприветствовать посланника, высокопоставленные чиновники Вэй Цзунцин и Люй Шу тоже прибыли в резиденцию для гостей, чтобы узнать о ситуации в стране Сяцзясы (кыргызов), сопоставили рассказ посланника о ситуации в своей стране с предыдущими записями династии Тан, восполнили недостатки и пояснили причины. В хронике династии Тан также нарисовали образ, одежду (посланников Сяцзясы – енисейских кыргызов) и уникальные обычаи страны Сяцзясы (кыргызов) и в итоге составили иллюстрированное произведение «Сяцзясы Чаогунтучжуань». В том году, когда Ли Дэюй и император династии Тан У-Цзун обсуждали, какой назначить титул кагану енисейских кыргызов, они основывались на «Гуцзинь цзюньгу сяньдао сыи шу» (вкратце «Хуайи шу») Цзя Дана и определили название страны как Сяцзясы.

Части «Тундянь» (Общие правила), «Тан Хуэйяо» (Свод законов и установлений династии Тан), «Тайпин Хуаньюй Цзи» (Географический атлас эпохи Тайпин), «Цэфу Юйгу» (Великий сборник важнейших записей) и «Синь Таншу» (Новая история династии Тан), касающиеся Цзянькуна, Цзегу и Сяцзясы, являются важными историческими материалами для изучения истории и культуры енисейских кыргызов в период династии Тан. Цзен Чжунмянь, Лун Хуэйчжу, Ли Цзиньсюй и другие исследователи провели значимые источниковедческие исследования, в которых были выявлены источники исторических материалов о Цзянькуна, Цзегу и Сяцзясы в вышеупомянутых документах. По публикациям этих исследователей можно узнать, что «Ван Хуэйбянь» времён Чжэнгуана императора Тайцзуна династии Тан, «Записи о Западных Регионах» («Сиюйцзи») Гай Цзяюна времён Кайюана (713-741) и Тяньбао (742-756) императора Сюаньцзуна династии Тан, «Свод записей о китайцах и варварах» («Хуа И Шу») конца Чжэньюна (785-805) императора Дэцзуна династии Тан и «Сяцзясы Чаогунтучжуань» времён Хуэйчан (841-850) являются основными источниками специальных разделов о Цзянькуне, Цзегу и Сяцзясы в документах династий Тан и Сун. Сортировка исторических материалов, появляющихся в документах династий Тан и Сун под названиями «Цзянькун», «Цзегу» и «Сяцзясы», по их названиям поможет нам дать понять отношения между этими историческими материалами и исторический контекст их создания. А также поможет нам систематически и точно использовать эти исторические материалы для дальнейших исследований. На основе предшествующих исследований мы обобщаем и описываем источники исторических материалов о Цзянькуна, Цзегу и Сяцзясы следующим образом:

I. Источник исторических материалов о Цзянькунь. Запись о Цзянькунь в «Тундянь» в основном отражает местоположение, население и экономику скотоводства и животноводства Цзянькунь в период Троецарствия (около 220-280 годов), и основана на «Вэйлюэ: Записки о западных народах: Страна Цзянькунь», написанной Юй Ши в конце периода Вэй и начале периода Цзинь (около второй половины III века). «Вэйлюэ: Записки о западных народах» Юй Ши была утеряна и не сохранилась, но благодаря тому, что Пэй Сунчжи привел содержание этой книги в своих комментариях на «Саньгочжи» («Записки о Троецарствии»), часть ее содержания была сохранена (см. содержание «Вэйлюэ: Записки о западных народах», приведенное Пэй Сунчжи в комментариях на «Саньгочжи: Записки о Ухань, Сяньби и Восточных варварах»).

В отношении Цзянькунь в Танской династии, хотя «Тайпин Хуаньюйцзи», «Цэфу Юаньгуй» и «Синь Таншу» не имеют специальных

разделов, но некоторые исторические материалы в них являются чрезвычайно ценными для исследования отношений между Цзянькунь (енисейскими кыргызами) и Танской династией. Например, «Цэфу Юаньгуй» записывает ситуации, когда послы Цзянькунь приезжали в Танскую династию во время Шанюань (674-676) императора Гао-цзун, во время Цзинлун (707-710) императора Чжунцзуна, и во время Кайюань (713-741) и Тяньбао (742-756) императора Сюаньцзуна; записи в «Тайпин Хуаньюйцзи» о посланниках Цзянькунь, которые приехали в четвертый год Юнхуэй (653) императора Гао-цзуна для подачи даров, и заявили, что «в стране много китайцев», и о том, как император Гао-цзун отправил людей с деньгами и шелковыми тканями в Цзянькунь для выкупа людей, являются редкими записями, отражающими ситуацию, когда китайцы попали в Цзянькунь во время войн и сепаратизма в конце Суй и начале Тан.

Запись в «Синь Таншу» о том, что в середине Цзинлун (708) император Чжунцзун «пригласил посланника (енисейских кыргызов) и сказал на банкете: «Ваша страна и наша имеют общее происхождение, и это несравнимо с другими соседними народами». Он предложил ему выпить, и посланник кивнул головой». Запись в «Цэфу Юаньгуй» о том, что «в двенадцатом месяце второго года Цзинлун (708), в день биншэнь (23-января), посланник Цзянькунь (енисейских кыргызов) был приглашен на банкет в зал Лян И Дянь, и император выразил свое соболезнование по поводу смерти в его стране». Эти записи отражают содержание и некоторые детали деятельности посланника енисейских кыргызов в Китае при династии Тан. Эти исторические сведения являются конкретными и, возможно, основаны на фактических записях (шилун) императора Чжунцзуна. Запись о том, что в феврале шестого года Кайюань (718) была проведена масштабная военная операция северного похода против Туцзюе (тюрков) с участием войск многих народностей (включая Цзянькунь -енисейских кыргызов) и китайских войск, приведенная в той же книге, происходит из «Чжэн Туцзюе Чжи» («Указ о походе против Туцзюе») императора Сюаньцзуна.

II. Источники исторических материалов о Цзегу.

Записи о Цзегу в основном содержатся в «Тундянь», «Танхуэйяо» и «Цэфу Юаньгуй». Часть сведений о Цзегу в «Тундянь» происходит от «Ван Хуэйбянь», и включает в себя описание местоположения Цзегу (енисейских кыргызов), сведения о военнотружущих и населении, природных условиях, физических характеристиках, одежде, питании, жилище, транспорте, обычаях, погребальных традициях, и о природных ресурсах. Описание местных условий и обычаев Цзегу в «Танхуэйяо» в целом совпадает с «Тундянь», но текст сокращен почти вдвое, и имеет высо-

кую степень совпадения с содержанием тома 958, имеющего название «Часть о внешних чиновников и странах Цзегу» и тома 961 с названием «Часть о внешних чиновников и местных обычаях Цзегу» из произведения «Цэфу Юаньгуй» (версия Минской династии). Он больше похож на сокращенный и объединенный вариант этих двух частей. Поскольку в распространенной версии «Танхуэйяо» есть части, дополненные и написанные последующими поколениями, не исключается возможность, что содержание о местных условиях и обычаях енисейских кыргызов в «Танхуэйяо» взято из «Цэфу Юаньгу». Часть о Цзегу в «Цэфу Юаньгу» берет материалы из «Ван хуэйбянь» и официальных записок императора Тай-цзуна династии Тан. Можно сказать, что соответствующая часть «Танхуэйяо» косвенно происходит из «Ванхуэй Пянь» и официальных записок (шилун) императора Тайцзуна династии Тан. Остальное содержание «Танхуэйяо» берет материалы из «Си Юйцзи», «Сяцзясы Чаогунтучжуань», официальных записок (шилун) императоров Тай-цзуна, У-цзуна и других, а также «Указа императора У-цзуна о признании Сяцзясы каганом», «Приказа императора Сюаньцзуна о коллективном обсуждении и учреждении Сяцзясы» (предполагаемое название) и соответствующих записей «Истории Суй • Теле».

III. Источники исторических материалов о Сяцзясы.

«Тайпин Хуаньюйцзи» и «Синь Таншу» содержат специальные разделы о Сяцзясы (енисейских кыргызах). В них представлено описание одежды, питания, жилища, транспорта, географических условий обитания, обычаев и природных ресурсов. Сведения о енисейских кыргызах, которые обозначены как Сяцзясы, в этих двух книгах являются детальными, занимают большой объем, и в основном происходят из «Сяцзясы Чаогунтучжуань», одновременно цитируя соответствующие содержания из «Ван хуэйбянь» и «Танхуэйяо». В частности, для истории до династии Тан, они используют соответствующие из «Ханьшу • Хунну чжуань» («История династии Хан • Записи о Хунну») и «Суйшу • Теле чжуань» («История династии Суй • Записи о Теле»). Исторические материалы периода династии Тан в основном берут из первоисточников, таких как «Ван хуэйбянь», «Сиюй цзи», «Хуанхуа Сыда Цзи» («Записки о четырех направлениях императорской власти») и «Хуа И Шу» («Описание цивилизованных и варварских стран») автора Цзя Дан, и официальных записок (шилун) императоров. Сведения об енисейских кыргызах в «Цэфу Юаньгуй» можно найти в общем предисловии, а также в разделах о назначении титулов, покорности и приношения, о дружественных отношениях, военной готовности, неподчинении, заслугах и т.д. Из «Части о внешних чиновниках» записи о покор-

ности и приношения в период Хуйчан и Дачун (847-860) годы, и о военных действиях в период Дашун (890-891) годы, вероятно, берут материалы из императорских указов, официальных записок (шилун) императоров, государственных исторических записок «Цзю Таншу» («Старая история династии Тан») и других первоисточников, которые могут взаимно дополнять и корректировать соответствующие записи в «Синь Таншу» и «Цзю Таншу» («Новая и старая истории династии Тан»), «Цзы Чжи Тун Цзянь» («Всеобъемлющий зеркало для помощи в управлении государством»), «Тундянь» («Общий кодекс»), «Танхуэйяо» и в других документах династии Тан и Сун.

В заключение, источники исторических материалов о Цзегу, Цзянькунь и Сяцзясы (енисейских кыргызах) в династии Тан, представленные в «Тундянь», «Танхуэйяо» («Важнейшие сведения о династии Тан»), «Тайпин Хуаньюй Цзи» («Записки о вселенной и географии в эпоха Тайпин»), «Цэфу Юаньгуй» («Основы и основания имперского правления») и «Синь Таншу» («Новая история династии Тан»), являются сложными (неоднородными). На основании имеющихся знаний, они в основном берут материалы из «Ван хуэйбянь» времен правления Чжэнгуана, «Сиюйцзи» Гай Цзяюна времен правления Кайюана и Тяньбао, «Хуа И Шу» и «Хуанхуа Сиды Цзи» Цзя Дана, «Сяцзясы Чаогунтучжуань» Вэй Цзунцина и Лю Шу времен правления Хуйчанга, и официальных записок (шилун) императоров Тай-цзуна, Гао-зуна, Чжун-цзуна, Сюань-цзуна, У-цзуна и других, императорских указах Сюань-цзуна, У-цзуна, Сюань-цзуна, государственных исторических записок и других первоисточников.

Из составления раздела о Цзегу в «Танхуэйяо» и разделов о Сяцзясы в «Тайпин Хуаньюй Цзи» и «Синь Таншу» несложно видеть, что люди династии Тан уже знали, что Цзянькунь при династии Хань был предком Цзегу, поэтому после 22-го года правления Чжэнгуана Цзегу был переименован в Цзянькунь. До конца правления Чжэньюана, Сяцзясы, как другая транслитерация Цзянькунья, уже появился в «Хуа И Шу» Цзя Дана. В период Хуйчанга люди династии Тан уже четко понимали, что Цзянькунь, Цзегу, Хэгу (зы), Хэгэсы, Цзяцзясы, Сяцзясы были различными транслитерациями слова Qirqiz (кыргыз), все они означают один и тот же народ, проживавший на Енисее.

Таким образом, в этих трёх книгах упоминания о «Цзянькунь», «Цзегу» и «Сяцзясы» часто чередуются, их содержание смешано и даже лишено логичности. Поэтому при использова-

нии этих исторических источников важно точно определить, какой исторический период и временные характеристики отражены в таких различных названиях, как «Цзянькунь», «Цзегу» и «Сяцзясы». Это особенно важно для изучения различных этапов истории енисейских кыргызов до периода династии Сун (X век).

В заключение, источники исторических материалов о Цзегу, Цзянькунь и Сяцзясы (енисейских кыргызах) в династии Тан, представленные в «Тундянь», «Танхуэйяо» («Важнейшие сведения о династии Тан»), «Тайпин Хуаньюй Цзи» («Записки о вселенной и географии в эпоха Тайпин»), «Цэфу Юаньгуй» («Основы и основания имперского правления») и «Синь Таншу» («Новая история династии Тан»), являются сложными (неоднородными). На основании имеющихся знаний, они в основном берут материалы из «Ван хуэйбянь» времен правления Чжэнгуана, «Сиюйцзи» Гай Цзяюна времен правления Кайюана и Тяньбао, «Хуа И Шу» и «Хуанхуа Сиды Цзи» Цзя Дана, «Сяцзясы Чаогунтучжуань» Вэй Цзунцина и Лю Шу времен правления Хуйчанга, и официальных записок (шилун) императоров Тай-цзуна, Гао-зуна, Чжун-цзуна, Сюань-цзуна, У-цзуна и других, императорских указах Сюань-цзуна, У-цзуна, Сюань-цзуна, государственных исторических записок и других первоисточников.

Из составления раздела о Цзегу в «Танхуэйяо» и разделов о Сяцзясы в «Тайпин Хуаньюй Цзи» и «Синь Таншу» несложно видеть, что люди династии Тан уже знали, что Цзянькунь при династии Хань был предком Цзегу, поэтому после 22-го года правления Чжэнгуана Цзегу был переименован в Цзянькунь. До конца правления Чжэньюана, Сяцзясы, как другая транслитерация Цзянькунья, уже появился в «Хуа И Шу» Цзя Дана. В период Хуйчанга люди династии Тан уже четко понимали, что Цзянькунь, Цзегу, Хэгу (зы), Хэгэсы, Цзяцзясы, Сяцзясы были различными транслитерациями слова Qirqiz (кыргыз), все они означают один и тот же народ, проживавший на Енисее.

Таким образом, в этих трёх книгах упоминания о «Цзянькунь», «Цзегу» и «Сяцзясы» часто чередуются, их содержание смешано и даже лишено логичности. Поэтому при использовании этих исторических источников важно точно определить, какой исторический период и временные характеристики отражены в таких различных названиях, как «Цзянькунь», «Цзегу» и «Сяцзясы». Это особенно важно для изучения различных этапов истории енисейских кыргызов до периода династии Сун (X век).

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

От XVIII века историческая наука получила, в части публикации источников, документальные приложения к «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера и издание «Древней Российской Вивлиофики» Н. И. Новикова, где имелся архивный материал по истории Сибири. В XIX в. эта работа была продолжена. В статье предпринята попытка выявить из общесибирского материала, опубликованного в первой половине XIX века, те источники, в которых имеются сведения по Хакасско-Минусинскому краю до и после присоединения к России.

Ключевые слова: Археографическая комиссия, М. Н. Баккаревич, Г. И. Спасский, Сибирь.

V. K. Chertykov

Khakass Research Institute for
Language, Literature, and History (Abakan, Russia)

PUBLICATION OF SOURCES FOR THE HISTORY OF THE KHAKASS- MINUSINSK REGION IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

From the 18th century, historical science received, in terms of publishing sources, documentary appendices to “History of Siberia” by G.F. Miller and the publication of “Ancient Russian Vivliofika” by N. I. Novikov, which contains archival material on the history of Siberia. In the 19th century, this work has been continued. The article attempts to identify, in the Siberian-wide material published in the first half of the 19th century, the sources that contain information on the Khakass-Minusinsk Region before and after accession to Russia.

Keywords: Archaeographic Commission, M. N. Bakkarevich, G. I. Spassky, Siberia.

В первой половине XIX в. в число источников по истории Сибири начинают входить статистические описания. В начале правления Александр I принял решение о проведении реформы управления Сибири. Для этого требовалось собрать все доступные сведения об этом обширном крае. Составителем и редактором издания назначили чиновника Министерства внутренних дел Михаила Никитича Баккаревича (1775–1819). Этот коллективный труд, получивший название «Статистическое обозрение Сибири», был завершен в 1803 г. Однако, в 1804 г. в результате разукрупнения сибирских губерний Тобольская губерния разделилась на Тобольскую и Томскую, ввелось новое разделение Иркутской губернии на уезды, произошли некоторые частные изменения в управлении губерниями [Баккаревич, 1810: XVIII–XIX]. Поэтому книгу пришлось перерабатывать и ее издание затянулось на неопределенное время.

Тем временем М. Н. Баккаревич стал редактором «Санкт-Петербургского журнала» – ежемесячного издания Министерства внутренних дел (журнал выходил в 1804–1809 гг.). Он решил издать в журнале часть накопленного материала и в 1806 г. в семи номерах журнала опубликовал статьи под общим названием «Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих». М. Н. Баккаревич пояснил, что «статья сия извлечена из Статистического Обозрения Сибири, сочиненного при Департаменте Внутренних дел по особенному поручению Начальства» [Баккаревич 1806-

а: 105]. Статья, представлявшая собой компиляцию из ранее изданных трудов о народах Сибири, имела целью дать жителям европейской части России некоторые сведения о проживающих в Сибири народах – о языке, местах обитания, о внешнем виде, о верованиях, роде занятий, свойствах характера, одежде, и т. п. Автор много позаимствовал из труда И.-Г. Георги – манеру изложения, классификацию народов по языковому признаку и др.

Все народы Сибири разделены им на русских и ясашных. Русские, в свою очередь, распределены на шесть статей или классов: 1. Сибирские козаки, которые имеют разные наименования, в зависимости от места проживания: тобольские, березовские, обдорские, якутские и др.; 2. Государственные крестьяне; 3. Ямщики, которых по пятой ревизии (1795 г.) насчитывалось 13999 душ; 4. Ссылные; 5. Малолетки и поселенные солдаты; 6. Чиновники, духовные лица, купцы, мещане, промышленники, регулярные войска, там расположенные, и вообще все те, кто не принадлежит к предыдущим пяти классам [Баккаревич 1806-б].

Ясашных или коренных обитателей Сибири автор разделяет на пять классов, в зависимости от «родовой или поколенной между ними связи, усматриваемой из некоторого сходства их обычаев, языка и образа жизни» [Баккаревич, 1806-в: 97]. В первый класс включены народы финского происхождения (пермяки, зыряне, вотяки, черемисы, тептери, вогуличи, остяки);

во второй класс – татарского; в третий – монгольского (буряты, калмыки, собственно так называемые монголы); в четвертый – маньчжурского происхождения (маньчжуры и тунгусы). В пятый класс помещены народы неизвестного происхождения. К ним причислены: самоеды (европейские и сибирские), юкагиры, камчадалы, которые называют себя ительменами и вообще народы, большая часть которых населяла восточную окраину Сибири с прилегающими к ней островами (коряки, чукчи, курильцы, алеуты).

К самоедам автор причисляет следующие небольшие роды: 1) Койбалы, 2) Карагассы, 3) Сойоты и Муторы, 4) Тубинцы, 5) Камачинцы, 6) Юраки, 7) Енисейские Остяки, и 8) соплеменные им Аринцы, наконец, 9) и 10) Азанцы и Котовцы. Эти небольшие роды (орды), считает он, вероятно, одного происхождения: они во всем почти между собой сходны, за исключением того, что некоторые из них говорят особым своим языком, совершенно от других языков отличным.

Из сибирских татар выделяются: I. Собственно так называемые Татары. «Главнейшие роды или Орды» их следующие: 1) Туралинцы (жившие по р. Туре – В. Ч.), 2) Тобольские, 3) Томские, 4) Обские татары, 5) Барабинцы, 6) Чулымские и 7) Качинские татары, 8) Телеуты или Теленгуты, 9) Кистимские и Тулиберские татары, 10) Абинцы, 11) Верхотомские и Саянские (сагайские – В. Ч.) татары, 12) Бирюсы, и, наконец, 13) Бельтиры [Баккаревич, 1806-в: 91]. Кроме этих многочисленных групп есть несколько мелких поколений татар, известных под именем Красноярских и Кузнецких татар, численность которых определить невозможно. II. Башкирцы. III. Мещеряки. IV. Бухарцы. V. Киргизцы или Киргиз-Кайсаки. VI. Якуты.

Автор, не раскрывая источников своих познаний, писал, что татары поселились в Сибири в XIII в. и «простерли владычество свое от реки Урала до Оби, и основали Царство, известное под именем Туранского, которое покорено России в XVI столетии». Многие из них переселились за Урал по разорении Казанского царства. Наконец, между сибирскими татарами есть и такие, которые считают себя коренными обитателями этой страны [Баккаревич 1806-г: 85].

«Статистическое обозрение Сибири» было опубликовано только в 1810 г. По структуре это издание стало довольно громоздким – оно состояло из двух частей, делившихся на «статьи». Статьи, в свою очередь, состояли из «отделений». В первой части, носившей название «Естественное состояние Сибири», дано описание морей, гор, рек, степей, озёр, «царства ископаемых», животного и растительного мира; хозяйственные занятия (хлебопашество, скотоводство, звероловство) и др. Вторая часть «Нравственное и гражданское или политическое состояние Сибири» описывала народы, обитающие в Сибири (русское и яса-

ное население). Вторая статья второй части носила название «Нынешнее гражданское устройство Сибири. Разделение губерний. Города».

Под Сибирью автор подразумевал все пространство земель «от Уральского хребта на Восток лежащих, Китаю и самой Америке сопредельных» [Баккаревич 1810: 1]. Сведения о народах, обитающих в Сибири, М. Н. Баккаревич опубликовал еще в 1806 г. в «Санкт-Петербургском журнале», о чем было уже сказано. Классификация народов Сибири проведена им по языковому признаку. Кызыльцы, качинцы, верхотомцы, сагайцы, бельтиры, бирюсы были отнесены к народам татарского племени. Койбалы, камасинцы, аринцы и котовцы оказались в составе самоедов (самодийцев).

В «Обзрении» обнаружилось много погрешностей. Это было связано с тем, что М. Н. Баккаревич не имел соответствующей подготовки и писал с чужих трудов, без должной критики.

Подобные публикации, касающиеся жителей Сибири, были большой редкостью и носили случайный характер, до возвращения из Сибири в Петербург горного инженера Г. И. Спасского. Он возобновил источниковедческие поиски, заложенные еще Г. Ф. Миллером. В Сибири Г. И. Спасский собрал огромный фактический материал по языку и этнографии коренных народов края. Это обстоятельство послужило поводом для основания специального журнала «Сибирский вестник» (1818–1824), переименованный позже в «Азиатский вестник» (1825–1827). Это было первое в России периодическое издание по Сибири.

Каждая книжка «Сибирского вестника» содержала ценный материал. Г. И. Спасский печатал: старые летописи и другие памятники сибирской истории; описание местных древностей; путешествия по разным местам Сибири с подробными описаниями поселений, сведениями по естественной истории, с обозначением местных промыслов, народного быта; рассказы о сибирских нравах и обычаях; статьи о народах Сибири; описания соседних азиатских земель. В «Сибирском вестнике» и отдельными изданиями им напечатаны летописи Строгановская и Саввы Есипова, отрывки из летописи Черепанова, путешествие в Китай казака Ивана Петлина в 1620 г. (из Томска через Хакасию, Туву и кочевья алтын-хана Шолоя Убаши-хунтайджи – В. Ч.), другое путешествие туда же тобольского сына боярского Федора Байкова в 1654–1658 гг. [Пыпин, 1892: 351–352].

В первых двух книжках «Сибирского вестника» за 1818 г. и одной за 1819 г. был опубликован составленный им обзор: «Народы, кочующие в верху реки Енисея», посвященный жизни и быту хакасов [Спасский, 1818-а; Спасский, 1818-б; Спасский, 1819]. Он изучил и описал практически все стороны жизни хакасов – хозяй-

ственные занятия, нравы, верования, семейно-бытовые обряды и др.

Спасский первым из исследователей указал, что китайские сойоты (тувинцы) по языку являются не самоедами, как считали до него, а татарами (тюрками). В 1806 г. на р. Июсе он встретился с двумя сойотами и составил словарь их языка, который оказался татарским [Спасский, 1819: 14].

Большую работу по сбору и публикации письменных источников по истории России, в том числе и по Сибири, проводила Археографическая комиссия. История ее создания такова. В конце 1828 г. по инициативе Павла Михайловича Строева (1796–1876) была основана Археографическая экспедиция для сбора и обработки письменных источников по истории России. Работа экспедиции продолжалась около 6 лет (1829–1834). В 1834 г., уже по прекращении работы экспедиции, П. М. Строев представил Академии наук отчет о работе. «Археографическая Экспедиция, – сообщал он, прежде всего, – успела собрать (в десяти фолиантах) списки до трех тысяч Актов Историко-юридических (с 1340 по 1700 год)». Огромная масса других источников, объединенных Строевым под общим термином «писания» и включавшая летописи, повести и сказания, послания, переписки и пр., была отражена в специальных описаниях, составлявших не менее обширные портфели.

В 1834 г. для реализации собранных материалов и развития дальнейшей систематической работы в области археографии Археографическая экспедиция была преобразована в Археографическую комиссию.

Практическая работа Археографической комиссии началась с 1837 г. и развернулась в двух направлениях: по изданию русских летописей и по изданию актов. Значительна была работа по публикации актового материала. Она началась публикацией четырех томов «Актов Археографической экспедиции» с 1838 г. Вслед за тем в 1841–1842 гг. изданы «Акты исторические» в числе 5 томов, за которыми с 1842 г. последовали 12 томов «Дополнений к Актам историческим» и, наконец, «Акты юридические» [Рубинштейн 2008: 248–250].

По высочайше утвержденным правилам 1837 г. для руководства Археографической комиссии в круг ее занятий входила публикация памятников с древнейших времен до конца XVII в., поэтому «Акты исторические» и «Дополнения» к ним завершались 1700-м годом.

«Акты исторические» составились из тех материалов, которые были присланы из разных губерний России. Материалов по истории Хакасско-Минусинского края XVII в. (Томский, Красноярский, Кузнецкий уезды) в этом издании очень мало. Это было связано с тем, что Томский архив сгорел в 1770 г., Красноярский – в 1777 г. В 3, 4, и 5-м томах имеются незначительные

сведения о царских указах кузнецким воеводам [Акты исторические... 1841: 372, 374, 379–389; Акты исторические... 1842-а: 53, 58–60; Акты исторические... 1842-б: 165–167]

Затем была проведена большая работа по сбору и публикации документов по истории Сибири, в рамках которой исследовались копии с архивных дел, собранные Миллером в 1733–1743 гг. Комиссия решила опубликовать их, начиная со второго тома «Дополнений к Актам историческим» (1846). Третий, четвертый и пятый тома издания имели специальный сибирский характер. При всем изобилии сибирского материала, сведений по истории Хакасско-Минусинского края крайне мало. В 3-м томе имеется только один документ под 1652 г. под названием: «Отписка красноярского воеводы Михаила Скрябина томскому воеводе Никифору Нащокину, о нашествии монгольского Алтына царя на Тубинскую волость» [Дополнения к Актам историческим... 1848: 379–385]. В 4-м томе напечатаны два документа по Красноярскому уезду [Дополнения к Актам..., 1851: 178–183, 318–320], в 5-м – один: «Акты о вторжении киргизов в Томский и Красноярский уезды и о возмущении тамошних татар» (1665–1666 гг.) [Дополнения к Актам..., 1855: 39–44].

Издание «Актов» и «Дополнений» следует считать третьим (после изданий Г. Ф. Миллера и Г. И. Спасского) поворотным пунктом в источниковедении Сибири. Эти издания сделали доступным для исследователей материал по истории Сибири.

Расширению круга актовых материалов способствовали также публикации общего характера: «Собрание государственных грамот и договоров» (1819–1828) и «Полное собрание законов Российской империи» в 45 т. (1830–1839).

Второе статистическое описание Сибири (в 3-х частях) вышло спустя 40 с лишним лет под авторством Юлиа Андреевича Гагемейстера (нем. August Heinrich Anton Julius von Hagemester) (1806–1878). Этот коллективный труд был создан по указанию Николая I. Ю. А. Гагемейстер был высокопоставленным чиновником Министерства финансов, видным ученым-экономистом (член-корреспондент АН) и членом Русского географического общества.

Первая часть «Описания» характеризует природу, климат, ресурсы (полезные ископаемые, растительный и животный мир); вторая – народонаселение, скотоводство и земледелие, ремесло и промышленность, торговлю и пути сообщения; третья часть содержит историю и управление Сибири. В работе над «Описанием» был привлечен огромный фактический материал – это русская и иностранная литература о Сибири, сведения из правительственных архивов, прежде всего ежегодные отчеты губернаторов, данные переписей и ревизий разных лет.

Нас интересуют сведения о Минусинском и Ачинском округах Енисейской губернии, где жили хакасы. В первой части «Описания» даются сведения о горнорудной промышленности региона. Близ устья Тубы существовал казенный железоделательный завод, откуда железо доставлялось на Алтайские заводы. С открытием железного производства в Кузнецком уезде Ирбинский завод в 1771 г. был передан в частные руки. Из-за понесенных убытков завод закрылся в 1832 г. при последнем владельце, купце Патюкове [Гагемейстер 1854-а: 250]. На правой же стороне Енисея в 1839 г. был пущен в ход Лугазский завод, который получал медную руду из Базинского, пяти Сыринских, Маинского и др. рудников. Много работников было выписано из уральских заводов. Рабочие нарочно завалили Маинский рудник, «чтобы избавиться от жизни в месте, столь диком и уединенном» и предприятие стало убыточным. Надежды рабочих на возвращение домой не оправдались. Они были переведены еще дальше на восток, в Нерчинский округ. Другие медные рудники были открыты частными лицами по горам «провожающих реки Белый Юс, Кариш и Енисей». Из-за обеднения рудных жил предприятие потерпело неудачу. Но впоследствии работы возобновились и в 1833 г., 12 из этих приисков находились во владении купца Родионова [Гагемейстер 1854-а: 238-239].

Золотые россыпи по притокам Черного Юса в Ачинском округе были большей частью открыты между 1832 и 1834 гг. В 1852 г. на золотых приисках числилось 742 рабочих [Гагемейстер, 1854-а: 202]. Соль в Минусинском округе добывалась казной из озера Степного или Билю, находящегося на правой стороне Белого Юса. С 1772 по 1812 г. садка прекратилась, но затем соль появилась снова. Соль временами извлекалась из соленых озер, находившихся недалеко от Билю [Гагемейстер 1854-а: 263].

Во второй части «Описания» даются сведения о численности хакасов, которые по гражданскому управлению разделялись на четыре поколения: качинцев, сагайцев, койбалов и кизильцев. В 1830 г. Особая ясачная комиссия получила следующие сведения об их численности: койбалов – 635 мужского пола, 495 жен. пола; качин-

цев – 3 460 м. п., 3 119 ж. п.; сагайцев – 3 897 м. п., 4 011 ж. п.; кизильцев – 2 282 м. п., 2 080 ж. п.; мелетских татар – 435 м. п., 341 ж. п. Итого: мужчин – 10 709 чел., женщин – 10 044. Всего: 20 753 чел. [Гагемейстер 1854-б: 35, 37]. Таким образом, к 1830 г. из хакасского населения самым многочисленным поколением стали сагайцы (правильнее – население Сагайской степной думы – В. Ч.).

В 3-й части «Описания» дается система управления, от низшего до высшего: волостное – окружное – губернское – главное. По реформе управления Сибири 1822 г. хакасы были причислены к кочевым инородцам и получили право на самоуправление. Высшим органом управления была Степная дума, состоявшая из родоначальника, избранных заседателей, число которых зависит от принятого обычая или от надобности, и от глав Инородных управ, «кои суть члены Степной Думы по званию своему». Степные думы «представляют общественные собрания, и ведают одни хозяйственные предметы, подобно Думам городским, а именно, на них возлагается: 1) народоисчисление, 2) раскладка сборов, 3) правильный учет всех сумм и общественного имущества, 4) распространение земледелия и народной промышленности, 5) ходатайство у высшего начальства о пользе родовичей» [Гагемейстер 1854-в: 56-57].

В состав Степной думы входили административные роды, возглавляемые Инородными управами во главе с князьками (башлыками). Предметы ведения инородных управ были более обширными: на них возлагались полицейские, судебные и хозяйственные функции.

Таким образом, в первой половине – середине XIX в. была проделана большая работа по поиску, обработке и изданию материалов по истории России, в том числе и по Сибири. К сожалению, в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним имеется мало материала по истории Хакасско-Минусинского края XVII в. По известным причинам не было публикаций актового материала по XVIII в. В публикациях имеется больше сведений по истории края первой половины XIX в. (издания Г. И. Спасского и «Описания» Сибири).

Список литературы

- Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. 1613–1645. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. III+565+8+15 с.
- Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. 1645–1676. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1842-а. III+565+8+15 с.
- Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1676–1700. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842-б. III+539+4+17 с.
- Баккаревич М. Н. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. 1806-а. № 2. С. 105–114.
- Баккаревич М. Н. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. 1806-б. № 3. С. 123–135.
- Баккаревич М. Н. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. 1806-в. № 4. С. 91–109.

Баккаревич М. Н. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. 1806-г. № 5. С. 85–109.

Баккаревич М. Н. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. 1806-д. № 6. С. 115–132.

Баккаревич М. Н. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. 1806-е. № 7. С. 92–108.

Баккаревич М. Н. Нечто о Сибири и народах, в ней обитающих // Санкт-Петербургский журнал. 1806-ж. № 8. С. 92–106.

Баккаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири, составленное статским советником Баккаревичем на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. Напечатано по Высочайшему повелению. СПб.: Тип. Шнора, 1810. XIX+384 с.

Гагемейстер Ю. А. Статистическое описание Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1854-а. Ч. I. Топография, климат, произведения. 364 с.

Гагемейстер Ю. А. Статистическое описание Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете... СПб.: Тип. II Отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1854-б. Ч. II. Народонаселение. 706 с.

Гагемейстер Ю. А. Статистическое описание Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете... СПб.: Тип. II Отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1854-в. Ч. III. Управление Сибири. 111 с.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. VII+539+7+7 с.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. VII+416+11+10 с.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1855. VII+510+10+7 с.

Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. Т. IV. Белоруссия и Сибирь. XII, 488 с.

Спасский Г. И. Народы кочующие в верху реки Енисея // Сибирский вестник. 1818-а. Ч. 1. С. 87-111.

Спасский Г. И. Народы кочующие в верху реки Енисея (продолжение) // Сибирский вестник. 1818-б. Ч. 2. С. 179–209.

Спасский Г. И. Народы кочующие в верху реки Енисея (продолжение) // Сибирский вестник. 1819. Ч. 5. С. 1–14.

Рубинштейн Н. Л. Русская историография / Под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. Изд. 2-е. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2008. 938 с.

